

ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ

XVIII

АЛЬМАНАХ

ISSN – 1407 – 0898

Обложка работы архимандрита Зинона

Редакционный совет

Наталья Большакова, главный редактор, Латвия
Священник Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*При перепечатке материалов
ссылка на альманах обязательна*

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2009

*Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом
и Сыном и Духом Святым,
Троицей единосущной
и Нераздельной. Аминь*

ПУТИ ДОБРА И ЗЛА

Мир, в котором мы живем, во все времена был отмечен насилием. Со времен грехопадения, отдалившего человека от Бога и искажившего человеческую природу, со времен первого братоубийцы Каина, – «мир во зле лежит».

Зло, существующее в мире не одно тысячелетие, представляет собой самый весомый аргумент в позиции атеистов; оно является камнем преткновения для людей, ищущих веры, «сомневающих-ся». Да и перед верующими каждый день встает вопрос, как реализовывать свое стремление жить по заповедям Божиим, каким образом решать проблему выбора «как поступить» в мире, где господствует закон насилия.

«Можно ли верить в Бога, если в мире присутствует зло? Почему Бог терпит зло? Почему страдают невинные люди, праведники, а убийцы, злодеи, нечестивцы зачастую торжествуют и не получают возмездия? Может быть, Бога просто нет, иначе как понять, что Он терпит такое?..»¹

«...Почему страдает человек? Как случилось, что он, венец Творения, образ и подобие Божие, словно бы обречен сеять зло, и испытывать на себе его удары?

...Как совместить благость Творца с тем, что совершается на Земле?»²

---

¹ Владимир Френкель. Бог и зло в современном мире. «Христианос-XVIII». Рига, 2009 г. С. 48.

² Прот. А. Мень. Тайна зла. «Христианос-XVIII». Рига, 2009 г. С. 60.

Минувший век – век геноцида, мировых войн, власти тоталитаризма – был беспрецедентным по числу человеческих жертв. В XX веке стало ясно, что человечество может уничтожить самое себя и все живое на земле. Да и за неполное десятилетие нынешнего века мы стали свидетелями продолжающегося разгула и бесстыдства зла, словно дьявола выпустили на свободу.

Но существует ли на самом деле зло, имеет ли оно собственную сущность или это искажение Божьего творения? Зло, бушующее в мире – безликое, или это личностное зло, то есть сатана?

Мнения на этот счет у философов, богословов, писателей, социологов, священников, размышляющих о проблеме зла – различны.

Конечно, происхождение зла остается для нас тайной, невозможно и иррациональной стихии зла дать рациональное объяснение.

«Объяснить зло, дать логически ясную теодицею – значит, сделать зло обоснованным. А оно необоснованно, как слепая стихия бунта, как темное стремление против света.

Христос учит нас не тому, как произошло зло в мире, а учит тому, как жить в мире, где есть зло. Он сказал: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир».

Вхождение Иисуса в мир было страданием само по себе, а не только крест, не только Голгофа. Христос сознавал роковые условия Своего соединения с человеческим бытием. И, когда человек, познавая истину, взывает: «Где Ты, создавший этот тяжкий мир?» Он отвечает: «Ведь этот мир таким создал ты, человек. Это ты поселил здесь ненависть, убийства, злобу, нетерпимость. Это ты топчешь свой собственный образ».³

Столько крови, как в минувшее столетие, не проливалось никогда. Известное вопрошание Теодора Адорно «Можно ли писать стихи после Освенцима?..» – не нуждается в комментариях. Вспоминается и другое выражение, которое поражает сильнее ницшеанского: «Бог умер в Освенциме...»

---

³ Прот. А. Мень. Почему нам трудно поверить в Бога? М., 2005 г. С. 168, 176.

Да, страдания и смерть в мире – это и Его страдания и смерть. «Бог распят в человеческом роде. Это Его ответ на наши страдания. Он страдает вместе с нами с тем, чтобы и нас всех вывести на свет из тьмы».⁴

Нам, порой, хотелось бы видимого торжества правды, так сказать, ее триумфального шествия. А нам предлагается *неуничтожимость*. «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его». «...Ведь не сказал евангелист: свет побеждает тьму. В Евангелии так не сказано, потому что иллюзий нет, тьма остается пока в этом мире. Но света уничтожить она не может. Свет неуничтожим, он светит во тьме».⁵

Так как же найти Бога, как верить в Него после Освенцима?..

Если возможно простить палача, и он принимает прощение от жертвы, – значит, Бог жив, Он – среди нас.⁶

XX век открыл человечеству и новый тип святости, и новый, неизвестный ранее, уровень богообщения. Там, где, казалось бы, можно разувериться в самом существовании Бога имеющему веру в Него, – Его открывает, обнаруживает в себе тот, кто в нормальных условиях не относил себя к верующим, жил, не беря «в расчет Бога, не оглядываясь на Его заповеди». Или это Бог открывает Себя там, где ад, где нет возможности выжить человеку, «не то что – Богу». И человек в этом аду хочет помочь Богу «выжить», дает Ему прибежище в своем сердце – вот новый подвиг веры, требующий «нечеловеческих» усилий. «Спасение Бога» – крамольная мысль с точки зрения догматического богословия, но, когда сатана вытесняет Бога из жизни мира, то только человек может «спасти Бога» своей к Нему любовью, дав Ему место в своей душе, а, стало быть, в мире, тем самым, спасая мир от небытия. Там, где душа должна была бы разрушиться от зрелища невообразимых страданий и унижений, она обретает полноту зрелости.

⁴ Там же. С. 179.

⁵ Прот. А. Мень. Цит. по «Христианос-ХV». Рига, 2006 г. С. 195–196.

⁶ См. Маити Гиртаннер. Фрагменты из книги «И у палачей есть душа». «Христианос-ХVIII». Рига, 2009 г. С. 193–200.

«Я помогу Тебе, Боже, не угаснуть во мне, но я ничего не могу обещать заранее. И все же, одно мне все яснее с каждым днем: Ты не можешь помочь нам, но мы можем помочь Тебе – и, помогая Тебе, мы поможем самим себе. Единственное, что мы можем спасти в наши дни, – и лишь это важно – немного Тебя внутри нас, Боже мой».⁷

Мы стоим на развилке путей. Один ведет в бездну мрака, в ничто, другой – в Царство Божье. Всегда можно выбрать путь Добра, путь Жизни. Даже в условиях лагеря, когда человека уже «списали» те, кто мнят себя хозяевами его жизни, богами... Этот выбор *всегда* остается за человеком.

Редакционный совет альманах «ХРИСТИАНОС»

---

⁷ Этти Хиллесум. Фрагменты из Дневника. «Христианос-ХVIII». Рига, 2009 г. С. 168.

**ПАМЯТИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II**

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II
23.02.1929 – 05.12.2008

5-го декабря 2008 г. в своей резиденции в Переделкино на 80-м году жизни скончался Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II.

Отпевание Святейшего Патриарха Алексия состоялось 9 декабря, в храме Христа Спасителя. Около 80 тысяч человек пришли к храму Христа Спасителя в Москве, чтобы попрощаться со Святейшим Патриархом. Он погребен в приделе Благовещения Пресвятой Богородицы Богоявленского (Елоховского) собора, где покоятся мощи его духовного покровителя – митрополита Московского Алексия, возглавлявшего Русскую Церковь в XIV веке.

Алексий II (в миру Алексей Михайлович Ридигер) – 15-й председатель РПЦ со времени введения в 1589 году патриаршества на Руси, был избран патриархом летом 1990 года на Поместном Соборе Русской Православной церкви.

Алексей Ридигер родился 23 февраля 1929 года в городе Таллине (Эстония) в глубоко верующей семье. Мать Алексея – Елена Иосифовна Писарева, уроженка Ревеля (Таллина). Его отец, Михаил Александрович Ридигер, уроженец Санкт-Петербурга, обучался в училище правоведения, гимназию окончил в эмиграции в Эстонии; был активным членом РСХД, участником съездов РСХД, несколько раз проходивших в Эстонии. В 1940 году М. Ридигер окончил трехгодичные Богословские курсы в Таллине и был рукоположен во диакона, а затем во иерея; в течение 16 лет был настоятелем храма Рождества Пресвятой Богородицы в Таллине; состоял членом, а позже и председателем епархиального совета. Скончался прот. Михаил Ридигер в 1962 г. Он был замеча-

тельным духовником, чада о. Михаила вспоминают, что после его смерти, никогда не было у них таких исповедей, такого духовного руководства, как при о. Михаиле.

Ежегодно совершая паломничества в Пюхтицкий Свято-Успенский женский монастырь (Эстония) и Псково-Печерский Свято-Успенский мужской монастырь (г. Печоры до 1940 г. принадлежал Эстонии), родители брали с собой сына. В конце 1930-х годов родители вместе с сыном совершили две паломнические поездки в Свято-Преображенский Валаамский монастырь на Ладожском озере (до конца 1939 г. остров Валаам принадлежал Финляндии), что во многом определило духовный путь Алексея.

Вот что Святейший Патриарх Алексей вспоминает из своего детства: «В шесть лет я разливал крещенскую воду в храме – это было первым моим послушанием – и твердо знал: стану священником и никем иным! К девяти годам я знал Литургию наизусть. В крохотной пристройке возле нашего дома мне удалось обустроить некое подобие церкви. Во всяком случае, мне точно казалось, что это «дом Божий», и никакой несерьезности по отношению к своей затее я не признавал. Даже икона там была у меня – почти настоящая. Свечи горели, ладаном пахло...

Хлеб убирал, картошку окучивал, в лес за грибами бегал. Позже увлекался мотогонками. Но мотоцикл был нашей семье не по бюджету, поэтому сам не гонял, зато болел на знаменитой таллинской трассе. Еще занимался греблей, даже разряд получил юношеский в спортобществе «Калев»... Любил играть в шахматы. Мяч гонял с ребятами. Правда, я в детстве часто болел ангиной, она дала осложнение на сердце, так что особо не побегаешь.

Говорят, когда я был мальчиком, валаамские старцы предсказали мою судьбу. Как-то раз игумен Харитон попросил меня поддержать свою митру и говорит: «Подержи покуда, Алешенька. Вырастешь и сам такую же будешь носить!»¹

---

¹ Из книги «Собиратель Русской Церкви», посвященной 40-летию архиерейского служения Святейшего патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

С раннего детства Алексей Ридигер прислуживал в церкви. Его духовным отцом был протоиерей Иоанн Богоявленский, впоследствии епископ Таллинский и Эстонский Исидор (ум. 1949). С пятнадцати лет Алексей был иподиаконом у архиепископа Таллинского и Эстонского Павла (Дмитровского; ум. 1946 г.), а затем и у епископа Исидора. Учился в русской средней школе в Таллине.

Святейший Патриарх вспоминает, что у него всегда была поддержка по Закону Божию. Семья была его крепостью и опорой и при выборе пути, и на протяжении всего священнического служения. Не только узы родства, но и узы душевной дружбы связывали его с родителями, все переживания они делили друг с другом...

В 1936 году таллинский Александро-Невский собор, прихожанами которого были родители будущего Первосвященителя, передали эстонскому приходу. История этого храма многострадальна: сразу же после провозглашения Эстонской республики в 1918 году началась кампания по ликвидации собора – собирали деньги «на снос церквей с русскими золотыми луковичами и будок русских богов» (православных часовен) даже в школах у детей.

Но против разрушения собора выступила общественность, русская и международная, а также Красный Крест. Потом поднялась новая волна: снести купола Александро-Невского собора, поставить шпиль и создать там «пантеон эстонской независимости». В архитектурном журнале были опубликованы иллюстрации: вид города без «русских лукович», но с «пантеоном эстонской независимости».

Эти иллюстрации сохранились у будущего Святейшего Патриарха Алексия и в свое время пригодились для спасения собора, когда власти уже советской Эстонии вознамерились переделать храм в планетарий (демонстрация намерений буржуазной власти относительно использования собора обескуражила и остановила советских правителей).

В 1936 году с куполов сняли позолоту. В таком виде собор существовал до войны. В 1945 году иподиакону Алексею было поручено подготовить к открытию Александро-Невский собор

города Таллина для возобновления в нем богослужений (собор в военное оккупационное время был закрыт).

С мая 1945 по октябрь 1946 года он был алтарником и ризничим собора. С 1946 года служил псаломщиком в Симеоновской, а с 1947 года – в Казанской церквях Таллина. В 1946 году Алексей Ридигер сдал экзамены в Ленинградскую духовную семинарию, но не был принят, поскольку ему в то время еще не исполнилось восемнадцати лет.

В следующем, 1947 году он был зачислен сразу на 3-й курс семинарии, которую окончил по первому разряду в 1949 году. Будучи на первом курсе Ленинградской духовной академии, 15 апреля 1950 года он был рукоположен во диакона, а 17 апреля 1950 года – во священника и назначен настоятелем Богоявленской церкви города Йыхви (Johvi) Таллинской епархии.

Три с лишним года он совмещал служение приходского священника с заочной учебой в академии. В 1953 году отец Алексей окончил духовную академию по первому разряду и был удостоен степени кандидата богословия за курсовое сочинение «Митрополит Московский Филарет (Дроздов) как догматист».

15 июля 1957 года отец Алексей был назначен настоятелем Успенского собора города Тарту (Юрьев) и в течение года совмещал служение в двух храмах. В Тарту он прослужил четыре года.

Тарту – университетский город, затихающий в летнее время и оживленный зимой, когда приезжают студенты. Святейший Патриарх сохранил добрую память о старой юрьевской университетской интеллигенции, которая активно участвовала в церковной жизни. Это была живая связь со старой Россией.

17 августа 1958 года отец Алексей был возведен в сан протоиерея. В 1959 году в праздник Преображения Господня умерла мать отца Алексия. Ей в жизни выпал трудный крест – быть женой и матерью священников в атеистическом государстве. Надежным прибежищем и утешением была молитва – каждый день Елена Иосифовна читала акафист перед иконой Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Отпевали матушку Елену Иосифовну в Тар-

ту, а похоронили в Таллине, на Александро-Невском кладбище – месте упокоения нескольких поколений ее предков. Отец с сыном остались вдвоем.

3 марта 1961 года в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры (тогда – г. Загорск, ныне – Сергиев Посад) протоиерей Алексей Ридигер принял монашеский постриг. Постановлением Священного Синода от 14 августа 1961 года иеромонаху Алексию было определено стать епископом Таллинским и Эстонским с поручением временного управления Рижской епархией.

21 августа 1961 года иеромонах Алексей был возведен в сан архимандрита. Это было нелегкое время – разгар хрущевских гонений. Советский вождь, пытаясь реанимировать революционный дух двадцатых годов, требовал буквального исполнения антирелигиозного законодательства 1929 года. Казалось, вернулись довоенные времена с их «пятилеткой безбожия». Правда, новое гонение на Православие кровавым не было – служителей Церкви и православных мирян не истребляли, как прежде, но газеты, радио и телевидение извергали потоки хулы и клеветы на веру и Церковь, а власти и «общественность» травили и преследовали христиан. По всей стране шло массовое закрытие храмов. Резко сократилось и без того малое число духовных учебных заведений.

В феврале 1960 года Святейший Патриарх Алексей I (Симанский) в своем выступлении на конференции советской общечеловечности за разоружение, через головы собравшихся в Кремле, обратился к миллионам православных христиан (конференция транслировалась по всесоюзному ТВ). Призывая их к стойкости перед лицом новых гонений, Святейший Патриарх сказал: «В таком положении Церкви есть и много утешительного для верных ее членов, ибо что могут значить все усилия человеческого разума против христианства, если двухтысячелетняя история его говорит сама за себя, если враждебные против него выпады предвидел Сам Христос и дал обетование непоколебимости Церкви, сказав, что “врата адовы не одолеют Ее!”».

В те трудные для Русской Церкви годы покидало этот мир старшее поколение епископов, начинавших свое служение в дореволюционной России, – исповедники, прошедшие Соловки и адские круги ГУЛАГа, архипастыри, уходившие в зарубежное изгнание и вернувшиеся на родину после войны... На смену им пришла плеяда молодых епископов, среди которых был и епископ Таллинский Алексей. Епископы эти, не видевшие Русскую Церковь в могуществе и славе, избрали путь служения Церкви гонимой, находившейся под гнетом безбожного государства. Власть изобретала все новые способы экономического и полицейского давления на Церковь, но неодолимой крепостью стала для нее верность православных Христовой заповеди: «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его» (Мф 6:33).

14 ноября 1961 года епископ Алексей назначен заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата. Уже в самом начале своего архиерейского служения молодой епископ столкнулся с решением местной власти о закрытии и передаче под дом отдыха Пюхтицкого Успенского монастыря. Однако ему удалось убедить советское начальство в невозможности для епископа начинать служение с закрытия обители. В начале 1962 года епископ Алексей привез в монастырь делегацию Евангелической Церкви Германии. В то время его отец лежал с инфарктом, но епископ должен был сопровождать иностранных гостей – ведь речь шла о спасении обители. Вскоре появились восторженные отзывы о Пюхтицком монастыре в газете *Neue Zeit*. Потом была еще одна делегация, третья, четвертая, пятая... И вопрос о закрытии обители был снят.

Вспоминая те годы, Святейший Патриарх Алексей говорил: «Одному Богу известно, сколько каждому из священнослужителей, оставшихся в Советской России, а не уехавших за рубеж, пришлось вынести... Мне довелось начать свое церковное служение в то время, когда за веру уже не расстреливали, но, сколько пришлось пережить, отстаивая интересы Церкви, будут судить Бог и история». За 25 лет епископского служения Владыки Алексия в Эстонии ему, с Божией помощью, многое удалось отстоять.

23 июня 1964 года епископ Алексей был возведен в сан архиепископа и в конце 1964 года назначен Управляющим делами Московской Патриархии и стал постоянным членом Священного Синода.

Святейший Патриарх вспоминает: «В течение девяти лет я был близок к Святейшему Патриарху Алексию I, личность которого оставила в моей душе глубокий след. В то время я занимал пост Управляющего делами Московской Патриархии, и Святейший Патриарх полностью доверял мне решение многих внутренних вопросов. На его долю выпали тяжелейшие испытания: революция, гонения, репрессии, потом, при Хрущеве, новые административные гонения и закрытие храмов. Скромность Святейшего Патриарха Алексия, его благородство, высокая духовность – все это оказывало на меня огромное влияние. Последнее богослужение, которое он совершил незадолго до своей кончины, было в 1970 году на Сретение.

В Патриаршей резиденции в Чистом переулке после его отъезда осталось Евангелие, раскрытое на словах: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром...»

25 февраля 1968 года архиепископ Алексей был возведен в сан митрополита.

С 10 марта 1970 года по 1 сентября 1986 года осуществлял общее руководство Пенсионным комитетом, задачей которого было пенсионное обеспечение духовенства и других лиц, работавших в церковных организациях, а также их вдов и сирот.

В 1984 году Владыке Алексию было присвоено звание доктора богословия. Трехтомный труд «Очерки по истории Православия в Эстонии» был представлен им на соискание степени магистра богословия, но Ученый Совет ЛДА единодушно решил, что, поскольку «диссертация по глубине исследования и по объему материала значительно превосходит традиционные критерии магистерской работы» и «в преддверии 1000-летия Крещения Руси этот труд может составить особую главу в исследовании об истории Русской Православной Церкви», то автор заслуживает более высокой ученой степени, чем та, на соискание которой он ее представил.

«Диссертация – всеобъемлющая работа по истории Православия в Эстонии, в ней собран огромный церковно-исторический материал, изложение и анализ событий соответствуют высоким критериям, предъявляемым к докторским диссертациям» – таким был вывод Совета. 12 апреля 1984 года состоялся торжественный акт вручения докторского креста митрополиту Таллинскому и Эстонскому Алексию.

29 июня 1986 года Владыка Алексей назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским с поручением управлять Таллинской епархией.

Правление нового архиерея стало переломным для церковной жизни северной столицы. Вначале он столкнулся с полным игнорированием Церкви городскими властями, ему не разрешили даже нанести визит председателю Ленгорсовета – уполномоченный Совета по делам религий жестко заявил: «Этого в Ленинграде никогда не было и быть не может». Но уже через год этот же самый председатель при встрече с митрополитом Алексием сказал: «Двери Ленинградского совета открыты для Вас днем и ночью». Вскоре представители власти сами стали приезжать на прием к правящему архиерею – так был сломан советский стереотип.

С 24 января 1990 года Владыка Алексей – член правления Советского фонда милосердия и здоровья; с 8 февраля 1990 года – член президиума Ленинградского фонда культуры.

От Фонда милосердия и здоровья в 1989 году был избран народным депутатом СССР. За время управления Ленинградской епархией Владыке Алексию удалось сделать очень многое: были восстановлены и освящены часовня блаженной Ксении Петербургской на Смоленском кладбище, Иоанновский монастырь на Карповке. В бытность Святейшего Патриарха митрополитом Ленинградским совершилась канонизация блаженной Ксении Петербургской, стали возвращаться Церкви святыни, храмы и монастыри, в частности, были возвращены святые мощи благоверного князя Александра Невского, преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких.

Во все годы своего архиерейского служения будущий Святейший Патриарх Алексий принимал активное участие в деятельности многих международных организаций и конференций.

3 мая 1990 года почил о Господе Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен. Для избрания нового Предстоятеля Русской Православной Церкви был созван внеочередной Поместный Собор. 7 июня 1990 года колокол Троице-Сергиевой лавры возвестил об избрании пятнадцатого Всероссийского Патриарха. Интронизация Святейшего Патриарха Алексия состоялась 10 июня 1990 года в Богоявленском кафедральном соборе Москвы.

Возвращение Церкви к широкому общественному служению – во многом заслуга Святейшего Патриарха Алексия II. Одно за другим следовали события воистину промыслительные: обретение мощей преподобного Серафима Саровского, торжественный перенос их в Дивеево, когда по предсказанию святого среди лета запели Пасху; обретение мощей святителя Иоасафа Белгородского и возвращение их в Белгород, обретение мощей Святейшего Патриарха Тихона и торжественное перенесение их в Большой собор Донского монастыря, обретение в Троице-Сергиевой лавре мощей святителя Московского Филарета и преподобного Максима Грека, обретение нетленных мощей преподобного Александра Свирского.

В качестве сопредседателя Святейший Патриарх Алексий вошел в Российский организационный комитет по подготовке к встрече третьего тысячелетия и празднованию двухтысячелетия христианства (1998 – 2000).

Святейший Патриарх Алексий являлся председателем Патриаршей Синодальной Библейской комиссии, главным редактором «Православной энциклопедии» и председателем Наблюдательного и Церковно-научного советов по изданию «Православной энциклопедии», председателем Попечительского совета Российского благотворительного фонда примирения и согласия, возглавлял Попечительский совет Национального военного фонда.

За годы своего архиерейского служения в сане митрополита и Патриарха Алексий II посетил многие епархии Русской Право-

славной Церкви и страны мира, был участником множества церковных событий. В церковной и светской печати в России и за рубежом опубликовано несколько сотен его статей, выступлений и работ на богословские, церковно-исторические, миротворческие и другие темы. Святейший Патриарх Алексей возглавлял Архиерейские Соборы 1992, 1994, 1997, 2000 и 2004 годов, неизменно председательствовал на заседаниях Священного Синода.

Как Патриарх Всероссийский он посетил 81 епархию, многие по несколько раз – всего совершил более 120 поездок в епархии, целями которых прежде всего являлись пастырское попечение об отдаленных общинах, укрепление церковного единства и свидетельства Церкви в обществе.

За время архиерейского служения Святейший Патриарх Алексей возглавил 83 архиерейских хиротонии (из них 70 после избрания на Всероссийскую кафедру), рукоположил в священный сан более 400 иереев и почти столько же диаконов. Большое внимание Святейший Патриарх Алексей уделяет подготовке кадров священнослужителей для Русской Православной Церкви, религиозному образованию мирян и духовно-нравственному воспитанию юного поколения. С этой целью по благословению Его Святейшества открываются духовные семинарии, духовные училища, церковноприходские школы; создаются структуры для развития религиозного образования и катехизации. В 1995 году устройство церковной жизни позволило подойти к воссозданию миссионерской структуры.

Его Святейшество уделял большое внимание установлению в России новых взаимоотношений между государством и Церковью. При этом он убежденно придерживался принципа разделения между миссией Церкви и функциями государства, невмешательства во внутренние дела друг друга. В то же время он считал, что душеспасительное служение Церкви и служение государства обществу требуют обоюдно свободного взаимодействия между церковными, государственными и общественными институтами.

Святейший Патриарх Алексей призывал к тесному сотрудничеству между представителями всех областей светской и церков-

ной культуры. Он постоянно напоминал о необходимости возрождения нравственности и духовной культуры, преодоления искусственных преград между светской и религиозной культурой, светской наукой и религией.

Ряд подписанных Его Святейшеством совместных документов заложил основы для развития сотрудничества Церкви с системами здравоохранения и социального обеспечения, Вооруженными Силами, правоохранными учреждениями, органами юстиции, учреждениями культуры и другими государственными структурами. По благословению Святейшего Патриарха Алексия создана стройная церковная система окормления военнослужащих и сотрудников правоохранных органов.

Продолжая традицию христианского миротворческого служения, в период общественно-политического кризиса в России осенью 1993 года, чреватого угрозой гражданской войны, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II принял на себя миссию умирения политических страстей, пригласив к переговорам находящиеся в конфликте стороны и посредничая на этих переговорах.

За время Патриаршего служения Алексия II было образовано большое число новых епархий. Таким образом, возникло множество центров духовного и церковно-административного руководства, расположенных ближе к приходам и содействующих оживлению церковной жизни в отдаленных регионах.

Будучи правящим епископом города Москвы, Святейший Патриарх Алексий II уделял очень много внимания возрождению и развитию внутриепархиальной и приходской жизни. Эти труды во многом стали моделью для устройства епархиальной и приходской жизни в других местах. Наряду с неустанным внутрицерковным устройством, в котором он постоянно призывал более активно и ответственно участвовать всех без исключения членов Церкви на подлинно соборных началах, Предстоятель Русской Православной Церкви уделял большое внимание вопросам братского взаимодействия всех Православных Церквей для совместного свидетельства Истины Христовой миру.

Сотрудничество между различными христианскими конфессиями Святейший Патриарх Алексий считал христианским долгом и путем к исполнению Христовой заповеди о единстве. С самого начала своего патриаршего служения Алексий II благословлял духовенство и мирян участвовать в паломнических поездках в монастырь Тэзе (Франция) и в зимних международных молодежных встречах в разных городах Европы, организованных общиной Тэзе, – неизменно, каждый год посылая свои архипастырские послания участникам этих встреч, которые переводились на многие языки.

Начиная с 1993 г. монашеская община в Бозе (Италия) ежегодно проводит международные богословские конференции по православной, и в частности, русской духовности. Эти экуменические конференции, собирающие в монастыре Бозе богословов (монахов и мирян) Востока и Запада, принадлежащих к поместным Православным Церквам и к Католической Церкви, к Англиканской и Лютеранской Церквам, получили одобрение Патриарха Алексия II. С 1993 по 2008 гг. благословляя участие в конференциях в Спасо-Преображенском монастыре в Бозе клириков и мирян РПЦ, Патриарх всегда направлял свое приветствие участникам конференций, считая их проведение доброй почвой для диалога и совместного свидетельства о Христе Воскресшем перед современным миром.

Патриарх Алексий, ради мира и согласия в обществе, неустанно призывал к благожелательному взаимопониманию и сотрудничеству представителей различных религий и мировоззрений.

Последнюю Божественную Литургию Патриарх Алексий II совершил в Успенском соборе Московского Кремля в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, 4-го декабря 2008 года – накануне своей кончины.

Протоиерей Александр Борисов

СЛОВО НА ПАНИХИДЕ В ДЕНЬ КОНЧИНЫ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ II

Дорогие братья и сестры!

Вы, конечно, все уже знаете, что нас постигло огромное горе: ушел из жизни человек, который был духовным отцом, духовным пастырем миллионов наших соотечественников, – Святейший Патриарх Московский и Всея Руси. Человек действительно крупного мирового масштаба, человек, который возглавил Церковь в ответственный и радостный период восстановления после семидесятилетнего пленения атеистическим государством. И Святейший Патриарх это прекрасно создавал. Я очень хорошо помню, как в 1991 году, после попытки восстановления компартии – после августовского путча, буквально через 2–3 дня, когда было еще неясно, в какую сторону качнется чаша весов, в «Известиях» была его краткая статья о том, что строй, который в течение десятилетий держал Церковь в оковах, не давал людям естественного нормального права веры в Бога, строй, который унес миллионы жизней, разрушил тысячи церквей и монастырей, – строй этот рухнул. Слова Патриарха были очень существенной поддержкой в то время, когда люди переживали новый период; это вносило в жизнь важное измерение духовного. Необходимо было задумываться: как страна начнет новую жизнь? И Святейший Патриарх выразил свою радость о том, что для Церкви открываются невообразимые прежде возможности.

Это был август 1991 года.

В дальнейшем Святейший Патриарх стал принимать деятельное участие в возрождении Церкви. Представьте: столько людей, которые приходят к нему с прошениями, инициативами, там и там открывают и восстанавливают приходы! И он все это успевал поддержать, все это держал в своей памяти, которая у него была

совершенно точно феноменальной, – и направил огромную массу людей в русло созидания новой русской Церкви.

Я очень хорошо помню, как в те дни, спустя год или меньше, мне, как депутату московского городского совета, приходилось присутствовать на всякого рода встречах, официальных собраниях. Патриарх тогда говорил о том, что было у него на сердце, наверное, уже многие годы – чувствуя, что в Церковь придет много новых людей, которые принесут в нее свое пионерское, комсомольское, партийное прошлое, которые с теми же приоритетами будут входить в новую для них, еще незнакомую церковную жизнь. Он говорил, что в предыдущие десятилетия наши братья – западные христиане – оказывали нам огромную помощь и поддержку. Благодаря их поддержке сотни храмов и десятки монастырей остались открыты. Государство было вынуждено хотя бы делать вид, что оно поддерживает Церковь, налаживать какие-то связи. Но за этим стояла очень важная для Церкви помощь церковной жизни, которая была тогда непростой. Даже после хрущевских гонений, даже во времена Брежнева тяжелая рука государства лежала на Церкви и держала ее не то, что на коротком, – на кратчайшем, можно сказать, поводке. И вот в эти наступившие новые дни наш Патриарх говорил о том, что десятилетия наши западные братья-христиане нам помогали, поддерживали, благодаря им мы могли сделать многое, что без их помощи было невозможно. Но вот сейчас, когда мы получили полную свободу, что будет правильно: сказать, что вы нам больше не нужны? Или сказать: нет, вы наши братья и сестры, и нам есть, что сказать окружающему нас языческому миру на Востоке, на Западе, сказать свое христианское слово. И это было его искреннее устремление, которое не получило, к сожалению, поддержки большинства в Церкви, большинства, которое пришло в эти последние годы – не тогда, когда было трудно, когда это требовало пусть и не очень больших, но все-таки жертв, – а когда это стало хорошо, престижно, когда это стало можно. И вот, эти люди, которые пришли в Церковь, – они пришли со своей же пионерской, комсомольской, партийной идеологией: что мы самые лучшие, что мы окружены врагами и так далее, и так далее:

во всех чуть-чуть не похожих на себя видеть прежде всего врага, а уж потом разбираться, что к чему. Для Патриарха было очень трудно этому противостоять.

Всё время надо было сохранять это единство от тех людей, которые несли безудержную критику вынужденной позиции Церкви при советской власти (я не буду называть имена известных депутатов-священников). Напротив – другой край: это борьба против новых паспортов, ИНН и проч. и проч., уже просто религиозное мракобесие.

И вот посередине – Святейший, который должен был всё это сдерживать.

Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что народ, пришедший вчера из комсомола и партии в Православную Церковь, к этому не готов... Не готов... Раскол, который возник на Украине: митр. Филарет (Денисенко) решил себя противопоставить Московской Патриархии, потому что он сам мечтал быть избранным на Патриарший престол. Недовольство, что выбор пал на другого, привело его к тому, чтобы провозгласить свою церковь – украинскую (очень немногочисленную). Этот раскол повлек за собой множество нестроений и, в общем-то, даже насилия. Наш о. Виталий, который сейчас служит священником в Люблино, об этом немало рассказывал: его отец [протоиерей МП РПЦ, служащий на Украине] был одним из объектов нападков для этих людей, которые причины всего зла на Украине видели только в «москалях». Так что нестроений было много, и трудных нестроений. И, тем не менее, большинство членов Украинской Церкви осталось в Московской Патриархии, большинство верующего народа шло за своим Патриархом.

И, конечно, не могу не сказать о том, какую роль в моей личной судьбе, в моем служении сыграл Московский Патриарх. После трагической гибели о. Александра Меня он тут же прислал телеграмму соболезнования. Нигде никогда Святейший Патриарх не дал никакой негативной или хотя бы сдержанной оценки о. Александра Меня. Он всегда говорил, что о. Александр – замечательный пастырь и что в его книгах нет ничего такого, что противоре-

чило бы сути Священного Писания, хотя, конечно, всей полнотой Церкви (имея в виду ее, так сказать, консервативную часть) его труды, может быть, еще и не приняты. Но – «надлежит быть и разномыслиям, дабы открылись искусные» – ссылаясь Святейший на слова ап. Павла. И в дальнейшем, когда мы, буквально через несколько месяцев после гибели о. Александра, просили восстановить этот приход именно здесь, – Святейший Патриарх прекрасно знал, что мы с о. Александром были близкими и давними друзьями. Святейший благословил нас на служение здесь.

Уже весной, в апреле 1991 г., когда мы – группа, которая составила собой «двадцатку», будущее приходское собрание – обратились к Патриарху с просьбой передать вот этот храм, в центре Москвы, он тут же написал, что передает храм нашей общине и не возражает против того, чтобы при передаче храма священник Александр Борисов был настоятелем, а в мае 1991 г. уже издал указ о назначении настоятелем этой вновь созданной общины меня, недостойного.

И затем все наши инициативы, вся наша жизнь протекала под его благословением, о всех наших делах милосердия, служениях, поездках в Тэзе и т.д. мы, конечно, всегда испрашивали благословения Святейшего Патриарха, и он всегда нас поддерживал и благословлял...

И еще не могу не сказать о том, что он был человеком, который, несмотря на это официальное окружение, несмотря на свою – непомерную, конечно – занятость, огромное количество богослужений, которых он вел больше, чем рядовые священники на приходе, удивительным образом [всех помнил и] находил слова поддержки для каждого человека. Буквально в какие-то считанные секунды, когда на праздник подходишь к кресту, он обязательно скажет: «Передайте мое благословение всему вашему приходу! Как у вас там дела со стройкой?» или «Как там дела с изданием якутского перевода?» (он знал об этом и благословлял мое участие в издании как Президента Библейского общества) – словом, он всегда в секунду вспоминал об этом человеке, который проходит перед ним – из сотен других! – и находил для него какое-то замечательное

*Святейший Патриарх Алексий II и настоятель
храма протоиерей Александр Борисов
во время визита Патриарха в храм
свв. бессребреников Космы и Дамиана*

поддерживающее слово, а если нет возможности подойти близко, — то просто взгляд, добрую улыбку. Человек, который находил какие-то очень важные слова тогда, когда, казалось бы, можно этого и не делать. Помню, как я просил его отпустить меня на неделю перед Великим Постом немного отдохнуть на море. Он мог просто сказать «Хорошо», но он говорит — пустяк, но всё-таки: «Ну, хорошо, поезжайте — отдохните!» — т.е. он входит в ситуацию человека. Помню, когда я уже был здесь настоятелем, на праздник иконы Знамения Божьей Матери (10 декабря) в храме на Речном вокзале служил Святейший, и я ему сослужил. Пока мы там готовились к службе, он говорит: «А ведь Вы здесь служили что-то около шестнадцати лет?» Я говорю: «Да, Ваше Святейшество, восемнадцать — со священническим [служением]» — «Да... Вам, наверное, всё здесь очень дорого, всё так важно, знакомо!» Это удивительные слова. Когда человек входит в положение другого — представляет, как тот здесь служил, находит слова, чтобы это сказать — конечно, это совершенно удивительно.

Мне рассказывала одна наша прихожанка, как в тяжелый момент своей жизни она была в Донском монастыре, и как раз так сложилось, что Святейший там был: это был Великий Четверг, готовили миро, и Святейший благословлял перемещение его в Елоховский собор. Было множество народа, эта женщина и не думала подойти к нему, стояла где-то в сторонке, когда Патриарх мимо проходил. И вдруг он направляется именно к ней, благословляет и, положив руку, говорит: «Да, да, у Вас трудное положение, ну, Вы терпите – всё устроится и всё будет хорошо». Она чувствует: как будто какой-то столб тепла окружил ее! Она и стоящий рядом милиционер – они оба заплакали от радости, от счастья, от того, что Святейший обратился к ним. Причем, эта женщина – очень спокойный, уравновешенный человек. У Святейшего действительно был этот дар душевной теплоты, которую он мог передать человеку за несколько секунд. Эта женщина, которая пришла с тяжелым переживанием, этот милиционер, который просто рядом стоял, – они это почувствовали и вот так, удивительным образом, помнят многие годы. Такой у него был действительно замечательный дар: словом, улыбкой, какой-то поддержкой он передавал человеку ту благодать, которая была у него как у Главы Церкви, и человек действительно понимал, что он связан со всей Церковью, что его заметили, его знают, его понимают – краткое мгновение, которое запоминалось на многие годы, на всю жизнь.

Вот такой удивительный человек ушел из жизни.

Конечно, это утрата, которая едва ли восполнима; конечно, это огромное для нас горе и печаль. И в то же время радостно, что такой человек был во главе нашей Церкви.

Это великое счастье, что мы были знакомы, знали, что такой человек руководил нашей Церковью в это ответственное время.

И, конечно, не могу не сказать о том, что всё-таки это великая милость Божия, что он ушел из жизни легко. Еще вчера он служил, и говорил слово, и голос был бодрый – всё было хорошо. И вот так ушел из жизни. Это лучше, чем когда человек прикован к постели и много лет лежит. Вот сейчас Патриарх Сербский Павел: ему 95 лет, и уже 5 лет люди не понимают: осознает ли он вообще,

что происходит вокруг, или нет? И то ли избирать [нового патриарха], то ли нет...

Так что такой христианской кончины, которой мы просим, – безболезненной, непостыдной, мирной – удостоился Глава нашей Церкви. Конечно, не такой уж и возраст большой: 79 лет. Это не мало, но, с другой стороны, мы знаем, что Алексей I ушел из жизни в 93 года, и мог бы еще Святейший быть с нами. Но он был человеком, который отдавал себя всего! Отдавал служению, работе, встречам – всему, никогда практически не считаясь с усталостью. Только в последнее время он по настоянию врачей уходил в краткие отпуска – на неделю, на две. Видимо, не случайно – видимо, действительно здоровье давало о себе знать...

Помолимся об этом замечательном человеке.

Нам посчастливилось жить рядом с замечательной исторической личностью – даже так можно сказать; мы – современники такого удивительного человека! Мы пришли в те годы, когда Церковь им возглавлялась. И очень важно, чтобы всё то, что мы знали, личные встречи – Патриарх здесь у нас трижды совершал служение и два раза посещал нас в праздник Великой субботы – это тоже великая честь и какая-то важная с ним связь. Помолимся об этом замечательном, удивительном человеке – чтобы та благодать, которая так обильна была в нем при жизни, чтобы его молитвы и после его кончины нас поддерживали. И я не сомневаюсь, что так оно и будет. К нему, не сомневаюсь, будут обращаться миллионы людей – как было при его жизни, так будет и после его блаженной кончины. Помолимся.

* * *

Знаете, когда мы сейчас молились, мне пришло на сердце, что я никогда не мог себе представить, что придется молиться об упокоении Святейшего. Мне всегда казалось, что он будет жить еще, по крайней мере, лет до 90 уж точно. Закончилась одна эпоха, эпоха жизни нашей Церкви, возглавляемой этим великим человеком. Будем молиться о нем и помнить его, и будем его просить

молиться о нас – чтобы Церковь, в которую он вложил столько труда, вложил всю свою жизнь; Церковь, в которой его Господь так обильно благословлял удивительной благодатью общения, любви – этими редкими дарами для человека, – чтобы она шла вот этим путем, золотым путем середины, обходя все трудности, соблазны, нестроения; чтобы то, о чем Святейший всегда говорил: что главное – сохранить единство Церкви – чтобы мы это понимали. И не только понимали, но старались всеми нашими усилиями этому содействовать.

Пусть Господь благословит всех вас!

Теперь, по уставу, принятому Собором 1917 г., в случае кончины Патриарха Церковь временно возглавляется местоблюстителем до того времени, пока Поместный Собор нашей Российской Церкви не изберет нового Патриарха. Это избрание должно состояться не более чем в течение полугода. То есть к маю месяцу Собор уже должен состояться, и будет избран преемник Святейшего Патриарха Алексия. Будем молиться о том, чтобы преемник Святейшего Патриарха был достойным продолжателем его великого труда, его святого дела созидания Церкви и спасения людей.

Надо сказать, что только в такие минуты мы особенно глубоко понимаем значение Церкви, значение того, какое великое благо то, что мы имеем это место встречи с Богом, мы имеем место, где в самые трудные моменты нашей жизни мы можем собраться, быть вместе и, по слову Господа, «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Господь сегодня среди нас, собрал нас всех. Пусть Он дарует нам силы и мудрость, чтобы продолжать наш путь за Ним, продолжать так, как трудился и наставлял свою Церковь наш незабвенный, горячо нами любимый Святейший Патриарх Алексий.

Спасибо всем!

Москва, 05.12.2008 г.

Храм свв. бесср. Космы и Дамиана в Шубине

ЗЛО В МИРЕ

Григорий Гутнер

ДВА ОБЛИКА ЗЛА: ОТЧУЖДЕНИЕ И ТОТАЛЬНОСТЬ

Гутнер Григорий Борисович. Доктор философских наук, старший научный сотрудник Института философии Российской Академии Наук, заведующий кафедрой философии Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва). Область интересов: социальная философия, философия языка.

В этой статье я попытаюсь показать социальное явление зла. Предваряя окончательный вывод своих рассуждений, замечу, что это социальное явление раскрывает его духовную природу, показывая, прежде всего, невозможность победить социальное зло исключительно социальными средствами. Борьба со злом в социальной сфере постоянно оборачивается тем, что зло является в другом облике. Причем это новое явление зла оказывается прямым результатом борьбы с его прежними проявлениями. Ниже я попробую описать две формы социального зла: отчуждение и тотальность. Отчуждение состоит в подчинении человека враждебной ему социальной силе, которая, трагически возникает в результате его собственных действий. Тотальность означает поглощение человека социальной структурой, в своей крайней форме ведущее к его обезчеловечению. Несчастье состоит в том, что тотальность возникает в результате попыток устранить отчуждение.

Овнешнение и отчуждение¹

Философы и социологи обращаются к теме отчуждения, начиная с семнадцатого века. Интерес к ней – свидетельство интереса к человеку и его социальной жизни.² Судя по всему, отчуждение человеческой природы представляет собой постоянно повторяемое событие – разные мыслители, объясняя его совершенно по-разному, постоянно возвращаются к попытке его понимания.

Для того, чтобы, по возможности, точно описать сам феномен отчуждения, мы обратимся к некоторым текстам Гегеля и Маркса. Обсуждение нашей темы, по-видимому, уже немыслимо без ссылки на этих авторов.

В «Феноменологии духа» Гегель описывает два аспекта отчуждения: атомизацию членов социума и овнешнение результатов их деятельности. Речь идет о распаде единства общества, прежде органически связанного непосредственными нравственными отношениями³. Согласно Гегелю, отчуждение возникает при переходе от архаических общественных практик, к более сложным формам социальности. Единая нравственность, естественно разделявшаяся всеми, заменяется объективными правилами, навязанными каждому индивиду извне (например, властью государства). Гегель выводит отчуждение из общих свойств человеческого общения, в ходе которого неизбежно обособляется индивид, пытающийся обрести самостоятельность. Это приобретение, однако, оказывается мнимым, поскольку опосредование человеческого общения объективными институтами, в конечном счете лишает индивида

---

¹ Описание овнешнения и отчуждения здесь основывается на статье автора «Отчуждение в коммуникативных практиках», опубликованной в журнале «Человек» № 5, 2008. С. 47 – 54.

² Описание овнешнения и отчуждения здесь основывается на статье автора «Отчуждение в коммуникативных практиках», опубликованной в журнале «Человек» № 5, 2008. С. 47 – 54.

³ Подробный историко-философский анализ понятия отчуждения проделан А.П. Огурцовым. См. в частности Огурцов А. «Отчуждение и человек» // Человек, творчество, наука. М., 1967. С. 41 – 82.

всякой самостоятельности.⁴ Общественные институты (мораль, право, государство) предстают как отчужденные формы.

Маркс видит истоки отчуждения в экономической активности, связанной с товарными отношениями. Логика предпринимаемого Марксом анализа может быть реконструирована, по-видимому, следующим образом. В рамках товарных отношений человеческое общение неизбежно опосредовано вещью. Вступить в отношение с другим человеком можно лишь в процессе обмена. Этот процесс охватывают, в конечном счете, все значимые сферы человеческих отношений, за исключением, возможно, удовлетворения физиологических потребностей (еда, сон, половые отношения)⁵. Опосредованное вещью общение связано с овнешнением. Всё в человеческой жизни приобретает характер вещи и становится предметом обмена. Внутренние силы человека, его способности, время, здоровье, интеллект, физическая сила, нравственные качества – все, что существенно в человеческих отношениях, оказывается объективировано, вложено в вещь и обменяно на другую вещь. Предметный мир, опосредующий человеческие отношения, вбирает в себя все человеческое, оказываясь при этом уже некой самостоятельной внечеловеческой силой, никем сознательно не контролируемой и живущей по собственным законам. Здесь у Маркса возникает важное различие, отсутствующее у Гегеля. Собственно овнешнение еще не представляет собой отчуждения. Оно неизбежно при любом обмене, т.е. при разделении труда. Отчуждение есть важный аспект описанного процесса, состоящий в том, что предметный мир превращается не только во внешнюю, но враждебную человеку силу⁶. Эта враждебность, надо полагать, связана с институтом частной собственности, позволяющей превращать произведенные человеком предметы в инструмент его

---

⁴ Гегель Г. В. Ф. «Феноменология духа» // Гегель. Сочинения, т. IV. М., 1959. С. 235 – 259.

⁵ См. Огурцов А. С. 48.

⁶ Маркс К. «Экономическо-философские рукописи 1844 года» // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42. С. 41 – 174.

эксплуатации. Я полагаю, впрочем, что упомянутый институт, будучи безусловно связан с отчуждением, не является решающим для его возникновения. Даже если ограничить рассмотрение экономическими отношениями, то можно сослаться на опыт советской экономической системы. Несмотря на отсутствие в ней частной собственности, она развила отчуждение в формах существенно более жестких, нежели при капитализме.

В представленном описании более важна, на мой взгляд, логика отчуждения, которая может быть распространена не только на экономические отношения. Обратим внимание на два важных отличия анализа Маркса от Гегеля. Во-первых, как мы уже отметили, он различил овнешнение и отчуждение. Во-вторых, исходным моментом отчуждения является не атомизация членов общества, а опосредование отношений между ними. Впрочем, Маркс, по-видимому, солидарен с Гегелем в том, что как овнешнение, так и отчуждение появляются в известный момент истории и что некогда существовали общества, свободные от этих несчастий. Для Гегеля это, как мы говорили, – архаические сообщества, живущие в рамках непосредственной нравственности. Для Маркса, по-видимому, это – те же самые сообщества, коль скоро у них нет товарного обмена.

В описанной Марксом схеме отчуждения существенен момент целеполагания. Человек принужден стремиться к чуждым ему целям. Само достижение этих целей оборачивается для него лишь ростом угнетения. Враждебность создаваемой реальности в том, отчасти, и заключается, что она всегда связана с принуждением. Человеку навязываются цели, а также формы их достижения, принципы деятельности и отношения с другими людьми. Этот разговор о навязанном и чуждом заставляет поставить вопрос об альтернативе. Какие цели не являются для человека чуждыми? Какие формы деятельности и отношения с другими людьми являются для него органичными? Есть ли у человека вообще что-то свое, не навязанное извне? Отвечая на эти вопросы, едва ли можно ограничиться сферой экономики, поскольку принуждение

и навязывание целей осуществляется не только экономическими методами. Во второй половине 20 века немало было написано о том, что репрессивность, принудительный характер могут быть свойственны многим механизмам языка и культуры. Ниже мы попробуем показать, что эти механизмы сопряжены именно с отчуждением и лежат в основании языковой деятельности, т.е. принадлежат самой природе человека. Тем острее стоит вопрос о «не-чуждом», о собственном человеческом, принадлежащем каждому из нас как разумному и способному к общению существу.

Прежде всего, заметим, что едва ли существуют практики общения, которые можно охарактеризовать как непосредственные. Всякое человеческое общение опосредовано хотя бы потому, что оно существует благодаря языку. Процессы обмена, которые Маркс заметил в экономической сфере, имеют место в любой коммуникативной деятельности. Последняя есть прежде всего обмен знаками. Чтобы вступить в общение каждый из нас должен произвести нечто объективное. Человеческое действие только тогда имеет коммуникативное значение, когда получает форму знака, а, следовательно, овнешняется. Всякое коммуникативное действие, как мы только что заметили, есть знак. Характер знака оно получает в силу постоянно совершающегося обмена – действие значит нечто, поскольку в ответ на него совершается другое действие, т.е. производится другой знак.

Этот обмен совершается на основании установленных в социуме, объективных, т.е. внешних для индивида правил. Освоение этих правил не связано с осознанной интенцией. Навыки общения (в частности навыки говорения на языке), как правило, не являются инструментами, используемыми для достижения осознанно поставленных целей. Скорее они представляют собой бессознательно принятые автоматизмы совместной деятельности. Общество вовлекает индивида в разнообразные формы жизни и диктует ему правила своих игр. Такой диктат редко является прямым принуждением. Коммуникативные навыки обычно глубоко интериоризированы и воспринимаются индивидом как часть его собственной

природы. Такому описанию природы человека релевантно понятие *габитуса*, введенное французским социологом П. Бурдьё.⁷ Габитус есть внутренне усвоенный принцип осуществления социальных практик. Бурдьё определяет его как «чувство игры», подсказывающее всякий раз правильный ход в коммуникативной ситуации. Иными словами, габитус подсказывает действие, соответствующее принятой социальной практике. Бурдьё иллюстрирует социальное действие, используя метафору танца или гимнастики. Нужный шаг «вписан в тело», он делается без размышлений или рефлексии. Агент социальных практик действует в коммуникативной ситуации подобно танцору, делающему соответствующее па в танце. Можно охарактеризовать габитус как коммуникативную интуицию. Социально адаптированный индивид всегда знает, что делать, хотя ситуации никогда не повторяются.

Габитус представляет собой не просто нечто внешнее, а скорее, овнешненное. Он определяет общение, но при этом существует только в общении, только в совершаемых индивидами коммуникативных действиях. Эти действия постоянно воспроизводят габитус, наполняют его жизнью. При воспроизведении габитуса, действие индивида неизбежно объективируется, превращается во внешний для него социальный факт. А поскольку всякое коммуникативное (т.е. всякое собственно человеческое) действие правилообразно, то овнешняются все результаты человеческой деятельности.

Овнешнение проявляется, в частности, в структуре целеполагания, осуществляемого в рамках общества. Можно зафиксировать двойственность результата всякого человеческого действия. Наряду с прямыми следствиями, связанными с осознанным целеполаганием, возникает косвенный эффект, состоящий в воспроизведении правила, или даже системы правил, регулирующих общение. Энтони Гидденс приводит такой пример: мой грамотный английский имеет непреднамеренное, но регулярное следствие –

---

⁷ Там же.

вклад в воспроизводство языка как целого.⁸ Иными словами, человек, наряду с собственными целями, неосознанно стремится к другим, объективным целям, которые ставит перед ним общество, выступающее в данном случае как анонимная система, диктующая правила.

В конечном счете, овнешнен, по крайней мере, отчасти, и сам индивид. В каждом своем действии он представляет не самого себя, а внешнюю силу, детерминирующую его действие. Все, чем он мог бы располагать – время, здоровье, интеллект, физические силы, профессиональные навыки, талант – служат социальной системе, употребляются на достижение внешних для него целей. То, что Маркс пишет о предметном мире, создаваемом человеком, относится к социальной реальности в целом. Отношения людей, общественные институты, язык – все это объективная реальность, внешняя для человека, но существующая благодаря его деятельности.

Рассмотренный нами эффект овнешнения не может быть исторически преходящим моментом жизни общества, поскольку имплицитно содержится в человеческом общении. Он возникает не из-за разложения архаических социальных практик и не из-за товарного обмена, а просто потому, что люди пользуются языком. Однако сам этот процесс может проходить в известном смысле безболезненно тогда, когда человек подчинен единой системе правил, детерминирован внутренне согласованной совокупностью форм жизни. В частности, отмеченная нами двойственность целеполагания не означает конфликта, так как прямой и косвенный эффект коммуникативного действия вполне органично сочетаются. Такая гармония, по-видимому, присуща архаическому обществу. Временно поддерживать такие отношения можно и в небольших группах, возникающих в современном социуме (семья, круг друзей, команда единомышленников, молодежная «тусовка» и т.д.). Их едва ли возможно поддерживать в рамках более сложных

---

⁸ Гидденс Э. «Элементы теории структуризации» //Современные социальные теории. Новосибирск, 1995. С. 40-80.

типов социальности. Именно эта сложность порождает отчуждение.

Тот тип социальной жизни, который мы только что описали, по-видимому, соответствует гегелевской «непосредственной нравственности». Для него характерна стабильность габитуса. Однако такой тип социальной жизни рано или поздно разрушается в силу его консервативности. Разрушение состоит в том, что наряду с прежними формами жизни появляются иные. Они могут родиться внутри социума в качестве реакции на изменившиеся условия или быть восприняты извне в результате контактов с иным социумом.⁹ Так или иначе, социальная жизнь усложняется, поскольку в ней должны сосуществовать несколько разновидностей социальных практик. Каждая из них включает свои коммуникативные правила, свой характер целеполагания, свой язык, свою картину мира. Любое цивилизованное общество включает разные социальные группы, а потому неизбежно содержит и разные типы социальности, которые не могут быть изолированы друг от друга. Как правило, получается так, что один тип социальности становится доминирующим.

Преобразование общества в конгломерат различных типов социальной жизни представляется не эмпирическим фактом, наблюдаемым в разные исторические эпохи, а неизбежным эффектом жизни любого социума. В силу указанной выше консервативности, закреплённая традицией совокупность форм жизни рано или поздно оказывается нерелевантна реальности, с которой приходится иметь дело социуму. Правила человеческого взаимодействия, ориентированные на одни условия жизни, «не работают» при других. Но новые правила не вытесняют старые полностью, а сосуществуют с ними. Причём сосуществование едва ли оказывается мирным. Такая динамика общественной жизни весьма характерна для истории цивилизованных обществ (социальные перевороты,

---

⁹ Вопрос о границе устоявшихся социальных практик подробно рассмотрен в работе Гутнер Г. Б. Риск и ответственность субъекта коммуникативного действия. М., 2008. С. 152 – 196.

революции, смены парадигм). Возможно, впрочем, и в архаических обществах происходят аналогичные сдвиги, коль скоро им приходится реагировать на внешние изменения. В результате социальная жизнь неизбежно оказывается негомогенной.

Именно вследствие многообразия типов социальности объективация коммуникативного действия превращается в отчуждение. Этот процесс можно представить следующим образом. Каждый человек исходно связан с каким-то близким ему (в силу биографических причин) социумом. Этот социум достаточно узок («свой круг»), его формы жизни привычны. Однако он существует в более широком социальном контексте, практикующем иные формы жизни. Овнешнение, происходящее в рамках этих, отличных от исходных, форм жизни, и есть отчуждение, поскольку воссоздает чуждую, непривычную, в конечном счете, враждебную для индивида социальную реальность. Привычное целеполагание вступает в конфликт с иным – человек вынужден стремиться к целям, навязанным ему системой и отличным от тех, которые привык считать своими. Но даже пытаясь достичь свои собственные цели (т.е. цели, органичные для исходного типа социальности), он, в силу описанной выше двойственности целеполагания, получает еще косвенный результат, воспроизводя навязанные (т.е. установленные «чужим» социумом) коммуникативные правила. Всякий результат человеческого действия оборачивается против человека, поскольку ведет к воспроизведению чуждой социальной системы, выступающей как репрессивная анонимная сила.

Описанные эффекты мы часто испытываем, например, при столкновении с различными государственными или общественными институтами. Эти институты постоянно навязывают нам некие собственные цели и принуждают действовать по собственным правилам. Оформляя документы, добиваясь выдачи справок, получая визу в посольстве, собирая информацию о товаре, который намерены приобрести, мы стремимся к целям, которые поставлены нам извне, но достигая которые, мы поддерживаем существование каких-то институтов или общественных систем.

Отчуждение можно охарактеризовать еще и тем, что всякое ваше действие, независимо от ваших намерений, обретает собственный, подчас нежелательный смысл. Общественная жизнь современной России дает тому множество примеров. Если, например, вы высказываетесь в поддержку либеральных ценностей и прав человека (в их классическом понимании), вы можете неожиданно для себя оказаться апологетом морального релятивизма, сторонником гомосексуальных браков и т.п. Если вы говорите о патриотизме и любви к Родине, то попадаете в державно-шовинистический mainstream. Если вы являетесь членом Русской православной церкви, то можете быть восприняты как сторонник церковно-государственного союза. Все это – примеры отчуждения коммуникативных действий чуждыми социальными системами. Эти действия попадают в контекст каких-то иных языковых игр, совсем не тех, в которых вы планировали участвовать.

Борьба с отчуждением и идеалы тотальности

Факт отчуждения остро ставит вопрос о том, что является «своим», неотчуждаемым. Конфликт типов социальности, лежащий в основе отчуждения, провоцирует на поиск чего-то собственного: внутренне мотивированных (не навязанных) целей, органичных способов общения. Естественной в такой ситуации оказывается ностальгия по исходной социальности (которая часто оказывается утрачена безвозвратно), выражающаяся в идеях «родного дома», «семейного очага», «почвы» и т.п. Спектр этих ностальгических проявлений чрезвычайно широк: от сентиментальной тоски по прошлому до агрессивной ксенофобии. Ясно, что реализация социальных проектов, базирующихся на ностальгии, не поможет преодолеть отчуждение. Однако здесь таится серьезная опасность. Общество, измученное отчуждением творит еще большее зло, стремясь от него избавиться. Это зло – создание завершенной целостности социальной организации, тотальности, поглощающей всякую чуждость.

Тотальность представляет собой социальный проект, который, рождаясь в умах теоретиков, находит быстрый отзыв в массах. Несмотря на то, что реализация этого проекта уже не раз приводила к весьма печальным (а иногда и катастрофическим) результатам, он вновь и вновь возникает в разных формах. Здесь я попробую описать теоретический аспект проблемы. Замечу сразу, что в 20 веке упомянутый проект, как правило, существовал в двух разных формах, которые я условно назову модернистской и архаической.

Модернистский проект восходит к философии Гегеля, в рамках которой, как мы уже видели, отчуждение было впервые внятно описано. Гегель рассчитывал преодолеть его в рамках всеобъемлющей тотальности разума. Эта тотальность должна привести к разумной организации жизни человечества, благодаря которой исчезнет противоречие между внешним, объективным законом, действующим в обществе и внутренними устремлениями каждого индивида. Единая разумная система должна охватить все проявления человечности: философию, религию, искусство, мораль, право, государство и, наконец, внутреннюю жизнь каждого человека. Ничто не должно «ускользнуть» от разума, выпасть из указанной тотальности. Все, что не попадает в сферу разумного регулирования, будет воспринимать его как внешнее насилие, как отчужденную реальность. Именно поэтому единство должно быть универсальным.

Маркс, по крайней мере на первый взгляд, гуманизирует гегелевский проект, сохраняя, однако, его тотальный характер. Разумной организации подлежит, прежде всего, экономика. Отчуждение может быть преодолено лишь тогда, когда целеполагание индивидов окажется в согласии с действием объективных экономических законов. Реальность, создаваемая человеческим трудом, не должна становиться враждебной человеку, поскольку, в процессе ее создания каждый будет достигать своих собственных, а не чуждых ему целей. Для этого общество должно полностью овладеть своими собственными силами, прежде всего, своим матери-

альным богатством и начать разумно и согласно им распоряжаться. Безличные законы, действующие в экономике, должны быть очеловечены, стать результатом разумной самоорганизации трудящихся индивидов. Безличный мировой разум гегелевской философии заменяется здесь общечеловеческим согласием, осознанием каждым своих собственных интересов в гармонии с интересами общества. Но, как и у Гегеля, здесь ничего не должно остаться за пределами этой разумной самоорганизации. Все человеческие устремления должны быть включены в рационально устроенную жизнь целостного общественного организма. В противном случае отчуждение будет сохраняться.

Архаический проект противоположен модернистскому по ряду существенных признаков. Он основывается на серьезном недоверии к разуму, уповая главным образом на иррациональные аспекты человеческой жизни. Здесь может присутствовать апелляция к самым разным областям иррационального: от религиозной мистики до животных инстинктов. Если модернистский проект уповает на прогресс, на рост знания и развитие цивилизации, то архаический обращается к традиции, стремится к восстановлению утраченных в далеком прошлом общественных практик. Приверженцы этого проекта рассчитывают найти непосредственные отношения людей, противопоставив их опосредованным связям в современном обществе. Непосредственность предполагает единство общественного организма, ту же тотальность, основанную, однако, не на разумном согласии, а на исходной близости людей, их безусловном и естественном подчинении целому. Это целое может выражаться по-разному. Наиболее частые способы – единство вокруг харизматического лидера или упорядочение жизни в рамках иерархии (или даже кастовой системы). В таком целостном организме невозможно отчуждение, поскольку ни один индивид не имеет целей, отличных от общих целей системы. Даже овнешнения здесь не предполагается, поскольку система (целостность) не является для индивида чем-то внешним. Она полностью исчерпывает содержание жизни каждого человека. Ни мысли, ни слова,

ни поступки не являются достоянием индивида. Мыслит, говорит и действует целостный общественный организм. Только так можно избежать опосредования человеческих отношений и неизбежного овнешнения. Гегель, описывая такой жизненный уклад, считал его обреченным на распад и атомизацию. Однако в начале XX века многие видели в нем идеал общественного устройства. Особую привлекательность он приобрел после 1-й мировой войны в Германии в ходе так называемой консервативной революции.¹⁰ Теоретики этого движения в качестве желанной целостной общности рассматривали преимущественно нацию, национальное государство. Приведем характерное высказывание О. Шпенглера – одного из самых известных деятелей консервативной революции: «Немецкий, точнее прусский инстинкт таков: власть принадлежит целому, отдельные личности служат ему. Целое – суверенно. Государство приказывает и государству повинуются».¹¹ В этой цитате интересна ссылка на инстинкт, т.е. на иррациональную, биологическую основу национального государства.

Итак, желание преодолеть отчуждение вызывает соблазн тотальности. Почему тотальность зло? Чтобы ответить, можно просто сослаться на исторический опыт. Попытки реализовать оба описанных проекта хорошо известны. Кстати, не следует, на мой взгляд, пренебрегать существенным различием между советским коммунизмом и германским нацизмом. В их истоке лежат разные идеи. Коммунизм основан на вере в прогресс и разум. Он представляет собой доведенный до предела идеал Просвещения. Нацизм откровенно делает ставку на иррациональное, более того, животное начало в человеке. Это различие можно выразить еще и по-другому. Модернистский проект, осуществляемый в коммунизме, представляет собой безнадёжную попытку рационального постижения и регулирования социальной жизни во всей ее сложности и во всем ее многообразии. Архаический проект,

¹⁰ Подробнее см. Пленкин О. Ю. «Мифы нации против мифов демократии», СПб., 1997. С. 347 – 462.

¹¹ Цитируется по Пленкин. С. 355.

осуществляемый, в частности, в нацизме, есть не менее безнадёжная попытка свести социальную реальность к исходной простоте и непосредственности.

Однако какова бы ни была тотальность, она представляет собой зло, большее, чем отчуждение. Известные исторические примеры нельзя считать неудачными воплощениями хорошей идеи. Тотальность тем страшнее, чем ближе к своему идеалу. Она не оставляет человеку ничего своего, требуя от него абсолютной жертвы. Родившийся в умах теоретиков и реализуемый политиками социальный проект приобретает черты божества. Ему нужно отдать всего себя.

Конечно, в реальной истории тотальность не осуществлена окончательно. Оба описанных варианта заведомо утопичны. Но трудно даже сказать, хорошо это или плохо. Обнаруживая проявления жизни, не включенные в создаваемую целостность, система прибегает к насилию, которое неизбежно приобретает массовый характер. Потому что человек всегда оставляет себе хоть что-нибудь. Впрочем, даже самое жестокое насилие не в состоянии довести дело до конца. Человек, так или иначе, ведет свою жизнь, отличную от предписанной. Поэтому претендующая на тотальность система остается для него внешней. Это значит, что отчуждение все равно происходит, только в гораздо более откровенной и жестокой форме.

Если же вернуться к тотальности, как к идее, то можно утверждать, что отчуждение есть меньшее зло по сравнению с ней. Отчуждение означает хотя бы минимальную самостоятельность индивида. Тот, от кого отчуждают, все же живет собственной жизнью. В этом смысле тотальность выглядит как отчуждение, доведенное до абсолютного предела, когда от человека не остается вообще ничего.

Едва ли существует общество, свободное от отчуждения. Оно есть безусловное зло, но поспешные человеческие попытки избавиться от него, чреваты злом еще большим. С христианской точки зрения эти попытки, по-видимому, представляют собой челове-

ское усилие устранить первородный грех, т.е. сделать самому то, что под силу лишь Богу. А потому тотальность есть, по сути, идолопоклонство. Тотальная система требует от человека буквально следующее: «отвергнись себя и следуй за *мной*». Но ведь только Христос имеет право на такие слова.

Не следует думать, что, расставшись с нацизмом и коммунизмом, мы преодолели соблазн тотальности. Отчуждение болезненно, а потому этот соблазн есть всегда. Сообщества, претендующие на целостность, на то, чтобы их члены полностью отдали себя, возникают постоянно. Нет недостатка и в политических проектах подобного толка. Сталкиваясь с отчуждением, мы обязаны сохранить собственную человечность, т.е. найти в себе нечто неотчуждаемое. Это большой труд, но не нужно поддаваться уговорам тех, кто хочет избавить нас от этого труда.

БОГ И ЗЛО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Можно ли верить в Бога, если в мире присутствует зло? Почему Бог терпит зло? Почему страдают невинные люди, праведники, а убийцы, злодеи, нечестивцы зачастую торжествуют и не получают возмездия? Может быть, Бога просто нет, иначе как понять, что Он терпит такое?

Все эти вопросы существуют очень давно – еще со времен Иова. Наверно, в нашем линейном, «евклидовом» мышлении они неразрешимы. Ведь и в Книге Иова ее герой не получает прямого ответа от Всевышнего, и нам не слишком понятно, почему, наконец докричавшись до небесного оппонента, Иов больше не настаивает на своих вопросах, хотя ответа он так и не получил. Как будто для Иова явление Бога – важнее, чем теодицея – оправдание Бога. Слово «оправдание» здесь уместно – ведь Иов буквально вызывал Бога на суд. Если нельзя оправдать зло (этому противится наше нравственное чувство), то приходится «оправдывать» Бога. Либо считать, что Его просто нет. Один из героев современного (относительно недавно умершего) еврейского писателя Исаака Башевица-Зингера формулирует это ясно и просто: после того, что случилось с европейскими евреями, верить в Бога может только болван. Разумеется, имеется в виду Катастрофа. Иными словами, если зло – реальность, то Бога не может быть, поскольку бессмысленно сочетание: Бог и зло в одном и том же мире. Правда, если предположить, что Бога нет, то наш мир вовсе не станет осмысленнее. Предположить же, что зла нет, что, как говорил известный литературный герой, все люди добры и злых людей нет на свете, предположить такое и вовсе невозможно: зло есть, оно существует, и в наше время оно существует даже как-то совсем уж вызывающе.

Не то, чтобы зло появилось только сейчас – это не так, конечно. Оно существует со времен Адама или, по крайней мере, со

времен первого братоубийцы – Каина. Но Каин все же прятался от Бога, пытался делать вид, что он не знает, где его брат, что он ему не сторож. Со времен Каина зло все-таки пряталось, или зло пряталось. Мне кажется, что особенность зла в современном мире – не его количество, не его величина или изощренность, а его *бесстыдство*. Зло и грех больше не маскируются, нет, они самоутверждаются, они хотят, чтобы их видели все. Почему-то меня особенно поразила деталь одного из терактов в нашем мире, где терроризм победно шагает по планете, при пособничестве «все понимающих» либералов. Деталь вроде бы и неважная. Во время недавних страшных событий в Мумбае террорист, зайдя в холл гостиницы, *улыбался*, затем открыл огонь по людям в холле – по первым попавшимся. Вот эта сатанинская улыбочка о многом говорит. Кажется, сатана перестал прятаться и маскироваться. Наоборот, ему теперь хочется известности и славы, он жаждет быть героем на улице, на телевидении, везде. Казалось бы, что общего между нечеловеческой жестокостью современного терроризма (в Беслане, например, террористы издевались над детьми не потому, что что-то от них хотели, а потому, что *хотели* издеваться) и безобидным ерничаньем гомосексуалистов на «парадах гордости»? Общее есть – это *бесстыдство*. Зло, кажется, сейчас озачинено более всего тем, чтобы доказать всему миру – я есть, я существую! Сомневаетесь? Смотрите телевизор.

Но существует ли на самом деле зло?

Вопрос этот далеко не праздный, если рассмотреть суть слова «существует». Имя Бога, которое раз в год произносил первосвященник в Иерусалимском Храме и не полагалось произносить более никому (так называемый тетраграммон – четырехбуквенник), так вот, это Имя на древнееврейском языке означает Сущий, Тот, Кто существует, оно того же корня, что слово «быть». Евангелие от Иоанна начинается именно этим утверждением: о Боге-Слове, Который был в начале, через Которого произошло все, что существует и без Которого ничего не существовало бы – все, что «начало быть». Ни греческий текст Евангелия, ни тем более переводы

не могут передать той игры слов, которая звучала бы в еврейском тексте: многократно обыгрываемый глагол «быть» отсылает нас к непроизносимому Имени Божьему.

Но если так, то все бытие – только от Бога, а поскольку в Боге нет никакого зла, то у зла в нашем мире нет подлинного существования, зла попросту нет, оно не является чем-то независимым от Бога и Его творения, потому что Бог не сотворил зло. Чем же оно тогда является? Ведь «мир во зле лежит». Христос сказал это две тысячи лет назад, и мир «лежит во зле» до сих пор. Есть богословское мнение, что зло – всего лишь недостаток добра, в этом смысле оно не имеет собственного существования. Человек совершает зло, если он далек от Бога, если не чувствует Бога в себе. Но есть и другое мнение, более пессимистическое: у зла есть собственная сущность, пусть это даже псевдосущность. Зло может привлекать человека само по себе, не по «недомыслию», не по «незнанию» Бога. По слову апостола, «и бесы веруют, и трепещут».

Можно утверждать, что верны оба мнения. У зла нет подлинной сущности, Бог не сотворил зло. Творить можно только в Боге и с Богом, и отпавший от Бога ангел не может сам творить ничего. Но именно для того сатане и нужен человек: ведь только человек, созданный по образу и подобию Божьему, способен на творчество. И если человек впадает в соблазн, то он может творить зло – тем самым сатана, с помощью человека, обретает некое существование и способность «реализовать» себя в этом мире. Сам мир не является злом, но он «лежит» во зле, пленен, соблазнен злом, и мы уже не можем разделить созданный Богом мир и искажение этого мира. Так зло обретает мнимую реальность.

И уже не мнимую энергию разрушения. В этом смысле зло – реальная сила, это не просто недостаток добра. И это более всего видно именно в наше время.

Что необходимо злу, чтобы не стыдиться самого себя? (А именно наше время, как уже было сказано, отмечено очевидным бесстыдством зла.) В романе Достоевского «Преступление и наказание» один из героев, Разумихин, говорит, что допустить «кровь

по совести» – это страшнее, чем, если бы убивать разрешалось по закону. И следователь Порфирий Петрович подтверждает: совершенно верно, страшнее. А почему страшнее? И что такое «кровь по совести»?

Любой преступник, даже нераскаянный, все-таки знает: то, что он делает, является преступлением. И только преступник, у которого есть обоснование его действий, есть некая идеология, любое оправдание, тем более придуманное не им самим, этот преступник свои действия преступлением не считает, более того – даже гордится ими. Убийство, обоснованное идеологическими или религиозными соображениями, и есть «кровь по совести», поскольку человек не чувствует ответственности за свои действия, за него уже все расчислили, он заранее оправдан, и совесть его спокойна. У человека в этом случае не остается никаких сдерживающих ограничений, он считает свое преступление не преступлением, а чем-то угодным... Чему? Или кому? Единственно верной идеологии? Тому, кого он считает богом? В любом случае, если идеология, диктующая поведение человека и оправдывающая его действия, разделяется к тому же большим количеством его единомышленников, то эта идеология создает человеку комфортное чувство безответственности. Как другие, так и я, мы вместе – сила, «так надо» – вот психологическое обоснование зла, которое не стыдится самого себя.

Так, на основе идеологии, какой-нибудь изощренной «шигалевищины», зло превращается в массовую, организованную общину, своего рода псевдоцерковь, антицерковь, если угодно. Я настаиваю именно на этом определении, поскольку у всех движений и организаций, основанных на общей идеологии, совершивших и совершающих сейчас чудовищные преступления, проявляется особый характер. Это не просто политические объединения единомышленников, это круг людей, *служащих* некоей сверх задаче, чему-то непременно всемирному. Их преступления – не просто средства для какой-то цели, это служение, «черная месса», они носят явно ритуальные черты. Недаром все современные террористы

так любят показной ритуал, зловещее действо. Кто не видел записанного на видеопленку зловещего ритуала исламских самоубийц, сделанного перед совершением преступления – массового убийства? Коран в одной руке, винтовка в другой, показная «молитва»... Или: убийство заложников, тоже с непрямым зловещим театральным ритуалом. Берусь утверждать, что преступления, совершаемые современными террористами, особенно исламскими – это *ритуальные* убийства, и сами террористы это подчеркивают. В том же Мумбае террористы, ласково названные либеральной прессой «сепаратистами», направились не только в гостиницу для массового убийства, но и в еврейский центр, чтобы после изуверских попыток убить приехавших из Израиля в Мумбай молодоженов – раввина и его жену. (При чем здесь «сепаратизм»?) От них ничего не хотели, не требовали – это и было ритуальное убийство в чистом виде, и никак иначе объяснить это нельзя.

Характерно, что у этой черной «церкви», у этой псевдорелигии есть свои подвижники, свои идеалисты и даже мученики. Они считают, что борются со злом – посредством зла, но что такое зло – они устанавливают сами, и всегда это зло у них оказывается «неправильно» сделанным миром, который надо заменить другим, «правильным». Будь то с расовой, классовой или религиозной точки зрения. Причем как «правильно» – знают только они. Вот как писал об этом еще в 1978 году прот. Александр Шмеман: «Пафос нашей эпохи – *борьба со злом* – при полном отсутствии идеи или видения того *добра*, во имя которого эта борьба ведется. Борьба, таким образом, становится самоцелью. А борьба как самоцель неизбежно сама становится злом. Мир полон злых борцов со злом! И какая же это дьявольская карикатура. Неверующие – Тургенев, Чехов – еще знали *добро*, его свет и силу. Теперь даже верующие, и, может быть, больше всего именно верующие, знают только *зло*. И не понимают, что террористы всех мастей, о которых каждый день пишут газеты, – это продукт вот такой именно веры, это от провозглашения борьбы целью и содержанием жизни, от полного отсутствия сколько-нибудь убедительного опыта добра. Террори-

сты с этой точки зрения последовательны. Если все *зло*, то все и нужно разрушить» (о. Александр Шмеман. Из дневников).

Здесь есть очень важная мысль: современные носители зла, вернее, одержимые злом – это именно *верующие* люди. Для современной бесовщины нужна вера. Впрочем, не только для современной. Еще древние пустыnnики и отцы Церкви замечали, что самые, казалось бы, лучшие человеческие чувства – беззаветная вера, целеустремленность, подвижничество, терпение, твердость, даже аскеза – что все это может служить бесам, если поставляется некая цель, бесам угодная. Как же отличить эту печать сатаны? Может быть, это отсутствие любви? Пожалуй, так, но важно заметить: любовь у современных одержимых бесами террористов есть, и они ее сами декларируют – это любовь к смерти. Горы трупов нужны им не только для устрашения (хотя и для этого тоже). Они сами говорят, что их сила в том, что они любят смерть, и потому сильнее тех, кто любит жизнь. Бог – это тот, кто есть, синоним жизни. Сатана – отпавший от Бога, то есть от жизни. Террористы, «борцы со злом», тем самым признаются в своем сатанизме.

Есть и еще один признак сатанизма «борцов за справедливость». Это уже упомянутая их страсть публичности, рекламы, зла напоказ. Добро совершается в тишине, незаметности. Сатане, напротив, необходим шум, всеобщее внимание, самоутверждение. Тот, у кого нет своей сущности, всегда нуждается во всеобщем внимании, как бы подтверждающем, что эта сущность у него все-таки есть.

«Террористы превратились в киногероев. ... Терроризм выродился в мировое шоу. Бесовщина стала театром, где сцена залита кровью, а главное действующее лицо – смерть. ... Без криков, проклятий и замирающих от страха сердец играть в этом театре неинтересно. Террор и средства массовой информации – сиамские близнецы нашего века. ... Террор надо лишить паблисити. Без паблисити нынешние бесы хиреют, у них падает гемоглобин в крови, им неохота жить. ...

Обозначился двойной лик терроризма: бесовское и святое. Верховенский и Шатов. Бес рано или поздно должен убить святого. Сначала в себе. ... Мир вокруг колоссально и чудовищно перевернулся. Достоевский с его фантазией не мог бы предположить, каковы перемены. Нынешний Кириллов обладает абсолютной способностью взорвать вместе с собой население Земли, чтобы стать богом. ... Мировой Скотопригоньевск опомнится лишь тогда, когда вспыхнет пожар».

Откуда эти цитаты? Какого-нибудь современного религиозно-публициста, учитывая ссылки на Достоевского и ассоциацию слов «терроризм» и «театр»? Ничего подобного – это выдержки из статьи Юрия Трифонова «Нечаев, Верховенский и другие», посвященной значению романа Достоевского «Бесы» для нашего времени и написанной в 1980 году. Как видим, с тех пор мировое зло, каковым и является мировой современный терроризм, ничуть не изменилось. Изменились только возможности этого зла – в сторону увеличения.

Но для нас здесь важно еще и упоминание «бесов». Зло, как мы уже упоминали, обретает собственную «сущность» и энергию, когда вселяется в человека, захватывает его волю. На религиозном языке такое вселение называется *соблазном*. Люди, захваченные соблазном, похожи на наркоманов, на зомбированных: зло становится в них нешуточной силой, обладает собственной энергией, стойкостью, даже героизмом и прочими прекрасными качествами, только работающими в этом случае на разрушение – в сторону смерти и небытия. Особенно если таких соблазненных очень много – это может быть целое общество, даже народ или религиозная община. Как говорил небезызвестный классик марксизма, идея, завладевшая массой, становится силой. Это верно. Особенно дурная идея. При этом сама «масса» может пасть жертвой применения этой дурной идеи, как случилось в несчастной России, соблазненной в 1917 году идеей всеобщего грабежа, дележа и дальнейшего «благоденствия». Да, верно, что Бог поругаем не бывает. Но Бог поругаем не бывает никогда, даже если мы

соблазняемся и отходим от Него: он ждет нас, как своих блудных детей. Но дьявол, если только человек поддастся на его соблазн и тем самым заключит с ним соглашение, всегда обманывает и всегда остается в выигрыше, как в любом случае остается в выигрыше казино.

Но есть в вышеприведенной цитате и еще один важный аспект: «мировой Скотопригоньевск», то есть относительно цивилизованный мир – мы с вами. Прочитируем еще несколько фраз из той же статьи Трифонова.

«...терроризм силен не числом и умением, а общественным мнением. Оно представляет собой сложный комплекс ненависти, восхищения, отчаяния, надежд и страха. Это кривое зеркало, но с мощным усилителем. Вечный соблазн: все проблемы решить разом – одной бомбой, одним последним убийством. Достоевский считал ... что общество выработало какую-то особую, вывернутую наизнанку стыдливость в отношении террора».

Со времен Достоевского общество не изменилось, а «особая стыдливость» иначе называется *лицемерием*. Именно лицемерие, особенно в отношении зла (и не только зла терроризма), является отличительным пороком современного общества. Например, отношение к преступнику как к человеку, согрешившему, но человеку, конечно, основано на христианском сострадании, на христианском убеждении, что любой человек – образ и подобие Божье, наш брат, поскольку Отец у нас – один. Но эту прекрасную основу общество умудрилось вывернуть наизнанку с помощью бесовского соблазна. И вот уже оказывается, что и преступления-то почти не было, что преступника «довели», «спровоцировали» («среда заела», как насмешливо говорил Достоевский), виновато «общество» или кто-то еще... Вокруг преступника немедленно начинается пляска в средствах массовой информации: им интересуются «защитники прав человека» (не нарушены ли его «права?»), репортеры, публицисты, психологи... Преступник интересен всем – неинтересны только его жертвы. Такое фальшивое «сострадание» и есть плод лицемерия, когда исключено основное – ответствен-

ность человека за свои поступки. Да, грешник, преступник – человек, но его преступление реально, грех реален. Христос прощает грешницу, тем более что ее грех разделяют и окружающие, но, тем не менее, Он говорит именно ей: иди и больше не греши.

Лицемерие же мирового общества в отношении явного и очевидного зла, «организованного зла» – терроризма, совершенно очевидно. Те, кто называют себя сейчас «правозащитниками», защищают уже исключительно «права» террористов. Права их жертв, обычных людей, то есть нас с вами, господ правозащитников совсем не интересуют. Хотя бы право на жизнь, право не стать заложником, не быть взорванным в автобусе, в самолете... Конечно, ларчик тут открывается просто: патологическое стремление террористов быть на виду всего мира соединяется с таким же позерством и стремлением к известности т.н. общественных деятелей, как бы они себя ни называли. «Особая стыдливость» общества же выражается в том, чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах не называть «кошку – кошкой», т.е. зло – злом. Ведь тогда сохраняется надежда, что с этим злом можно будет договориться, пусть за счет другого: любого «другого» – человека, страны, народа... «Цивилизованное общество» и не подозревает, что оно уже давно живет по известному нам всем из литературы о ГУЛАГе принципу «блатных»: умри ты сегодня, а я – завтра.

Но с дьяволом «договориться» нельзя – он, как мы уже отмечали, всегда останется в выигрыше. Христос не «договаривался» с бесами, вселившимися в человека, – Он их изгонял. И самого человека, одержимого бесами, Он рассматривал как больного, нуждающегося в помощи, а не как «партнера по переговорам», пусть с несколько неприятными идеями. Обществу пора перестать «понимать» бесов и одержимых бесами. Бесов надо изгонять, а одержимых – лечить. Но для этого надо как минимум начать с того, что назвать зло – злом, а не «альтернативным видением мира», и понять, что договориться со злом нельзя. «Зло существует, чтоб с ним бороться, а не взвешивать в коромысле» (И. Бродский). Надо вспомнить, что Господни заповеди – не относительны, что есть

предел терпимости и «разнообразию», предел столь любимой либералами «мультикультурности». Существуют разные народные обычаи, но все же «обычай» людоедства не может быть терпим, и на людоедов не распространяются «права человека».

Можно справедливо заметить: не превратимся ли мы тогда в тех самых «злых борцов со злом», о которых сказано выше? Да, такая опасность есть. Но ее нельзя избежать, самоустранившись от зла. Сатана все равно найдет того, кто от него спрятался. Не допустить сатанинский соблазн к себе в душу – это зависит только от самого человека, от того, насколько наша душа проникнута любовью к Богу и ближнему, даже к соблазненному ближнему, находящемуся во власти греха и гордыни. При этом, конечно, очень нелегко отделить грех от грешника, если это не касается нас самих, но без этого нет христианства.

Христос, глядя с Масличной горы на Иерусалим (а город с Масличной горы действительно как на ладони), плакал и скорбел об этом городе, зная его судьбу, зная, что и город, и Храм будут разрушены. Причем произойдет это вследствие грехов самого народа Божьего, из-за которых этот народ не узнал Христа в Иисусе из Назарета. И вот именно об этом городе и о Своем народе Христос скорбит. Эта Господня скорбь – и есть наше оружие в борьбе со злом, и в первую очередь со злом в нас самих, в наших душах.

Поскольку скорбеть есть о чем. Бесстыдство уже ничего не стесняющегося зла в одних, лицемерие и равнодушие в других – все это привело к тому, что количество и активность зла в прошедшем веке невероятно увеличились, и мы, кажется, стали просто привыкать к злу – особенно с помощью средств массовой информации, сообщающих нам о всплесках зла вперемешку с другими известиями, как будто ничего особенного в этом нет. И новый век не обещает быть иным. Зло стало обыденным, и поэтому обыденным грозит стать и отсутствие веры. Если не мир лежит во зле, но сам мир – зло, то в этом мире нет места для Бога или, по крайней мере, для веры в Бога. Если мы, конечно,

относимся к этой вере всерьез, и она для нас не превратилась в привычку к обрядам, либо, что еще хуже, в способ достигнуть с ее помощью каких-то посторонних целей – национальных, культурных, социальных.

Так мы вернулись к нашему вопросу: можно ли верить в Бога, если в мире царит зло? Перефразируя известный вопрос Теодора Адорно (можно ли писать стихи после Освенцима?), спросим так: можно ли верить в Бога после Освенцима? Ответим так: в Бога как некую высшую философскую категорию, устанавливающую порядок в мире, после Освенцима (поставим любой эквивалент: ГУЛАГа, 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и т.д.) верить нельзя. Это либо злой бог, либо бог, которому неинтересны наши земные дела. Мы для такого бога не существуем, поэтому и нам легче считать, что этого бога нет. Хуже того. Самые страшные преступники прошлого и уже нынешнего века были людьми *верующими*, ибо невозможно без нерассуждающей, фанатичной веры совершать массовые убийства. Страшной веры, превращающей людей в бездумные автоматы. В этой вере все наоборот, все традиционные понятия перевернуты: верующий жертвует собой не ради спасения людей, а ради их убийства, и он-то и считается мучеником, *шахидом*, которого в раю ждут неземные наслаждения. Правда, в представлении «мученика» и его наставников этот рай больше похож на публичный дом, но это же и есть «логика наоборот»: все представления меняются местами, ложь – это правда, преступление – подвиг, разврат – святость, и т.д. И приносит в мир эта вера не жизнь, а смерть, смерти ее последователи и поклоняются. Так что легко догадаться, в *кого* эта вера.

А как же Бог, который не смерть, а Жизнь, Тот, Который существует, как Ему выжить в этом мире, что во зле лежит? Как верить в Бога после Освенцима? После торжества зла? Ответ: никак. Верить в Бога как в благостного управителя нашей жизни никак невозможно, в этом герой Башевица-Зингера совершенно прав. Можно лишь верить в Бога, Который умер в Освенциме. Как Он же за две тысячи лет до того умер на кресте. И через три дня

воскрес, предваряя всех нас во всеобщем воскресении – и, прежде всего, наверно, тех, кто погиб как истинный мученик, без какой-либо вины. Как жертвы всех освенцимов. В этого Бога можно верить. В соумирающего с нами, сострадающего нам и с нами Бога. Скорбящего о нас и с нами – как и мы с Ним можем сострадать миру и скорбеть о нем.

Иерусалим, 2009 г.

ТАЙНА ЗЛА¹

Те, кто пережили последнюю войну, хорошо помнят, как тогда переполнялись годами пустовавшие храмы, как открылись тысячи церквей и молитвенных домов... Люди, давно потерявшие веру, вновь обрели её. И это не случайно. Души человеческие всколыхнуло страдание. Но почему именно оно сыграло такую роль?

И вообще – почему страдает человек? Как случилось, что он, «Венец Творения», образ и подобие Божие, словно бы обречён сеять зло, и испытывать на себе его удары? Эта загадка веками мучила лучшие умы человечества.

«Посмотри же, как мир захлебнулся грехом,
Посмотри же, как зло процветает кругом,
Горе, горе тебе, Человек...»

Ещё в библейской книге Иова звучит голос протеста и недоумения. Как совместить благость Творца с тем, что совершается на Земле? В новое время вопрос этот с непревзойдённой силой выразил Достоевский. Его герой Иван Карамазов говорит, что не хочет принимать мир, в котором Бог допускает страдания. Задумаемся над этими словами.

Верно ли представление о Боге как о небесном надзирателе? И, прежде всего – не следует ли тем, кто готов бросить упрёк Творцу, сначала присмотреться к самому человеку? Ведь именно он, наделённый свыше свободной волей, которая делает его ответственным, часто опускается ниже животного. Животные, даже хищники, никогда не совершают массовых истреблений внутри своего вида, среди себе подобных. А люди ведут между собой кровавые войны чуть ли не с первобытных времён.

---

¹ Публикуется по аудиозаписи.

Это опровергает теорию Жана Жака Руссо, который полагал, что человек добр по природе, и лишь цивилизация испортила его. Другие, наоборот, утверждали, что все пороки человечества порождены трудными условиями его существования.

Но вот, за последние сто лет, уровень жизни народов резко повысился. Были найдены новые источники энергии, завоёваны воздух, пустыни и даже космос. Было побеждено немало болезней. Научно-техническая революция преобразила быт людей – но стали ли они от этого более добрыми или счастливыми? Избавились ли от эгоизма, агрессивности, алчности, жажды власти?

Техника стала служить убийству человека человеком. Проникновение в тайны вещества создало оружие глобальной силы разрушения, которое грозит сегодня всему живому. Войны нашего века сопровождаются уничтожением мирных жителей – стариков, женщин, детей.

Хотя при нынешних способах ведения хозяйства можно прокормить несколько таких планет как Земля, миллионы людей всё ещё продолжают голодать – в то время как другие захлёбываются в море излишеств. Не несёт ли сам человек ответственность за всё это? Не по его ли вине происходят бесчисленные аварии и катастрофы? Не он ли сам отравляет себя алкоголем и наркотиками? Не бросает ли он вызов жизни и Богу, когда разрушает себя – физически, умственно и морально?

И не расплачиваемся ли мы за свою бездуховность страшным чувством ненужности жизни – ужасом гнёта тусклых, серых будней...

Человеку дарованы разум, совесть, творческие способности. Ему известны роковые последствия греха. Он может созидать, познавать мир, отдавать свои силы на служение добру. Но вместо этого он тяготеет к насилию над душами и жизнями. Обожеествляет безумцев и преступников, принося им в жертву своё человеческое достоинство.

Человек, по Слову Божию, призван возделывать и хранить природу. Но вместо этого он систематически опустошает её, превращая землю в мёртвую свалку.

Итак, развитие техники не спасло людей от самих себя. Они не могут не пожинать того, что посеяли. Поэтому многие учёные, такие, например, как знаменитый психиатр Зигмунд Фрэйд, пришли к выводу, что патология, уродство, зло коренятся в самой человеческой природе. Но в чём причина этой изначальной болезни человеческого рода? Почти все религии знают о том, что на людях лежит какая-то вина перед высшим, Божественным началом. Объясняя эти учения, Фрэйд предположил, что некогда члены одного первобытного племени убили своего отца-тирана, и с тех пор память об этом преступлении отравляла души людей, порождая в них страх, веру в таинственные силы и чувство вины. Надо ли говорить, что такая гипотеза совершенно произвольна. Другой психиатр, Эрих Фромм, утверждает, что равновесие человеческого духа было нарушено из-за того, что он оторвался от природы. Однако первобытные люди, стоявшие ближе к природе, вряд ли были более совершенными существами, чем мы.

Впрочем, гипотеза Фромма имеет рациональное зерно. Пусть и в искажённой форме, но она возвращает нас к библейскому учению о первородном грехе человечества. Древняя мудрость Священного Писания открывает нам, что причина зла среди людей была обусловлена их отрывом, отпадением от Творца. Это откровение запечатлено в книге Бытия и у апостола Павла. Сказание об Адаме, который олицетворяет собой человеческий род. Адам, или Всечеловек, как называли его Отцы Церкви, мог сохранять и преумножать свои великие дарования только в верности своему Создателю, только следуя по пути, который Он указал людям. В противном случае они должны были оказаться под властью смертоносных сил зла. Но как возникли сами эти тёмные силы? Разве не сотворён мир прекрасным, гармоничным и совершенным? Слеп тот, кто не видит этой гармонии. Но так же слеп и тот, кто не видит в природе страдание, гибель и пожирание одних существ другими. Кто не видит буйства слепых стихий, которые угрожают человеку и жизни. Из этого факта явствует, что нынешний мир незавершён, что ещё не всё в нём полностью соответствует

замыслам Божественного плана. Правда, в Библии сказано, что Бог назвал Своё творение совершенным, прекрасным – но речь идёт о взгляде поверх времени, когда Творцу предстал мир в своём конечном осуществлении. Человек же был приведён в мир, пребывающий во времени, в становлении. Где, наряду с силами гармонизации, действовали силы, противящиеся замыслам Божиим. Эти силы Писание символически изображает в виде змея-искусителя, или чудовища Хаоса. Но всё же, как этот противоборствующий полюс мог появиться в Божьем творении?

Начнём с того, что все мы знаем как велико многообразие существ и явлений, составляющих видимую природу. Но кроме неё, как свидетельствует духовный опыт людей и Слово Божие, есть столь же многоликий мир незримых духовных сил. Их бытие тесно переплетается с жизнью природы.

Даже простой эксперимент показывает, насколько могущественно воздействие духа на тело. Например, если внушить человеку под гипнозом, что ему на кожу попал яд, у него появится ожог, хотя налита будет простая вода. Не говоря уже о власти духа над телом, которая проявляется в удивительных достижениях йогов, способных часами не дышать, останавливать и снова включать работу сердца.

Согласно Писанию, когда видимый мир только начал созидаться, в духовой сфере бытия возникла тёмная демоническая воля к разрушению. Она оказала воздействие на ход законов материальной природы. Победить эту противоборствующую стихию сатаны должна, с помощью Творца, сама тварь. История миротворения стала, таким образом, историей борьбы – между смертоносным хаосом, искажающим строй вселенной, и творческими началами.

Об этой борьбе говорят слова поэта:

«Бог один есть свет без тени.
Нераздельно с ним слита
Совокупность всех явлений,
Всех сияний полнота.

Но усилям духа злого
Вседержитель волю дал,
И свершается всё снова –
Спор враждующих начал.
В битве смерти и рождения
Основало божество
Нескончаемость творенья,
Мирозданья продолженье –
Вечной жизни торжество».

Хаос влечёт мир к разрушению, распаду, к умиранию энергии. Но по воле Божественной премудрости, Логоса, творящего Слова Господня, ему противопоставлена закономерность, порядок, организация эволюционирующей природы. Мы открываем их уже в мельчайших частицах вещества, и в царстве живых существ, которые, хотя и погибают, но передают эстафету жизни своим потомкам. И, наконец, в лице человека – двуединого существа, в котором связаны дух и плоть – Природа получила от Бога новые творческие силы и новые возможности. Человек призван был стать соучастником творения, соучастником борьбы Логоса против тьмы и смерти. Но, имея в себе образ и подобие Божие, человек, следовательно, имел и свободу. Именно своей свободой люди воспользовались не для того, чтобы содействовать космическим замыслам Творца, а для того чтобы искать господства над миром, независимо от Бога, во имя ложного самоутверждения. Змей, читаем мы в Библии, обещал людям, что они, нарушив волю Создателя, сами будут как боги, познавшие добро и зло, то есть владеющие миром.

Люди вняли голосу искушителя. Эту измену мы называем первородным грехом, или грехопадением человека. Власть, противостоящую Творцу, Библия обозначает символом «запретного древа». Вкусив от его плодов, человек утратил живую, непосредственную связь с Тем, Кто его создал, исказились его отношения с природой, он впал в рабство злу, терзаемый болезненно неутолённой

волей к власти. Таков исток всеобщего недуга, заразившего человечество – всего Адама. Недуга, который продолжал своё разлагающее действие на протяжении веков истории.

Его симптомы мы находим в древней магии, которая силилась подчинить человеку мир, видимый и невидимый, путём заклятий и ритуалов. А много позднее, бездуховная техническая цивилизация тоже создала нечто вроде магии, которая обрушила на природу всю тяжесть своего насилия, которую душит властолюбие, которая использует как рычаги деньги, пропаганду, силу оружия. Но как в истории миротворения хаосу и распаду противостояли начала гармонии, а смерти – жизнь, так и греху в истории людей не дана была полная победа. Хотя Бог стал для человека запредельным, и как бы далёким, Он сокровенно присутствовал в жизни людей, будил их разум и совесть, не давал угаснуть тоске по иной жизни.

Два близких между собою желания, говорит русский философ Владимир Соловьёв, как два невидимых крыла поднимают душу человеческую над остальной природой. Желание бессмертия и желание правды, или нравственного совершенства. История мировых религий стала историей поисков утраченного божества. Бог открывал людям свою волю через мудрецов и пророков Ветхого Завета. Они возвещали, что самый совершенный путь к Творцу – это полное доверие к Нему. Вера в Его благодать вопреки всему.

Когда же наступило предреченное пророками время, Бог Сам предельно приблизился к человеку, явившись в мир в лице Иисуса Христа, возвестившего о Царстве Божиим. Как человек Он отверг искушение Сатаны, искушение земной властью и насилием. Во Христе сам Бог, страдавший со всей тварью, прошёл скорбный человеческий путь. Испытал гонения и одиночество, непонимание и предательство, пытки и смерть. По выражению одного христианского писателя, «наш брат, покрытый ранами – это наш Бог». Как крест на своих плечах, Христос нёс на себе страдания и грех мира, для того чтобы привлечь человека к Богу. Он искупил человека, то есть открыл ему путь к совершенной жизни в Боге.

Восторжествовав над смертью, Распятый положил основание новому грядущему бытию. Он стал среди людей первенцем из мертвых, чтобы повести всю тварь к Царству Божию. В искуплении таинственный процесс созидания мира получил продолжение.

Христос незримо остался в мире. Он призывает всех тех, кто свободно избрал верность Ему, служить великим замыслом Господним. Не ради награды, а во имя ответной любви к Тому, Кто умер за нас на Голгофе. Теперь, как и в начале существования человека, ему предлагается сделать выбор: свет или тьма. Христос ждёт от Своих верных, чтобы их воля соединилась с Его волей, их руки стали Его руками, чтобы Его Церковь стала Его свидетельницей – Его живым воплощением, Его телом.

Однако Он не обещал, что дорога эта будет лёгкой. «Узок путь и тесны врата, – говорил Он. – В мире будете иметь скорбь». Но Он же сказал: «Мужайтесь, Я победил мир». Не случайно в Библии сказано, что даже зло Бог обращает ко благу. И в самом деле, несовершенство мира требует от человека мужества, усилий и борьбы. Преодолевая преграды, люди осуществляют себя. Обретают цельность и целеустремлённость. Даже болезнь может стать источником стойкости и терпения для одних и школой сострадания для других. «Стоит пострадать самому, – говорил Гоголь, – как уже все страдающие становятся тебе понятны». Вспомним об учёных, ценой своей жизни спасавших других, и о тех, кто отдали жизнь, защищая Отечество и свободу. Вспомним подвижников, которые обрели духовную силу в борьбе с собой, и смогли оказать помощь тем, кто в этой силе нуждался. Мученик возвышается над естественным страхом смерти во имя идеи, во имя ближнего и веры, и, в конечном счёте – во имя Бога, хотя не всякий герой осознаёт это.

Великое достоинство человеческой личности заключено в том, что она может отстаивать себя, сохранять верность себе, и тому высшему, что стоит над ней. Так бури нашего несовершенного мира способствуют возрастанию человеческого духа.

Французский поэт Шарль Бодлер писал:

«Благословен, дающий нам страдания
В пустыне зол источник вод живых.
Как в горне сталь, в горниле испытания
Наш крепнет дух для радостей святых».

Достоевский сумел показать, какая глубина человечности открывается через страдания, какая мудрость может быть обретена в опыте скорби.

Человек бывает страшен. Он способен опуститься в самую бездну сатанинской жестокости. Это он создал пытки и построил лагерь смерти. Но, как сказал один из узников этих лагерей, те, кто сохранили там твёрдость и надежду, и шли на смерть с молитвой на устах – тоже были люди. Мы стоим на развилке путей. Один ведёт в бездну мрака, в ничто, другой – к Царству Божию.

В этом мире человек ещё не в состоянии стать безгрешным, но, ведя войну с грехом, он в состоянии достигнуть святости. Точно так же идеальное общество невозможно, но люди должны прилагать все свои усилия, борясь за справедливость, мир и братство, исполняя тем завет Господень. Идущие за Христом, и те, кто познали Его, и те, кто верят лишь смутно – трудятся ради грядущей победы Света. Они страдают с Ним, и с Ним обретут новую жизнь в преображённом мире.

Ещё в древнем библейском пророчестве сказано, что настанет день, когда хаос будет повержен. Христос говорит о суде над злом мира, который совершится в конце истории.

Тогда наступит полнота творения, воцарится Господь и осветит Своим присутствием новое Небо и новую Землю. Во Вселенной восторжествует дух гармонии, возникнут новые законы, исключаящие распад и смерть. Предчувствие этого будущего живёт во всём прекрасном и добром, что уже сегодня светит как маяк в нашем темном мире. О Царстве Божием предвозвещает красота мироздания, о Нём говорят творчество и молитва, действенная любовь и противостояние злу. Всё это залог высшего этапа в истории человека и вселенной.

ЕДИНСТВО ЖИЗНИ И СМЕРТИ БРАТА РОЖЕ

Во многих посланиях, которые мы получили¹, смерть брата Роже сравнивалась с насильственной смертью Мартина Лютера Кинга, архиепископа Ромеро или Ганди. В тот момент это, несомненно, помогло нам увидеть брата Роже в ряду тех свидетелей, которые пожертвовали своей жизнью. Однако, немного поразмыслив, нельзя отрицать и того, что между ними есть и некоторая разница. Те люди были борцами политического или идеологического толка, они были убиты врагами, которые не могли примириться с их убеждениями или их влиянием. Так и гибель монахов в Тибиристине² была по-своему обусловлена политическим противостоянием, даже если от них избавились не из-за страха перед влиянием, которое они могли бы оказать на ход вещей, но просто потому, что они были слишком выразительным символом.

Нам скажут: нет смысла искать объяснение убийству брата Роже. Ибо зло, настоящее зло, заставляет умолкнуть всякое объяснение. Ветхозаветный праведник сознавал это, когда говорил, что его возненавидели «без вины» (Пс 68:5), и святой Иоанн Богослов вкладывает эти слова в уста Христа. «Возненавидели Меня напрасно» (Ин 15:25). В этом смысле бесполезно спрашивать «почему?».

Однако при близком общении с братом Роже меня всегда поражало одно свойство его личности, и я спрашиваю себя, не в нем

---

¹ Имеются в виду письма, полученные общиной Тэзе после убийства ее основателя – брата Роже Шютца – 16 августа 2005 года. (Прим. ред.)

² См. «Христианос-Х», 2001 г. Кристиан де Шерже «Когда близится встреча с Богом...». С. 183–185; архиепископ Алжирский Анри Тессье «Введение к книге Роббера Масона «Тибирин. Часовые Атласа». С. 186 – 196.

ли причина того, что он стал мишенью. Брат Роже был невинен. Не в том смысле, что у него не было прегрешений. Невинный – это тот, для кого все вещи обладают такой очевидностью и непосредственностью, которые не существуют для других. Для невинного истина очевидна. Он ее, можно сказать, «видит», и ему трудно уразуметь, почему другие приходят к ней так мучительно. То, что он говорит или предлагает сделать, для него просто и ясно, и он удивляется, что другие этого не чувствуют. Легко понять, что таким образом он часто оказывается беззащитным и уязвимым. Однако его невинность, в целом, это не наивность. Для него реальность не была так замутнена, как для других. Он видел «сквозь» нее.

Возьмем в качестве примера единство христиан. Для брата Роже было очевидно, что этого единства желал Христос, что оно возможно лишь благодаря Ему, и поэтому следует начать жить им безотлагательно. Доводы, которые приводили против этого, казались ему искусственными. У него складывалось впечатление, что этими доводами пользуются лишь для того, чтобы оправдать позицию, с которой не хотят расстаться. Для него вопрос христианского единства заключался, прежде всего, в примирении. И, по сути, он был прав, ибо все мы слишком мало спрашиваем себя, какова цена этого единства, и готовы ли мы заплатить за него. Примирение, которое не особенно затрагивает нас, может ли называться «примирением»?

О брате Роже говорили, что он не обладал богословским мышлением. Однако не видел ли он гораздо яснее тех, кто говорил это? На протяжении веков христиане оправдывали свои разделения. Они искусственно преувеличивали свои противоречия. Не давая себе в том отчета, они оказались втянутыми в процесс соперничества, но очевидность этого явления ускользнула от них. Они не видели «сквозь реальность». Единство казалось им невозможным.

Брат Роже был реалистом. Он отдавал себе отчет в том, что оставалось неосуществимым, в особенности, когда речь шла о

церковных институтах. Но останавливаться на этом он не мог. Невинность, о которой я говорил, придавала ему совершенно особую силу убежденности, своего рода кротость, которая никогда не признавала себя побежденной. До самого конца он смотрел на проблему христианского единства как на вопрос примирения. Однако примирение – это шаг, который может сделать каждый христианин. Если бы все действительно его сделали, единство было бы близко.

Существовала и другая область, где брат Роже проявлял особую чувствительность и в которой еще лучше проявлялась его личность в ее, так сказать, радикализме: все, что могло вызвать сомнение в любви Божией, было для него невыносимо. Однажды я видел его смущение, когда он задавался вопросом, как в 102 Псалме могло быть сказано о Боге, что Он «не до конца гневается и не вовек негодует» (ст. 9). (По-славянски: «Не до конца прогневается, ниже во век враждует» – прим. перев.) Люди, стало быть, должны думать, что Бог может гневаться, и что негодование присуще Его природе?.. Здесь мы вновь соприкасаемся с непосредственным пониманием божественной реальности. Это не означает, что он отказывался размышлять, но он со всей силой ощущал внутри себя, что определенный язык, притязающий на правоту – например, язык, говорящий о любви Божией, – на самом деле затемняет то, что неискушенные люди ожидают от этой любви.

Если брат Роже особенно настаивал на добре, заложенном в глубине человеческого существа, это следует воспринимать в том же ключе. У него не было иллюзий относительно зла. По природе он был, скорее, уязвим. Но он обладал уверенностью, что если Бог любит и прощает, Он не желает возвращаться ко злу. Всякое истинное прощение пробуждает изначальную сущность человеческого сердца, сущность, которая сотворена для добра и открыта ему.

Поль Рикер был чрезвычайно поражен этой «изначальностью» добра. В этом он видел смысл религии: «Высвободить добро, пребывающее в глубине души человека, отыскать его там, где оно

совершенно сокрыто». В прошлом в христианской проповеди часто утверждалось, что человеческая природа испорчена в основе своей. Но такая проповедь оттолкнула многих людей от веры, ибо даже тогда, когда они слышали речи о любви, у них создавалось впечатление, что эта любовь была вовсе не безоговорочной, и что возвещенное прощение было отнюдь не полным.

Самое драгоценное наследие брата Роже заключается, может быть, именно в этом ощущении любви и прощения, в тех двух реальностях, которые были для него очевидны и открывались ему с непосредственностью, зачастую нам недоступной. В этой области он был поистине невинен, всегда прост, незащищен, он читал в сердцах других, и был способен на абсолютное доверие. Его чудный взгляд передавал это. Если он чувствовал себя запросто с детьми, то потому, что и им была присуща такая же непосредственность; они не могут защитить себя и не могут верить в то, что сложно; их сердца устремляются навстречу тому, что их трогает.

Я хорошо знаю, что сомнения никогда не покидали брата Роже. И потому он любил повторять слова: «Не позволяй моей тьме говорить со мной!» Ибо тьмой были нападения сомнений. Но эти сомнения не затрагивали очевидности, с которой он ощущал любовь Божию. Может быть, именно сомнения требовали языка, который не терпел никакой двусмысленности. Очевидность, о которой я говорю, относилась не к интеллекту, но к более глубокому уровню – сердечному. И, как и все, что не могло быть защищено убедительными рассуждениями и вескими доводами, эта очевидность была хрупкой и уязвимой.

В Евангелии простота Иисуса сбивает с толку. Некоторые Его слушатели ощущали, что речь шла именно о них, как если бы раскрывались помышления их сердец. Ясная речь Иисуса и Его способность читать в сердцах были для них угрозой. Человек, не замыкающийся на конфликтах, которые мы взращиваем в самих себе, кому-то может показаться опасным. Этот человек очаровывает, но очарование легко может стать враждой.

Конечно, брат Роже очаровывал своей невинностью, непосредственной восприимчивостью, своим взглядом. И я думаю, что он видел в глазах каких-то людей, как очарованность превращается в недоверие или в агрессию. Да, для тех, кто носит в себе неразрешимые конфликты, такая невинность может стать невыносимой. И тогда мало будет лишь оскорбить или растоптать эту невинность, ее нужно уничтожить. Доктор Бернар де Сенарклен написал о той, которая оборвала жизнь брата Роже: «Если свет слишком силен, а я думаю, сияние, исходившее от брата Роже, могло ослеплять, это не так легко вынести. Тогда остается лишь одно: погасить этот сияющий источник, уничтожив его».

Я хотел поделиться этими размышлениями, чтобы высветить единство жизни и смерти брата Роже. Его смерть стала подтверждением всей его жизни. Ведь он был убит не за дело, которое защищал. Он был убит за то, что он был тем, кем он был.

*Перевод с французского
священника Владимира Зелинского
под редакцией Наталии Большаковой*

Ольга Бухина

СМЕРТИЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ: СМЕРТЬ В ДЕТСКОЙ КНИЖКЕ

Ольга Бухина родилась и большую часть жизни прожила в Москве. По образованию психолог, училась в МГУ и длительное время проработала в психиатрической больнице «Матросская Тишина».

Была прихожанкой церкви в Новой Деревне, где служил отец Александр Мень, позже была в косьмодемьянском приходе в Москве.

Переводчик с английского: «Принц Каспиан» и «Последняя битва» Клайва С. Льюиса, несколько детективных историй Энид Блайтон, «Маленькая метла» Мери Стюарт, «Тайна Лунной долины» Элизабет Гоудж, «Мистер Бог, это Анна» Финна, «Стра-на Рутамята» Карла Сэндберга, «Шпионка Гариетт» Луис Фит-цью, «Медный лук» Элизабет Джордж Спир, «Амос Счастливчик, свободный человек» Элизабет Йетс, «Неуклюжая Анна» и «Слы-шишь пение?» Джин Литтл.

Вместе с сестрой Галиной Гимон перевели два исторических романа английской писательницы Филиппы Грегори – «Еще одна из рода Болейн» и «Наследство Болейн», а совсем недавно вышел перевод на русский язык популярной книги по истории «Жираф семейства Медичи» Марины Белозерской.

В 1998 году переехала в Нью-Йорк.

О, как мы любим лицемерить
И забываем без труда
То, что мы в детстве ближе к смерти,
Чем в наши зрелые года.

Осип Мандельштам

«**Смертию смерть поправ**», – говорит нам Пасхальное песнопение, утешая, обещая, ободряя. Смерть побеждена, ее жало вырвано. Да, мы в это верим, понимаем умом, что наш Спаситель поборол смерть. Но на душе у нас все равно тревожно. Богословское знание не делает смерть понятней. Честно говоря, она совершенно непонятна. Ничто так не волнует и больших, и маленьких, как тайна смерти. Песнопения православного чина отпевания, если нам довелось их услышать, готовят нас к тому дню, когда их пропоют над нами. «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую по образу Божию созданную нашу красоту». Эти слова многое объясняют взрослому, но ребенку они ничего не говорят, ему нужен другой источник знания и надежды. Однако не надо думать, что дети о существовании смерти не догадываются и ни о чем таком не задумываются.

Смерть и пугает, и привлекает. Недаром Зигмунд Фрейд называет стремление к смерти одним из двух сильнейших желаний, уравнивая Эрос и Танатос в правах. Разные культуры по-разному относятся к смерти, но забыть о ней не может никто. Мексиканская традиция вся пронизана присутствием смерти, и в день Праздника Всех Святых Смерть в виде очаровательных игрушечных скелетов, одетых в нарядные костюмчики, царит повсюду. Американцы отмахиваются от смерти, стараются ее не замечать, игнорирует ее, настолько, насколько возможно, делая вид, что она где-то там далеко, на безликих кладбищах в День памяти павших. В России люди со смертью слегка фамильярны, выпивая и закусывая на могилках близких всю неделю после Пасхи.

Религиозные течения, мыслители, писатели пытаются каким-то образом объяснить возникновение смерти. В индийском мифе о сотворении мира смерть возникает как избавление от проблем

перенаселения и сопутствующих ему ссор. Будда (тогда еще принц Гаутама) спотыкается о проблему смерти. Проживши юность свою в безопасности и наслаждении, он, в первый раз выйдя из родительского дворца в город, сталкивается с болезнью, старостью и смертью. И перед ним встает экзистенциальный вопрос – в чем же смысл жизни, если мы все равно умрем? Зачем тогда жить? У современного португальского писателя Жозе Сарамаго есть роман под названием «Перебой в смерти», где Смерть – один из персонажей. Согласно Сарамаго, смерть так же необходима для жизни, как и сама жизнь. Но и это не делает смерть понятней.

Сколько люди ни быются, они не могут найти сколько-нибудь разумного и логичного объяснения феномену смерти, но попыток упрямое человечество не оставляет. Американский психолог и психотерапевт Виктор Франкл, выживший в фашистском лагере уничтожения, писал, что «совсем необязательно резко разграничивать жизнь и смерть, скорее смерть является неотъемлемой составляющей жизни». Ветхий Завет рассказывает о первородном грехе, называя именно его источником смерти, христианское учение... Но не будем торопиться с теми ответами, которые предлагает Христианство.

Смерть непонятна для взрослого, но еще загадочней она для ребенка. Задаваемый ребенком вопрос о смерти привычно замалчивается в большинстве современных культур, смерть задвинута куда-то в сторону, занавешена, как зеркало в день похорон, белой простынкой – давайте притворимся, что ее вовсе не существует. Только от недоумения в детских глазах при виде мертвой птички все равно никуда не деться, придется отвечать на даже невысказанный вопрос.

Что такое смерть? Что происходит после смерти с нашим телом, нашей душой? Остается ли от нас что-нибудь после смерти? Где сейчас бабушка с дедушкой, которые давно умерли? Что случилось с любимым попугаем, кошкой, собачкой – куда они деваются? Этот вопрос встает перед каждым ребенком, увидевшим сломанный цветок, убитую белку или умирающую собаку. А что,

если ему придется столкнуться со смертью человека, хуже того, ребенка?..

Маленькому созданию совершенно необходимо знать ответы на эти вопросы, и туманные объяснения взрослых – будь они религиозными, научными или просто житейскими – его не удовлетворяют. Ему нужно найти свой собственный образ смерти – и научиться ее не страшиться. А это совсем не так просто. Ребенку непонятна смерть взрослых, старых людей, но особенно тревожна смерть детей, таких же маленьких, как он сам. А взрослые часто оберегают детей, стараются подольше не говорить с ними на темы смерти.

Однако, подчас смерть реальная ребенку менее страшна, чем смерть воображаемая. Он боится не столько смерти, сколько страха смерти. Что, если я завтра не проснусь – умру во сне? Просто невозможно заснуть с такой мыслью, да еще в темноте. Что, если родители в соседней комнате – там так тихо – уже умерли? Ну, а если их нет дома, то они, конечно же, попали под машину и никогда больше не вернутся.

Дети не понимают смерти, не знают ее причин, не могут разобраться в мешанине реальности и воображаемых страхов. Особенно это трудно в нашем городском, защищенном мире, где ребенок редко сталкивается со смертью лицом к лицу. И еще более чем раньше, вырастает он совершенно неподготовленным к тому, с чем ему придется соприкоснуться в жизни. Потому так важны те детские книги, которые осмеливаются затронуть тему смерти. Я не имею в виду назидательные рассказы, они не помогут. Здесь нужна «тяжелая артиллерия» по-настоящему хороших детских книжек.

Книги «готовят» ребенка к жизни по многим «предметам», и вопросы жизни и смерти – не исключение. Детская литература не избегает проблемы смерти, не игнорирует ее, напротив, она смело бросается в бой. Начнем с того, что читать о смерти в детской книжке все же для ребенка легче, чем представлять себе смерть мнимую, воображаемую, неотвратимо настигающую в полумраке детской. Хотя книги книгам рознь. Андерсен, например, до

того реален, что смерть девочки со спичками – смерть во сне – оказывается как раз тем, чего больше всего боится всякий ребенок. Эта смерть, на первый взгляд, надежды не оставляет. Только когда становишься немного постарше, начинаешь понимать, что Андерсен имел в виду.

Я уже не говорю о «Бэмби» Феликса Зальтена, книге изумительной, но насквозь пронизанной страхом смерти, и потому почти невыносимой в детстве. Понадобился мультфильм Уолта Диснея для того, чтобы сделать эту историю немножечко менее страшной. Однако, в целом, на книжных страницах, угроза смерти появляется чаще, чем собственно смерть. Детские книги, в большинстве своем, заботятся о счастливой концовке. Правда, в детстве в этом уверенности нет. Какой юный читатель (с фонариком, с головой под одеялом), упивающийся Жюлем Верном, не заглядывал в конец книги в тот ужасающий момент, когда страшные новозеландские дикари уже готовы зажарить и съесть путешественников – только для того, чтобы убедиться, что отважный Роберт и бравый капитан Грант все еще живы.

Взрослая литература, конечно, не скупится на смерть и регулярно убивает героев, начиная с Энкиду, героя древнейшего известного нам эпоса, «Сказания о Гильгамеше». В Книге книг, Библии, тема смерти безбрежна, только в Новом Завете упоминания слова «смерть» исчисляются сотнями. Евангелие не раз приоткрывает нам завесу тайны смерти и посмертной участи человека. Как же перекинуть мостик между библейским ответом и тем жгучим вопросом, который застыл в глазах испуганного ребенка? Детские книги добиваются до сердца маленького читателя особой тропой.

«Дочь моя при смерти; приди и возложи на нее руки, чтобы она выздоровела и осталась жива». Начнем с «Томасины» американского писателя Пола Гэллика, замечательной истории о красавице-кошке и ее маленькой хозяйке. С первой же страницы идет серьезный разговор о смерти – мы на приеме у ветеринара, который «милосердно» дарит смерть налево и направо. Вот усыплен маленький, смешной песик Рэбби, теперь на очереди кошка

Томасина. Пока ветеринар борется за жизнь попавшей под машину собаки-поводыря, умирает и человек – слепой Таммас. Умирает тихо, спокойно, полный надежды на то, что собака, «его глаза», будет спасена.

Казалось, смерть торжествует, нет же, усыпленной Томасине, рыжей кошке, с которой неразлучна Мэри Руа, рыжеволосая девочка, суждена вторая жизнь. Только ее хозяйка об этом не знает. Священник, отец Энгус, утешает девочку: «Она не умерла, вот она, с нами, она живая для нас... Она живет в нашей памяти... Пока мы с тобой ее помним во всей ее красе и славе, она не умрет». Ожившая кошка живет у знахарки Лори, которую считают то ли блаженной, то ли ведьмой, и та дает ей новое, хорошо знакомое каждому христианину, имя. Теперь кошку зовут Талифой. «Скажи мне, Талифа», – спрашивает Лори в тяжелую минуту. – «Ты ведь умирала, ты знаешь, что это такое – покой, мир?»

Смерть спешит выставить счет усыпившему кошку ветеринару. Больна его дочка, его единственное счастье, Мэри Руа, у которой пропало желание жить. «Кто считает, что за жизнь больной кошки надо отдать всю свою жизнь и радость?» – вопрошает отец в долгом своем споре с Богом. Эта книга не притворяется, что смерти нет, что она где-то там, в отдаленном будущем. Пусть дети страшатся смерти, вместе с тем, обретая реальность, она теряет пугающий облик. Смерть даже может быть желанным избавлением – для замученного жестокостью медведя, и восьмилетний Джорди, еще не делающий различия между ценностью жизни маленькой лягушки и жизни человека, это понимает. Смерти у Гэл-лико противопоставлено Чудо, чудо любви, заботы, горячей молитвы. Томасина возвращается, Мэри Руа выздоравливает, ее отец примиряется с Богом.

«А праведники в жизнь вечную». Но воскресение возможно не всегда. Маленькая Ева в «Хижине дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу умирает, хотя о ее спасении тоже возносится немало молитв. Смерть – невероятно важная тема в этой книге. Не только смерть малышки Евы и ее отца, случайно убитого в драке. Сколько же

здесь упоминаний об умерших в младенчестве детях, еще страшнее бесчисленные истории погибших рабов – брошенных в погреб на верную смерть, как Прю, лишивших себя жизни, как женщина на пароходе, узнавшая, что ее малыш продан. Умирает замученный жестоким хозяином Том, так и не дождавшись в этой жизни обещанного освобождения.

Смерть Евы и Тома не бессмысленна для читателя. Смерть Евы становится поворотным моментом и для тетушки Офелии, и для маленькой Топси, малышки-негритянки, искалеченной рабским детством. Смерть Тома навсегда изменяет Джорджа, сына того самого человека, который продал Тома и обрек его на столь ужасные муки и разлуку со всем, что ему было дорого. Однако, это не показательная, назидательная смерть, которой грешит иногда литература, взрослая и детская, особенно в веке девятнадцатом. Просто в «Хижине дяди Тома» все всерьез, по самому большому счету.

«Ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего». Еще загадочнее и важнее для ребенка тема посмертия. Одним из способов объяснения ребенку смерти и посмертия является образ множественных миров, пересадки с одного поезда на другой. Отчасти этот прием использован К.С. Льюисом в «Последней битве», о которой мы еще поговорим поподробнее. Однако, лучшим примером, пожалуй, служит книга Астрид Лингрен «Братья Львиное Сердце». Юнатан утешает смертельно больного младшего братишку Карла-Сухарика, объясняя ему, что после смерти на этой земле, человек оказывается в Нангияле, замечательной стране, «где-то по другую сторону звезд». Он обещает брату, что в Нангияле тот будет «здоровым, сильным и даже красивым». Сильный и красивый Юнатан умирает, однако, раньше болезненного и хилого Сухарика – спасая брата, он погибает во время пожара. Теперь Сухарика уже не так страшно умирать – ведь Юнатан ждет его в Нангияле. Но и эта чудесная страна оказывается лишь прелюдией, подготовкой к вечности. В Нангияле братьев ждет множество приключений, чудесных и страшных, но теперь и Карл-Сухарик

готов к «жизни будущего века», ибо и он с честью выходит из выпавших на его долю испытаний.

«К духам праведников, достигших совершенства». Вера в то, что ушедшие раньше нас, ждут нас в месте последнего упокоения, придает нам храбрости, необходимой для того, чтобы не сдаться, не сломаться перед лицом смерти неминуемой. В книге английского писателя Финна «Мистер Бог, это Анна», главная героиня – бездомная девчушка, найденная рассказчиком на улице в холодную, туманную лондонскую ночь. Прожив совсем не так много времени в семье рассказчика, чьего полного имени мы так никогда и не узнаем, Анна умирает от несчастного случая. В Анне столько жизненной силы, столько веры и доверия, у нее такие свойские, непосредственные отношения с Богом, что за ее посмертную участь беспокоиться не приходится. Но поначалу старшему другу Анны от этого не легче. Внезапная смерть маленького ребенка, смерть от несчастного случая нуждается в объяснении. Секрет здесь во взаимоотношениях Анны со Всевышним, в том, что она, несмотря на малые свои годы, сумела полностью изменить жизнь Финна, в том, что она готова ко встрече со своим старинным другом – Богом. Анна не сомневается в любви Финна, не сомневается в любви Бога, она уверена, что, как бы сильно ни любил ее Финн, любовь Бога «в миллион раз больше». (В случае Мэри Руа дело обстоит иначе. «Господи, – молится старая няня, – у Тебя столько деток, оставь нашу девочку нам».)

«Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» «Мост в Терабитию» Кэтрин Паттерсон, произведение знакомое современному ребенку по книге и фильму, опять приносит тему внезапной, немотивированной, бессмысленной смерти – смерти от несчастного случая. Умирает Лесли, маленькая подружка главного героя Джесса, и в голове у мальчика вместе с горем, которое он еще не может по-настоящему осознать, начинают шевелиться страшные мысли – а что будет с ее посмертным существованием. Лесли не ходила в церковь и не верила в Бога; она, несомненно, попадет в ад, как утверждает маленькая сестренка Джесса: «В Библию надо

верить... Если ты не веришь, Бог тебя загонит в ад». Утешение приходит с неожиданной стороны. Отец, жесткий, несентиментальный человек, религиозный без рассуждений и раздумий, внезапно говорит сыну: «Господи, Джесс, да не дури ты! Будет Он посылать в ад маленькую девочку!» Простые слова побеждают ад в душе мальчика, теперь смерти не удастся угнездиться в его сердце.

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». А вот недавняя книга Екатерины Мурашовой, «Класс коррекции», к теме смерти подбирается медленно и осторожно. Это книга о современной школе и об одном весьма странном классе, в котором собраны, – как бы так помягче выразиться, – «школьные отходы», все те, кому, как считают учителя, не место ни в элитном гимназическом, ни в просто нормальном классе. Девятнадцать мальчиков и девочек с разнообразнейшими проблемами – физическими, психическими, умственными. Один плохо видит и слышит, другая ничего не говорит, третий страдает малопонятными припадками, четвертый всего лишь буянит. А тут к ним попадает еще один, который и передвигается-то с трудом – на костылях, да в инвалидной коляске. И когда его одноклассница – создание неземной красоты, пережившее страшную психическую травму – попадает в серьезнейшую беду, он – новичок – жертвует своей жизнью, даже не за тем, чтобы ее спасти, а чтобы хоть немного помочь ее спасению, освобождению этой заколдованной принцессы и из страшного замка, и из рук не ведающих сострадания людей. Мальчик умирает, но в этой смерти нет ни бессмысленности, ни жестокости. Только благородство и благодарность за то, что у тебя есть друзья, за которых стоит умереть.

«Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его». Говорить о смерти можно даже с самыми маленькими детишками. А еще им можно об этом читать. Для этого отлично подойдет маленькая книжечка шведского писателя Ульфа Старка «Моя сестренка-ангел». У мальчика Уффе есть невидимая утешительница во всех ребячьих невзгодах, сестренка-ангел, умерший родами младенец,

веселое и озорное, ласковое и нежное, но всегда проказливое создание. Когда Уффе грустно, когда у него нелады с Богом (иногда мальчику трудно найти взаимопонимание с Тем, Кто не всегда сразу же отвечает на его ребячьи молитвы-требования), сестренка тут как тут. Она проводит брата через детские «пустыни» и маленькие «гефсимании», не покидает его, когда ему страшно, учит просить за других, а не только за себя, наставляет, развлекает, объясняет. А главное – помогает ему и читателю признать смерть неотъемлемым атрибутом жизни.

«Небо и земля прейдут». Напоследок нам остался Клайв Стейплз Льюис и его прямой и недвусмысленный христианский ответ на проблему смерти. Нарнийские законы не слишком сильно отличаются от земных. Люди и звери рождаются и умирают. Аслан идет на смерть ради спасения тех, кто верит в него, и воскресение оказывается возможным. Мы присутствуем и при рождении Нарнии, и при ее гибели. Приходит черед «последней битвы», и время останавливается. Но не надо грустить о прекрасной стране. Ибо «это была не настоящая Нарния. Та имела начало и конец. Она была только тенью или копией настоящей Нарнии, которая всегда была и будет; так же как и наш собственный мир. Англия и все остальное – это только тень или копия чего-то в настоящем мире Аслана», Великого Льва.

Христос ждет всех своих детей там, за последней чертой, – у Льюиса в этом нет ни малейших сомнений. Питеру, Эдмунду, Люси и остальным не грозит опасность быть отосланными обратно, ибо это было настоящее железнодорожное крушение. В нашем мире и они, и их родители погибли. Но разделения на Нарнию и наш мир больше нет; в мире Аслана, Небесном Иерусалиме, все разделения пропадают, «все настоящие страны – только отроги Великих гор Аслана».

«Сон кончился, это утро».

Нью-Йорк, июнь 2009 г.

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Священник Владимир Лапшин

**ВЕЛИКИЙ ПЯТОК.
ВЕЧЕРНЯ С ВЫНОСОМ СВЯТОЙ ПЛАЩАНИЦЫ**

Проповедь

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Родные мои, мы с вами сейчас стоим перед камнем, на котором положено снятое с древа Тело Господа нашего Иисуса Христа. Мы положили его на этот камень, чтобы приготовить это Тело к погребению. Мы оплакиваем Его смерть. Мы в ужасе перед безумием совершившегося, перед безумием этого мира.

А теперь давайте заглянем в себя. Действительно ли мы в ужасе, действительно ли мы оплакиваем Его, или мы уже так привыкли к этому камню, мы так привыкли к этому распятому Телу, что оно ничего не говорит нашей душе, что все происходящее никак не отзывается в нашем сердце?

Вчера вечером, когда мы совершали богослужение Последования Страстей Христовых, сегодня утром, когда мы вновь и вновь читали евангельские рассказы о том, что сделали люди с Воплощенной Любовью Божьей, мы задавались вопросом: кто это сделал? Очень легко переложить ответственность на тех или иных людей. Ну конечно же, это сделали иудеи, евреи! Они сами сказали, что «кровь Его на нас и на детях наших». Они и виноваты. Конечно, это сделал Пилат, циничный политик, беспринципный, жестокий человек. Ему это ничего не стоило. Он мог освободить, но он этого не сделал, он умыл руки. Это сделала та толпа, которая еще неделю назад кричала: «Осанна Сыну Давидову!» – а теперь она кричала: «Распни Его, распни Его!» Это сделали наемные солдаты, привыкшие убивать, привыкшие проливать человеческую кровь. Это сделали они. Это сделали не мы.

Родные мои, это сделал этот мир – мир, частью которого мы с вами являемся. Значит, это сделали *и мы*, если мы принадлежим этому миру. Господь пришел, чтобы вырвать нас из этого мира, Господь пришел для того, чтобы открыть нам врата вечности, чтобы открыть перед нами иной мир – мир небесной славы, мир божественной жизни, чтобы открыть нам возможность стать причастными жизни Пресвятой Троицы. И вот давайте задумаемся, сегодня, сейчас, стоя перед этим камнем, перед этим распятым, истерзанным, снятым с креста Телом, давайте задумаемся: так какому миру мы принадлежим? Кто мы?.. Мы – люди Божьи, которые действительно живут вечностью, которые действительно отвергли себя, отвергли этот мир, чтобы навсегда соединиться с Богом, или мы плоть от плоти мира сего?

Мы говорим о безумии этого мира, о безумии того, что произошло. Но это вдвойне, втройне, бесконечное количество раз безумнее, если те, кто называет себя христианами, кто называет себя верующими, кто призван к единению с Богом, так и остались людьми мира сего. Это значит – Он зря приходил, это значит – Он зря принял на Себя нашу плоть, это значит – Он зря принял на Себя наши грехи, наше страдание, наши болезни – Он зря всё это понес. Мы не хотим отрываться от этого мира, от этой жизни, становиться гражданами мира иного, мы не хотим быть причастниками божественной жизни, и думаем только об этом мире, только об этой жизни, только о том, что здесь и сейчас.

Давайте задумаемся об этом.

Мы так привыкли к этому красивому обряду, мы так привыкли к этим песнопениям, мы так привыкли ко всем этим службам, выходам, процессиям, но что за всем этим стоит, что в сердце? Именно этим определяется – не обрядом, не красотой богослужения, даже не теми или иными словами, хотя слова значат много, – не этим определяются наши отношения с Богом, а вот тем, что в сердце. Там действительно ужас, там действительно осознание безумия этого мира, его жизни, – все то, о чем мы читали в отрывке из Послания к Коринфянам, или там ничего нет?

Давайте задумаемся, чтобы то, что произошло когда-то – и что происходит и сегодня, потому что и сегодня этот мир, люди этого мира распинают Господа, и убивают Его, и проливают Его Кровь своими грехами, жадностью, подлостью, наглостью, всем тем, что творит этот мир, всем тем, чем живет этот мир, – чтобы не было этого в нашей жизни. Давайте будем молиться и просить Господа, чтоб вырвал [нас], чтобы оставил [нас] для Себя, чтобы дал нам возможность быть едиными с Ним, а не с этим миром.

Да хранит вас всех Господь!

Пятница, 17 апреля 2009 г

Священник Георгий Чистяков

ПАМЯТИ ВИФЛЕЕМСКИХ МЛАДЕНЦЕВ

Пятница, 11 января 2002 г.

Литургия
(Мф 2:13-23)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Дорогие братья и сестры, в эти праздничные дни мы снова и снова переживаем удивительное, великое, радостное и, вместе с тем, тихое и незаметное событие Рождества Христова. С одной стороны, это самое большое событие в мировой истории, с другой стороны, – это событие, не замеченное никем, кроме нескольких человек. Сегодня мы внимаем евангельским словам о том, как праведный Иосиф, узнав от ангела, что Ирод хочет убить Младенца, ночью, не дожидаясь утра, сажает на осла Пречистую Мать и самого Младенца и спешно уходит с ними в Египет.

Это событие бегства в Египет, и сама эта ночь является для нас удивительным уроком того, что надо стремиться выполнить Божье веление, как можно скорее, «не дожидаясь утра».

Но нужно помнить, что в то же самое время, когда мы переживаем радостное событие Рождества Христова, в то время, когда Иосиф спасает Младенца, царь приказывает убить вифлеемских младенцев, всех маленьких детей от двух лет и меньше. «Голос слышен в Раме, вопль и горькое рыдание; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться о детях своих, ибо их нет». (Иер 31:15; Мф 2:18). Совершается какое-то ужасное, по своей жестокости, злодеяние, абсолютно выходящее за рамки всякого представления о милости, о доброте, об элементарных нравственных категориях, происходит одно из самых необъяснимых событий в евангельской истории – Ирод убивает вифлеемских младенцев.

На одной из первых страниц Евангелия мы сталкиваемся с ужасной, бессмысленной, нечеловеческой жестокостью. Почему? Почему в один из самых светлых, а, может, в самый светлый момент мировой истории, погибает столько невинных детей? Мы задаем себе этот вопрос и не можем найти на него ответ.

Но давайте посмотрим вокруг. Шесть миллионов евреев, полвека тому назад жившие, в основном, в Восточной Европе – в Венгрии, на Украине, в Белоруссии, абсолютно ничего не подозревая, вдруг оказываются в газовых камерах, и от них не остается ничего, кроме пепла, – разве эти люди не вифлеемские младенцы? Разве не вифлеемские младенцы те шестнадцатилетние дети, которые вечером уходят на дискотеку, и их в это время взрывают? А те дети, которые едут со своими родителями в автобусе, и их тоже взрывают – разве они не те же Вифлеемские младенцы?

Значит, на страницах Евангелия мы сталкиваемся с тем же самым, с чем мы сталкиваемся в истории. И, наверное, это трудное место, которое так больно читать, попало в Священное Писание именно для того, чтобы мы не забывали о том, что в жизни бывают страшные вещи, от которых бесконечно больно, чтобы мы помнили, что наша вера – это не анальгетик, который помогает не видеть боли, не замечать боли, забывать об этой боли. В сегодняшней нашей жизни есть тенденция не замечать того плохого, что было совершено в прошлом. Конечно, детям надо рассказывать о хорошем, но и о той боли, которая имела место в истории XX века, в том числе, и в России, тоже необходимо рассказывать. И о Бабьем Яре, и об одиннадцатом сентября 2001 г. в Нью-Йорке и о расстрелах в Бутове, и о детях, погибших на дискотеке в Израиле, и о тех, кого ежедневно убивают, подрывая автобусы. Об этих ужасных событиях нужно помнить для того, чтобы в конце концов у нас выработалось устойчивое и абсолютно бескомпромиссное неприятие какого бы то ни было насилия, такое же, как то неприятие, с которым мы читаем евангельский фрагмент о вифлеемских младенцах. Какие же мы ученики Иисусовы, если в нас все еще не выработалось полное неприятие насилия, полное неприятие крови?

Но если у нас выработается полное и бескомпромиссное неприятие всего этого, тогда мы, действительно, станем учениками Того, Кто родился в Вифлееме, Кто вошел в нашу жизнь для того чтобы избавить мир от всякой слезы – не накинув на наши глаза вуаль, чтобы не видели дурного, но сделав так, чтобы это дурное стало просто-напросто невозможно, чтобы оно было начисто исключено из жизни любого человека, вне зависимости от того, кто он и где живет. Давайте подумаем об этом.

Аминь. Да благословит, да хранит, да укрепит вас Господь!

* * *

Воскресенье, 13 января 2002 г.

Литургия
(Мф 2:13–23)

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Закончились дни праздника Рождества Христова, и сегодня, в последний день праздника, который совпал с воскресеньем по Рождестве, мы с вами читали из Святого Евангелия зачало о том, как по велению Ангела, праведный Иосиф берёт Марию с Младенцем и уходит с Ними в Египет для того, чтобы спасти Младенца Иисуса от смерти, от того убийства, которое замыслил царь Ирод. Уходит Святое семейство в Египет, скрывается там от злобы царя Ирода. И растёт Младенец Иисус. А в это же самое время в Вифлееме царь убивает младенцев, всех детей от двух лет и меньше, то есть того возраста, какого мог быть Тот Младенец, о Котором он узнал от волхвов.

Нам с вами как-то не хочется в эти светлые дни читать об этом, потому что хотелось бы, чтобы не было избиения младенцев в Вифлееме. Но ведь не только одно это событие таково, что хотелось бы, чтобы его не было.

А что, когда во времена нацизма и, в особенности, во время последней Второй мировой войны погибло шесть миллионов евреев,

в основном, из Восточной Европы, это разве не такое же самое избиение младенцев, когда этих людей самых разных возрастов, от глубоких стариков до грудных детей, хватали и бросали сначала в товарные вагоны, потом увозили в лагеря смерти и потом убивали в газовых камерах?! Весною минувшего года, в день Холокоста, одна женщина, уже пожилая, мне рассказывала о том, как в тот день, когда немцы решили депортировать всех евреев из их городка, мать ей сказала: убегай в лес. И она убежала в лес и спряталась там до вечера, как ей сказала мать. Больше она не видела ни матери своей, ни младших братьев и сестёр, потому что все эти маленькие дети, один на руках у матери, погибли. Она вернулась в город, где уже не было ни одного еврея. Какие-то люди её приютили. И вот так она дожила до сегодняшнего дня с этой страшной болью. А Анна Франк, которой было всего лишь 13 лет, разве это не такой же вифлеемский младенец?!

И надо вспомнить и о том, что Гитлер уничтожал евреев, прежде всего за то, что это народ Библии, что это тот самый народ, который дал миру Священное Писание и дал миру Господа нашего Иисуса Христа. И вот этот страшный рассказ об избиении младенцев в Евангелии со словами пророка Иеремии, такими пронзительными словами, которые так больно слышать, которые так больно читать. «Голос в Раме слышен, плач и рыдание и вопль мног. Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, потому что их нет», – эти слова учат нас не зажиматься, как страус, не закрывать глаза на то, что в мире столько боли, на то, что в мире столько зла, которое зачастую адресуется самым беспомощным. Эти слова призывают нас увидеть эту боль и, как Рахиль в сегодняшнем евангельском чтении, взрыдать от этой боли. Потому что это жизнь – временами очень страшная, временами очень несправедливая, но это жизнь, это мы с вами, потому что, когда мы с вами, как бы нас ни было мало иной раз, не допускаем в своём сердце равнодушия к таким событиям, тогда такие события уходят из жизни. И вот Евангелие, самая правдивая, самая честная книга в мире, учит нас в эти радостные дни – действительно,

радостные дни Рождества Христова – не забывать о горе, не забывать о том, что кому-то выпадает на долю умирать насильственной смертью, не понимая, за что его убивают. Так было и в России, начиная с 17-го года, когда при Ленине, а потом при Сталине, тоже убивали ведь не только, так называемых, врагов народа, но и их детей. И на острове Новая Земля существовал концентрационный лагерь для детей врагов народа, где маленькие дети по 7, 8, 9 лет, а может, и пятилетние находились и умирали в Заполярье в ужасных условиях. И это тоже вифлеемские младенцы. И о них тоже нельзя забывать.

Сейчас иногда раздаются голоса о том, что мы нашим детям и нашим внукам должны оставить из истории только лучшее, должны забывать о страшном для того, чтобы дети не выросли нигилистами. И вот, на мой взгляд, тогда мы можем их воспитать нигилистами, когда мы не будем рассказывать о боли. Потому что боль, с одной стороны, очень страшна, но, с другой стороны, она целительна. *Боль – это что-то такое особенное, на чём держится наша нравственность.* И вот эти страшные жертвы вифлеемских младенцев всех времён, они в какой-то мере, а может быть, в огромной мере – запас прочности для человечества. Ужас-то весь заключается в том, что очень часто нам хочется об этом ничего не знать. Нам хочется жить легче и как-то обо всём этом не слышать. Конечно, проще не думать о том, как взрываются бомбы на дискотеке, как автобусы взрываются сегодня на Святой Земле и погибают невинные люди, которые ехали на работу, а дети ехали в школу или просто собрались потанцевать вечером, как это было недавно. Конечно, проще не думать об 11 сентября, о том, как три тысячи с лишним людей погибли буквально в одно мгновение от этих страшных террористических актов.

Но христианство – это не анальгетик, это не наркотик. Христианство не предлагает нам какое-то такое средство, чтобы всё виделось в розовом свете, чтобы всё нам казалось прекрасным и т.д. *Христианство – это самая большая правда.* И вообще, всё, что говорит Христос, – это самая большая правда в нашей жизни.

И вот именно по этой причине буквально на первой или, может быть, на второй странице Евангелия находится рассказ о вифлеемских младенцах, рассказ, читать который очень больно. И хотелось бы, чтобы его не было. Но жизнь есть жизнь. И Христос ставит нас с жизнью лицом к лицу для того, чтобы мы прикладывали все свои малые усилия, прежде всего, усилия сердца, не принимая вот это, не принимая такие убийства, отторгая их полностью, видя в них не что-то такое, о чём слышать не хочется, но что-то, чего не должно быть ни при каких обстоятельствах. Поэтому можно только удивляться, как Дух Святой нужный текст ставит в нужное место Писания для того, чтобы мы с вами не были слепы и глухи к боли другого даже в такие светлые, даже в такие прекрасные дни, как дни Рождества Христова.

Благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СЛЕДОВАНИЕ ЗА ХРИСТОМ¹ «КТО ХОЧЕТ ЗА МНОЙ ИДТИ?..»

Даже если мы сосредоточимся просто на самом слове «хочет» — то мы поймём, что это одно из ключевых понятий в Священном Писании. Личное желание, личный порыв идти за Иисусом. Свободный выбор, который делает каждый, ибо хочет этого. Вне этого желания идти за Христом нельзя стать христианином, без него не может быть христианской веры, не может быть христианства, — вне желания быть с Богом нет вообще веры в Него, она невозможна.

Вне этого *желания* быть с Богом возможна только та вера, о которой говорит апостол Иаков словами «и бесы веруют, и трепещут». Мы, конечно, знаем из опыта, что так верят не только бесы. И среди нас находятся люди, для которых знание о Божием присутствии в мире есть источник страха. Но об этом несколько минут спустя. Итак, желание быть с Богом... Моё личное «я хочу идти за Тобой». Вот с него действительно начинается христианство. И то же самое мы найдём в Ветхом Завете: «Как желает олень на источники вод, так стремится моя душа к тебе, Боже». Или другой, 83-й псалом, вы тоже, я надеюсь, его помните: «*Как возжеленны жилища Твои, Господи сил! Истомилась душа моя, желая во дворы Господни; сердце моё и плоть моя восторгаются к Богу живому*». Вот без этого *желания и стремления*, без этой *радости* невозможна никакая вера, кроме той, о которой говорит апостол Иаков.

Действительно, очень важно понять, что с Богом нас связывает не страх перед будущим... Если помните, в «Откровенных рассказах Странника» этот путь страха называется «рабским». Когда

---

¹ Доклад на встрече прихода храма свв. бессребреников Космы и Дамиана в Шубине 5 октября 1998 года в ВГБИЛ.

человек делает что-то, выполняет заповеди, потому что он боится за своё будущее, боится быть наказанным – в этой жизни, или же в будущей, но боится, что его накажут...

Как-то один учёный, размышляя о том, чем же отличается учение о нравственности у христиан, христианская этика, от этики секулярной, «мирской», сказал, что христианин *боится* – он знает, что его ждёт Страшный Суд, и что за грехи он там будет наказан. Мне представляется, что это совершенно ложное представление о христианской этике. Скорее, такая этика может быть названа пост-христианской, языческой позднеантичной этикой. То есть, действительно, человек античного мира или древнего Востока, *как-то* познакомившись с христианством и адаптируя Евангелие, Евангельское послание Иисуса к своему сознанию, к своим представлениям о мире, в четвёртом, пятом, шестом веках мог до такого додуматься. Конечно, такое представление о страхе перед наказанием, как о движущей силе христианства, связано с чисто античным, языческим представлением о мироздании, устройстве Вселенной и так далее. Но, говорит дальше «Странник», не только страх, но и стремление заработать награду – это путь, который должен быть отвергнут. Он называет его «путём наёмника». Он тоже не годится, он тоже связан с ещё не глубоким усвоением евангельских истин. Вот так, вероятно, бывает, что человек, который усваивает Евангелие поверхностно, начинает приспособливать то, что услышал, к своей языческой реальности, в которой он ещё живёт. Это естественно. В этом, наверное, нет даже и ничего страшного, но состояние это необходимо перерасти, из него просто нужно *вырасти*.

А дальше начинается любовь. Дальше начинается *желание* идти за Христом, быть с Ним, *желание* прикоснуться к Богу, как в другом псалме говорится: «Мне же прилепиться Богу благо есть». (Пс 72:28). «Прилепиться», как прилепляет ласточка своё гнездо к дому – вот так же прилепляются к Богу. И вообще, наверное, когда мы говорим о Любви, мы не должны бояться этой темы. Не должны считать, что она как-то связана исключительно

с западной духовностью, потому что библейская Песнь Песней не имеет никакого отношения к готическому средневековью. Сами понимаете, что она появилась гораздо раньше, и вошла в Священное Писание, и нет ни одной традиции, в которой бы Песнь Песней исключалась из состава Священного Писания. Но понятно, что здесь, в этом библейском тексте, любовь к Богу уподобляется любви земной. Той любви, которую девушка испытывает к своему возлюбленному. На этом, в сущности, построена вся брачная мистика Ветхого Завета. Я, только в качестве такого ключевого стиха, который объясняет всю Песнь Песней, напомним вам один стих из Исаии, это 62:5; там говорится: «Как юноша сочетается с девой, так сочетаются с тобой сыновья твои. И как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой». Вот ключ к чтению этой книги Ветхого Завета, Песни Песней, Исаии 62:5, – повторяю, где найти это место у пророка. Но что важно? Что эти отношения радости и стремления – они не односторонни. Не только мы радуемся о Боге, но Бог радуется о нас. Не только мы хотим идти за Христом, но и Христос ждёт того, чтобы мы посмотрели в Его сторону. Конечно, в разные исторические эпохи, в разных условиях, это желание идти за Иисусом – оно выражается совершенно по-разному. Если мы обратимся к эпохе апостольской, то увидим, что апостолы, прежде всего, Павел, о котором мы просто больше знаем, об остальных апостолах и их трудах мы знаем гораздо меньше – так вот Павел считал своей задачей идти по миру, трудясь и проповедуя. Трудясь своими руками, и возглашая слово Божие, созидая в то же самое время духовную семью, которая была в отличие от земной семьи того времени основана не на крови, не на кровнородственных связях, это во-первых. Во-вторых – не на экономической зависимости одного от другого, в-третьих – не на страхе перед властью и не на принуждении, в-четвёртых – не на каких-то традициях и каких-то таких ценностях, связанных с тем, что передаётся из поколения в поколение *как должное*, как какая-то обязанность. Не на этих четырёх моментах, а на любви, на личном желании быть вместе была основана та первая хрис-

тианская семья, которая создавалась, как мы видим, в Деяниях Апостольских в годы проповеди Павла и других апостолов. Как семья, про которую говорит Лука, что у неё было одно сердце и одна душа. Ещё раз повторю: эта семья основана не на каких-то традиционных ценностях, также и не на иерархии, наследуемой от прошлого. Не на страхе перед властью, не на экономической зависимости. И даже не на кровнородственных связях, которые могут быть в рамках семьи, а могут быть в рамках нации, племени, рода – нет. Эта семья основывается на личном желании – быть вместе. И в этом, конечно же, проявлялось тогда и проявляется теперь так же пронзительно как две тысячи лет тому назад действие Духа Святого среди людей. Вот оно, то *дыхание*, которое почувствовал некогда ещё пророк Илия, то дыхание, которым пронизаны страницы Деяний...

Так было в апостольские времена. В следующие века – во втором и в третьем веке, когда Церковь прославилась мучениками, – появилась какая-то новая потребность свидетельствовать о верности Христу перед лицом государственной власти, – перед лицом той власти, которая публично объявляет верность Христу *преступлением*. Причём, родные мои, я настаиваю вот на этом узком определении мученичества – как на свидетельстве о верности перед лицом власти, которая официально заявляет, что ничего общего не имеет с верой во Христа, и объявляет одной из своих целей преследование христиан. Конечно, очень часто, особенно теперь, говорят, что не всем понятно, что такое мученичество. Если кто слушал вчерашний мой эфир, может быть, слышали, что писательница Маргарита Круглова, позвонив, сказала, что она не понимает, не хочет понимать, что такое мученичество. Христианство – оно радостно, а мученичество – угрюмо. На самом деле, всё-таки, для того, чтобы понять, что это такое, надо, хотя бы отчасти, пережить прикосновение к опыту мученика через собственный опыт, или через какое-то постижение на опыте другого, что тоже, в общем, возможно.

Только надо помнить, что русское слово «мученик» – оно нас несколько дезориентирует. Потому что во всех языках это слово «мартис», греческое «мортир», – и во французском, английском, везде – это *свидетель*. Значит, суть мученичества не в том, что тебя хватают, бьют, разрывают на части, а в том, что ты *свидетельствуешь*, что ты открыто говоришь о том, что у тебя внутри. И такое свидетельство, оно в каких-то случаях бывает абсолютно необходимо для самого человека, потому что когда человек вдруг почему-то умолкает, он оказывается перед тупиком – и из этого тупика уже потом не выйти. Я помню, лет двадцать тому назад, кто помнит, тот поправит – когда именно, в Атлантическом океане был такой случай. На корабле, который пересекал океан из Европы в Америку или из Америки в Европу, оказались палестинские террористы. И вот они заорали: «Есть здесь граждане государства Израиль?»

Был среди пассажиров парализованный старик-еврей, американец, который родился в Америке, и, может, никогда не был даже в Израиле. И он, со своего кресла, с которого он не мог подняться, закричал: «Я гражданин Израиля!» Тогда они подбежали к нему и убили его. И вот мне кажется, что это типичный пример такого настоящего мученичества, причём для него это исповедание своего еврейства было чем-то удивительно радостным. И смерть его, очень страшная, она тоже была для него радостной, потому что он остался верен.

Всё-таки о своём, очень скромном опыте в этом смысле, я могу рассказать. Это достаточно давно уже было, причём в брежневские времена, меня пригласили в военкомат, в какую-то заднюю комнату, и предложили подписать статью для газеты «Труд». Статья была, естественно, не мною написана. В статье говорилось о том, что я вырос в верующей семье, под влиянием родственников, которые находились в плену устаревших представлений. И хоть я и стал учёным, но, тем не менее, долго не мог отказаться от своего христианства в силу того, что был загипнотизирован *отсталыми людьми*. Но потом, чем больше я занимался наукой, чем больше я

изучал тексты древних авторов, древние языки и так далее, тем более я понимал, до какой степени всё, что говорит религия, есть фантазия человечества и как я, в результате своей научной деятельности, освободился от религиозного дурмана.

Я прочитал эту статью, и сказал, что... Я сначала молчал, потом я сказал, что не могу её подписать, и никогда её не подпишу. И мне тут же сказали: «Ну, вы знаете, вам же диссертацию защищать. А было несколько дней назад обсуждение, и оппоненты высказались единогласно за то, чтобы за вашу кандидатскую вам была присвоена докторская степень, вот, имейте это в виду». Я сказал: «Вы знаете, я не могу это иметь в виду». — «Но вы знаете, у вас же могут быть неприятности». Я сказал: «Нет». Вы не представляете, как я боялся идти в это заведение, я прекрасно понимал, куда я иду, и что это никакой не военкомат, и не проблема военного учёта. Я прекрасно понимал, что мне там будет худо. Пока я ждал этого человека, пока я с ним разговаривал, пока я читал эту идиотскую статью, я очень боялся. Мне было ужасно плохо, мне было мерзко, мне было гадко. Но когда я сказал, — нет, не подпишу, — я вдруг почувствовал какую-то удивительную свободу. Удивительную радость. Я совершенно, полностью ожил. В те времена я, конечно, был моложе, давление не так скакало, но, тем не менее, у молодёжи тоже бывают свои какие-то проблемы с вегетативной нервной системой. Но как мне стало радостно и свободно, когда я сказал: «Нет!» Я вышел из этого заведения, я шёл по улице, эта улица, она называется Зеленодольская, в Кузьминках, многие её знают, эту замечательную, светлую улицу, которая ведёт от метро «Рязанский Проспект» к метро «Кузьминки». Вот шёл я по этой улице и действительно переживал огромную радость.

Потом прошло дня три или четыре, мне звонит растерянная моя научная руководительница, Инара Сергевна Голубцова, человек партийный, но очень приличный. Говорит: «Знаете, пришло распоряжение, чтобы учёный совет наш распустили». Учёный совет был распущен, не собирался в течение года. Потом, наконец, когда он собрался, вдруг, накануне моей защиты, позвонили из

президиума академии наук. Выяснилось, что название работы не соответствует теме специальности, и что надо снова всё начинать сначала. Конечно, это «нет» у меня отняло достаточно сил. Потом была масса переживаний, сложностей, наездов со стороны администрации и так далее, но насколько я чувствовал себя свободным и радостным, сказав это «нет»!

Мне тогда сказать «нет» было гораздо проще, чем мученику в первые века – я всё-таки знал, что меня не убьют за это. Я мог подозревать, что у меня будут большие неприятности, чем они были, но я был уверен в том, что меня не убьют. Но страх у меня был. И освободиться от него было удивительно радостно. Можно представить себе, насколько радостней было первым мученикам, которые делали этот шаг к полному освобождению от всякого страха. Ведь когда человек живёт во власти страха, он разрушается чудовищно. Как только человек выходит за границы страха, – он рождается заново. [...]

В условиях же, когда государство *не вмешивается* в религиозные проблемы, или, наоборот, *разрешает* веру, как это было в Римской Империи после эдикта Константина, ситуация изменяется, – уже нет потребности в мученичестве, оно становится бессмысленным, но проявляется желание идти за Христом совсем в другом – в подвижничестве, в монашестве. Мы это знаем из жизнеописания Атония Великого, которое оставил Афанасий Александрийский. Что сделало Антония отшельником? Что сделало его монахом? Вот это стремление идти за Христом, жажда быть вместе с Ним.

Долгие века так было. Сейчас, в двадцатом веке появляются ещё какие-то новые формы выявления, проявления, раскрытия этой жажды, этого стремления идти за Иисусом. Они проявляются, эти новые тенденции, и в тех движениях, которые возникали ещё до Второй мировой войны, а затем после неё. Одним из первых было РСХД, Русское Студенческое Христианское Движение, которое охватило всю Европу за исключением России в послереволюционное время. Во всех странах русские студенты и школь-

ники того времени входили в РСХД. Потом стали возникать другие движения в Европе, такие как фоколяры Кьяры Любич, «Ковчег» Жана Ванье и другие. Их очень много сегодня. Людей объединяет в такое движение именно стремление идти за Христом, личное желание и ничто другое. Так возникло движение, которое организовал Дон Джуссани на севере Италии – Комунионе и Либерационе, главная идея которого заключается в том, чтобы люди оставались у себя на работе. Чтобы учитель оставался учителем, врач врачом, рабочий рабочим, а бухгалтер бухгалтером – чтоб вот там, на работе и дома, и среди людей, быть свидетелем веры, и радостно делиться своей верой. И чтобы семья эта, которую некогда начал созидать апостол Павел, чтобы она созидалась и сегодня, в совершенно новых условиях. Чтобы люди были не... «христиане седьмого дня», которые вспоминают о своей вере утром и вечером, когда читают Правила, и в Воскресенье, когда идут на обедню. Нет, очень важно то, о чём отец настоятель говорил вначале. Чтобы наша вера присутствовала в жизни каждое мгновение, чтобы мы не отрывались от Бога, по этому принципу – «мне же прилепиться Богу благо есть» – что бы мы ни делали, где бы мы ни находились, в какой бы ситуации мы ни оказывались. Вот это уже *новое* проявление того же желания. [...]

Что же касается этого порыва любви, который выражен в Евангельском слове *хочет* – «Кто хочет идти за мной?» – говорит Иисус, то он, конечно же, бесконечно важен. Но, наверное, ещё важнее, чтобы он не остался одним только порывом. Чтобы он не стал предметом любования – потому что очень часто у нас в жизни этот порыв становится предметом нашего любования, нашего самовосхищения. Очень важно, чтобы этот порыв реализовывался в конкретных шагах. В трансформации самой нашей жизни. Мы видим, как это происходит и в «Ковчеге» у Жана Ванье, и в тех ответвлениях «Ковчеха» и «Веры и Света», которые есть и в России, и на Украине, и в других странах мира. Не только у католиков и «для католиков» – и у православных, и у протестантов, потому что эти движения, все они обладают такой особенностью, что

они выходят за рамки одной конфессии. Как РСХД, будучи протестантским в своей исторической основе, стало православным в массе своей, в послереволюционное время, так и новые движения, зародившиеся в рамках Церкви христианского запада, становятся и православными и протестантскими тоже. Вот смотрите, какой-то ещё один путь к тому взаимопониманию, которое мы так ищем – через эти новые движения, через те конкретные дела, которые совершаются в рамках этих движений. Что делают общины «Вера и Свет» или «Ковчег»? Сколько спасённых жизней! Сколько людей обрели, действительно, новое дыхание! Дети и родители, в полном тупике находившиеся прежде – родители «хэндикапов», детей, которых мы называем неполноценными, обретают абсолютно новую жизнь и новые возможности.

Вот когда христианство воплощается в жизнь, тогда это желание, о котором мы говорим сегодня, желание, обозначенное в Евангелии в словах «кто *хочет* за мной идти», оно не выливается в какую-то экзальтацию, в какую-то личную аскезу, но воплощается в те удивительные контакты между людьми, которые трансформируют жизнь вокруг нас, делают людей другими, открывают им новые возможности – тогда чувствуешь, действительно, как действует Дух Святой поверх всех барьеров. Поверх барьеров национальных, возрастных, связанных с интеллектуальным уровнем и образовательным цензом, поверх барьеров конфессиональных, религиозных – чувствуешь, как Бог действует в мире.

И обычно же люди встречаются – примерно одного возраста, примерно одного образовательного уровня, и так далее. Везде, куда вы не пойдёте, люди очень похожи друг на друга, и в театре, и в научных собраниях, и в клубах. В одних клубах бизнесмены, в других – молодёжь, в ЖЭКе, там, старушки, и так далее, в каждом клубе, в каждом обществе, в каждой структуре вы найдёте людей примерно одного материального достатка, примерно одного уровня интеллигентности и образованности, примерно одного возраста, одной религиозной принадлежности, одной нации, и так далее, понимаете...

В Церкви же мы обнаружим всех сразу. Здесь и молодые и старые, и дети, и глубокие старики, и люди среднего возраста. Интеллектуалы самого высокого полёта, и самые простые люди. И инженеры, и медсёстры, и Нобелевские лауреаты, и люди, которые школу не смогли закончить даже – все здесь вместе, и все совершенно разные... Никогда бы эти люди не встретились. Никогда бы не протянули друг другу руки. Никогда бы не почувствовали себя родными – если бы не Дух Святой, Который действует через это *желание*, рождающееся в наших сердцах, – желание идти за Иисусом.

Протопресвитер Александр Шмеман

ПАСХАЛЬНЫЕ ПРОПОВЕДИ¹

Пасхальная радость после Крестных страданий

В пасхальные дни особенно чувствуется то, что мы можем назвать основным парадоксом христианской веры. Соединение в ней печали и радости, Креста и Воскресения. «Се придет Крестом радость всему миру». Крестом – то есть страданием, мучением, смертью. Пасхальной ночи с её ликованием и светом предшествует мрак Страстной недели. Печаль Великой Пятницы, пронизанной этим воплем с Креста: «Боже Мой, Боже Мой! Вскуе меня оставил еси!»

И само учение Христа всегда, всё время проникнуто этой двойственностью. «В мире печальны будете, но мужайтесь – Я победил мир». Этот парадокс особенно важно почувствовать в наши дни. В эпоху борьбы с религией. Попыток выкорчевать её из жизни и из сознания людей. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что в самой глубине этот парадокс христианской веры и является главной причиной ненависти к ней. Всех тех, кто, прежде всего, не принимает Христа – то есть узкого пути самоотречения, самосовершенствования, неустанной внутренней борьбы. Все современные идеологии, почти все – без исключения – борьбу за человеческое счастье, за осмысление человеческой жизни, выносят из человеческой души наружу. Все они полагают – центр тяжести этой борьбы в политических, экономических и иных внешних формах устройства человеческого общества. Упрощая, можно сказать, что для них человек является всегда не субъектом, а объектом исторического процесса. Или, иными словами, начисто отрицается вну-

---

¹ Проповеди 70-х гг. XX века, произнесены в США; печатаются по аудиозаписям. (Прим. ред.)

тренняя жизнь человека и решающее значение этой внутренней жизни для самого исторического процесса.

Схематически столкновение идеологий с христианством можно изобразить так – христианство говорит: «Всё зависит от тебя. От того внутреннего решения, которое только ты один можешь принять и осуществить. Судьба всего мира в каком-то смысле зависит от тебя. От твоей внутренней свободы, чистоты, красоты, совершенства. Всё в этом мире, следовательно, бесконечно лично. И таким образом, творцом исторического процесса является личность».

Христос не сказал ни одного слова о политических и социальных проблемах своего времени. Весь его призыв всегда был обращен к каждому человеку, к личности. Вот к этому «Ты». А между тем, невозможно отрицать, что исторически христианство осуществило самую радикальную из всех революций, и учение о личности изнутри изменило психологию государства, общества, и, наконец, и всей культуры.

Антихристианская идеология, со своей стороны, настаивает не только на том, что от личности ничего не зависит в истории, но в конечном итоге отрицает саму эту личность. Ибо человек, по этой идеологии, является продуктом общества, а не наоборот. И потому вся его жизнь, целиком, зависит от форм этого общества. Христианство, устами святого Серафима Саровского говорит: «Спаси себя, и спасутся около тебя тысячи». Антихристианская идеология говорит: «Ты не спасёшь себя иначе, как, прежде всего переменой общества и его форм». Там, в христианстве, перемена и преображение самого мира зависит от личности. Здесь, в материализме и коммунизме, перемена личности зависит от внешнего управления обществом. Отсюда, идя дальше, вытекает ударение христианства на личной свободе и личной ответственности человека, и, напротив, стремление материалистического коллектива до конца подчинить себе человека, слить его без остатка с партией, обществом, государством, и так далее. Спор этот, конечно, старый. Он-то и привёл Христа к смерти. Но в наши дни он

возобновился с необычайной силой. Технический прогресс, так называемые завоевания науки, необходимость плановой организации, как будто подтверждают утверждения антихристианского учения. Всё в этом мире настолько превышает возможности отдельного человека и, казалось бы, безнадёжно подчиняет его коллективу и растворяет в нём. Что могу я? Больше, чем когда бы то ни было, может казаться, что проповедуя примат внутреннего над внешним, личности над коллективом, – христианство ошибается. Или же проповедует какой-то религиозный деизм. Какое мне дело до мира? Я занят своей бессмертной, личной душой. Но так ли это?

И опять-таки, можно не вдаваться в отвлеченности, а посмотреть кругом себя, чтобы убедиться в том, в какой кровавый хаос, в какую бессмыслицу, в какой страх и какие страдания завели людей идеологии, утверждающие примат внешнего над внутренним, подчиняя человека всегда и во всём безличному коллективу. Не пора ли пересмотреть это ходячее и столь устаревшее утверждение, согласно которому религия, вера, христианство, сосредотачивая внимание человека на его внутреннем мире, тем самым уведет его от заботы о внешнем мире. Когда-то Достоевский сказал, что нет, не может быть никакой любви к человечеству без веры в бессмертие души. С первого взгляда это утверждение может показаться спорным, если не абсурдным. Причём здесь бессмертие души, если нужно добиваться элементарной свободы, справедливости, сытости? Не надо ли, напротив, забыть о бессмертии – для того, чтобы полюбить смертного человека на этой земле? Достоевский утверждает: если нет бессмертия, всё кончается ненавистью и рабством. Если вдуматься, то правда Достоевского, а за ним и правда христианства, становятся самоочевидными. И если нет этого вечного, неразрушимого начала в человеке, того, что возвышает его над материей – что же любить в нём? Так, рано или поздно, но миру придётся вернуться, увы, путём страшных страданий, крови и слёз, к этим простым словам Евангелия: «Не спрашивайте, где Царство Божие, ибо Царство Божие внутри вас». И всякий,

кто узнал его, кто живёт его красотой, светом и истиной, в конечном итоге делает больше для мира и человечества, чем носители отвлечённых программ «грядущего человеческого счастья», ради которого сначала нужно лишить свободы и превратить в рабов чуть ли не всех людей.

Обо всём этом напоминают нам, свидетельствуют нам пасхальные дни. Ибо наполнены они живым воспоминанием об одном Человеке, не искавшем ничего, кроме торжества в душе человеческой и Царства Божия. И на протяжении тысячелетий наполнившего мир Своим учением. Сейчас, по всей вероятности, мы достигли предела внешнего в мире. Но потому так показательно, что именно сейчас, сильнее чем когда-либо, звучат голоса одиноких людей, зовущих нас назад, к внутреннему, к вечному, бессмертному. Нужно ли называть имена Пастернака, Солженицына, и столь многих других, своим мужеством, своим творчеством зовущих нас к тому подлинному, что одно может вывести нас из тупика безличных идеологий, и имя этого подлинного – Вера.

Ныне вся исполнишися света – небо и земля

Христос воскрес! Воистину воскрес!

Как радостно слышать, как радостно произносить эти единственные слова: как радостно сознавать, что ещё раз дано нам встретить, на этой земле, в этом сумбурном, и часто тёмном и злом мире, Светлый Праздник – Праздников Праздник, Пасху Христову. Может быть, потому и дано, как раз, чтоб мы могли хоть на время, хоть на день забыть о тьме и злобе. И сосредоточить свой внутренний зов на свете. Нет, не отмахнуться от этой тьмы, не забыть о страдании, несправедливости, ненависти, злобе, не погрузиться в некое сладостное «инобытие», полагающее нам не думать ни о чём. Нет. Взглянуть на то, что одно может дать, или, иначе – всё это преодолеть. Добро и свет сделать сильнее тьмы и зла. Но ведь вот, в конечном итоге, самый страшный грех – не поддаёмся ли

мы сами так часто этому тонкому искушению – зло признать нормальным. В темноте и ненависти увидеть, как бы, естественную судьбу мира и человеческой жизни. Все эти, так называемые идеалы, все мечты о добре, убрать куда-то из жизни. Признать именно мечтой. Прекрасной, но не действенной. «А! не будьте детьми! Неужели вы всё ещё верите в эти наивные, прекраснодушные мечты? – не слышим ли мы так часто именно эти слова? – Бросьте всё это! Поймите, что в мире действует железный и безжалостный закон, который ещё на заре человеческой истории был так сформулирован: «Человек человеку – волк». Где-то у Толстого есть описание, и такое пронзительное, Пасхальной ночи. И девочек в беленьких платьях, из которых так скоро они вырастают. Вот так, может быть, и мы: выросли из своих детских мечтаний – стали трезвыми, рассудочными реалистами. Нас не проведешь уже – ни прекраснодушием, ни доверием, ни любовью. И даже если кто и в Бога верит – то это странный Бог. Бог бессильный в мире, в мире, отданном дьяволу и злобе его. Так вот, против всего этого, против этого реализма, кажущегося людям верхом мудрости и знания, против этой внутренней и бесславной капитуляции, против этой, пеплом и скукой посыпанной религии, против всего этого – живёт и торжествует, и возвращается к нам Пасха. Как вызов, как утверждение, как обещание, как сила. Ныне всё наполнилось Светом. Небо и земля, и преисподняя, пусть видимый мир и невидимый празднует восстание Христово, в нём же утверждается. Слышите? Не только небо – и земля, и преисподняя. Весь мир, вся тварь, всё существующее. Всё наполнилось светом. Как светом и радостью наполняется полночь, когда вдруг входит в них, разрывая темноту, первое «Христос воскрес!» Так вот и вся жизнь. Так и весь мир. Ведь именно так, когда-то, в то раннее утро, когда, как говорит Евангелие, «возсиявше солнцу», шли женщины, друзья Христа, на гроб. Это был гроб всех их надежд, всех их мечтаний. Всё кончилось, казалось, этой страшной, бессмысленной смертью на кресте, если было когда-либо в мире ощутимое, страшное торжество зла, подлости, трусости, ненависти, то именно тогда это

было. «Распни! Распни его!» – как будто сейчас мы слышим это страшное улюлюканье. До сих пор ещё не можем привыкнуть к этому взрыву злобы. Железный закон. Ему сдался, ему подчинился Пилат, солдаты, люди, все. Была ночь, и был ужас. Был мир, но не таким, каким мы его знаем сейчас, каким мы его понимаем. И оставалось только эту мечту, эту надежду, с любовью похоронить. Оставалось, как мы и сейчас говорим, «отдать последний долг». Чтобы потом забыть, вернуться к так называемой «нормальной жизни». Это значит к жизни, в которой неизбежно и всегда торжествует зло. Так что о том, что случилось тогда, когда шли эти женщины, возсиявшие солнцу, ко гробу, мы точно никогда не узнаем. Это записано намёками, это осталось в трепетной радости Евангельского рассказа. Но радости такой сильной, что она и сейчас, почти две тысячи лет спустя, взрывает на Пасху ко всему привыкшее и во всём разуверившееся наше сознание.

Кто-то встретил их, и сказал: «Радуйтесь!». Не один, не два, а много людей вдруг узнали Его. И радость, и уверенность навеки вошли в их сердце. Христос воскрес! Воистину воскрес! Вот, в сущности, то, чем побеждало и побеждает Христианство, когда оно побеждает. Не идеями, не теориями, не догматами, не рассуждениями – нет. Пасхальной Ночью, Пасхальной Радостью, Пасхальным Светом. «Воскресения день и просвятимся торжеством, и друг друга обнимем, и скажем: Братья! И ненавидящим нас простим всё Воскресением. И возопиим: Христос воскрес из мертвых смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!» Если вы знаете в мире слова лучше, и прекраснее этих слов, то тогда всё, что сказано здесь – забудьте. Но таких слов нет. Эти слова, в которых сильнее, яснее и проще была бы выражена победа, эта вера в то, что не зло, и не ненависть, а свет и любовь торжествуют и на небе, и на земле, и в преисподней. Торжествуют тогда, когда мы пускаем их в своё сердце, верим в них, и живём ими. «Я не оставлю вас сиротами, я приду к вам. Вы увидите меня, и печаль ваша в радость будет, и радости этой никто не отнимет от вас», – так говорил Христос, идя в ночь предательства и смерти

с учениками своими на гору Елеонскую. И это случилось. И это знает моё сердце, в этом моя вера, в этом моя радость, и я знаю, что никто и ничто не отнимет её от меня. Да, каждый из нас, в свою меру, в своё время проходит через эту ночь зла, непонимания, ненависти, одиночества...

Да, опыт житейский, опыт жизни, всё время говорит нам, что пора отбросить мечтания, и подчиниться железному закону. «Слепы люди, низки тучи, и где нам ведать торжества», — как в неизбывной печали писал Блок. В житейском плане всё это так. Но вот приходит Пасха. Приходит. И даром даётся снова эта уверенность, эта вера, это знание, эта радость, что ныне всё наполнилось светом: «Небо и земля и преисподняя. Да празднует вся тварь. Восстание Христово в нём же подтверждается». Христос воскрес!

Пасха – чудо явления реальности Духа

Христос воскрес! Воистину воскрес Христос!

Нет, не было, не будет более радостных слов на Земле. Пускай даже, мы понимаем их по-разному, пускай не всегда догадываемся, не всегда храним в сердце то, что они возвещают, о чём свидетельствуют, к чему зовут. Всё это от нашей человеческой слабости, от маловерия, от суеты, в которой мы живём.

От неспособности сосредоточиться на главном — на том, что Христос назвал «единым на потребу». И всё же, когда слышим мы эти слова, этот возглас, когда отвечаем на него, когда ударяет в сердце этот прилив радости, когда загорается ночь этим непонятным, но таким победным светом, где-то, на самой последней глубине нашего сознания, мы чувствуем, мы знаем, что здесь касается чего-то самого важного, самого священного. Что мы действительно, по слову Достоевского, касаемся миров иных.

Боже мой, сколько усилия положено было людьми, чтоб развенчать, уничтожить, оплевать и оклеветать именно эту глубину, это чувство священного. Боже мой, в каком плоском, бескрасоч-

ном и скучном мире мы постепенно приучаемся жить. Как давно появились, и как до сих пор всеильны, по-видимому, эти важные, разумные люди, своим важным разумом объясняющие тайну жизни. Или, вернее, утверждающие, что никакой тайны и нет. А есть химия и физика, биология и геометрия, и что при помощи всех этих наук мы всё объясним, всё постигнем, и достигнем полного счастья. Но пока что нам только и объяснили, что человек – это продукт безличных законов природы, что вся его история, всё его развитие – продукт животной борьбы за существование, и что смысл и содержание нашего грядущего возможного счастья – в окончательном научном разрешении экономических проблем. И нет во всех этих объяснениях ни йоты радости, не льётся из них никакого света. И строится постепенно серый, железобетонный муравейник, пронизанный такой тоской, такой скукой, что люди бегут от него в пьянство, в разврат, в одиночество, куда угодно – только бы забыться. Да. Из такого понимания мира, жизни человека, не могла родиться Пасха. Не могла воссиять эта непонятная радость. Не могли зазвучать слова Пасхального песнопения: «Ныне вся исполнишися света: небо же и земля и преисподняя. Да радуется мир, видимый же весь и невидимый восстанию Христову, в нём же утверждается». Но вот, есть она, Пасха. И есть Пасхальная Радость. И есть Пасхальный Свет. И каждый год мы убеждаемся в том, что века отрицания и преследования, века сведения всей жизни человека к плоской и безличной материи – их не уничтожили. Объяснить? Нет. Мы ничего не сможем ни объяснить, ни доказать. Как объяснить слепому красоту солнечного утра? Как рассказать глухому красоту Бетховенской симфонии? Как объяснить материалисту реальность Духа? В том-то и всё дело, что слова эти: «Христос воскрес, Воистину воскрес», – суть не объяснение, и не доказательство, а явление, а выражение реальности, которая, именно потому, что она реальна, не требует – ни объяснений, ни доказательств.

Как не требует объяснений и доказательств любовь – для того, кто любит, красота – для того, кто её созерцает, радость для того,

кто радуется. В том-то и всё дело, что мир, сведший всё к объяснениям и доказательствам, уже постепенно теряет способность верить, любить, и радоваться. В том-то и всё дело, наконец, что сама Пасха есть в мире чудо – неумирающей веры, неистребимой любви, неисчерпаемой радости. И так мы только и можем из глубины, из реальности этой веры, и любви, и радости, воскликнуть: «Христос воскрес!» И обратить это восклицание к каждому, на каждого *направить* эту любовь, и силу, и радость этого утверждения.

Как бы сказать каждому: «Не верьте! Не поддавайтесь тому низкому, плоскому, безрадостному и безлюбивому объяснению мира и жизни, которое навязывают вам, и которое всё, целиком, зиждется на столь же плоских и поверхностных объяснениях. Тут, рядом с вами, рядом со мной и рядом с тобой, во мне и в тебе – действительно *иной мир*. Сила, красота, свет и радость которого не соизмеримы ни с чем на Земле. Тут, рядом, вечный свет того утра, когда засияла в мире Благая Весть. О том, что не только жить можно – здесь и сейчас – высокой и чистой жизнью, но что любви и вере *суждено* победить – победить и саму смерть». «Поглощена смерть победой!» – воскликнул апостол Павел.

И вот, поразительно, необъяснимо, сквозь века – живёт эта победа, эта уверенность, что смерть не есть последняя страшная правда о жизни. Что не может погаснуть любовь, раз вспыхнувшая в человеческой душе. Не может в небытие уйти и раствориться в нём единственная, неповторимая, сама в себе несущая свою вечность человеческая душа.

Христос воскрес! Если б это была неправда, то как родилась бы *такая Радость*? Откуда приходили бы эти Свет и Торжество Пасхальной Ночи? «Христос воскрес!» – если бы это было обманом, как мог бы жить этот обман две тысячи лет? Всё проходит, всё умирает, всё исчезает. Но вот, не умирает Пасха, не умирает эта уверенность, бросаются друг к другу в объятия люди, и обмениваются этим, ни на что не похожим приветствием: «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!» И потому, всякому ищущему

му, жаждущему и алчущему можно только сказать: «Прийди и виждь». Итак: «Воскресения день. И просвятимся Торжеством. И друг друга обьемем, и рцем: Братие! И ненавидящих нас простим, и тако возопиим: Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав!»

Пасхальный зов к Любви

Христос Воскресе!

В эти Пасхальные дни, когда, не по заслугам, не по делам нашим, а действительно по милости и дару Божьему, получаем мы, верующие, столько радости и света – как-то особенно сжимается сердце за всех, этой радости и этого света не знающих, и не ощущающих. За всю массу неверующих, которой каждый из нас окружён, и с которой связан неразрывными человеческими связями... Мы – они...

Но для Бога нет *их* и нет *нас*. А есть только люди, на каждого из которых направлен луч Божественной Любви, направлен свет, который, по слову церковной молитвы «просвещает всякого человека, грядущего в мир». Но вот – почему оказывается этот свет столь недейственным? Почему не пробивает он Тьмы? Почему, подавляющее большинство людей его не видит, и живёт так, как если бы его не было? Почему то, что не только очевидно для нас, но и составляет главную, всеобъемлющую радость нашей жизни, почему оно остаётся для них, для всех этих бесчисленных людей, закрытым, несуществующим, а иногда даже и враждебным? Ведь если мы, как мы это утверждаем, верим в Бога-Творца, Бога-Спасителя, в Бога-Любовь, если ежедневно исповедуем эту свою веру, то мы не можем не верить и в то, что *все* люди как бы задуманы и сотворены Богом для вечной любви, вечной радости, и причастия Богу. Но вот, не видим мы этого. Почему? Может быть, именно в эти радостные Пасхальные дни, с особой силой ощущаешь горестный ответ на эти вопросы. И ответ этот – не из-за нас ли?

Не из-за тех ли самых, кто всё время утверждает *свою* веру? Но бессильным оказывается передать её силу, её глубину, её истину, её правду... И оказывается бессильным потому как раз, что сам не живёт этой глубиной и этой правдой. Как часто религия, вера, становится для самих верующих чем-то чисто внешним – любовью к обрядам, любовью к старине, любовью, наконец, к собственным переживаниям. Между прочим, всё это отлично понимают безбожники. И потому они не очень боятся религии, пока она сведена к этим вешним обрядам и обычаям. «Пожалуйста! Молитесь, сколько хотите, целуйте свои иконы, играйте в свою Святую Русь – всё это никому особенно не мешает». Но ведь не об этом всё говорил Христос. Не к этому призывал, не об этом скорбел, когда ждал, чтобы разгорелся принесённый Им огонь. Или, вернее, всё это – и иконы, и обряды, и храмы – если только вдуматься в них поглубже, если взглядеться в них по-настоящему, не указывают ли они сами на нечто другое, не зовут ли к чему-то неизмеримо более глубокому? К чему? Конечно, прежде всего, и превыше всего – к той самой любви, которой Христос любил людей, и заповеди, которую оставил нам – как единственное мерило христианства. Потому, сказал он – узнают все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь. Но любовь-то – разве не означает она, прежде всего, любви ко всем тем, за кого умер Христос, и которые не знают его, не слышали о нём? Как часто приходится слушать рассуждения о «правах и интересах верующих». Но ведь на глубине речь никогда не идёт о правах. Единственный настоящий интерес верующих – это в том, чтобы разгорелся огонь веры христовой в сердцах людей, всех людей. Но вот, сдались мы, и принимаем всякие поблажки даже из рук людей, одержимых ненавистью ко Христу. И соглашаемся, в частности, на то, чтобы ограничена была наша религия толстыми и непроницаемыми стенами наших древних монастырей и храмов, а за стенами этих храмов – пусть творится что угодно.

И речь идёт, конечно, не о том, чтобы каждый лез на рожон – шёл на площадь и кричал о Христе. Нет. Этого не делали и сами

апостолы. И они молились за власть. И они подчинялись законам гнавшей и преследовавшей их империи. И они не отрекались от того общества, в котором они жили. Но – и это «но» решающее, и от него всё зависит – они подчинялись, и они молились, только в ту меру, в какую власть эта, и законы, и общество, не противоречили – не просто их вере во Христа, ибо верить не может запретить ни одна власть на земле – но не противоречили их самоочевидному призванию: свидетельствовать о Христе людям. «Горе мне, если я не благовествую!» – воскликнул апостол Павел. И вот его проповедь, его, проведшего почти всю жизнь в изгнаниях, в тюрьмах и узах, до сих пор не мог заглушить ни один запрет. И кто хочет, для кого горе, если он не благовествует, тот находит путь этого благовествования. Тот не сводит своей веры к одним своим религиозным нуждам, интересам и эмоциям. Тот узнаёт в каждом, действительно в каждом человеке, объект Христовой любви. Тот знает, что он послан Христом в мир, чтобы быть Его свидетелем. Но это – опасно. Но можно спросить: когда же это было безопасно? Во все эпохи, и в самых что ни на есть христианских государствах и обществах, быть свидетелем Христа, носителем его любви и правды, проповедником его учения – всегда было опасно, всегда приводило к гонениям, непониманию, страданиям. Но только на этом пути приходил человек и к подлинной радости и к подлинному счастью. И вот – не об этом ли напоминает нам Пасха? Этот Свет, воссиявший из бездонной Ночи Креста, страдания и смерти? Увы – нет Пасхи без Великой Пятницы. А великая Пятница – это крест. Это страшная ненависть к Спасителю, это вечное отвержение миром Правды и Любви.

И если ещё раз дал нам вкусить Господь от этой Пасхальной Радости, то не для того ли, чтобы разгорелся в нас огонь любви к братьям нашим, не знающим Христа? Не для того ли, чтобы *мы могли* понять слова Христа. «В мире, – сказал Он, – печальны будете, но мужайтесь, ибо Я победил Мир».

Христос воскрес!

Архиепископ Пражский Сергей (Королёв)
(1881 – 1952)

ИЗ ДУХОВНЫХ БЕСЕД

Жажда добра

Душа человека жаждет, по существу своему, встречи с добром, и всюду старается позаимствовать, собрать, найти добро. Это добро есть как бы нити, из которых ткёт себе человек одежду для брачного Чертога, в которой предстанет он перед престолом Божиим и останется вечно. Одежда, сотканная из нитей добра и любви, просветлится, заблестит от Божьего света. Сотканная из нитей зла, недобрых дел, ещё более омрачится от Небесного света, устыдит и доставит горькую муку тому, кто окажется одетым в неё. Своими собственными руками, т.е. своей волей, хотя и несовершенной, расслабленной грехом, но свободно – надеваем на себя или одежду радости, или одежду стыда. То лучшее, что дал нам Господь, как венцу Своего творения, – свободную волю, достоинство которой Сам и оберегает, не оказывая на нас никакого давления. Мы её не бережём и сами беззаботно поработаем греху. А поработив её греху, как восстановим в добре, когда силы наши расслаблены? Своими силами не можем её исправить, но благодатной Божией силой можем: Богу всё возможно! Пока душа наша ещё на пути в Царствие Божие, пока ещё есть время, укрепим и укрепим нашу волю, слабую, немощную, благодатной силой Божией и найдём в ней нужную силу и поддержку в борьбе со злом.

Жизнь – великий труд. Надо научиться жить во Христе мудро, и тогда всё вокруг нас приобретёт смысл и цену для вечности. Если будем внимательны, то обстоятельства, нас окружающие, послужат нам «старцами», научат нас послушанию Богу, помогут в терпении и любви пройти свой жизненный путь и обрести

спасение. Где бы мы ни были, всюду нас окружает возможность спасения; в какие бы условия не поставила нас жизнь, – всегда можем духовно зреть и совершенствоваться. Наша жизнь при всякой обстановке может быть путём, ведущим нас к нашему благу, к блаженству, которое бывает доступно уже здесь, на земле.

Значение и сила слова

Общение наше, главным образом, происходит через слово, и не безразличен образ этого общения. Наше слово есть отражение воплотившегося Слова. Господь сказал: «Да будет свет». И невидимое через слово приняло своё бытие. Слово являет величайшую силу в мире. «Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – всё воинство их» (Пс 32:6). И в нас через слово выявляется скрытое, сокровенное делается явным. С какой осторожностью надо употреблять слово. Как важно, чтобы наше слово имело атмосферу добра. Общением через слово мы ищем для себя блага, хотим иметь его в себе. Слово, имеющее в своём исхождении благо, освещает нам нашу жизнь. Если в беседе благое слово имело силу, то потом у нас надолго останется чувство чего-то ценного, общего нам, божеского. Слово должно сближать нас, вносить единение, а не разложение и разделение. Слово, попадающее в резонирующую среду, производит величайшее действие, которое имеет громадное значение во всём строе нашей жизни.

Но мы пребываем в состоянии греховности. Наше слово ослабляется нашей греховностью и не приходит в жизнь полным звуком. Только отсеянное от греха слово является в полной силе, так как оно соединяется тогда со Словом, сотворившим мир. Наше слово, исходя из тайников нашей души, не ослабленное при нисхождении греховностью, в силе потенциального добра, находящегося в нас, попадая вовне, несёт в себе добро и свет, поскольку оно соединено с Источником света Богом-Словом. Оно воплощается.

Расточая слова без всякого к ним внимания, мы и не думаем, что эти слова могут нести разделение и разложение в семье,

в обществе, в мире. Собравшись, в беседе мы обыкновенно начинаем с суждения о чём-либо и быстро переходим в осуждение, не считая это за грех. Осуждение – язва, разлагающая нашу жизнь. Оно разделяет нас, отталкивает друг от друга, и происходит разложение того хорошего, что в нас есть. Слово должно творить нашу жизнь, собирать добро, сближать нас, вносить единение, а не разложение и смерть. И как важно, чтобы слово, отображение Логоса на земле, несло бы нам свет и радость бытия среди атмосферы вражды и разделения, в которых мы живём. Мы часто словом приписываем людям то, чего в них нет, подозреваем в том, что даже не существует на самом деле. Такое пользование словом сеет между нами только разделение. Благое же слово, попадая в среду, где находит себе отзвук, производит величайший переворот в этой среде, двигает горами. Мы видим это постоянно в истории человечества.

Наше общение в слове не безразлично. Слово имеет вечность, и наши слова не пропадают так себе, а уходят в вечность. Надо так пользоваться словом, чтобы не ответить за него в день судный, ибо сказано: «За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Мф 12:36). Надо, чтобы слово не осудило нас в день судный. «Не Я буду судить, а слово», – сказал Господь (Ин 12:48). Свет пришёл на землю, а мы не замечаем его. Добро не суммировано в нас. Несконцентрированное добро не светит нам, мы не замечаем той силы, которой оно обладает. Нам нужно в общении друг с другом искать общности, отсеивая всё, что нас отдаляет друг от друга. Что касается греховности в людях, то придёт Господь судить и Сам отсеет греховное и воздаст каждому по делам его. Мы сами себе произносим суд, греша на этой земле. Господь сказал: «Я пришёл не судить мир, но спасти мир» (Ин 12:47). Надо и нам стараться не судить. Мы должны искать блага на этой земле. Царство Божие – свет и радость – здесь около нас и в нас самих. Только надо вести борьбу со своими страстями, с той тьмой, которую нагоняет лукавый в наше сердце. Борьбой с грехом мы помогаем Господу утвердить Его Царство в нашем сердце, а через нас и на земле.

Трудно бороться с грехом. Самолюбие, осуждение, раздражение, гордость – это всё шипы, которые колют и самих нас, и окружающих. Надо эти занозы вынимать, что делать тоже больно. Крест это. Зато, перестроив наше сердце, дав там место Господу, мы ощущаем радость. Свет от Бога освещает тогда наше сердце. Недаром поётся: «Крестом радость всему миру». Подъятый крест ведёт к воцарению царства Божия на земле, к славе Божией. Усилия в преодолении нашей греховности и есть распинание нас со страстями и похотями. Это и есть крест, которого мы все так боимся. Конечно, в кресте есть тяжесть, и сам Христос падал под тяжестью креста, но через крест видится и радость воскресения. Идея воскресения есть идея торжествующей силы добра. Через преодоление греха наступает наше воскресение: «Иисусе воскресший, воскреси души наши!»

Беседуя, мы часто впадаем в осуждение, а о добром мы стыдимся говорить. «Ещё осмеют!» Ну, что же: за Христа можно и потерпеть. Зло боится доброго слова и высмеивает его. Доброе наше слово есть сила творящая, так как ему свойственна та творящая сила, которой обладает Бог – Слово. Словом, как божественной силой, преодолевается возникающее зло. Слово есть и в молчании: это внутреннее слово. Слово, даже несказанное, имеет силу. Часто доброе слово проходит через пласт осмеяния и несочувствия, но этого бояться нечего. Оно проходит через этот пласт и выходит как зерно. Чтобы сделать всход, зерно божественной силой, сообщённой Творцом, преодолевает пласт земли, лезет и даёт росток. Так и доброе слово имеет творческое начало, «Им же вся быша». Не бойся сказать это доброе слово. Слово, попавшее на добрую почву, может воплотиться в действие и принести богатейший плод. Если к слову приражается лукавый, оно теряет свою силу. Мы лишили слово этой могущественной силы, впустив в него смерть. И слово, светом правды несет нам разделение, небытие, смерть. Не отразив лукавого, я внёс словом разделение, и оно пойдёт туда, на суд, в судный день.

В момент рождения внутреннего слова надо обращаться к Богу за помощью. Обращением к Богу мы низводим с неба свет, и он

входит внутрь нас, и тогда рождающееся слово несёт свет в мир и является творческим и объединяющим. Тьма боится света. Исподтишка, усмешкой, ослабляется наша воля. Мы боимся сказать доброе слово, проявить себя, а лукавый радуется своему действию и нашему бессилию. Полнота энергии добра задёрнута боязнью усмешки. Наша задача сказать: мы отрицаем силу зла и верим в добро.

Человек всё чего-то дожидается. Нам теперь нечего ждать, а надо действовать. Нечего говорить: я не воин. Ты воин с теми доспехами, которые имеешь. Надо стараться сказать хорошее слово, доброе, это миссия, которую Господь даёт каждому человеку. Добро дерзновенно. Хорошее слово, несущее добро, в сродных душах вызывает свет; в тёмных – обличает темноту. Грех несёт нам призрачную жизнь. Добро – реальную жизнь, уходящую в вечность. Говоря доброе слово, мы как бы раздвигаем небо и вступаем в вечность. И доброе слово является камнем той обители, которую уготовляет нам Сам Господь, как Он уготовил обитель разбойнику во едином часе. Доброе слово несёт нам собой благо и радость в этой жизни, а в будущей и вечной даст нам блаженство лицезрения Бога. Как зерно в притче о сеятеле, так и доброе слово, упав на добрую землю, даст плод – иной в тридцать, иной в шестьдесят, иной во сто крат.

Небесный свет

Господь создал мир, сказав: «Да будет свет». В своей творческой жизни мы являемся отображением Творца, творящего мир. Когда мы стоим со вниманием на страже и направляем его в область света, в нас появляется благая мысль, как отображение творческой мысли от Бога. Благая мысль есть свет, т.к. она исходит от Источника света. Она есть творческое начало, она проникает в хаос жизненных отношений добра и зла и творит новую жизнь. Она пробуждает нас к преодолению тьмы. Сказано: «Веруйте в свет да будете сынами света» (Ин 12:36). Божественный свет всё

время льётся в мир. Тьмой нашей души он от нас отстраняется. Только когда мы рассеиваем тьму, мы озаряемся светом. Есть даже выражение: меня озарила мысль. Как бы луч света падает с неба и всё озаряет внутри нас и вокруг нас. Это сила Божия является. Господь через нас как бы говорит: «Да будет свет», – и свет является, и пред нашими глазами открывается новая жизнь, о существовании которой мы даже не подозревали. Мы можем претворить нашу серую жизнь в новое бытие, если будем останавливать своё внимание на благой мысли. Благая мысль, как импульс нашей жизни, будет двигать нашу волю к преодолению зла, освещать и творить нам новый жизненный путь. Чтобы не допустить до этого, лукавый всячески старается затемнить наше внимание. Надо всё время со вниманием стоять на страже и отсеивать приращения лукавого.

Свет воли Божией всё озаряет в нас; он должен действовать в нас постоянно. Но мы охотнее избираем то, что кажется нам легче, что кажется более свойственным нашей природе. Мы часто соблазняемся этим и поддаёмся греховному течению в нашей жизни.

Основная задача нашей жизни – изгонять тьму из нашего сердца. «Отвергнем дела тьмы и облечёмся в оружия света» (Рим 13:12), – говорит ап. Павел. Заменяя тьму нашего сердца светом, мы исполняемся Духом Святым. Дух Святой творит новую жизнь, вызывая её из небытия в бытие. Только надо потрудиться и открыть своё сердце Богу, Который и входит в него: «Се, стою у двери и стучу» (Откр 3:20). Конечно, Царство Божие не даётся легко, оно берётся усилием. «Царство Небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11:12). Царство Божие есть благо моё и благо общее и вполне осуществимо на земле, а не только за облаками. Для этого я должен подвигнуть себя на борьбу с грехом. Этот подвиг ведёт за собой новую жизнь, новые переживания, ещё не изведанные нами.

Труд над спасением часто откладывается на старость. Начало спасения предполагаем положить в будущем, забывая, что до

старости можно не дожить. Будущее всегда около нас, оно связано с нашим покаянием и исправлением. Тайна подлинной жизни состоит в том, чтобы забота о спасении не отодвигалась на неопределённое будущее, чтобы каждый наш шаг озарялся светом Правды и Воли Божией и в свете их исправлялся. Необходимо помнить о том, что если мы идём по пути греха, то стоим на краю гибели, это памятование необходимо для того, чтобы свет правды озарял нашу жизнь.

Мы всё ждём радостей извне, а того, что есть в нас самих, не замечаем. Мы потому и окружены тьмой – и внутри и вовне. В наших сердцах лежит греховная тьма, и мы придаём вещам не то значение, какое надо. Мы запутываемся в мелочах, устаём в суете, дела не делаем, друг с другом ссоримся. Так идёт день за днём, а данный момент уходит без того божеского содержания жизни, которое могло его наполнить. Мы не понимаем значение времени: минут, часов, дней, вещей... У нас какое-то ослепление. В нашей обыденной жизни требуется поминутное преодоление препятствий, чтобы быть в общении, а мы не сознаём важности этого. Мы ходим во тьме и ежеминутно спотыкаемся, от чего очень страдаем. Если бы мы попробовали преодолеть тьму в нас самих, то этим самым сделалось бы и светлее вокруг нас. Если же достигнуть момента осветления, то всё изменяется, и окружающие нас люди становятся будто иными.

Борьба с грехом

Всякий грех есть несчастье и для нас и для окружающих нас. Грех есть начало разделяющее и разъединяющее, отталкивающее нас от людей. Грех не исторгнутый лежит тяжестью на сердце и отводит людей друг от друга. Всякая победа над грехом есть отвоевание себя и других для взаимопонимающей жизни всех людей. При победе над грехом открывается взаимное притяжение и родство людей по природе: побеждая грех в себе, человек помогает другому, даже помимо воли последнего, раскрыть лучшие

свойства его души и как бы против воли влечёт его к добру. Побеждая грех в себе, оживляя в своём внутреннем человеке лучшие стороны, человек этим самым открывает духовный клад и в другом человеке и помогает ему найти в себе то, чего он раньше не замечал.

Добро находит отклик в среде тех людей, которые имея его, ещё не видят его. Человек, пока грех владеет им, как бы боится другого человека, но при победе греха в себе, он и другого и окружающих заражает добром. Это важно понять и почувствовать, потому что в обычном состоянии у нас преобладает пессимистическое чувство, и нам кажется, что зло завладело миром. Такой пессимизм удерживает от борьбы с грехом и понижает активность в борьбе с ним.

При поверхностном знакомстве с человеком мы ничего не видим и даже не можем видеть неиспользованный клад добра, присущий другому. Побеждающему грех в себе открываются в другом эти силы добра и эти стороны души другого, как богатство добродетелей. Когда греховный человек увидит близкого, делающего добро, он обретает и в себе силы для христианского делания. Великая, ни с чем не сравнимая радость заключается в отыскании добра в себе и других. В увеличении добра в мире проявляется сила благодати Божией; проявляется в том, что она помогает нашим расслабленным силам делать то, что без неё было бы невозможно. В жизни часто бывает, что человек «делает грех, которого не хочет» (ап. Павел). Этот невольный пленник греха в чужом добре находит силу,двигающую и его к добру в обычной будничной жизни.

Для счастья настоящего, а не призрачного, нужно побеждать грех. Всегда надо внимательно присматриваться к тому, что двигает человека вовне и что владеет им внутри его, присматриваясь к его поступкам и желаниям. Область эта нелёгкая, но во взаимоотношениях людей – вся жизнь. Надо освещать их светом Христовой Истины, чтобы эти отношения не были вредны нам самим и людям, с нами сталкивающимся. Если мир в душе, то эта

радость не отнимется никогда. Немирность же всегда приносит несчастье. Если у человека внутри мир, то мирное сердце бросает свет на всё. Мирность сердца есть главное достижение. Действия, совершаемые таким сердцем, обращают все отношения на пользу. Греховное состояние, идущее от другого, как раздражение, если мы сдерживаем своё раздражение, обращается нам на пользу, как устрояющее наше и другого человека духовное благо, — этим мы останавливаем и чужое раздражение. Здесь выходит благо и для проявившего кротость, и для того, кто раздражился. Отсюда и счастье в жизни. Побеждение греховного даёт благо, а забота о своём спасении — даёт общественное благо.

Добро, как сила положительная, развивает и вызывает к жизни дремлющее в других добро, закрытое доселе равнодушием и налётом зла. Добро создаёт атмосферу, которая сама является помощью в борьбе со злом и в христианском делании. Иногда кажется, что труд над искоренением греха в себе — эгоизм, что такой человек занят собой и равнодушен к общему делу. Но это не так. Человек, не успевший одолеть свою греховность, не может оказать ни благотворного влияния на окружающих, и быть в помощь другим, ни содействовать их победе над грехами.

Он не может действовать для общественного блага с той пользой и силой, с какой мог бы, если бы победил в себе грех. Святость есть великое общественное благо и сила. Желая подлинно послужить ближним, мы, прежде всего, должны очистить себя самих от греховных привычек и наклонностей, стать чистыми, вести богоугодную жизнь. Только в меру нашего совершенствования мы можем быть полезными нашим ближним в их горе и несчастье. Это — единственный путь к служению ближним. Достигший святости достиг наибольшей возможности служить ближним. Достаточно вспомнить имена преп. Сергия Радонежского, св. Серафима Саровского, чтобы убедиться в этом. К ним стекался народ ото всюду, и они умели помочь во всякой нужде. Они служили обществу и служили наисовершеннейшим образом, ибо вносили в мир подлинное благо: они сами опытом познали, что такое добро, и

поэтому могли научить ему и других. Люди в очах Божиих являются цельным организмом. Отдельные личные явления святости очищают весь организм. Спасая себя, мы вносим долю спасения в дело спасения всего человечества.

Созидание внутреннего человека совершается не в минуту чрезвычайных подвигов, а, главным образом, в повседневной, будничной жизни. Цель человека – устройство внутренней жизни, созидание в себе Царствия Небесного. Борясь с грехом, утверждаем в себе и в мире Божественную жизнь. Борьба с грехом открывает и догматические истины, и мы приближаемся к познанию Божественной жизни. Такая жизнь есть и строение Царства Божия и само Царство Божие, пришедшее в силу. Делаются более понятными слова молитвы Господней «Да придет Царствие Твое, Да будет воля Твоя».

Когда мы, побеждая грех, преодолевая разъединение, соединяемся, то мысли и желания у нас становятся общими, мы приходим к единомыслию. В этом единстве чувств и желаний нам становится понятна воля Божия и её требование к нам. Это – то единство, о котором молился Христос Господь. Это единомыслие и соединение в любви – не отвлеченный идеал, а деятельная задача устройства жизни. Приблизиться же к нему мы можем, если откроем наше духовное родство. Вопрос о спасении не теоретический, а путь действия. К сожалению, не все церковные люди это понимают. Бороться с грехом надо для взаимного приближения и для осуществления того, что как жизненная задача лежит перед нами.

Грех, живущий в нас, затемняет нас и заставляет нас оправдываться перед нами самими же. Самооправдание подставляет нам лукавый. Пока в нас не пробудится совесть, чуткая не только к отдельным грехам, – редко осознание нашей греховности. Нашим грехом мы всюду вносим разделение, и каждое биение сердца к добру есть мера, идущая на весы. Наши оправдания наших греховных действий – враг нашего спасения. Только сознание опасности греха вызывает волю к борьбе против греха. Мы равнодушны ко

греху пока не осознаем, что он нас лишает счастья. Мы считаем грех своей природой. «Я, мол, такой и такой и не могу быть иным». – «Такой у меня характер». Но ведь, характер совсем не есть нечто такое, с чем нельзя бороться. При решении начать сопротивляться греху надо помнить, что грех не сроден нам, а пристал к нам. Наши прародители были созданы без греха. Грех есть нечто извне вошедшее в нашу природу, приражающееся к нам и восстающее на те состояния души, которые природны для неё, как созданной по образу Божию. Грех берёт нас в плен, входит в наш естественный состав, как чуждое начало, но дальше всё может идти сорастворённое с грехом. Чрезвычайно важно осознать, что грех чужд нашему естеству: и это помогает бороться с ним. Момент озарения от Господа, когда мы осознаём нашу греховность, прежде всего, связан с волей, так как грех порабощает нашу волю. «Слабость воли». Но если моё, идущее от меня, сорастворено с грехом, то как я буду бороться с собой? Для того, чтобы у меня явилась воля к борьбе с грехом во мне, необходимо знание, что грех не есть моё. Это знание укрепляет волю к противодействию греху.

Подвиг общения

Христианская жизнь есть хождение во свете. За серостью нашей жизни мы не видим и не осознаём полноту нашей миссии на земле, полноту данных нам от Бога дарований, не осознаём даже самих себя. Дарования нашей души остаются у нас неиспользованными. Мы кажемся нам никчемными, также как и другие люди, и говорим: «Мы маленькие люди, обыкновенные, где уж нам что-либо сделать, только бы кусок хлеба заработать». Это умаление себя часто ослабляет нашу волю к действию, – между тем, как мы не малы и не слабы, но каждый из нас имеет свою миссию. Каждый человек в мире имеет своё назначение, является посланником Божиим на земле. Господу нужна каждая душа, и каждый ответствен за свою жизнь и не избавлен ответственности за других. Дело не в нашей малости, а в нежелании взять на себя

ответственность. Мы часто говорим: «Это не моё дело, пусть уж другие стараются, моя хата с краю». Такими словами мы перекладываем всю ответственность на других, а тем самым и вину на других, от чего возникает осуждение, которое ведёт к разделению.

Внешняя жизнь во многом зависит от нас самих. В силу своего посланничества на земле каждый имеет влияние на окружающую и тем самым на мировую жизнь. Если недобрая воля как бы нейтрализует силу добра, тем паче воля, освобождённая от греха, имеет громадное значение.

Мы каждый день общаемся с разными людьми, и при этом общении мы можем раскрыть себя или в худшую, или в лучшую сторону. К сожалению, мы обычно не обнаруживаем света и добра, которые в нас обретаются. Наши дарования нейтрализуются серостью нашей жизни. Мы часто не знаем ценностей нашей души, и от этого ложится на душу некоторое помрачение. Ведь для выполнения своего назначения надо, чтобы открылись наши внутренние очи, и тогда только мы увидим в душе те ценности, которые закрыты от нашего внутреннего ока. Надо самим открывать в себе эти ценности и помогать другим раскрывать их в себе. Помогая другим открыть себя, мы сами познаём себя в своей глубине. Этим именно и полезно общение с другими людьми: оно является для нас школой нашего спасения, нашего духовного напряжения. Избегать же общения с людьми для христианина не всегда полезно.

В одиночестве человек становится почти всегда беден. Чем больше он будет отдаляться от людей, тем более он сам будет беднеть. Живя в одиночку, мы отрезаем себя от общей жизни, от жизни целого организма, и в этой самости засыхаем, так как не питаемся тогда соками общей жизни. Через общение же с людьми происходит извлечение нераскрытых сил человека, силы эти приходят в движение. Таким образом, общение с людьми обогащает нашу душу, она расцветает в меру нашего сближения с другими людьми. Каждый человек ведь индивидуален, но он может

восполнить в себе недостающее через общение с целым организмом человечества. Люди – цветы Божии; надо уметь, как пчела собирать мёд с этих цветов, обогащать себя индивидуальностью других, и себя раскрывать для других.

Иногда общение нам бывает трудно, но мы призваны к общей жизни, и общение с людьми есть поэтому христианский долг. Каждая ведь встреча может дать нам очень много. Если быть внимательным к окружающим нас людям, то непременно отыщешь ценности – свет и добро. В каждом человеке есть прекрасное и только наша греховность не позволяет нам видеть это. Мы встречаемся с людьми, и, в большинстве случаев, расцениваем их неправильно, рассматривая их чисто внешне. Мы говорим: «Тот симпатичный, а этот нет». Часто, видя какие-нибудь недостатки у человека, мы сторонимся его, принимая то, что у него поверхностно, за его сущность, осуждаем его, не пытаясь преодолеть то, что нас разделяет. Мы любим общаться с людьми для нас приятными, когда есть естественное расположение друг к другу. Встречая же малейшее препятствие при общении, мы употребляем волю для преодоления его. Трудно говорить с человеком, к которому имеешь предубеждение, но именно это затруднение нам и надо преодолевать.

Господь хочет собрать нас воедино, лукавый же старается отделить нас друг от друга. Через преодоление разделения мы познаём друг в друге то единственное, что у нас от Бога, что составляет нашу силу, что даёт нам благобытие. Грех разделил весь род человеческий. При победе в себе греха, люди взаимно приближаются, так как возвращаются к первоначальному своему состоянию общности человеческой природы – единого организма. Грех же обкрадывает человека. Не преодолевая того, что нас разделяет, мы видим не подлинную жизнь каждого человека, а его личину, которую мы неправильно принимаем за действительность. Наша разделённость, наша самость искажает нашу жизнь.

Нам обычно кажется, что наши встречи с людьми случайны. Конечно, это не так! Господь ставит нас друг около друга в семье,

в обществе, чтобы мы один от другого обогащались, чтобы, прикасаясь друг к другу, люди трением возжигали блёстки света. Господь говорит: «Вот тебе задача. Я поставил тебя с тем или иным человеком. У тебя в сердце есть талант, которым Я наградил тебя, раскрой его». Господь, посылая каждую душу в жизнь, оделяет её каким-либо талантом и даёт ей арену для действия, для расцвета её духовной жизни. Поскольку каждый человек духовно неповторим, то, если его духовное богатство не будет выявлено, это будет смерть духовная, исчезновение света Божия в данной точке бытия. Поэтому каждый должен заботиться о своём духовном мире, чтобы дать свету Божию засиять в нём, а не исчезнуть. Отчего мы не хотим и медлим использовать те силы, которые в нас находятся? Через борьбу с грехом в нас самих мы освобождаем начала добра в себе, сокращая зло в себе, этим сокращаем зло на земле. Малейшее усилие с нашей стороны разрезает нашу инертность, пробуждает дремлющее в нас добро и выявляет его.

Каждому даны свои таланты. Каждого Господь спросит: «Почему ты не сделал того, что должен был сделать?» Задача каждого в своей жизни раскрыть и умножить талант, данный ему Богом. Обыкновенно говорят: «У меня нет никаких талантов», – имея в виду талант учёных, художников, общественных деятелей... Но гораздо важнее таланты сердца, которыми Господь наделил каждого человека, как, например, приветливость, чуткость, сострадательность. Раскрытие этих талантов, как природных свойств нашей души, в наших руках. Эти наши таланты, конечно, раскрываются лишь через живое общение с людьми. Мы соединены различными нитями друг с другом, и нам надо через эти нити создавать общность и единство в нашей жизни. Больно сознавать, что много людей жалуется на одиночество. Обособленность от других, действительно, угнетает человека, а единение, наоборот, даёт бодрость, так как человек чувствует, что он в мире не затерян. Единение между людьми есть нить, переброшенная от земли к небу, к Богу, к Единящему центру. Единство, идущее от сердца одного к сердцу другого, имеет в себе направление к единому

центру – к Богу, ибо единение между людьми и есть жизнь, разделение же есть смерть.

Единение между людьми есть благо, которое несёт нам радость жизни. Это есть закон жизни, отступая от которого люди должны неминуемо страдать. Мы все созданы по образу Божию. Это значит, что образ Божий и есть то, что нас соединяет. Сближаясь, можно постепенно достигнуть единомыслия, единодушия, единоволия... того единства, о котором Христос сказал: «Как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин 17:21). А мы в нашей серой жизни даже не считаем долгом искать того, что у нас от Бога, что на самом деле могло бы нас сблизить. Разделённость мы принимаем за подлинное бытие и не употребляем усилия, чтобы его преодолеть. Состояние разделённости лишает нас радости в повседневной жизни и не даёт раскрыть свои ценности.

Постоянно слышно: «Нет людей хороших». Как нет хороших людей? Среди нас есть люди и с образованием, и с умом, и с душевным кладом, и только за внешней, серой оболочкой мы этого не видим, чем зарываем и свои таланты, и чужие. Мы рабы ленивые и лукавые. Мы говорим, что не можем умножить свои таланты, хотя сказано: «Стучите и отворится вам».

В каждом сердце надо искать клад. Клады ищут часто, но не душевные, а искать надо душевный клад. Могут спросить: «Зачем?» – Ответим: «Чтобы обогатиться». Мы видим в людях только внешнее, и берём от них внешнее, и не замечаем, и не ищем клада, лежащего в каждом. Надо искать талант сердца; этот клад есть источник блага. Но как это сделать? Для этого нужно напряжение и труд. Без труда, говорят, и рыбку не вынешь из пруда. Если и великие таланты, получив дар от Бога, должны трудиться, чтобы был соответствующий плод, то тем более это верно для обыкновенных людей.

Подходя к человеку, будем вглядываться в его сердце, которое есть сердце человека. Христос сказал, что всё исходит из человеческого сердца: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища серд-

ца своего выносит злое» (Лк 6:45). Доброта сердца есть дар Божий, её можно удесятерить; на доброте сердца легче построить добродетель. Св. Иоанн Златоуст говорит: «Не в том чудеса, что делаем великие дела, а чудо то, когда злой превращается в доброго, – ибо тогда побеждаются уставы естества, совлекается ветхий человек и созидается новая тварь через борьбу с грехом». Борясь с грехом, человек совершенствуется, т. е. становится тем, что его роднит с Богом. Человек, побеждая грех в себе, открывает этим лучшие стороны своей души, чем в то же время вскрывает и в другом человеке клад, о существовании которого тот и сам даже не подозревал. При грехе человек как бы боится другого человека, не ступает радостно по земле. Он думает про себя как бы ему не встретиться с тем или иным человеком. Побеждая грех, человек легко подходит к другому человеку и заражает его добром. Если посмотреть каждому человеку внутрь, можно увидеть его истинную сущность. Это нелегко, но надо себя принуждать.

Когда мы пребываем в добром отношении с людьми, мы освещаемся искорками света, уносим с собой что-то невидимое, чем и живём. Господь посылает нас в мир, чтобы выявить свои богатства. Если мы по крупинкам соберём открытое нам добро и свет, то и это уже будет много. Если будем собирать крупинки света, то в этой атмосфере и сами пропитаемся светом, и тогда произойдёт вспыхивание нашего окаменелого сердца. Этот процесс искания света является моментом духовного просветления: красота искомого тогда наполняет красотой нашу душу. В поисках клада в нашей душе мы неминуемо будем выдёргивать плевелы из нашего сердца, и это очищение есть подлинное благо, которое и даст нам радость жизни. Это благо есть ступень к обители лицезрения Бога, момент нашего духовного роста – блаженство. Сказано: «Чистые сердцем Бога узрят» (Мф 5:8). Такими отдельными моментами человек уготовляет себе уголок в обители света.

Божественный свет, который мы в себе открываем, делает нас зрячими, а когда у нас открыто зрение, то мы не будем все силы нашей души влагать в незначительные вещи. С божественным

светом, как с фонарём, человек освещает свой путь, и тогда и в других людях видит он тот же свет. Свет этот есть в каждом человеке, но закрыт тьмой, так что мы до времени не ощущаем и не видим его в других. Ощувив этот свет, мы как бы просыпаемся, и всё меняется вокруг нас, вражеский напор теряет свою силу. При Божиим свете мы этой внутренней обращённостью к Богу собираем разбросанные точки света в один фокус и этим не только светим сами, но вызываем к действию свет и в других людях.

Когда в общении с людьми возникают затруднения, когда лукавый производит бурю в нашем сердце и там водворяется темнота, надо обращаться за помощью к Богу, призывая мысленно Его имя. Это есть духовный момент. Человек, одержимый страстью, находясь во тьме, может натворить и наговорить много глупостей. Надо скорей обратиться к Господу, Он внесёт свет во тьму. Этим творческим актом обращения к Богу человек призывает свет, и свет от Бога идёт в его сердце, т.е. Сам Господь нисходит в сердце, освещает его и начинает в нём царить. Тогда в сердце обитает Бог, тогда тьма преодолевается и это преодоление вводит нас в иную область бытия, – новую радостную жизнь. В сердце водворяется мир и радость, и тогда мы начинаем ощущать то единение, которого так жаждет наша душа. Работая Господу, мы как бы преображаемся, входим в область бытия света и сам Господь утверждает в нас: «Ибо где двое или трое собраны во имя Моё, там и Я посреди них» (Мф 18:20).

Поиски Счастья

Каждый из нас хочет себе блага, счастья. Господь дал нам землю для радостного пребывания на ней, чтобы мы блаженствовали, чтобы мы как бы участвовали в славе Божией. Однако постоянно приходится слышать, что жизнь наша не приносит нам никакой радости. Изю дня в день мы встаём, работаем, устаём; всё одно и то же, всё нам надоело, скучно и так серо кругом. Действительно, если приглядеться, то мы целый день хлопочем, волнуемся,

огорчаемся, раздражаемся, ссоримся из-за пустяков и чувствуем себя несчастными, никчемными и одинокими. Мы и в самом деле несчастны, так как являемся рабами вещей и, живя механически, подчиняемся течению обстоятельств. Всю свою энергию мы влагаем в незначительные вещи, которые сегодня есть, а завтра могут и не быть.

Текущность и преходящность нашей жизни с её обидами, осуждением и завистью мы принимаем за подлинную нашу жизнь. Раздражаясь и огорчаясь, мы теряем мир в своём сердце и погружаемся во тьму. Нам всё немило, друзья кажутся врагами, даже свет солнечный нам не светит, и птицы не поют для нас. В таком состоянии от нас самих скрыт источник нашего блага, нашей радости. Мы не видим хорошего ни в себе, ни в других. Всё нам кажется плохим. В чём же дело? Что так портит нашу жизнь? Мы живём с затемненным сердцем. Мы принимаем временное одержание нас тёмной силой – это греховное состояние нашей души – за действительность, за нашу подлинность. Мы ходим во тьме, а кто ходит во тьме, тот спотыкается. Приражённое к нам зло-грех, – раздражение, осуждение, гнев – делает нас немирными. Общаясь с другими людьми изнутри немирно, мы вызываем состояния разделения и отчуждения друг от друга. Почувствовав разделение, мы ощущаем неблаго, несчастье и действительно страдаем.

Где же в буднях благо и радость? Как осветить нашу жизнь? Как найти тропинку к свету? Господь есть источник света и радости, а лукавый несёт нам тьму. Мы же являемся рабами лукавого. Враг наш нагоняет тьму в наше сердце, а во тьме мы воспринимаем жизнь неверно. Тьма нашего сердца извращает нашу жизнь. Мы делаем неверные шаги, говорим ненужное слово, делаем неверное движение, уже перестаём видеть подлинный лик человека, и расцениваем другого человека неверно, принимая временное его состояние за подлинную его сущность. Принимая наваждение за действительность, мы находимся в состоянии, ведущем нас к взаимному несчастью и разделению. Прародители наши были

созданы без греха. Со времени грехопадения грех как бы привходит в наш естественный состав, пристаёт к нам и держит нас в плену. У нас всё идёт сорастворённым с грехом, и через грех мы теряем радость бытия.

Обыденная наша жизнь есть средство для созидания подлинной жизни. Мы же средства обратили в цель. Наши реальные шаги, вытекая из нереального, несут с собой зло, печаль и страдания. Мы ходим как бы во сне, и, погружённые в тьму греховности и страстей, смотрим вокруг и видим только тьму. Лукавый мешает нам видеть свет. Мы являемся слепым орудием тёмных сил, отчего и страдаем. Мы являемся не творцами жизни, а её рабами.

Как же быть? – Надо раскрывать глаза. Получить благобытие – вещь возможная. Надо лишь употребить усилия для получения этого сокровища. Это – клад в нас самих и вокруг нас.

Мы хотим жить счастливо и хорошо. Но что мы делаем для этого? Даже утренние и вечерние молитвы не раскрывают перед нами нашего пагубного состояния. Необходимо, чтобы мы вошли в смысл молитвы, и тогда найдём и сознание нашей греховности и сознание милосердия Божия. Эти молитвы определяют всю нашу жизнь и деятельность, они указывают и то, что мы должны делать, и то, чего мы должны избегать.

В молитве вечерней и утренней мы предстоим перед лицом Божиим и рассматриваем себя. Эти молитвы самих нас раскрывают перед нами. Важно, чтобы то небольшое, что предстоит нам на день, мы осветили разумом Божиим.

Наша душа создана для вечности, а мы совершенно не заботимся о ней. Мы стараемся приобретать всевозможные сокровища, кроме сокровищ вечности. Мы плохие купцы и дёшево ценим нашу душу. А ведь нет ничего ценнее души. Мы покупаем только то, что не имеет никакой цены в вечности, а то, что идёт в вечность, не приобретаем. Это происходит от того, что у нас всё перепутано, все ценности нарушены: грех затуманил нам истинное положение вещей. Когда мы реально ощутим всю ложность и неправильность нашей жизни, тогда будет происходить подлинная

купля. Человек при Божием свете начнёт разбираться в путанице своей жизни и стремиться к добру и вечному.

Важно, чтобы каждый день не ушёл пустым в вечность, надо находить ценности в каждодневной жизни. Каждый день нам дан для извлечения хотя бы минимума того блага, той радости, которая, в сущности, и есть вечность и которая пойдёт с нами в будущую жизнь. Чтобы извлекать ценности из каждого дня, надо творчески относиться к каждому моменту нашей жизни. Творчеством мы можем преодолевать нашу инертность, освободиться от тьмы страстей, владеющих нами. Преодоление греха ведёт к радостному восприятию мира, познанию Бога и ведёт за собой созидание подлинной жизни, к которой, в сущности, и призван человек.

Как же приступить к этой творческой жизни? Источником нашей жизни является сердце. Сердце наше есть арена борьбы лукавого с Богом, и борьба эта происходит ежечасно, ежеминутно. Надо всё время со вниманием стоять на страже сердца, понимать козни лукавого и отражать их. Тогда у нас будет творческое отношение к каждому моменту жизни. Мы всё время стоим на грани добра и зла. В нашей воле склонить себя на добро или в бессилии подчиниться злу. Лукавый хочет обладать нами, а мы должны ему противиться. Лукавый толкает нас на грех видимостью добра и побуждает нас на то, что не является для нас благом. Он под видом счастья подсовывает нам грех.

В каждом человеке больше добра, чем зла, только добро перепутано со злом. Вы скажете мне: «Как же так: Отчего мы видим в другом столько зла? Целое море зла». Да, зла – море, а добра – океан. Зло из нас лезет, бросается в глаза, а добро в нас скрыто, разбросано, не суммировано. Зло дерзко, а добро скромно. Зло есть тьма, грех, наше бессилие, разложение, несчастье, смерть. Добро есть свет, единение, сила, мощь, радость, духовная жизнь.

Нудное отбывание каждого дня и часа можно осветить, сделать радостным, если взять из жизни благо, свет, тепло. Я должен правильно направить своё внимание на окружающую меня жизнь. Если я своё внутреннее око буду направлять на свет, то я

его увижу. Внимание есть величайший акт духовной жизни. Борись, принуждай себя к нахождению света и увидишь его. Сказано: «Ищите и найдёте» (Мф 7:7). Наше существо на две трети наполнено светом, но этот внутренний свет нами не выявляется. Побеждая тьму, мы впускаем в своё сердце свет, или Господа. Это уже момент не пассивный, а творческий. Надо проявлять творчество. Творя новую жизнь, мы можем прикоснуться к Источнику света, который всё озаряет.

Добро вечно, и оно, исходя от Бога, к Нему и стремится. Это движение добра к Богу и есть устроение Царства Божия на земле. Надо употребить усилие к добру, а добро уже само потянется к нам. Я иду к Отцу, а Отец идёт ко мне навстречу (Притча о блудном сыне). Изгоняя лукавого из нашего сердца, мы освобождаем там место для Господа. Господь входит в наше сердце и царит в нём, чем созидается Царство Божие. Оно есть реальное благо на земле – это радость о Духе Святе. Тогда в нас открывается небесная жизнь, идеальное станет реальным. Мы молимся: «Да приидет Царствие Твое», – это есть вещь реальная. Пребывание в борьбе с грехом есть состояние во свете, в святости, которое своим источником имеет Духа Святого от Источника Света – Бога. Потому ап. Павел и определяет, что «Царство Божие не пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим 14:17). В таком состоянии человек соединяется с Богом и ощущает радость о Святом Духе всем своим существом. Это потому, что человек возвращается к Богу – Отцу своему, в свой дом.

Счастье нельзя добыть нарушением закона бытия, грехом. Как же начать борьбу с грехом? Нужно найти силу, разрушающую и обессиливающую грех. Надо связаться с источником силы добра – Богом – обращением к Нему с мольбой о помощи нам, так как владеющая нами сила греха обессиливает наши старания, и без помощи Бога мы не в состоянии изменить нашу греховную природу.

Господь близко, и сейчас же идёт навстречу и помогает. Малым обращением к Богу, словами: «Господи, помоги», – в минуту одер-

жания нас тёмной силой, мы из небытия в бытие вызываем нашу жизнь. Обращение к Богу есть акт воли, обращённый к Источнику света. Мысль обратиться к Богу в момент сердечной темноты: (раздражения, злобы, зависти или иной страсти), выраженная словами «Господи, помоги», пронизывает пространство от земли до неба. В ответ на призыв, оттуда, с Неба, снисходит помощь непосредственно в сердце, лучом света освещает тьму и разгоняет её. Мысль о Боге есть действие в нас Святого Духа. Призывая Бога мы волей переходим в иную область бытия, это уже есть подвиг, но он сочетается со светом Божества. Обратившись к Богу – Слову словом, мы получаем в ответ Божественный свет, который явится путеводной звездой в нашей жизни. Он вызывает к действию энергию добра, и человек даёт ростки жизни на этой равнодушной, замёрзшей земле.

Момент призывания имени Божия есть проводник света в нашу душу. Как будто малое дело сказать: «Господи, помоги», – и перед нами как бы раскрывается небо с обитанием Бога и, источая свет, переходит в нас, и мы как бы сами погружаемся в вечность. Сама вечность входит в нашу жизнь, как момент, приближающий нас к источнику света. Свет этот собирает в нас крупинки добра из имеющегося хаоса доброго и злого, характерного для нашей обычной жизни. Господь воцаряется в нашем сердце, и этим создается Царство Божие – радость и мир.

В процессе борьбы с грехом мы как бы сами перерождаемся: из раздражительных становимся кроткими, из скупых щедрыми, из злых – добрыми, из жестокосердных – милосердными, из суетливых – степенными. У нас создаются новые чувства и переживания. У нас раскрываются глаза. Тьма нашего сердца заменяется светом и это есть чудо, как явление силы Божией. Это есть обновление, совлечение (устранение) ветхого (греховного) человека и образование нового – новой твари – преображение. Вечное, небесное входит в нашу жизнь, а мы сами тем самым входим в вечное. Человеку дана великая сила с помощью Божией превращать греховную жизнь в новую, созидать Царство Божие на

земле. Дух Святой начинает действовать в нас, плод же Духа: «Любовь, радость, мир, долготерпение, вера, кротость, воздержание» (Гал 5:22). Каждый человек является тогда как бы чудотворцем, так как, побеждая грех, он творит чудо, открывая в себе Бога. Мы начинаем видеть всю миражность нашей жизни.

Без призывания Бога и следования за Ним мы не можем выйти из рабства вещей и обстоятельств, мы являемся их рабами. Надо как можно чаще освещать свои будни лучом Божественного света, открывать как бы окошечко в небо, чтобы свет небесный лился к нам в сердце. Чем больше будет у нас таких осветлённых моментов, тем больше жизнь будет озарена Божественным светом. Мир будет приобретать подлинную свою красоту, а человек своё подлинное бытие, и ощущать радость жизни. Христианство не есть религия скорби, а религия радости и блаженства. Ап. Павел говорит: «Всегда радуйтесь» (Фес 5:16). Это начало того блаженства, о котором сказано: «Не видал того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор 2:9).

**ДУХОВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗЛУ.
XX ВЕК**

Мария Великанова

**«Я ВЕРЮ В БОГА И ВЕРЮ В ЧЕЛОВЕКА»
ПУТЬ ЭТТИ ХИЛЛЕСУМ (1914 – 1943)**

Мария Великанова родилась в 1982 г. под Парижем, с 1993 г. живет в Москве. В 2004 г. закончила дирижерско-хоровое отделение музыкального колледжа им. А. Шнитке. В настоящее время студентка 5-го курса историко-филологического факультета РГГУ, пишет диплом о французском писателе, поэте и христианском мыслителе Шарле Пеги. Переводчик, преподаватель французского языка.

То, что мы знаем о человеке – скорлупа или сердцевина? Иногда общаешься с кем-то всю жизнь и думаешь, что знаешь его изнутри, глубоко... А потом, иногда только после его смерти понимаешь, что все это было скорлупкой, внешней оболочкой, а ядро, орех были совсем иными.

Мы почти ничего не знаем об Этти Хиллесум. Но мы точно знаем о ней не то, что знали ее друзья. Для ее окружения это была довольно легкомысленная и очень темпераментная девушка, собирающаяся стать писательницей. Но до нас не дошло никаких ее текстов, кроме писем и дневников, чудом сохранившихся. И из них перед нами вырастает совершенно иная личность: глубокая, цельная, способная на предельную самоотдачу, на жертвенное подражание Христу.

Дневник охватывает только неполных два года жизни Этти; ей было дано очень немного времени, и за эти два года она прошла путь, на который у многих святых уходила вся жизнь, длинная, полная аскезы, внутренней борьбы. Этти за два года прошла путь от сомнений к вере, от внешней вольности к внутренней свободе, от гордыни к смирению, от богемы и юношеской сосредоточенности на себе к полной самоотдаче, самозабвению, предельной

любви и вниманию к другим. Добровольную аскезу ей заменили вынужденные лишения, на которые ее обрекали законы, направленные против евреев в Амстердаме, а позже – условия концентрационного лагеря. Этти не выбирала бедности, она любила комфорт. Но она смогла просто принять жизнь такой, какая она есть, и прожить ее с предельной интенсивностью.

Эстер Хиллесум родилась 15 января 1914 года в Миддельбурге, в области Зееланд, на юго-западе Голландии, на берегу моря. Ее отцом был Луис Хиллесум, доктор классической филологии, происходивший из богатой еврейской семьи из Амстердама; матерью – Ребекка Бернштейн, оказавшаяся в Амстердаме только в возрасте 26 лет, русская еврейка, в 1907 году бежавшая от погромов. Ее семья переехала вместе с ней в Амстердам, но позже продолжила странствия и оказалась в Америке. Ребекка осталась в Голландии одна, давала частные уроки и в 1912 году вышла замуж за Луиса Хиллесума. Родители Этти были мало похожи друг на друга, как по происхождению, так и по характеру: отец – типичный университетский профессор старой закалки, любитель библиотек, кабинетный ученый, суровый, но наделенный замечательным чувством юмора; мать – живая, веселая, но хрупкая, нервная, с неустойчивой психикой. У Этти было два младших брата, Йаап (Иаков), родившийся в 1916 г. и Миша (Микаэль), родившийся в 1920 г. Старший стал врачом, младший – пианистом. Оба они унаследовали материнскую хрупкость, Миша был болен шизофренией.

У Этти были плохие отношения с родителями. Ее раздражало вечное недовольство матери и ее постоянные жалобы, в начале дневника она писала, что не может даже посочувствовать ей, так как уже не верит, – жалоб слишком много. На отца она обижалась из-за его холодности и писала, что чувствует по отношению к нему скорее жалость, чем любовь. К концу периода, который охватывает дневник – все переменялось. Из-за семьи Этти осталась добровольно в пересыльном лагере в г. Вестерборке, и вместе с семьей была отправлена в Освенцим.

В лицее Девентера, где был директором ее отец, Этти училась плохо, мешала увлеченность и живость характера, окончив его, она отправилась в Амстердам изучать право, позднее стала изучать психологию. Учась в университете, она давала частные уроки русского языка. Она зачитывалась Достоевским, Пушкиным, Лермонтовым, хотя главным ее кумиром оказался все-таки не русский автор, а Райнер Мария Рильке.

В то время она вела веселую и очень легкомысленную жизнь.

Весной 1937 г. Этти переехала к Хану Вегерифу, бухгалтеру, владельцу большого дома. Хан был одинок и попросил Этти вести его хозяйство, вскоре он стал ее любовником. Она жила у него вплоть до 1943 г., собственно говоря, дневник охватывает почти все время ее пребывания у Хана, и ее связи с ним. Его любовь к ней позволила ей избежать гетто, по закону она, еврейка, не имела права жить в доме у не еврея, а за любовную связь с голландцем вообще полагалась немедленная депортация. Ни Хан, ни его сын Ханс, ни другие люди, снимавшие комнаты в доме Хана Вегерифа (отнюдь не все они были евреями), ни словом не выдали Этти.

Семья Этти не была религиозной, но и не порвала с традицией. Этти даже учила иврит, и какое-то недолгое время была членом молодежного сионистского движения. Во время учебы в Амстердаме ее среда не была чисто еврейской, даже в самые первые годы, когда она жила вместе с братом Йаапом, ее друзьями были «левые интеллектуалы», и больше всего их объединяло отрицание нацистской идеологии.

Центральную роль в дневнике Этти играет Юлиус Шпиер. Этти пишет о нем почти столько же, сколько и о себе. Юлиус Шпиер (1887 – 1942) еврей, родившийся во Франкфурте; ученик Юнга; занимался пением, психологией, хиромантией. У него был кабинет психоанализа и хиромантии в Берлине, вплоть до 1939 г., когда гитлеровские законы заставили его уехать в Голландию (он уехал только в 1939 г. так как среди его пациентов были крупные немецкие чины, которым долго удавалось его защищать). Этти с ним познакомил ее друг Бернارد Мейлинк, как и она, снимавший ком-

нату у Хана Вегерифа. Она пришла к нему на консультацию как к психологу, и эта встреча перевернула ее жизнь. Ее отношения с Шпиером были крайне запутанными, он был ее учителем, начальником (она работала у него секретаршей), духовным наставником, психологом, любовником. Этот, в общем-то, шарлатан, научил Этти читать Библию и блаженного Августина. Именно он привел Этти к осознанию своих еврейских религиозных корней и к подлинному глубокому христианству. Летом 1942 г. Юлиус Шпиер тяжело заболел и умер в Амстердаме накануне дня, когда должен был быть увезен в лагерь Вестерборк – место, куда собирали голландских евреев перед отправкой в Освенцим и другие лагеря уничтожения.

Во многих голландских городах были созданы так называемые «Еврейские советы», в которых председательствовали уважаемые члены местных еврейских общин. Евреи думали, что таким образом могут хоть как-то отстаивать свои права, на деле же «советы» использовались просто для того, чтобы собрать больше евреев вместе, чтобы легче было ими управлять, и приводить в исполнение «окончательное решение еврейского вопроса»... Еврейский совет Амстердама стоял во главе всех еврейских советов Голландии и вынужден был играть весьма неоднозначную роль в судьбе голландских евреев. Когда в июле 1942 г. в Голландии начались массовые депортации, Еврейский совет принял на работу множество новых сотрудников, чтобы хоть на какое-то время защитить их. Это действительно на какое-то время задерживало их отправку в лагеря, но, с другой стороны, они больше не могли спрятаться. У Этти были друзья в «совете» и, по настоянию брата Йаапа 15 июля 1942 г. Этти устроилась туда на работу. Но она очень тяжело переживала свое привилегированное положение, более безопасное, чем у многих друзей, и как только «совет» решил отправить часть сотрудников в лагерь Вестерборк для оказания социальной помощи заключенным, Этти вызвалась ехать одной из первых. Таким образом, 30 июля 1942 г. она оказалась в лагере добровольно, в качестве «служащей».

История лагеря Вестерборк очень необычна, так как он был создан не немцами, а голландцами, в качестве лагеря беженцев в 1939 г. Местность, в которой он находился, была суровой и малопригодной для жизни, но изначально там стояли не бараки, а уютные домики. Туда приезжали евреи, бежавшие из Германии, и готовились к пересылке в Палестину, некоторые оставались в Голландии. 1 июля 1942 года все переменялось – командование лагеря перешло к немцам, и он стал пересылочным пунктом из Голландии – в Освенцим, Собибор, Терезин и Берген-Бельзен. Условия в лагере до конца оставались не самыми тяжелыми, но каждый вторник отправлялись составы на восток, и всю неделю лагерь жил в страхе и невыносимом ожидании... С июля 1942 по сентябрь 1944 через Вестерборк прошло больше 100000 голландских евреев. В лагере действовала необычная система еврейского самоуправления, на многих должностях находились евреи, по большей части – из Германии, но не только: Этти работала в «регистрауре» – она принимала новоприбывших. Также она добровольно трудилась в прачечной, в лазарете, помогала депортированным в отправке писем. Переутомление и страшные впечатления лагеря привели ее к истощению и болезни, но благодаря официальному статусу сотрудницы лагеря, а не заключенной, она имела право уехать в отпуск в Амстердам. В период с лета 1942 по лето 1943 Этти несколько раз была в Амстердаме, смогла попрощаться с Юлиусом Шпиером, некоторое время снова жила в доме Хана Вегерифа...

5 июня 1943 г. Этти вернулась в Вестерборк, несмотря на многочисленные предложения друзей-голландцев ее спрятать (они уже предчувствовали, что официальная должность больше не спасет никого от отправки на восток). Друзья Этти оказались правы: в июле 1943 года власти лагеря лишили всех привилегий 120 членов «Еврейского совета», находящихся в Вестерборке: половина смогла вернуться в Амстердам, половина оставалась в лагере, но как простые заключенные. Этти могла уехать, но осталась из-за родителей и брата Миши, которые в это время уже оказались в

лагере как заключенные. Йаап оставался в больнице в Амстердаме. Многие друзья семьи боролись за судьбу Миши, тогда уже довольно известного пианиста, однако Миша отказывался уезжать за границу без родителей, а втроем их спасти не удавалось. В начале сентября 1943 года Ребекка Хиллесум совершила крайне неосмотрительный поступок: она написала о Мише лично Ройтеру, начальнику полиции и СС в Голландии. Это письмо окончательно разозлило Ройтера, и он приказал немедленно отправить в Освенцим Мишу и всю его семью. Луис и Ребекка Хиллесум умерли еще в товарном вагоне, по дороге в Польшу. Этти умерла 30 ноября 1943 г., Миша – 31 марта 1944. Из 997 человек отправленных из Вестерборка 7 сентября 1943 года вместе с семьей Хиллесум, выжило восемь человек. Йаап Хиллесум был отправлен в Вестерборк из больницы Амстердама, когда его родителей уже не было в живых, оттуда его вывезли в Берген-Бельзен, он умер в апреле 1945 г., уже освободившись, в поезде на пути из лагеря, скорее всего, от тифа.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДНЕВНИКА

Дневник Этти Хиллесум,¹ охватывающий период с марта 1941 года по октябрь 1942 года, удивителен тем, что это двойное свидетельство – личной истории, и истории этапов преследований евреев в Голландии, параллельный путь еврейской девушки ко Христу и еврейского народа – на Голгофу Освенцима. Этот дневник – поразительное свидетельство роста души, глубоких перемен, работы над собой, для того чтобы стать открытой людям и Богу. Дневник Этти – описание поиска и обретения Бога. Она долго называла себя «Девушка, не умеющая становиться на колени», и считала это признаком свободы. Однако пришел день, когда встреча с Богом повергла ее на землю пред Ним и полностью изменила ее.

Первая запись в дневнике Этти, (9 марта 1941 года), сделана через некоторое время после знакомства с Юлиусом Шпиером. Она может показаться шокирующе откровенной, но нужно понимать, что дневник Этти – почти путевые заметки, свидетельство о духовном пути необычайной крутизны, о внутренних переменных удивительной силы; зная о конце, хочется знать начало дороги.

М. В.

Воскресенье, 9 марта 1941 года. Ну что ж, нужно решиться! Тяжелая минута, почти неодолимое препятствие: преодолеть

---

¹ Дневник под названием «Перевернутая жизнь», а также письма из пересыльного лагеря Вестерборк, были изданы на голландском, английском, французском, немецком, итальянском языках, благодаря чему Этти Хиллесум стала известна во многих странах Европы и Америки; написаны несколько ее биографий; наследие ее изучается во многих светских и религиозных учебных заведениях. (Прим. ред.)

робость и вверить глубины сердца чистому листку бумаги в клетку. Мысли в моей голове иногда очень ясные и четкие, а чувства – очень глубокие, но высказать их в письменном виде – пока не знаю, как. В основном мешает целомудрие, нерешительность: я боюсь откровенничать, изливать душу, притом, что это необходимо, если я хочу сделать из своей жизни что-нибудь путное, придать ей разумное и удовлетворительное течение. Также и в сексуальной близости, последний крик освобождения остается робко спрятанным в моей груди. <...>Я получила достаточно интеллектуальных дарований, чтобы все изучить, что хочу, взяться за любую мысль, все охватить ясными формулировками; я многим кажусь необычайно осведомленной в самых разных жизненных вопросах. При этом в глубине меня живет слипшийся клубок, нечто, что держит меня железной рукой, и никакая свойственная мне ясность мысли не может помешать мне частенько чувствовать себя несчастной трусливой растяпой.

Попробуем вспомнить, что произошло важного сегодня утром, хотя оно уже почти ушло от меня. В одно мгновение, жестким рассуждением, я одержала победу над Ш.² Его ясные и чистые глаза, сочный и чувственный рот; тяжелый бычий силуэт и воздушно легкие движения, освобожденные: дух и материя в этом человеке пятидесяти четырех лет пока еще в разгаре борьбы. Кажется, я раздавлена тяжестью этой борьбы. <...>

«Тело и душа – едины». Видимо в силу этой аксиомы он собрался померяться со мной силами в некоем подобии борьбы³. Похоже, сил у меня немало. Произошла странная вещь: я повалила этого великана. Все внутреннее напряжение, вся накопленная энергия высвободились, и я свалила его, повергла как физически, так и психически, как он позже мне признался. Никому еще этого не удавалось.

---

² Здесь и далее Ш. – Юлиус Шпиер, хиромант и психотерапевт, сыгравший решающую роль в жизни Этти. (Прим. пер.)

³ Единоборство – один из психотерапевтических приемов Шпиера. (Прим. пер.)

Понедельник, девять часов утра. Девочка моя, девочка, за работу, или я тебя просто уничтожу. Только, пожалуйста, не думай: у меня слегка голова болит, подташнивает, пока что я не очень хорошо себя чувствую. Это просто неприлично. У тебя много работы, и все, точка. <...> Вот еще одна вещь, которой мне нужно научиться, даже если придется бороться изо всех сил: изгнать из головы бесконечные фантазии, мечты, игру воображения, сделать большую внутреннюю уборку, чтобы оставить место для учения, смиренного или возвышенного. Так же и с чувственностью. Если кто-то произвел на меня впечатление, я способна погрузиться на много дней и ночей в эротические фантазии; кажется, я никогда раньше не осознавала, сколько энергии на это трачу, и как велико разочарование, когда устанавливается живая связь. Реальность не любит воспаленного воображения. <...>.

Среда, вечер. Мои бесконечные мигрени: мазохизм. С готовностью выставленная напоказ жалость: чувственность. Сострадание может быть созидательным, а может истощать силы. Наедаться до отвала великими идеями – реальность намного ценнее. <...> Не правда ли, начался новый этап моей жизни? Этот вопросительный знак – уже ошибка. Сейчас точно началась новая фаза! Идет полноценная битва. Но нет, я не должна сейчас говорить о «битве», ведь мне сейчас так хорошо, я полна внутренней и телесной гармонии; скорее так: началось осознание, все прекрасные теоретические формулы, которыми была набита моя голова, теперь спустятся в мое сердце и станут плотью и кровью. <...> Пока что я слишком наслаждаюсь переходным состоянием, все должно стать более простым и естественным, в конце концов, удастся почувствовать себя, наконец-то, взрослой и способной помогать другим созданиям на этой земле, принести им немного ясности своей работой, на самом деле, только это и важно.

Воскресенье, одиннадцать часов утра. *(По-видимому, 16 марта 1941 г.)*⁴ В моей жизни произошла легкая смена приоритетов.

---

⁴ Здесь и далее текст курсивом – примечания переводчика.

«Раньше», проснувшись, я кидалась на Достоевского или Гегеля, а на досуге, когда нервничала, могла начать штопать чулки. Сегодня я начинаю день, в самом прямом смысле, со штопки чулок, и, исполняя все обыденные обязанности, постепенно поднимаюсь до вершины, на которой встречаю поэтов и мыслителей. <...>

Раньше, когда какой-нибудь цветок казался мне особенно красивым, мне хотелось прижать его к сердцу или съесть. Что было бы еще сложнее с другими красотами природы, но чувство всегда было то же. Я была слишком чувственной, слишком «собственницей», если можно так сказать. Того, что я находила красивым, я желала слишком телесно, я хотела обладать им. Поэтому я всегда жила с тягостным чувством неутолимого желания, тоскливого стремления к чему-то, что считала недостижимым, и именно это я и называла своим «творческим инстинктом». Сила этих переживаний заставляла меня считать, что я рождена для создания произведений искусства. Вдруг все изменилось; какими внутренними путями – не знаю, но перемена налицо. Я заметила это только сегодня утром, вспоминая короткую прогулку, недавно вечером. Были сумерки; нежные цвета неба, таинственные силуэты домов, необычайно живые деревья с прозрачной сетью веток, все было восхитительно. Я хорошо помню, как я «раньше» реагировала на такие сцены. Я ощущала красоту с силой, вызывающей сердечную боль. Красота причиняла мне страдание, я не знала, как с ней поступить. Мне необходимо было писать, писать стихи, но слова не приходили. Тогда я не находила себе покоя. Я буквально объедалась красотой пейзажа, и это истощало меня. Я тратила бесконечное количество энергии. В сущности, это было что-то вроде онанизма.

А тем вечером я отреагировала совсем иначе. Я с радостью приняла предчувствие красоты божественного творения, несмотря ни на что. Этот наполненный тайной пейзаж, замерший в сумерках, подарил мне наслаждение, не меньшее чем раньше, но как бы «объективированное». Мне не хотелось больше «овладеть» им. Я вернулась домой умиротворенная и вновь села за работу. Пей-

заж остался внутри на заднем плане, как украшение души. <...>. Теперь я понимаю, откуда взялась эта необходимость писать. Это другая форма обладания, все притягивать к себе с помощью слов и образов, тем самым, все присваивая. Вот из чего до сего момента было сделано мое стремление писать: убежать от всех с накопленным сокровищем, все записать, удержать при себе и наслаждаться этим. Это неудержимое стремление обладать неожиданно покинуло меня. Тысячи оков, до сего дня державших меня, порваны, я чувствую себя сильной и смотрю на все с радостью. А так как, уже свободная, я ничем не хочу обладать, все мне принадлежит и мое внутреннее богатство огромно.

Среда 19 марта, девять часов вечера. Боже мой, помоги мне, дай мне сил, битва будет тяжелой. Его рот и тело были так близко от меня сегодня, что я не могу их забыть. Но я не хочу связи с ним. А мы уже стали на этот путь. Но я не хочу.⁵ Его будущая жена в Лондоне, одна, она ждет. А мне так дороги связи, которые держат меня! Сейчас, когда я немного «собралась», я чувствую что я вполне серьезная девушка, не любящая шутить с любовью. Я хочу одного мужчину на всю жизнь, строить что-то вместе. В сущности, все эти похождения и связи только сделали меня очень несчастной, причинили боль. Но я делала недостаточно сознательных усилий, любопытство всегда одерживало верх. Сейчас я окрепла и начинаю бороться с жадой приключений и эротическим любопытством, которое всегда вело меня к большому количеству мужчин. Конечно, это лишь забава, и на самом деле можно интуитивно почувствовать, каков мужчина, не имея с ним связи. Но, Боже, как это трудно! <...>

Пятница 21 марта, полдевятого утра. На самом деле, мне ничего не хочется записывать: я чувствую себя такой легкой, сияющей и веселой, что рядом с этой благодатью любое слово тяжело как свинец. При этом сегодня утром, мне пришлось отвоевать внутреннюю радость у тревожного трепещущего сердца. После

---

⁵ Здесь и далее: подчеркнуто Этти.

того, как я вымылась с ног до головы ледяной водой и полежала на мощеном плиткой полу в ванной достаточно долго, я смогла обрести покой. Теперь я «готова к битве», и эта битва наполняет меня каким-то почти спортивным интересом.

Я должна научиться справляться с безотчетным чувством тревоги. Конечно, жизнь трудна, это ежеминутная борьба (дорогая, давай не будем преувеличивать!), но она увлекает меня. Раньше я постоянно строила предположения о хаотическом будущем, так как отказывалась проживать следующее мгновение, ближайшее будущее. Как балованный ребенок, я хотела, чтобы все было мне даровано. Иногда я бывала убеждена (хотя и очень смутно), что я «кем-нибудь стану», что я «совершу что-нибудь великое», чередуя это предчувствие с хаотическим страхом исчезнуть, не оставив следов. Я начинаю понимать, почему. Я отказывалась выполнять дела, возникающие передо мной, подниматься к будущему шаг за шагом. Но сегодня, когда каждая минута наполнена жизнью, опытом, борьбой, победами и падениями, за которыми следует возвращение к борьбе, сегодня я больше не думаю о будущем: мне все равно, совершу я или нет что-нибудь великое, потому что во мне живет глубокое убеждение, что из удачи или провала все равно что-нибудь получится. Раньше я жила в подготовительном периоде. У меня было постоянное чувство бесполезности и никчемности моих действий: что бы я ни делала, — это ничего на самом деле не стоит, это только приготовление к чему-то другому, великому, подлинному. Все это оставило меня. Сегодня, в настоящую минуту, я живу, я полноценно живу, и если бы я узнала, что завтра я должна умереть, я сказала бы: печально, но я ни о чем не сожалею. Я помню что, теоретически, я уже заявляла это когда-то — летним вечером, с Францем, на террасе у Рейндерсов. Но тогда я это говорила скорее от усталости и скуки: «В конце концов, если бы завтра все закончилось, я бы особо не переживала; в конце концов, у нас было время обо всем составить себе представление. Мы знаем эту жизнь, мы все прожили, хотя бы и только разумом, мы не цепляемся больше за жизнь с прежней настойчивостью». Мы

чувствовали себя очень старыми, очень мудрыми и очень усталыми. Сейчас все по-другому. А теперь, за работу.

Вторник 25 марта, девять часов вечера. *Запись после самоубийства профессора Бонгера, бывшего учителя Этти, который не смог вынести того, что происходило тогда в окружающем мире (гибели студентов, все меньшей свободы и т.д.)*

<...> Бонгер – не единичный случай. Сейчас уничтожают целый мир. Но мир будет жить, и я вместе с ним, до нового порядка, полная мужества и доброй воли. Все эти исчезновения оставляют нас как бы голыми, но я чувствую себя настолько богатой внутренне, что эта нужда, это обнажение еще не проделало себе путь в моем сознании. И все же, я должна сохранять связь с реальным миром, современным миром, постараться найти в нем свое место, мы не имеем права жить только вечными ценностями; это была бы новая форма страусиной политики. Полноценно жить вовне, как и внутри, ничем не жертвовать во внешней жизни ради внутренней, но и наоборот – тоже, ничем – вот захватывающая задача. <...>

Воскресенье 8 июня, полдесятого утра.

Кажется, я начну это делать: каждое утро, перед работой, «обращаться к внутреннему миру», полчаса слушать себя. «Войти вглубь себя», я могла бы также сказать: медитировать. Но пока что меня раздражает это слово. Да, почему бы и нет, полчаса покоя внутри себя. Я же шевелю руками и ногами и всякими мускулами по утрам в ванной: но этого недостаточно. Человек – это тело и дух. Полчаса гимнастики и полчаса «созерцания» могут подарить хорошую основу для сосредоточения на целый день.

Но «час покоя» – это не так-то просто. Этому нужно учиться. Нужно убрать из головы все это низкое пустословие, все финтифлюшки. Головка, вроде моей, вечно набита беспокойством по любому поводу. Там есть также возвышающие, и освобождающие чувства и мысли, но дребедень проникает повсюду. Создать внутри себя большое просторное поле, освобожденное от лжи, сорняков, колючего кустарника, застилающего взор – это должно быть целью созерцания. Впустить в себя немного «Бога», как есть

немного «Бога» в *Девятой* Бетховена. Впустить в себя немного «Любви», не изысканной любви на полчаса, в которой ты находишь наслаждение, гордясь возвышением своих чувств, но любви, пригодной для смиренного ежедневного опыта.

Я, конечно, могла бы читать Библию каждое утро, но я еще не созрела для этого, у меня недостаточно внутреннего мира, и я пытаюсь проникнуть в замысел этой книги чересчур мозговым, интеллектуальным способом, мешающим в нее погрузиться. <...>

Я бы хотела попросить тебя меньше глядеться в зеркало, дурья башка. <...> Ты постоянно говоришь, что хотела бы совершенно забыть о себе, но пока ты надута тщеславием, полна мечтаний, ты недалеко продвинешься по пути забвения себя. <...> Некоторое равнодушие к внешнему виду должно прийти изнутри. <...> В других тоже, я часто слишком обращаю внимание на внешность, на привлекательность. В конце концов, важна душа, существо, или бытие, можно сказать по-разному, душа, сияющая сквозь личность.

Суббота 14 июня, семь часов утра. Все по новой: аресты, террор, концентрационные лагеря; отцы, сестры, братья, незаконно разлученные с близкими. Мы ищем смысл этой жизни, мы спрашиваем себя – есть ли у нее еще смысл. Но это каждый может решить только наедине с Богом. Может быть, у жизни есть ее собственный смысл, и для того, чтобы его обнаружить потребуется вся жизнь. Пока что я потеряла всякую логическую связь с жизнью и вещами, я чувствую, что все случайно, что нужно внутренне отделиться от всех и отказаться от всего. Все кажется таким угрожающим, зловещим – и это чудовищное бессилие!

Полдень. Мы только полые вазы, в которые устремляется поток истории. <...>

Летом 1941 г. Этти много размышляла о реальности внутреннего и внешнего мира. Этому посвящена большая часть записей, несколько раз повторяются рассуждения о том, что стихотворение Рильке не менее реально, чем арест друга.

Вторник 26 августа, вечер. Во мне есть глубокий колодец. А в этом колодце – Бог. Иногда мне удается достичь Его. Но чаще всего, камни и строительный мусор закупоривают колодец, и Бог погребен в нем. Тогда нужно высвободить Его.

Есть люди, я думаю, молящиеся, подняв глаза к небу. Они ищут Бога вне себя. И есть другие, склоняющие голову и прячущие лицо в ладонях, я думаю, что эти люди ищут Бога в себе самих.

Осенью 1941 г. Шпиер понял, что вряд ли когда-нибудь сможет вновь увидеть свою невесту, живущую в Лондоне. Тогда их терапевтическая, духовная, дружеская связь с Этти постепенно стала любовной, все более подлинной и глубокой. Однако Этти не решилась оставить Хана Вегерифа, который воспринимал ее, более или менее, как свою жену. В это же время изменилось и ее отношение к Богу – Ш. учил ее молиться и читать Библию. Постепенно Этти из ученицы Ш. стала его сотрудницей, у нее появились пациенты. Тогда же началось постепенное ужесточение антиеврейских законов на территории Голландии. Дневник Этти до конца 1941 г. полон размышлениями о творчестве, о призвании, о том, что она должна писать, что это ее дар. Ее первые молитвы в дневнике – просьбы к Богу о даровании гениальной строчки, абзаца, страницы... Постепенно это уходит на второй план, Этти осознает, что дар не уйдет от нее, что когда Бог захочет этого – она будет писать, писательское призвание перестает быть постоянным поводом для тревоги, Этти внутренне успокаивается. Все большее место в записях занимают окружающие ее люди, друзья и ученики Шпиера, больной брат Миша, которого она пытается лечить, и даже мать и отец: еще несколько месяцев назад у нее были с ними очень тяжелые отношения. Чем дальше, тем больше Этти учится их любить, понимать, все больше ее интересует реальная жизнь, реальные люди, все больше она любит этот мир, всех живущих в нем и его Творца.

21 ноября. <...> Где-то во мне есть меланхолия, нежность и немного мудрости, ищущие форму. Иногда меня пронизывают обрывки бесед. Образы и персонажи. Атмосферы. Неожиданный

прорыв к тому, что должно стать моей личной истиной. Любовь к людям, за которую мне нужно будет биться. Биться не в политике, не в партии, а в себе самой. Но ложный стыд еще не позволяет мне взять на себя эту любовь. А еще – Бог. «Девушка, не умеющая становиться на колени»⁶, в конце концов, научилась этому, на жестком сизалевом коврике в неубранной ванной комнате. Но эти вещи еще более интимны, чем сексуальность. Эта эволюция во мне, эволюция «девушки, не умевшей становиться на колени», а бы хотела придать ей форму, во всех оттенках. <...>

Вторник. Утро, полдесятого. *По-видимому, конец ноября 1941.*

<...> Господь, возьми меня за руку, я храбро последую за Тобой, без особого сопротивления. Я не скроюсь ни от одной из бурь, которые обрушатся на меня в этой жизни. Я выдержу удар, собрав все свои силы. Но давай мне, время от времени, краткое мгновение покоя. Я не буду наивно полагать, что мир, спускающийся на меня, вечен, я приму тревогу и битву, которые последуют за ним. Я люблю укрыться в тепле и надежности, но я не стану возмущаться, когда мне придется столкнуться с холодом, только бы Ты вел меня за руку. Я буду всюду следовать за Тобой и постараюсь не бояться. Где бы я ни была, я буду стараться излучать хоть немного любви, той подлинной любви к ближнему, которая во мне есть. (Но не вздумай гордиться этой «любовью к ближнему». Ты не знаешь, есть ли она у тебя на самом деле.) Я не прошу ни о чем особенном. Я хочу только попытаться стать той, что уже живет во мне, но еще только ищет полного расцвета. Иногда мне кажется, что я стремлюсь к уединению в монастыре. Но именно в мире и среди людей я должна буду пребывать.

Вторник. Без четверти девять утра. *Видимо, тоже конец ноября.*

<...> Последнее время бывает, что отдельный стих Библии освещается для меня новым днем, наполненный сущностью и

---

⁶ Этти собиралась писать роман, с элементами автобиографии, под этим названием. (Прим. пер.)

насыщенный опытом. «Бог создал человека по образу и подобию Своему». «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». <...>

Среда. *По-видимому, начало декабря 1941.*

<...> Я в очередной раз становлюсь на колени на жестком сизалевом коврике, погрузив лицо в ладони, и прошу: О, Господь, позволь мне раствориться в огромном нераздельном чувстве. Научи меня делать все обыденные дела с любовью, пусть даже самое мелкое действие рождается из большого внутреннего очага свободы и любви. Тогда наша человеческая природа и место, где мы находимся, уже не играют никакой роли. Но мне еще до этого далеко, очень далеко. <...>

Воскресное утро. *Видимо, середина декабря.*

Вчера вечером, перед тем как лечь спать, я вдруг оказалась на коленях посреди большой комнаты, между металлическими стульями, на легком плетеном коврике. Просто так, почти нечаянно. Склоненная к земле волей, более сильной, чем моя. Еще недавно я говорила: «я упражняюсь в коленопреклонении». Я еще слишком стыдилась этого жеста, столь же интимного, что и жесты любви, о которых могут говорить лишь поэты. <...>

Зима 1941–1942 г. была страшной. Многие друзья Этти умерли под пытками. Кого-то отправили в лагеря. Шпиера вызывали в гестапо, Этти ходила туда вместе с ним, но все обошлось. Обстановка в Амстердаме становилась все более напряженной, до евреев дошли слухи о лагерях смерти в Польше, всюду царил страх.

Четверг 12 марта 1942 г. Полдвенадцатого ночи.

<...> Я бы хотела сказать Макс: «Когда у тебя есть внутренняя жизнь, неважно, наверное, по какую сторону лагерной ограды ты находишься». Окажусь ли я на высоте этих слов, смогу ли я прожить их? Не будем создавать себе слишком больших иллюзий. Жизнь будет трудной. Нас отделят ото всех, кто нам дорог. Я думаю, что этот момент не так уж далек. Нужно внутренне готовиться со все возрастающей силой. <...>

18 мая 1942 г. Внешние угрозы все серьезнее и террор возрастает день за днем. Я возношу молитву вокруг себя, как бы возводя защитную стену, полную благосклонной тени, я ухожу в молитву как в монастырскую келью и выхожу все сосредоточеннее, все сильнее, все собраннее. Уход в замкнутую келью молитвы становится для меня все более мощной реальностью. Эта сосредоточенность воздвигает вокруг меня высокие стены, в которых я нахожу себя и собираюсь, избегая любого рассеяния. Я прекрасно понимаю, что придет время, когда я дни и ночи буду стоять на коленях, чтобы почувствовать вокруг себя защитный экран, стены, не позволяющие мне разбрасываться, теряться и исчезать.

Пятница 19 июня, полдесятого утра. Знаешь, от чего в тебе меня просто тошнит, дорогая? От этой полу-честности и напыщенности. Вчера вечером я хотела написать несколько слов, но получались только туманные глупости. Иногда я боюсь называть вещи своими именами. Может быть потому, что тогда больше ничего не остается? Но, если вещи не выдерживают, когда их называют своими именами, тогда они не имеют права на существование. Мы стараемся спасти многие явления нашей жизни через некий неясный мистицизм. А мистика должна опираться на искренность кристальной чистоты. Нужно сначала вынести на свет Божий голую реальность вещей. <...>

Суббота, полпервого ночи. Для того чтобы унижить, нужны двое. Унижающий и тот, кого хотят унижить, точнее, тот, кто позволяет себя унижать. Если его нет, то есть, если пассивный участник действий привит от любой формы унижения, причиняемые нам унижения растворяются как дым. Остаются только притеснительные меры, разворачивающие обыденную жизнь, но не унижение или угнетение, отягчающее душу. Нужно учить этому евреев. Сегодня утром, проезжая на велосипеде вдоль Стадионкад, я восхищалась широким горизонтом, открывающимся на краю города, и дышала свежим воздухом, в котором нас пока не ограничили. Повсюду плакаты запрещали евреям выходить на дорожки, ведущие на природу. Но над тем краем дороги, который

остаётся для нас открытым, простирается все небо. Нам ничего не могут сделать, ничего. Можно создать нам очень тяжёлую жизнь, лишит нас многих материальных благ, отнять у нас некоторую свободу внешних передвижений, но мы сами лишаем себя лучших сил губительной психологической позицией. Ощущая себя преследуемыми, униженными, угнетёнными. Испытывая ненависть. Хорохорясь, чтобы скрыть страх. Мы имеем право время от времени быть грустными и подавленными, из-за того, что нас заставляют претерпевать: это по-человечески и вполне понятно. И все же именно мы сами подвергаем себя настоящему ограблению. Я нахожу жизнь прекрасной и чувствую себя свободной. Во мне простираются небеса, обширные, как твердь. Я верю в Бога и верю в человека, и решаюсь сказать об этом без ложного стыда. Жизнь трудна, но это не важно. Нужно начать с того, чтобы воспринимать всерьёз свою значительность, остальное придет само. Работать над собой, не значит проявлять нездоровый индивидуализм. Если когда-нибудь наступит мир, он будет подлинным, лишь в том случае, если каждый человек обретет сначала мир внутри себя, вырвет с корнем ненависть к любой расе, народу, или победит эту ненависть в себе и превратит ее во что-нибудь другое, может быть, постепенно – даже в любовь... Я хочу слишком многого?.. Но ведь это единственный выход. Я могла бы исписать подобными размышлениями еще многие страницы. Тот маленький кусочек вечности, что мы носим в себе, можно описать одним словом, а можно – десятью трактатами. Я – счастливая женщина и пою хвалу этой жизни, да, вы не ошиблись, в 1942 благословенном году от Рождества Христова, в энный год войны.

С этой записи тон дневника Эtti меняется: это уже не только личный дневник, хотя она продолжает предельно честно и откровенно писать о себе. Но теперь почти все записи точно датированы, и, помимо рассказа о себе, своей внутренней жизни, записей о том, что происходит у ее близких и друзей, в тексте появляются подробные сведения о том, что в это время происходит с евреями Амстердама, и даже отдельные записи о ходе

войны. В то же время Этти, несмотря на осознание писательского дара, все меньше заботится о стиле, форме письма, ей не так важно как она пишет, она хочет донести до читателей, к которым теперь обращается напрямую, то, что она видит, о чем она думает. Дневник становится историческим документом.

Понедельник, десять часов утра. По-видимому, 29 июня 1942 г. Бог не должен отчитываться перед нами, наоборот. Я знаю все, что еще может настичь нас. Теперь я отделена от родителей без возможности встретиться с ними, хотя они живут только в двух часах езды на поезде отсюда⁷. Но я знаю, что они живут в уютном доме, не страдают от голода и окружены многими людьми доброй воли. И они тоже знают, где я. Но, может быть, придет время, и я не буду знать, где они, когда они будут депортированы или умрут в нужде. Я знаю, что это время может наступить. По последним сведениям, все евреи Голландии будут депортированы в Польшу, через транзитный лагерь на Дренте. Английское радио сообщило, что с апреля прошлого года семьсот тысяч евреев было убито в Германии и на оккупированных территориях. И если мы выживем, то же количество ран мы будем нести на себе до конца наших дней. Бог не должен давать нам отчет в тех безумствах, что мы совершаем. Мы должны дать отчет! Я уже перенесла тысячу смертей в тысяче концентрационных лагерей. Все мною познано, никакая новая информация не тревожит меня. Тем или иным образом, я все уже знаю. И все же я нахожу эту жизнь прекрасной и полной смысла. В каждое мгновение.

1 июля, утро. <...> Сколько раз я просила в молитвах, во всяком случае, в последний год: «Господи, сделай меня хоть немного более простой». Если этот год и принес мне что-то, то именно большую внутреннюю простоту. И мне кажется, что позже, я смогу более простыми словами рассказать о трудностях этой жизни. Позже. <...>

---

⁷ Летом 1942 г. евреям Голландии было запрещено выезжать за пределы того города, или даже района, где они жили.

Во второй половине дня. Странно, нежный и радостный жасмин, посреди всей этой серости и грязных сумерек. Я ничего не понимаю в этом жасмине. Но тебе и нечего понимать. И в двадцатом веке еще можно верить в чудеса. Я верю в Бога, даже если совсем скоро, в Польше, я буду съедена вшами.

Страдание не унижает человеческого достоинства. Я хочу сказать: можно страдать, сохраняя, или не сохраняя человеческое достоинство. То есть, большинству западных людей незнакомо искусство страдания, они умеют только изнывать в тревоге и казнить себя. То, чем живет сейчас большинство людей, и не жизнь уже – страх, горечь, ненависть, отчаянье. Боже мой, это так понятно! Но лишить их этой жизни, значит ли это – многого их лишить?.. Нужно принять смерть как естественный элемент жизни, даже самую чудовищную смерть. Не проживаем ли мы каждый день целую жизнь, так ли важно, проживем ли мы несколькими днями больше, или меньше? Каждый день я в Польше, на поле битвы – да, эти лагеря можно так называть; иногда меня охватывает видение поля битвы ядовито-зеленого цвета; каждый день я рядом с голодными, преследуемыми и умирающими, но я также рядом с жасмином и куском синего неба за моим окном. В жизни для всего есть место. И для веры в Бога и для жалкой смерти.

Нужно также найти силы страдать одному, не навязывать другим своих тревог и проблем. Мы еще не научились этому, а должны были бы учить друг друга, твердо, если мягко не удастся. Когда я говорю что, так или иначе, я уже покончила с этой жизнью – это не покорность судьбе. Любое слово – недоразумение. Когда я так говорю, это понимают в совершенно другом смысле. Это совсем не покорность судьбе, вовсе нет. Что же я тогда имею в виду? Может быть вот это: я уже прожила эту жизнь тысячи раз и тысячи раз умирала. Что еще может случиться со мной? Я пресыщена? Нет. Я просто проживаю каждую секунду жизни, помноженную на тысячу и, сверх того, оставляю место страданию. И это не скромное место, которое страдание требует себе в каждый день нашей жизни. В конце концов, не все ли равно,

что именно причиняет людям страдания, если в одну эпоху это инквизиция, в другую – война или погромы? Стрaдание всегда отстаивало свое право на место в человеческой жизни, неважно, в каком виде оно являлось людям. Важно, как мы его переносим, какое место мы определяем ему в нашей жизни, продолжая принимать ее. Но не занята ли я нагромождением теорий с высоты моего рабочего стола, окруженная родными книгами (каждая из которых особенно со мной связана) и с цветущим жасмином за окном? Не только теория ли это, – теория, еще не успевшая столкнуться с испытанием фактами? Я так уже не думаю. Очень скоро я столкнусь с окончательными последствиями моих принципов. <...> Я думаю о бледных детских личиках Мириам и Ренаты⁸, о тревоге стольких людей, я все это знаю, все, в каждое мгновение, иногда я склоняю голову под этим грузом, но, в то же время, уже почти рефлекторно, мне нужно сложить руки, я могла бы часами так стоять – я все знаю, я все могу выдержать, я становлюсь все сильнее. При этом я убеждена: я нахожу жизнь прекрасной, достойной быть прожитой и наполненной смыслом. Несмотря ни на что. Это не значит, что мы все время находимся на духовных высотах и полны благочестивых мыслей. Можно быть раздавленным усталостью, после долгой ходьбы, простояв несколько часов в очереди, но это тоже жизнь – и где-то в глубине есть что-то, что уже никогда вас не покинет.

Пятница 3 июля 1942 г. Полдесятого вечера. <...> Ну, хорошо, они хотят нашего полного уничтожения: я принимаю эту новую данность. Теперь я знаю это. Я не буду навязывать другим тревогу и воздержусь от малейшей злобы, раз они не понимают то, что происходит с нами, евреями.

Я работаю и живу с все той же уверенностью и продолжаю видеть жизнь наполненной смыслом, да, несмотря ни на что, полной смысла, даже если я едва решаюсь говорить об этом в обществе.

---

⁸ Дети лучших друзей Этти, также учеников Шпиера, Лиесл и Вернера Леви, оказавшихся, с момента ужесточения законов, регулирующих жизнь евреев в Амстердаме, в более трудном материальном положении, чем Этти.

Жизнь и смерть, страдание и радость, мозоли на ногах⁹, жасмин за домом, преследования, зверства без числа, все, все это во мне и составляет мощное единство, я все это принимаю как неделимое целое и все лучше понимаю – только для себя, не умея еще объяснить другим – логику этой целостности. Я хотела бы долго жить, чтобы когда-нибудь суметь объяснить, но если мне этого не дано, хорошо, другой сделает это за меня, другой поймает нить моей жизни там, где она оборвалась. Поэтому я должна прожить всю жизнь до последнего вздоха со всем сознанием и всей возможной убежденностью, так, чтобы моему продолжателю не пришлось бы начинать с нуля и сталкиваться с теми же трудностями. Не это ли работа для потомства? <...>

Ах, во всех нас это есть: Бог, небо, ад, земля, жизнь, смерть и века, столько веков. Внешние обстоятельства составляют фон и меняющее нас действие. Но мы все носим в себе, и обстоятельства никогда не играют определяющей роли: всегда будут хорошие и плохие ситуации, которые нужно будет принимать как свершившийся факт – это никому не мешает посвятить жизнь преобразованию плохих ситуаций. Но нужно осознавать мотивы борьбы, которую мы ведем, начинать изменения с себя самого, и делать это заново каждый день. <...>

Во мне очень много произошло за последние дни, и, в конце концов, все собралось вокруг одной идеи. Наш конец, наш, видимо, жалкий конец, уже сейчас вырисовывающийся в мелочах повседневной жизни... я посмотрела ему в лицо и нашла для него место в моем ощущении жизни, не ослабив его. Я не огорчена, не бунтую, я победила уныние и мне незнакома покорность судьбе. Я продолжаю продвигаться, день за днем, и помех не больше чем раньше, даже когда я ясно вижу перед собой наше уничтожение. Я не буду больше писать красивых формулировок, которые всегда приводят к непониманию и недоразумению, таких как: «я свела счеты с жизнью, со мной больше ничего не может случиться, и,

---

⁹ Летом 1942 г. евреям в Амстердаме запретили пользоваться не только городским транспортом, но и велосипедами. (Прим. пер.)

собственно, речь не только обо мне, не важно, кто умирает, я или другой, важно то, что все умирают». Я часто говорила так людям вокруг, но в этом мало смысла и это не объясняет ясно того, что я хочу сказать – и, на самом деле, это не важно. Говоря, «Я свела счеты с жизнью», я хочу сказать: возможность смерти укоренена в моей жизни; смотреть смерти в лицо и принимать ее как дополняющую часть жизни – значит расширить жизнь. И наоборот, пожертвовать смерти кусок жизни уже сегодня, из страха перед смертью и отказом принять ее, лучший способ сохранить только маленький изуродованный кусочек жизни, мало заслуживающий такого названия. Это кажется парадоксом: исключив смерть из жизни можно лишить себя полноценной жизни, а принимая ее расширяешь и обогащаешь жизнь. Это мое первое столкновение со смертью. Я никогда не знала, как ее воспринимать. Невероятно: в мире, усеянном миллионами трупов, в двадцать восемь лет, я никогда еще не видела мертвого! Я часто спрашивала себя: какова моя позиция по отношению к смерти? Но я никогда не думала об этом всерьез, время не торопило. А теперь смерть тут, во всем своем величии, первый раз заставляет себя признать, и притом, это старая знакомая, неотделимая от жизни, и нужно принять ее. Это очень просто. Глубокие рассуждения не нужны. Смерть здесь, внезапно, большая, простая и естественная, без звука вошедшая в мою жизнь. Теперь у нее есть в жизни свое место, и она неотделима от жизни.

Суббота 4 июля, девять часов вечера. *Запись после длинной пешей прогулки с Ш., во время которой Этти осознала свою физическую слабость и неподготовленность к настоящим трудностям и лишениям. Она обнаружила, что настолько не привыкла ходить пешком, что два часа, казавшиеся Ш. приятной прогулкой, для нее оказались пыткой.*

На протяжении веков люди ранили и разбивали себе ноги, обходя землю Божию. Они шли по морозу и по жаре, и это тоже жизнь. В последнее время я чувствую, как во все мои дела и переживания проникает капля вечности. Я не одна, когда я устала,

больна, грущу или встревожена. Я переживаю все это в унисон с миллионами других через все века, и все это – жизнь. Жизнь прекрасна и наполнена смыслом при всей своей противоречивости. Лишь бы мы умели для всего находить место и нести жизнь целиком, в ее единстве. Тогда жизнь, так или иначе, обретает полноту. Как только мы отказываем ей в этом, хотим удалить какие-либо из ее элементов, как только мы следуем своим прихотям и капризам, соглашаясь на одно и отвергая другое – тогда жизнь становится абсурдной. Все становится бессмысленным, если утрачена цельность.

Признать свою слабость, не значит плакать над ней – это было бы началом конца, и для другого, и для себя. <...> А теперь я признаю это, просто и естественно: вот, мои силы ограничены, я ничего не могу с этим поделать, мне нужно принять себя такой, какая я есть. Это только шаг к зрелости и независимости, который мне приходится совершить. <...>

Я знаю, что в лагере я умру за три дня, просто лягу и умру, но все же, я не буду считать жизнь несправедливой.

Вторник 7 июля, полдесятого утра. <...> Улицы, по которым мы ездим на велосипеде, кажутся чужими; низкие, угрожающие небеса давят на них, и, кажется, все время предвещают грозу, даже при ярком солнце. Мы теперь живем бок о бок с судьбой, ищем правильные жесты, чтобы каждый день иметь с ней дело, и все это ничуть не похоже на то, о чем мы читали в книгах. Что до меня, я знаю, что мы должны освободиться даже от тревоги за любимых. Я хочу сказать: всю силу, всю любовь, все доверие к Богу, какие у нас есть (они так удивительно возрастают во мне последнее время), все это мы должны хранить для всех, кого мы встречаем на своем пути, кому они могут понадобиться. «Я опасно привык к вашему присутствию» сказал он мне вчера¹⁰. Богу ведомо, о да, я тоже «опасно привыкла» к нему! А я должна была бы оторваться и от него тоже. Я хочу сказать: любовь к нему долж-

---

¹⁰ Юлиус Шпиер.

на стать вместилищем силы и любви в дар всем, кому они могут пригодиться; любовь и забота, которые он пробуждает во мне, не должны истощать силы. Так как и это было бы эгоизмом. И даже в страдании можно черпать силу. А любви к нему хватит на то, чтобы напитать всю мою жизнь, и людей вокруг меня. Нужно дойти до конца собственной логики. Можно было бы сказать: я все могу вынести, до определенного предела, но если с ним должно было бы что-то случиться, и я должна была бы его покинуть, это было бы слишком, я не выдержала бы. А нужно всегда быть способной продолжать. Теперь – все или ничего: либо мы вынуждены думать только о себе, о собственном выживании, избавляясь от лишних соображений, либо мы отказываемся от каких-либо собственных желаний и забываем о себе. Для меня такое самоотречение не равнозначно слепой покорности судьбе, медленной смерти, – оно состоит в том, чтобы нести всю поддержку, на какую я способна, туда, где Богу будет угодно меня поставить, вместо того, чтобы погрузиться в печаль и горечь. Я все время чувствую в себе странные настроения. Я даже могла бы сказать, – иногда мне так кажется, – что я парю, а не хожу, хотя я живу вполне в реальном мире и прекрасно понимаю, что сейчас поставлено на карту. <...>

Я не могу записывать тысячи деталей, которые ежедневно поражают меня, но хотела бы помнить их. Я, со все большей радостью, замечая, что мои способности к наблюдению все безупречно сохраняют. Несмотря на тяжесть, усталость, страдание, все что угодно, – у меня остается радость, радость художника, способного чувствовать вещи и превращать их на глубине духа в личностный образ. Я, наверное, способна, с интересом разгадывать и хранить в себе последнее выражение лица умирающего. Я разделяю страдания тех, кого сейчас вижу каждый вечер, и кто на следующей неделе уже будет работать в одном из самых опасных мест на земле – на военной фабрике, или Бог знает, где – если, по крайней мере, им разрешат работать. Но я отмечаю малейший жест, произнесенную фразу, мимолетное выражение лица, как бы на расстоянии, объективно, почти что холодно. Я инстинктивно

приобретаю точку зрения художника и думаю, что когда наступит день, в который я сочту необходимым все рассказать, мне хватит на это таланта.

Четверг, полдесятого утра. Нужно забыть слова, такие как Бог, Смерть, Страдание, Вечность. Нужно быть простым и немым, как растущая пшеница и падающий дождь. Нужно просто быть.

Неужели я настолько выросла, что могу сказать без притворства: я надеюсь, что меня отправят в лагерь, чтобы я могла сделать что-нибудь для шестнадцатилетних девочек, которых сейчас депортируют? Чтобы я могла заранее сказать их родителям, остающимся здесь: не беспокойтесь, я позабочусь о ваших детях. <...>

Пятница, утро. Один раз – Гитлер, в другой раз Иван Грозный, иногда – покорность судьбе или война, чума, землетрясения, голод. Орудия страдания не имеют значения, важен способ, каким мы переносим его, важно принять на себя не отделимое от жизни страдание, и пронести невредимым через все испытания маленький кусочек души. <...>

Тяжелый, очень тяжелый день. Нужно научиться нести вместе с другими тяжесть «общей судьбы», удалив все личные пустяки. Каждый все еще хочет спастись, прекрасно понимая, что если он не уедет, на его месте окажется другой. Так ли это важно, я или другой, этот или та? Это стало судьбой массы, общей для всех, мы должны это понимать. Очень тяжелый день. Но я всегда овладеваю собой в молитве. А молиться я смогу всегда, даже в самом тесном помещении. И я закрепляю на спине, как узел, тот маленький кусочек общей судьбы, который я сама несу, и все ту же, все крепче затягиваю его; я становлюсь единым целым с этим узлом и несу его по улицам.

Я должна была бы потрясать хрупкой авторучкой как молотом, и слова были бы его ударами, чтобы говорить о нашей участи и рассказать об эпизоде истории, какого еще не было. Мир не знал еще преследований в такой тоталитарной форме, организованных в массовом масштабе, охватывающих всю Европу. Нужно было бы, чтобы хоть несколько человек выжили, дабы они смогли стать

хроникерами этой эпохи. Я хотела бы, смиренно, стать одной из них. <...>

Суббота 11 июля 1942 г. Одиннадцать часов утра. <...> А если Бог перестанет помогать мне, настанет мой черед помогать Богу. <...>

Я уже не строю особых иллюзий о реальной ситуации и отказываюсь даже от намерения помогать другим; моим главным принципом будет «помогать Богу», насколько возможно, и если это у меня получится, я буду там и для других тоже. <...>

Я не возьму с собой фотографий близких, лучше я оклею большие внутренние стены души лицами и жестами, которые я собрала в своей богатой коллекции – они всегда будут со мной. <...>

В разоренном мире, самый короткий путь от человека к человеку – внутренний. Во внешнем мире мы оторваны друг от друга, и пути, которые могли бы объединить нас, погребены под руинами; скорее всего, их следы никогда не отыщутся. Поддерживать связь, продолжать жизнь вдвоем – все это теперь возможно только внутренне. Но не сохраняется ли навеки надежда когда-нибудь встретиться на этой земле? <...>

Если я не выживу, моя смерть будет ответом на вопрос: «кто я?». <...>

Молитва воскресного утра. Наступило время ужаса, Боже. Этой ночью, впервые, я проснулась в темноте, с горящими глазами, и видения человеческих страданий проплывали перед моим взглядом. Я хочу обещать тебе одну вещь, Господи, пустяк: я не буду нагружать сегодняшний день тревогой грядущего; но это требует некоторой тренировки. Пока что, достаточно каждому дню своей заботы. Я помогу Тебе, Боже, не угаснуть во мне, но я ничего не могу обещать заранее. И все же, одно мне все яснее с каждым днем: Ты не можешь помочь нам, но мы можем помочь Тебе – и, помогая Тебе, мы поможем самим себе. Единственное, что мы можем спасти в наши дни, – и лишь это важно – немного Тебя внутри нас, Боже мой. Быть может, нам удастся отыскать Тебя в измученных сердцах других людей. Да, Боже мой, кажется,

Ты не можешь изменить ситуацию, которая, впрочем, не отделима от самой жизни. Я не требую отчета, Ты сам, когда-нибудь, потребуешь от нас отчета. Мне все более ясно, с каждым ударом сердца, что Ты не можешь помочь нам, но что мы, напротив, должны помогать Тебе и до конца защищать обитель, укрывающую Тебя в нас.

Есть люди (трудно в это поверить), в последний момент пытающиеся спрятать в надежное место пылесосы, серебряные вилки и ложки, вместо того, чтобы защищать Тебя, мой Боже. Есть люди, стремящиеся защитить свое тело, хотя оно лишь вместилище ненависти и тревоги. Они говорят: «Я не попадусь в их когти»! Они забывают, что мы неподвластны ничьим когтям, пока мы в Твоих руках.

Беседа с Тобой успокаивает меня. Скоро я буду говорить с Тобой еще чаще, не дам Тебе покинуть меня. Наверное, Тебе придется и поголодать во мне, Господи, в те минуты, когда я не смогу питать Тебя доверием, но, поверь мне, я буду продолжать трудиться для Тебя, я останусь верной Тебе и не прогоню Тебя из моего сердца.

У меня достаточно сил, чтобы безбоязненно встретить большое страдание, героическое страдание, Боже, я больше боюсь тысячи ежедневных забот, часто одолевающих как жалящие паразиты. Я отчаянно «чешусь» и каждый день говорю себе: еще один день прошел без проблем, надежные стены уютного дома скользят по плечам как родная одежда; стол накрыт для тебя, белые простыни и мягкие одеяла ждут тебя еще на одну ночь. У тебя нет ни малейшего оправдания, позволяющего потратить хотя бы атом энергии на мелкие материальные треволнения. Сознательно используй каждое мгновение этого дня, сделай день плодотворным, крепким камнем фундамента, на который обопрутся дни нищеты и тревоги, ожидающие нас. Дождь, и грозы последних дней погубили жасмин за домом, белые цветы парят, разбросанные в черных лужах на плоской крыше гаража. Но где-то во мне продолжает цвести жасмин, такой же роскошный, такой же нежный, как и прежде. Он

продолжает распространять аромат вокруг Твоего жилища, мой Бог. Видишь, как я забочусь о Тебе. Я дарю Тебе не только слезы и грустные предчувствия, серым ветреным воскресным утром я приношу Тебе еще и ароматный жасмин. И я буду дарить Тебе все цветы, вырастающие на моем пути, их бесчисленное множество, поверь мне. Я хочу, чтобы Тебе во мне было как можно лучше. Выберу пример наобум: заключенная в узкой темнице, если я увижу облако, плывущее мимо оконной решетки, я подарю Тебе это облако, если у меня хватит на это сил. Я ничего не могу обещать заранее, но мои намерения – самые лучшие в мире, Ты видишь это.

А теперь я верю себя этому дню. Я разольюсь посреди людей и злого ропота, угрозы окружают меня как вражеские солдаты неприступную крепость.

С этого места и до конца все записи обращены к Богу, текст дневника Этти Хиллесум становится молитвой.

В середине июля 1942 г. Этти поддалась уговорам друзей и устроилась на работу в Еврейский совет. Но ей недолго пришлось спокойно проработать в Амстердаме. В начале августа ее, вместе с несколькими другими членами совета, отправили в лагерь Вестерборк, пока еще не как простых заключенных, а как сотрудников совета. В начале сентября 1942 г. тяжело заболевает и внезапно умирает Юлиус Шпиер. Этти, истощенной и крайне переутомленной удается вернуться в Амстердам и проститься с любимым. Она хочет сразу вернуться в лагерь, но плохое состояние здоровья задерживает ее в Амстердаме.

Четверг 23 июля, девять часов вечера. <...> Вчера вечером, после долгой ходьбы под дождем, несмотря на мозоли на ногах, я все-таки свернула с самого короткого пути домой в поисках тележки цветочницы. Я вернулась домой с большим букетом роз. Они здесь. Они не менее реальны, чем все горе, которому я оказываюсь свидетельницей в течение дня. В моей жизни есть время для многого. Во мне столько места, Боже мой! Сегодня, проходя по набитому людьми коридору, меня вдруг охватило неожиданное стремление: мне хотелось встать на колени на каменный пол,

среди всех этих людей. Единственный жест, выражающий человеческое достоинство, остающийся у нас в эту чудовищную эпоху: стать на колени перед Богом. <...>

Вторник 15 сентября 1942 г. Утро. <...> Я думала, что мой дух и мое тело способны все перенести. Но тело сказало: все, стоп! Теперь я чувствую весь груз, который Ты дал мне нести, мой Боже. Столько красоты и столько испытаний. Всегда, как только я выказывала готовность безбоязненно встречать испытания, они превращались в красоту. А красота и величие настолько поработали меня, что оказывались тяжелее страдания. Простое человеческое сердце может столько испытать, Боже мой, столько страдать и столько любить! Я очень благодарна Тебе, Господи, за то, что Ты выбрал мое сердце, в эту эпоху, чтобы помочь ему испытать все, что оно испытало. Эта болезнь, может быть, очень хороша, я ее еще не приняла, я еще немного оцепенелая, потерянная и ослабленная, но в то же время я шарю по всем углам своего существа, чтобы собрать немного терпения, совершенно нового терпения для абсолютно новой ситуации, я это чувствую. <...> Я люблю людей так горячо только потому, что в каждом люблю частицу Тебя. Я все время ищу Тебя в людях, и нахожу. Я стараюсь помогать Тебе рождаться в сердцах людей, мой Боже. Но теперь мне нужно много терпения, много терпения и рассуждения, будет очень трудно. Теперь я все должна делать сама. Лучшая, самая благородная часть моего друга, человека, пробудившего Тебя во мне, уже с Тобой. Осталась только слабая немощная оболочка изможденного старика, в маленькой двухкомнатной квартире, где я познала самую большую и самую глубокую радость моей жизни. Я стояла у его изголовья и столкнулась лицом к лицу с Твоими последними таинствами, мой Бог. Подари мне целую жизнь, чтобы все это понять. <...>

Я хотела бы найти то единственное слово, которое поможет мне все сказать, все, что во мне есть, этот избыток, изобилие чувства жизни. Почему Ты не сделал меня поэтом, мой Боже? Но ведь я все равно поэт, мне просто нужно терпеливо ждать, и во

мне поднимутся слова, чтобы нести то свидетельство, которое я, как мне кажется, должна нести, мой Бог: как прекрасно и хорошо жить в Твоем мире, несмотря на все, что мы, люди, творим друг с другом.

Мыслящее сердце барака.

Среда, 16 сентября, час ночи. *Записано сразу после смерти Юлиуса Шниера.* <...> Я хотела спросить у тебя еще тысячу вещей, и научиться у тебя; теперь, придется самой. Я чувствую себя очень сильной, знаешь, я уверена, что у меня все в этой жизни получится. Ты освободил во мне силы, которыми я теперь располагаю. Ты научил меня без стыда произносить имя Божье. Ты был посредником между мной и Богом, но теперь ты, посредник, ушел, и отныне мой путь идет прямо к Богу; это хорошо, я это чувствую. И я сама буду посредницей для всех тех, кого смогу достичь. <...>

Четверг 17 сентября, восемь часов утра. <...> Моя жизнь – непрестанное слушанье «внутри»: себя, других, Бога. Когда я говорю, что слушаю «внутри», на самом деле, скорее, Бог слушает во мне. Самое подлинное и самое глубокое во мне слушает сущность и глубину другого. Бог слушает Бога.

Как велика глубинная скорбь Твоих творений, Господи. Благодарю Тебя за то, что Ты привел ко мне столько людей с их бедами. Они спокойно говорят со мной, без опаски, и вдруг их горе обнажается. Тогда передо мной оказывается маленький человеческий обломок, отчаявшийся, не знающий, как дальше жить. Тогда мне становится трудно. Недостаточно говорить о Тебе, Господи, чтобы вызвать Тебя к жизни в сердце другого. Необходимо освободить в другом человеке путь, ведущий к Тебе, Господи, а для этого нужно быть великим знатоком человеческой души. Нужно психологическое образование: отношения с отцом, с матерью, детские воспоминания, сны и мечты, чувство вины, комплекс неполноценности, короче, весь склад инструментов. Я начинаю осторожно исследовать всех, кто ко мне приходит. Инструменты, помогающие мне искать в других путь к Тебе, пока еще весьма примитивны.

Но какие-то уже есть, и я буду их совершенствовать, медленно, с большим терпением. Благодарю Тебя за то, что дал мне дар читать в человеческих сердцах. Иногда люди для меня как дома с распахнутой дверью. Я вхожу, брожу по коридорам, комнатам: в каждом доме они расположены по-разному, но все же, все дома похожи, и нужно научиться делать из каждого дома Твое святилище, Господи. Я обещаю, обещаю Тебе, Боже, я буду искать Тебе пристанище и кров в самом большом количестве домов, насколько это будет возможно. <...>

Воскресенье, вечер. <...> В Вестерборке мне казалось, что передо мной обнаженная арматура жизни. Скелет жизни, полностью лишенной плотского одеяния. <...> Мое сердце как шлюз, где теснятся потоки страдания, все время новые, непрестанно.

Йоопи¹¹ сидел на песчаной равнине, под высоким звездным небом, и мы говорили о ностальгии: «У меня нет никакой ностальгии», сказал он, «потому что я у себя». Для меня это было откровением. Мы у себя, у себя дома. Всюду, где простирается это небо, мы дома. В любом месте на земле мы дома, если все несем в себе.

Я часто чувствовала себя – и сейчас тоже – как корабль, только что взявший драгоценный груз; отчаливают, корабль выходит в море, свободный от пут; он оставляет повсюду и, наоборот, берет на борт все, что есть в мире самого ценного. Нужно быть своей собственной родиной. Мне понадобилось два вечера, чтобы решиться рассказать ему самое личное, дорогое. А я очень хотела сказать ему, как бы подарить подарок. Тогда я встала на колени, на широкой песчаной равнине, и рассказала ему о Боге. <...>

В конце сентября в дневнике Этти все чаще появляются цитаты из Евангелия.

22 сентября. Нужно научиться жить с собой как с толпой. Тогда видишь в себе все добрые и злые стороны человечества. Нужно сначала научиться прощать себе собственные недостатки, если хочешь научиться прощать других. Может быть, это самая трудная

---

¹¹ Лучший друг Этти в лагере Вестерборк. (Прим. пер.)

для человека наука, я это постоянно замечаю в других (раньше и в себе, но теперь все по-другому), научиться прощать собственные ошибки, собственные грехи. Первое условие – научиться принимать, щедро принимать сам факт: да, я грешу и ошибаюсь.

Я хотела бы жить как полевые лилии. Если бы мы хорошо понимали эту эпоху, она научила бы нас жить, как полевые лилии.
<...>

23 сентября. *Эта дневниковая запись – что-то вроде неотправленного письма другу Этти из лагеря Вестерборк Клаасу Шмелику.*

<...> Главное, что я хотела сказать тебе, Клаас: нам столько нужно изменить в нас самих, что мы совсем не должны ненавидеть тех, кого мы называем своими врагами. <...>

Если посмотреть на него лунной ночью, этот барак, сотканный из серебра и вечности, кажется игрушкой, которую, в рассеянности, выронила Божья рука.

30 сентября. Остаться верной тому, что затеяла в минуту спонтанного вдохновения, может быть, слишком спонтанного.

Остаться верной каждой зарождающейся мысли, каждому чувству, пустившему ростки.

Остаться верной, в самом вселенском смысле слова, верной себе, верной Богу, верной тому, что считаешь лучшими мгновениями жизни.

Стопроцентно присутствовать там, где я нахожусь. Мое «делать» должно означать «быть». Есть одна область, в которой моя верность должна укрепиться, где я меньше всего выполнила свой долг: творческий дар, каким бы малым он ни был. <...>

На следующее утро. Я должна взять на себя риск – сейчас я не вполне честна сама с собой. Мне остался один урок, но самый трудный, мой Боже: взять на себя те страдания, которые Ты мне посылаешь, а не те, которые я выбрала сама.

13 октября 1942 г. Раннее утро.

<...> Когда я страдаю ради слабых, не значит ли это на самом деле страдать за слабость, которую я ощущаю в себе?

Я разломила свое тело как хлеб и разделила между людьми. Почему бы и нет? Они были очень голодны, пережили долгие лишения и нужду.

<...> Стать бальзамом, пролитым на множество ран.

Так заканчивается дневник Этти Хиллесум. В конце октября 1942 г. Этти вернулась в лагерь Вестерборк. Дневник она оставила в Амстердаме, отдав на хранение подруге голландке, поэтому он сохранился.

*Перевод с французского
Марии Великановой*

Этти Хиллесум

ПИСЬМА ИЗ ВЕСТЕРБОРКА

Хану Вегерифу и другим.

Вестерборк, пятница, 24 августа 1943 г.

После ночи, подобной сегодняшней я совершенно искренне думала, что впредь смех будет большим грехом. Но позже рассудила, что ведь некоторые уезжали, смеясь, хотя на этот раз – немногие. И в Польше у кого-нибудь еще, может быть, будут мгновения для смеха, хотя, боюсь, из этого транспорта, мало у кого. Когда я думаю о лицах солдат вооруженной охраны в зеленой форме, Боже мой, какие лица! Я изучала их одно за другим, окопавшись на наблюдательном пункте, позади окошка. Никогда и ничего меня не пугало так, как эти лица. Я задумалась о словах, ставших путеводной нитью моей жизни. «И сотворил Бог человека по образу Своему». Слова эти не уживались во мне в это утро.

Я говорила вам, что ни слова, ни образы не могут описать ночи, подобные этой. Тем не менее, я должна попытаться дать вам полный отчет: чувствуешь себя постоянно глазами и ушами какой-то грани еврейской Истории, иногда даже испытываешь потребность быть ее голосочком. Необходимо держать друг друга в курсе событий, происходящих в четырех сторонах света; каждый должен принести свой камень к зданию, чтобы после войны мозаика могла восстановиться полностью и покрыть весь мир.

Под утро, когда после ночи, проведенной в больнице, я заглянула в тюремный барак, это было как глоток свежего воздуха. Обитатели, в большинстве своем мужчины, собрались возле своих вещей за проволочным ограждением; большинство выглядели смелыми и мужественными молодцами. Старый друг – я его не сразу узнала – бритый череп меняет иногда знакомое лицо –

бросил мне, смеясь: «Если они не озлятся на меня и не забудут до смерти, я вернусь».

Но младенцы, пронзительные крики младенцев, вытасненных из кроваток посреди ночи, для отправки в далекую страну... я должна поспешить все записать, даже беспорядочно, позднее я не смогу поверить в реальность происходящего; и сейчас уже это как видение, все дальше уходящее от меня. Младенцы, да, это было хуже всего. И потом, эта парализованная девочка, которая не хотела даже взять с собой тарелку и жаловалась, что умереть так трудно. Или этот охваченный паникой мальчик: он полагал, что ему ничего не угрожает, и в этом-то и заключалась его ошибка. Когда он внезапно обнаружил себя в списке, потеряв голову, он сбежал. Его братья по крови принуждены были пуститься в охоту на человека, иначе десятки других людей были бы депортированы вместо него. Они скоро его окружили в какой-то палатке, но, несмотря на это, забрали и других людей, «для примера», как говорится. Таким образом, он увлек за собой много моих дорогих друзей. Одно мгновение пропажи, и он погубил 50 человек, жертв, точнее сказать, погубил не он, а наш комендант, которого так часто изображают джентльменом. А этот мальчик, сможет ли он нести бремя ответственности, когда полностью поймет, какое зло он совершил? И как будет обращаться с ним масса депортированных евреев, отправленных в одном с ним поезде? Мальчику предстоит трудное время.

Может быть, все это можно было бы как-то уладить, если бы в эту ночь настоящая воздушная армада не прошла над нашими головами. «Черт побери! Как хорошо летят!», – раздался в полной темноте голос, обращавшийся, видимо, к звездам. Кто-то все еще лелеял ребяческую надежду, что транспорт отменят. Многие следили отсюда за бомбардировкой ближнего городка, м.б., Эмдена. И почему бы бомбам не задеть железнодорожную ветку, чтобы поезд не мог тронуться? Такого еще ни разу не случалось, но при каждом новом транспорте люди снова принимались надеяться с неискоренимым оптимизмом.

Накануне вечером я прошла через лагерь. Люди толпились между бараками под серым облачным небом. «Смотрите, так люди обычно толпятся после какой-нибудь беды, когда обсуждается случившееся на углу улицы», – заметил мой спутник.

«Вот это-то как раз и невозможно понять, – взорвалась я, – ведь мы еще *перед* катастрофой». Когда где-либо происходит несчастье, естественный инстинкт толкает человека бежать на помощь и спасать то, что можно спасти. Но этой ночью я пойду одевать детей и попытаюсь успокоить матерей, и это я называю «прийти на помощь». Я могла бы проклясть себя. Мы отлично знаем, что ожидает наших больных, беззащитных стариков – голод, жара, холод, лишения всякого рода, уничтожение, и, однако, мы сами одеваем их, сами провожаем их до вагонов для перевозки скота, – если нужно, несем на носилках, когда они сами не могут идти. Но что же тут происходит, у какой тайны, у какого рокового механизма в лапах мы оказались пленниками? Мы не можем разрешить эти противоречия, сказав, что мы все – трусы. И мы, кажется, не так уж и плохи. Перед нами здесь встают более глубокие вопросы...

В тот день, накануне транспорта, я еще раз обошла мой больничный барак, переходя от кровати к кровати. Какие из них завтра будут пусты? Списки не объявляются до самой последней минуты, но некоторые знают заранее, что уедут. Одна девушка подзывает меня. Она сидит очень прямо, на краешке кровати, глаза ее широко открыты. У нее хрупкие запястья, тонкое и прозрачное личико. Она частично парализована, только что начала заново учиться ходить, шаг за шагом, опираясь на двух медсестер. «Вам уже сказали? Я должна ехать». – «Как? И ты тоже?». Минуту мы смотрим друг на друга, с комком в горле. У нее нет больше лица, только два огромных глаза. Наконец, она говорит тусклым и монотонным голосом: «Досадно, не правда ли? Подумать только, что все, чему мы научились в жизни, ничему не послужит, – и, – как трудно умирать, а?» Внезапно, странно застывшее выражение ее лица меняется, слезы льются и она кричит: «О! Уехать из Голлан-

дии – хуже всего! Почему я не умерла раньше...». Позже, ночью, я увижу ее в последний раз.

В прачечной маленькая женщина держит подмышкой белье, с которого капает. Она цепляется за меня на ходу, у нее блуждающий взгляд. Она извергает на меня поток слов: «Это невозможно. Как же это возможно? Я должна ехать, а мое белье до завтра не высохнет. Мой ребенок болен, у него жар; вы не можете добиться, чтобы его оставили здесь? У меня даже не хватает одежды для маленького, мне прислали его маленькие ползунки вместо больших; ох, от всего этого можно сойти с ума. Подумать только, что нельзя брать с собой больше одного одеяла, мы все замерзнем, а, как вы думаете? У меня здесь двоюродный брат, он приехал одновременно со мной, но его не заставляют ехать, потому что у него бумаги в порядке. Как Вы думаете, могу я от этого что-нибудь выгадать? Умоляю Вас, скажите, что я не должна ехать; как Вы думаете, они оставляют детей при матерях? Вернитесь сегодня ночью сюда, может быть, Вы сможете мне помочь; как Вы думаете, может быть, бумаги моего брата...».

Когда я говорю: этой ночью я была в аду, я спрашиваю себя, что выражает это слово для вас. Я сказала себе ночью в полный голос, тоном объективной констатации факта: «Вот, значит, что такое – ад».

Невозможно отличить отъезжающих от остающихся. Почти все поднялись, больные одевают друг друга. У многих нет никакой одежды, их багаж потерялся или еще не прибыл. Дамы из «Благотворительного бюро»¹ обходят бараки и распределяют одежду подходящих и не подходящих размеров, неважно, было бы чем прикрыться. Некоторые старушки оказываются смешно выраженными. Готовят бутылочки с молоком для грудничков, чьи жалостные крики проникают за стены барачных. Молодая мать говорит мне извиняющимся тоном: «Обычно малыш не плачет. Можно подумать, что он чувствует, что нам предстоит». Она вынимает

---

¹ По-немецки в тексте: Fürsorge. (Прим. пер.)

ребенка, великолепного восьмимесячного младенца, из самодельной колыбельки, и говорит ему, улыбаясь: «Если ты будешь себя плохо вести, не поедешь с мамой в путешествие». Она рассказывает мне о своих друзьях: «В Амстердаме, когда пришли «зеленые», дети душераздирающе плакали. Тогда их отец сказал: «Если вы не успокоитесь, вам не позволят залезть в зеленый грузовик, и этот господин не захочет вас везти», – и это помогло, дети успокоились». Она мне залихватски подмигивает, эта маленькая, стройная, черноволосая, смуглая женщина с одухотворенным лицом, одетая в серые штаны и грубый свитер из зеленой шерсти: «Я смеюсь, но мне не по себе».

Женщина с мокрым бельем на грани истерики: «Не можете ли Вы спрятать моего ребенка? Умоляю Вас, спрячьте его, сделайте это для меня, у него сильный жар, не могу же я его везти в таком виде?» Она показывает мне златокудрого крошку с пламенеющим личиком, мечущегося на деревянной кровати. Медсестра пытается передать матери дополнительный шерстяной свитер, чтобы надеть поверх платья. Она спорит: «Нет, я не хочу, зачем? Мое дитя...». Она рыдает: «Больной ребенок. Они отнимают его у вас, и вы больше никогда его не увидите». Какая-то женщина подходит к ней, грузная женщина с топорными чертами простодушного лица; она привлекает к себе отчаявшуюся мать, заставляет ее присесть на железный край кровати и говорит с певучим акцентом: «Послушай, в конце концов, ты такая же еврейка, как все другие. Тебе придется уехать, как и другим, верно?».

Через несколько кроватей я неожиданно замечаю одну из моих коллег. Ее лицо покрыто пятнами и приобрело пепельный оттенок. Она стоит на коленях у кровати умирающей, которая приняла яд – у постели своей матери...

«Господи Боже, что здесь происходит? Что вы делаете?», – вскрикиваю я невольно. Я стою перед женщиной из нижних кварталов Амстердама, нежной маленькой женщиной. Она на девятом месяце беременности. Две медсестры пытаются ее одеть. Она опирается бесформенным телом о кровать ребенка. Капли пота

стекают по ее лицу. Ее глаза смотрят куда-то вдаль, я не могу следовать за этим взглядом. Она говорит тусклым измученным голосом: «Два месяца назад я сама была готова сопровождать мужа в Польшу. В тот момент мне запретили ехать потому, что у меня всегда очень трудные роды. А теперь меня заставляют ехать... потому что кто-то сегодня ночью попытался бежать».

Стоны новорожденных становятся все громче, они заполняют все углы барака, проникают во все щели призрачно освященной комнаты: это почти невозможно вынести. На моих губах имя: Ирод.

Пока ее несут на носилках в поезд, она начинает чувствовать первые боли; только тогда прибывает разрешение отправить ее в больницу, а не запихивать в товарный поезд. В эту ночь это можно запомнить, как гуманный жест...

Я снова прохожу мимо кровати парализованной девочки. Благодаря помощи окружающих, она уже частично одета. Никогда в жизни не видела я таких громадных глаз на таком крошечном лице. «Я не могу с этим смириться», – шепчет она мне. В нескольких шагах от нас стоит «моя» русская, маленькая горбуня, о которой я вам как-то уже рассказывала. Она как бы окутана плащом грусти. Парализованная девушка – ее подруга. Позже она приходит ко мне рассказать: «У нее нет даже миски; я хотела ей дать свою, но она не взяла. Она сказала: «В любом случае, не позже чем через десять дней я буду мертва, и мою тарелку заберут проклятые немцы».

Она стоит возле меня в зеленом шелковом кимоно, покрывающем ее уродливое тело. У нее глаза ребенка, очень мудрые и чистые. Она смотрит на меня долгим, испытующим взглядом: «Я хотела бы, я так хотела бы, чтобы меня унес поток моих слез, – и, – я так скучаю по мамочке». («Мамочка» умерла несколько месяцев назад от рака; она умерла здесь, в прачечной, рядом с уборной. Это было единственное место, где она смогла найти минуточку одиночества, чтобы умереть). Любочка спрашивает меня, со своим странным акцентом, тоном ребенка, просящего прощения:

«Может быть, Господь поймет мои сомнения в таком мире, как этот?». Потом она отворачивается движением, почти грациозным, полным бесконечной грусти. Всю ночь я вижу ее искаженный силуэт, окутанный зеленым шелком; она склоняется над кроватями, чтобы оказать мелкую помощь уезжающим. Сама она не едет, по крайней мере, не в этот раз...

Я выжимаю помидоры, чтобы наполнить соски для малышей.

Рядом сидит молодая женщина. У нее деятельный вид, она готова к путешествию, тщательно одета. Она восклицает, чуть ли не с облегчением, делая широкий жест рукой: «Я отправляюсь в долгое путешествие, кто знает, может быть, я снова встречу моего мужа?» Женщина, сидящая напротив, прерывает ее едко: «Я тоже еду. Но я не «отправляюсь в путешествие», я «неохотно подчиняюсь». Рассматриваю женщину, сидящую рядом со мной. Она здесь всего несколько дней после пребывания в тюремном бараке. От нее исходит дух спокойной решительности и независимости, маленький рот легко принимает выражение вызова. В начале ночи она уже полностью готова к отъезду, на ней длинные брюки, свитер и шерстяной жилет. Рядом с ней тяжелый рюкзак, свернутое одеяло лежит на земле. Она пытается проглотить несколько бутербродов. Они покрыты плесенью. «Надо полагать, не в последний раз я ем заплесневелый хлеб, – смеется она, – в тюрьме я много дней не ела ничего».

Маленький отрывок из ее истории, как она сама его рассказала: «Они швырнули меня в тюрьму почти накануне родов. С каким презрением, насмешками они со мной обращались. Я неосторожно сказала им, что не могу стоять, и они заставляли меня стоять часами, но я выдержала, не моргнув глазом».

Она смотрит с вызовом: «Моего мужа держали в той же тюрьме. Что ему пришлось вынести! Но какую он проявил храбрость! В прошлом месяце его депортировали. Я родила за два дня до этого и не могла следовать за ним. Но какой же он смелый!» Она излучает растроганную гордость и продолжает: «Наш ребенок умер здесь. Может быть, я найду своего мужа». Вызывающий смешок:

«Может быть, мы будем походить на клошаров, но мы выкарабкаемся!» Она смотрит на плачущих младенцев и на нас: «Я надеюсь быть полезной в поезде, у меня еще полно молока в груди».

Внезапно испускаю вопль ужаса: «Как, и Вы тоже?» Между измятыми постелями грудничков, мечущихся и жалобно плачущих, ко мне приближается тонкий силуэт пошатывающейся женщины; ее руки ощупывают воздух в поисках опоры. Она одета по старинной моде в длинный черный пеньюар. Ее аристократический лоб венчает белоснежная колышущаяся корона из зачесанных кверху волос. Ее муж умер здесь несколько недель назад. Ей далеко за восемьдесят, но ей с трудом дают шестьдесят. Я всегда восхищалась царственной грацией, с которой она возлежала на своей жалкой соломенной подстилке. Она отвечает хриплым криком: «Они не дали мне разделить могилу с мужем!»

«Боже мой! И эта тоже!» Маленькая женщина, полная жизни, настоящая дочь гетто; она никогда не получала передач и буквально корчилась от голода на своей постели. В лагере с ней было семеро детей. Пышущая энергией, она семенит коротенькими ножками: «Да, да! а что вы думаете? У меня семеро детей, и все они нуждаются в храброй матери!» Живо жестикулируя, она набивает вещами джутовый мешок. «Я ничего здесь после себя не оставляю. Мужа депортировали уже год назад, и двое старших тоже уехали». Она добавляет с сияющим видом: «Мои малыши такие милые!» Она семенит, укладывается, суетится, каждому, проходя, бросает слово ободрения. Настоящая женщина гетто, маленькая и некрасивая, с жирными черными волосами, широкобедрая и коротколапая. На ней жалкое платье с короткими рукавами. Держу пари, что она надевала его, когда стирала еще в Юденбреештрате². И сегодня оно все еще на ней, чтобы в нем ехать в Польшу. Три дня путешествия, семеро детей. «А что вы думаете, я еду с семьей детьми, и все они нуждаются в решительной матери».

---

² Главная улица старого еврейского квартала в Амстердаме.

А эта молодая женщина; все указывает на то, что в другие, лучшие дни она жила в роскоши и была очень красива. Она в лагере недавно. Она спряталась, чтобы спасти ребенка. Ее взяли по доносу, как многих других скрывавшихся. Ее муж в тюремном бараке. На нее жалко смотреть. Сквозь обесцвеченные волосы проглядывают корни натурального цвета: черные, зеленоватые. На ней множество штанов и рубашек, надетых одни на другие. Невозможно унести все в багаже, особенно если с вами ребенок. Но этот наряд придает ей смешной и уродливый вид. Лицо ее покрыто красными пятнами. Она останавливает на каждом человеке тревожный и вопросительный взгляд беззащитного детеныша. На что будет похожа эта женщина, уже совершенно растерявшаяся, когда после трех дней езды ее выгрузят из переполненного товарного вагона, куда напихали мужчин, женщин, детей, грудняшек, вместе с вещами и одной огромной бочкой в качестве мебели? Вероятно, они окажутся в еще одном транзитном лагере, откуда их переправят еще куда-нибудь дальше. Так нас гонят до смерти по всей Европе...

Еще некоторое время я брожу бесцельно по другим баракам. Перед моими глазами возникают сцены – со множеством мельчайших деталей, кристально ясные и, одновременно, туманные, как видения, вечные и мимолетные. Я вижу, как несут на носилках старика в последней стадии болезни, который сам произносит: «Шеймес...». «Шеймес» – это молитва об умирающих. Молитва состоит в основном из повторяющегося призывания имени Божьего и становится наиболее значительной в момент, когда умирающий может присоединить к ней свой голос³.

Я вижу отца, благословляющего перед отправкой жену и сына и просящего благословения у старого раввина с белоснежной бородой и пламенным профилем пророка. Я вижу... ах! Разве я смогу когда-нибудь это описать...

---

³ Этти не практиковала религию своих предков, поэтому ее объяснение сомнительно. «Шеймес» – это идишская форма ивритского «Шма» – «Слушай» – первого слова знаменитого обращения к Богу. (Прим. пер.)

Уже шесть утра; поезд отойдет в одиннадцать, его уже начинают загружать людьми и рюкзаками. Дорожка, ведущая к поезду, перекрыта людьми из службы порядка⁴. Все кто не занят «транспортом», должны очистить территорию и оставаться в бараках. Я проскальзываю в барак, стоящий прямо напротив поезда. Слышу циничный голос, говорящий: «Отсюда открывается роскошная панорама на въезжающие и отъезжающие эшелоны». Со вчерашнего дня этот поезд делит лагерь на две половины: в голове мрачная линия заржавленных товарных вагонов; в хвосте – один пассажирский вагон для сопровождающего конвоя. Возле некоторых вагонов на земле красуются бумажные подстилки – это вагоны, предназначенные для больных. На асфальтированной дороге, идущей вдоль поезда, все более оживленно.

Люди из «Запасной команды» в коричневых комбинезонах привозят на тачках багаж. Среди них я обнаружила несколько шутов коменданта: комика Макса Эрлиха и композитора, автора шансонеток, Вилли Розена, напоминающего ходячую смерть. В какой-то момент он должен был отправиться с транспортом, решение было неотменимо, но несколькими днями раньше он пел, на разрыв легких, перед восторженной публикой, среди которой находился комендант со свитой. Он спел: «Ich kann es nicht verstehen dass die Rosen blüen» и другие мелодии, подходящие к случаю. Комендант, обладающий высоким художественным вкусом, был в восторге. Таким образом, Розена «задержали» в лагере. Ему даже дали домик, в котором он и живет с тех пор, за занавесочками в красную клетку, с женой – размалеванной блондинкой, которая днем управляет сушкой в облаках пара в прачечной. Что до него,

---

⁴ Служба порядка – еврейская – в Вестерборке была организована в марте 1942 года, когда лагерь находился еще под голландским управлением. Эта полиция, включавшая до 180 человек, должна была поддерживать порядок при отправке эшелонов и даже должна была принимать участие в некоторых облавах, особенно в Амстердаме. Отвечавшие своей головой за каждый случай дезертирства или бегства, эти люди проявляли не меньшее усердие, чем их преследователи, за что и заслужили прозвище «Евреи СС». (Прим. пер.)

то вот он в комбинезоне цвета хаки, толкающий длинную тачку, с помощью которой он исполняет свою миссию: притащить багаж своих братьев. Настоящая ходячая смерть! А вот и другой шут. Эрих Зиглер, любимый пианист коменданта. Ходят слухи, что он достаточно одарен, чтобы играть «Девятую» Бетховена в джазовой обработке, вообразите...

Вдруг группа молодцов в зеленой форме выстраивается на асфальте; я спрашиваю себя, откуда они вышли, чтобы возникнуть столь внезапно. Выкладка и винтовка на спине. Рассматриваю силуэты и лица, стараюсь делать это без предубеждения.

Во время предыдущих транспортов можно было увидеть среди них людей еще не испорченных, добродушных, спокойно куривших трубку и изумленно таращивших глаза, пересекая лагерь. Они говорили на непонятном диалекте, и с ними казалось не слишком страшно предпринимать путешествие. В этот раз меня охватил ужас. Тупые презрительные морды, в которых напрасно было бы искать малейший след человечности. На каких фронтах воспитывали этих людей, в каких лагерях тренировали? Но не идет ли речь в данном случае о дисциплинарном транспорте? Несколько молодых женщин уже сидят в вагонах, детей держат на коленях, ноги свесили наружу, стараясь как можно дольше насладиться свежим воздухом. Приносят на носилках больных. Это дисциплинарный транспорт. Почти смеюсь, настолько непомерна разница между охранниками и охраняемыми. Мой товарищ⁵ слегка дрожит. Несколько месяцев назад его перевели сюда из Амерсфорта: он был в жутком состоянии. «Да, они такие, эти типы, – говорит он, – именно такой у них вид». Возле нас несколько детей жмутся носами к решетке. Я прислушиваюсь к их полным серьезности разговорам. «Почему эти грязные типы в зеленом, а не в черном? Ведь цвет злых – черный?» – «Смотри, больной». На носилках прядь седых волос высовывается из-под тряпки, которой покрыты носилки. «Смотри, еще один». И, указывая на «зеленых»: «Смотри, им это смешно».

---

⁵ Речь идет о Максе Витмонде. (Прим. пер.)

Теплушки понемногу наполняются. Меряя асфальт длинными шагами, появляется высокая фигура с папкой под мышкой. Это шеф службы жалоб, *Antragstelle*⁶. До последней минуты он пытается вырвать человеческие жизни из рук коменданта. Торг продолжается до самого отправления поезда; часто удается освободить людей, уже сидящих в вагонах. У человека с папкой высокий лоб молодого ученого и усталые, очень усталые плечи. Согбенная старушка в старомодной черной шляпке загораживает ему дорогу. Он слушает ее минуту, потом отрицательно качает головой и отворачивается, ссутулившись больше обычного. На этот раз мало кого удастся спасти *in extremis*. Комендант в ярости. Молодой еврей посмел спрятаться; кстати, о серьезной попытке бегства и речи не шло; он убежал в минуту паники из больницы, надев на синюю пижаму люстриновый пиджак, и спрятался с почти мальчишеской неловкостью, в палатке, где его незамедлительно нашли, устроив облаву во всем лагере. Но еврей не имеет права ни спрятаться, ни впасть в панику. Приговор коменданта был беспощаден. В наказание десятки людей будут отправлены сегодняшним транспортом, среди них многие, считавшие себя прочно укорененными в нашем лагере. Да, вся эта система основана на коллективном наказании. Многочисленные эскадрильи, прошедшие в эту ночь над нашими головами, тоже, несомненно, не улучшили настроения коменданта, но на эту тему он не высказывается.

Теплушки, на первый взгляд, набиты до отказа. Но не тут то было! Господи, Боже мой! Как они там, внутри, выдерживают! Приближается новая, многочисленная группа людей. Дети, по-прежнему прижавшиеся носом к решетке, комментируют события: «Гляди, некоторые выходят обратно, явно им слишком жарко в поезде». Вдруг кто-то из ребят выкрикивает: «Комендант!».

Он появляется в конце асфальтированной дороги, как суперзвезда, выходящая на сцену только в финальной сцене ревью. Вокруг

---

⁶ По-немецки в тексте. Шефом «службы жалоб» был доктор Оттенштайн, немецкий еврей, бежавший в Голландию и отправленный в Вестерборк в январе 1942. (Прим. пер.)

личности коменданта уже творят легенды: в нем столько очарования, шарма! И он так хорошо относится к евреям! Он высказывает мнения, весьма необычные для коменданта еврейского лагеря. Недавно он решил, что мы нуждаемся в более разнообразном питании и, тут же, нам поспешили подать – один раз – горошек вместо капусты. Его изображают также отцом и покровителем нашей художественной жизни и постоянным посетителем ревю кабаре. Ему даже случилось присутствовать три вечера подряд на одном и том же представлении и каждый раз одинаково смеяться над теми же избитыми шутками. Под его покровительством был создан мужской хор, певший по его просьбе «Bei mir bist du schön». Нужно сказать, на здешней почве эта песня приобрела волнующий оттенок. Время от времени он приглашает артистов к себе, беседует и пьет с ними до зари; недавно он проводил одну актрису глубокой ночью и на прощанье протянул ей руку, вы понимаете, руку! Говорят также, что он особенно любит детей, с детьми надо хорошо обращаться, в больнице им каждый день дают помидор. Между тем, здесь умирает очень много детей. По какой причине? Этот вопрос наука не выяснила до сего дня. Я могу рассказать множество подобных «анекдотов» про нашего коменданта. Может быть, он ощущает себя снисходительным сувереном, правящим множеством покорных поданных. Только Бог знает, кем он себя ощущает. Голос позади меня произносит: «Раньше у нас был комендант, отправлявший людей в Польшу ударом сапога,⁷ теперешний делает это с улыбкой».

Он идет вдоль поезда маршевым шагом, относительно молодой человек, сделавший блистательную карьеру – если можно так выразиться. Здесь, на равнине Дренты, он правит, как господин и хозяин жизнью и смертью голландских и немецких евреев; год назад

---

⁷ Й. Дихнер, предшественник коменданта Геммекера, руководил лагерем Вестерборком осенью 1942 г. Он был алкоголиком и грубо обращался с заключенными, сея панику и подогревая бунтовщические настроения. Так как немцы именно этого и хотели избежать, его быстро отправили на Восточный фронт. (Прим. пер.)

он, вероятно, знать не знал о существовании этой равнины. Да, я и сама о ней не знала! Сегодня утром он отправляет в депортацию дополнительно пятьдесят евреев из-за того, что один молодой человек в синей пижаме спрятался в какой-то палатке; он марширует вдоль поезда, его тщательно причесанные седоватые волосы выглядят сзади из под края плоской зеленой фуражки. Эти седоватые волосы, образующие романтический контраст с еще довольно молодым лицом, заставляют мечтать многих невинных девушек в лагере, хотя они и не осмеливаются признаться в этом открыто. Его лицо – в это утро гнева – приобрело серо-стальной оттенок. Это лицо я еще не могу разгадать. Вижу только, что в нем неразрывно соединились злоба, угрюмость и фальшь. И потом есть что-то в этой физиономии напоминающее одновременно одетого с иголки парикмахерского подручного и завсегдатая артистических кафе. Маршевым шагом он проходит мимо товарных вагонов, откуда выплескивается через край человеческий груз. Он совершает смотр своих войск: больных, грудных младенцев, молодых матерей и мужчин с бритыми черепами. Приносят еще нескольких больных на носилках, комендант делает нетерпеливый жест: погрузка происходит недостаточно быстро.

За ним шагает его секретарь – еврей,⁸ элегантно одетый в бежевые жокейские брюки и твидовый пиджак цвета ржавчины. У него корректный и спортивный, но незначительный вид англичанина – любителя виски. Внезапно великолепный коричневый охотничий пес выскакивает огромными прыжками невесть откуда; бежевый секретарь грациозно играет с ним, ни дать, ни взять – ожившая иллюстрация, сошедшая со страниц светского английского журнала. Взвод «зеленых» изумленно выкатывает глаза. Может быть, они думают (ну, думать, очень сильное слово), что у евреев здесь совсем другой вид, чем на картинках в их учебных руководствах?..

---

⁸ Хайнц Тодтманн, бывший журналист, действительно был «правой рукой» коменданта Геммекера. Официально он был главой различных «служб» лагеря, которыми руководили евреи, хотя реальная власть была в руках Курта Шлезингера (см. следующую сноску). (Прим. пер.)

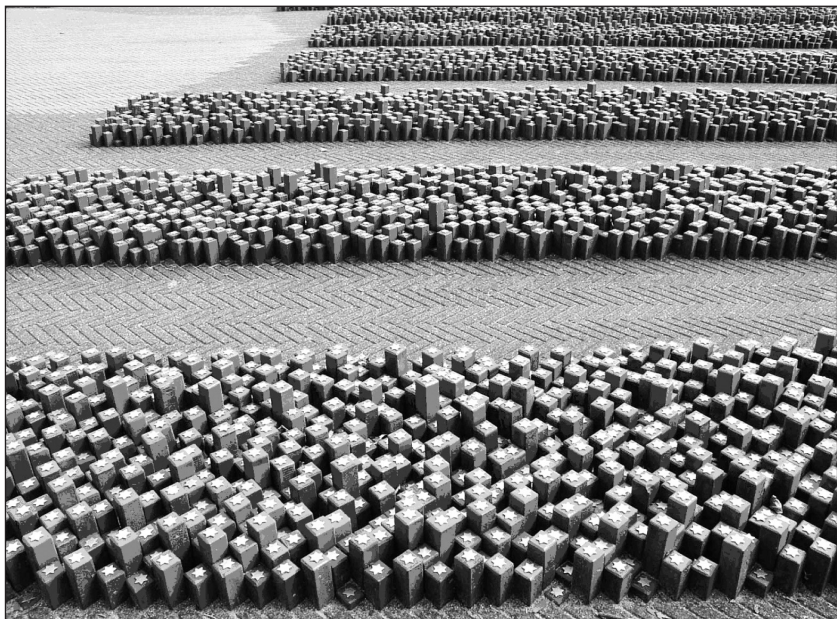
Разные лагерные еврейские шишки входят и выходят из поезда. «Вот еще, важные персоны», – ворчит кто-то позади меня. «Бульвар депортированных», – громко отвечаю я. Спрашиваю моего товарища: «Сможет ли кто-нибудь когда-нибудь описать внешнему миру, что здесь происходило?» Внешний мир, когда он о нас думает, представляет себе страдающую массу евреев, бесцветную и безучастную; мир ничего не знает о котлованах, безднах, оттенках, разделяющих отдельных людей и группы, и, может быть, будет не способен их понять.

К коменданту присоединяется «Oberdienstleüter», глава «служб» лагеря. Комендант сразу начинает выглядеть незначительным, жалким. «Oberdienstleiter» немецкий еврей мощного телосложения⁹. Черные сапоги, черная фуражка, черный военный мундир, украшенный желтой звездой. У него жестокий рот и затылок владельца. Еще год назад он был землекопом во внешней службе. Его головокружительное восхождение кристаллизует в себе исключительный момент в истории настроений нашей эпохи; надо будет позднее написать об этом подробнее. Комендант в светло-зеленом, негнувшийся как ствол, невозмутимый секретарь в бежевом и черный силуэт проконсульского хама расхаживают перед поездом как на параде. Вокруг них образуется пустота, но все глаза обращены на них.

Боже мой, неужели все эти двери действительно закроются? Увы! Двери закрываются прямо на спрессованные толпы, загнанные внутрь теплушек. Узенькие щелочки наверху стенок позволяют разглядеть руки, которые замашут, когда поезд тронется. Комендант, на велосипеде, последний раз проверяет эшелон; потом он делает знак рукой, точь-в-точь монарх из оперетты, и юный ор-

---

⁹ Курт Шлезингер (род. в 1902 г.) был на должности первого главы лагерных служб. За год он поднялся от простого заключенного до фаворита Геммекера. Именно он выносил окончательное решение о составе транспорта, Геммекер проверял только, достигнуто ли требуемое количество депортируемых на Восток. Шлезингера боялись и ненавидели. (Прим. пер.)

*Мемориал в Вестерборке, созданный в 70-е гг. XX века.
Каждый камень символизирует узника лагеря,
который был депортирован из Вестерборка и погиб.*

динарец подбегает, чтобы со всем возможным почтением принять у него велосипед. Раздается пронзительный гудок и поезд, нагруженный одной тысячей двадцатью евреями, покидает Голландию. Квота на этот раз была невысокой: всего тысяча евреев, двадцать дополнительных взяты в резерв в дорогу; всегда возможно, что некоторые умрут от слабости или задохнутся в тесноте – в этом транспорте больше, чем когда-либо, поскольку едет так много больных без всякой медицинской помощи.

Помогавшие при отправке тихонько откатываются, они жаждают давно ожидаемого отдыха. Много истощенных, бледных, измученных лиц. У нашего лагеря ампутировали еще один член, очередь другого придет на следующей неделе. Это длится уже год,

неделя за неделей. Нас здесь осталось несколько тысяч. Сто тысяч наших братьев по крови уже покинули Голландию и изнемогают под чужим небом или лежат в чужой земле. Мы ничего не знаем об их судьбе. Может быть, вскоре мы узнаем больше, каждый в свою очередь, потому что та же судьба ожидает всех нас, в этом я ни секунды не сомневаюсь. Но сейчас необходимо выкроить часок на сон, я немного устала и голова кружится; потом забегу в бельевую, попытаюсь вернуть затерявшуюся банную рукавичку. Но сначала я хочу немного поспать, что до остального, я твердо намерена, после некоторых странствий, вернуться к вам.

А сейчас я говорю: «До свиданья, дорогие мои друзья».

Последний привет от Этти – чудом уцелевшее письмо из лагеря, которое она выбросила из поезда, по пути в Освенцим. Кто-то подобрал его и отправил.

Кристине Ван Ноотен.

Вторник 7 сентября 1943.

Почтовый штемпель: 15 сентября 1943.

Кристина, я открываю Библию наугад и нахожу следующее: «Господь – прибежище мое»¹⁰. Я сижу на рюкзаке посреди набитого товарного вагона. Папа, мама и Миша в другом вагоне, в том же поезде. Этот отъезд все-таки оказался неожиданным. Приказ, адресованный лично нашей семье. Мы покинули лагерь с песней на устах, отец и мать очень спокойно и мужественно, Миша тоже. Путешествие продлится три дня. Спасибо за вашу заботу. Оставшиеся в лагере друзья напишут вам в Амстердам, может быть, тебе тоже передадут мое последнее длинное письмо?

До свиданья от нас четверых.

Этти.

*Перевод писем с французского
Марии Житомирской и
Марии Великановой*

---

¹⁰ См. Пс 90:2. (Прим. ред.)

Маити Гиртаннер

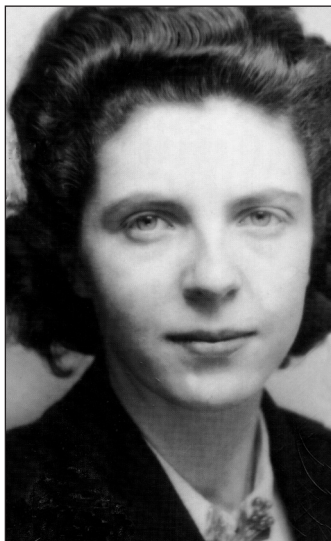
**ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ
«И У ПАЛАЧЕЙ ЕСТЬ ДУША»**

Маити Гиртаннер, участница французского Сопротивления, узница гестапо, чудом выжившая после страшных пыток, – в 1984 г., через 40 лет после освобождения из застенков гестапо, встретила с врачом, пытавшим ее, и простила его.

Близкие друзья Маити, зная об этой встрече, уговорили ее свидетельствовать обо всем происшедшем. Этому посвящено было несколько теле- и радиопередач (первая – в 1996 г.), затем, с помощью друга-журналиста Маити надиктовала (после пыток она всю жизнь частично парализована) книгу воспоминаний. В этом выпуске альманаха мы приводим часть вступления и первую главу книги Маити Гиртаннер «И у палачей есть душа», вышедшей в Париже в 2007 г. Маити жива до сих пор.

Долгие годы я хранила эту историю для себя. Из стыдливости, не желая выставлять себя на первый план. Из уважения также к личной истории моего «доктора» из гестапо. Через десять лет после этой невероятной встречи, немногие близкие, с которыми я об этом говорила, убедили меня в необходимости свидетельствовать об этих фактах. И для этого вернуться к обстоятельствам, приведшим к ним. Телевизионные передачи, как, например, «Поступь века» в 1996 году, и интервью, опубликованные в журналах, дали мне возможность рассказать главные эпизоды этого дела.

На закате жизни я описываю ее основные этапы, которые, я надеюсь, помогут понять, почему и как Господь воспользовался своим бесполезным служителем, чтобы было явлено могущество Его милосердия.

«В эту минуту я поняла, что простила его»*Маити Гиртаннер, 1942 г.*

«Я в Париже и хотел бы Вас видеть», – человек говорил по-немецки. Я сразу узнала голос. Был 1984 год, а я слышала этот голос последний раз сорок лет назад, в феврале 1944-го. Но никаких сомнений, это был он: Лео, немецкий врач, державший меня в заключении долгие месяцы во время Второй мировой войны.

Его жестокое обращение почти довело меня до смерти, загнав моё тело в железную клетку боли, пленницей которой я осталась до сего дня.

Лео в Париже. Мой палач у моих дверей. Чего он от меня хочет? Потрясение от звука его голоса в долю секунды пробудило прошлое – ту страницу памяти, которую я счита-

ла перевернутой. Мне показалось, что дом обрушился на меня. Я увидела себя восемнадцатилетней девушкой, которую обстоятельства привели в ряды Сопротивления.

Наша семья с материнской стороны владела прекрасным домом XVII века в деревне Бонн, на берегах Вьенны, на самой демаркационной линии. В июне 1940 года немцы оккупировали деревню, заняли наш дом. Поскольку я бегло говорила по-немецки, (по отцу я была швейцаркой), то сразу же оказалась посредницей, чтобы помогать растерянным местным жителям.

Очень скоро я начала помогать военным перебираться через закрытую границу, в которую превратилась Вьенна. Я не могла переносить зрелище рассеченной надвое Франции, разделенных французов. Так я постепенно вошла в ряды сопротивления оккупантам. Переправа через демаркационную линию, доставка

почты, кража документов и географических карт, пеленгование передвижения подводных лодок, защита еврейских преподавателей музыки...

Осенью 1943 года меня арестовали в Париже, а затем перевезли на реквизированную гестапо виллу на юго-востоке Франции.

Здесь я попала в руки молодого двадцатилетнего врача по имени Лео, проводившего опыты над арестованными, чтобы опробовать новые способы получения признания у заключенных. Серия палочных ударов, задевавших костный мозг, позвоночник, разрушила во мне нервные центры. В феврале 1944 года участники Сопротивления, с помощью швейцарского Красного Креста, освободили меня из этого ада, на пороге смерти. Страдания, которые я испытываю с тех пор, и последствия тех опытов отняли у меня почти все физические возможности, данные человеку. И в том числе, возможность играть на фортепьяно, что было для меня самым важным. До войны я начинала карьеру пианистки, у меня были к этому способности.

Вера в воскресшего Христа помогла мне выдержать времена испытаний, ночь и тьму, и построить жизнь, которой я не была больше хозяйкой. Вера в Христа призывала меня любить врагов и, созерцая Крест, верить в возможность прощения.

С конца войны во мне жило стремление простить того, кто разрушил большую часть меня. Тому, кто привел меня к порогу смерти, я хотела показать путь Жизни. Но невозможно простить в пустоте. В глубине сердца я искренне ощущала, что простила Лео. Но смогу ли я в действительности сказать ему: «Я Вас прощаю»? Я не знала. Именно к испытанию прощением в то утро 1984 г. призвал меня неожиданный телефонный звонок. Ибо, по сути, эти четыре десятилетия были в большей мере временем забвения обид, чем приготовлением к прощению.

По телефону он представился бесстрастным голосом: «Во время войны я был врачом... Я не знаю, помните ли вы...» Помню ли я?! В ответ я бормочу: «Но почему Вы захотели меня увидеть?»

Почему теперь? Что мы можем друг другу сказать? Как Вы меня нашли?» Он ответил: «Вот мы об этом и поговорим». Голос был ровным, почти мягким, в противоположность грубым металлическим интонациям, до сих пор звучавшим в моих ушах. Я согласилась встретиться с ним. Он сказал, что придёт днём.

Как описать бурю в моем сознании?.. Все эти сорок лет я не переставала молиться за этого человека. Меня мучила навязчивая мысль, что он умрет с сердцем, полным ненависти, и я молилась, чтобы он встретил Того, Кто создал его с любовью и для любви.

Для меня было невыносимо, что зло торжествовало в человеке, и мне казалось, что жертва более чем кто-либо другой годится, чтобы вступить за палача.

В конце концов, я должна была бы стремиться к этой встрече. Но я никогда не думала, что она возможна. Поэтому не подготовилась. Неожиданность пугала и волновала меня. В течение времени, остававшегося до встречи, я много раз испытывала желание ее отменить. Но было слишком поздно, у меня не было возможности связаться с ним.

«Да минует меня чаша сия». В сущности, это было искушение. «Впрочем, не чего Я хочу, а чего Ты», – говорит Иисус Отцу. Глядя на свою жизнь, – мне было в тот момент шестьдесят два года, – я поняла, что она измеряется не поставленными целями, и не представлением о себе, а тем, как мы справляемся с предлагаемыми обстоятельствами. Участие в Соппротивлении, пытки, перемена жизни из-за нового физического состояния... – ничего этого я не выбирала и не предвидела. Каждый раз я просто старалась остаться на высоте.

Следовательно, и встречу с Лео я должна была пережить, а не подготовить. Уж если я вынесла его враждебное и жестокое обращение со мной, то зачем страшиться новой встречи, явно благожелательной! Не является ли моя тревога свидетельством того, что примирение – поступок более трудный и драгоценный, чем логика противостояния?

Он пришел ко мне в конце дня. «...Не заботьтесь как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать». Я повторяла слова Христа, обращенные к двенадцати ученикам в начале их поприща, когда он позвонил у дверей маленькой квартирки в Сен-Жермен-ан-Ле, куда я переехала три года тому назад, после смерти матери и где живу до сих пор. Мне было тем более необходимо войти в состояние доверия Богу, потому что это был один из тех дней, когда тело мне изменяло. Я должна была лежать в постели как можно дольше.

Я узнала голос. Открыв дверь, я испытала сильнейшее потрясение. Ему было уже за шестьдесят. Волосы из белокурых превратились в седые. Черты лица потеряли остроту. Но он сохранил прежний силуэт и осанку. После нескольких секунд взаимной неловкости он чрезвычайно учтиво приподнял шляпу и протянул мне руку. Я пригласила его сесть, извинившись, что вынуждена снова лечь. Его напряженная улыбка выдала мне, что он осознает меру своей ответственности за мое состояние...

Он начал с предисловия: «У меня рак. Я только что об этом узнал. Я приговорен. Врач сказал, что мне осталось жить не больше полугода». Он говорил почти беззвучно, уставившись глазами в пустоту, не смея встретиться со мной взглядом. Долгая тишина. Затем он повернулся ко мне и продолжил: «Я никогда не забывал то, что Вы говорили другим моим заключенным о смерти. Меня всегда поражала атмосфера надежды, окружавшая вас, хотя никаких перспектив на будущее у вас не было. Сегодня я боюсь смерти. И я хотел бы вас послушать».

Он напоминал о месяцах заключения под его свирепым надзором, когда я пыталась пробудить в моих сокамерниках веру в Бога, веру перед лицом страдания и смерти, надежду на вечную жизнь, где зло будет побеждено навеки.

По крайней мере, это была ясная просьба. Но как говорить с ним о будущей жизни, не предложив сначала рассмотреть жизнь прошедшую? Как внести свет, без того чтобы он осветил его прежние действия? Христианское примирение начинается с при-

знания, с исповеди. Не для того, чтобы получать удовольствие, вспоминая прошлые грехи, а для того, чтобы от них отстраниться, через ясное видение.

Его поведение выражало подлинное смирение. Плечи сгорбились. Голос понизился. Вид у него был смущенный, резко контрастировавший с надменной уверенностью, отличавшей его сорок лет назад. Я заговорила: «Отдаете ли вы себе отчет в содеянном? Как Вы до этого дошли?» – «Что Вы хотите сказать?» – «Ну, как Вы стали военным преступником?» Вспышка раздражения промелькнула в его глазах, напомнив мне того, кем он был раньше: «Вы так это называете?» – «Да, я называю это так. Не вижу, как иначе определить то, что Вы делали во время войны».

Он пустился в запутанные оправдания своего выбора в юности. Его блестящие успехи в медицине. Политика совращения лестью лучшей части молодежи со стороны Гитлерюгенд; собственное желание быть лояльным гражданином своей страны; зловещее вовлечение, перед которым он чувствовал себя бессильным; промывание мозгов, которому он подвергся в Hitlerjugend... Но его сегодняшняя обреченная скорбь была далека от его тогдашнего рвения!

Незаметно и легко разговор перешел с исторической почвы на духовную. Я почувствовала, что он искренне сожалеет о своих тогдашних действиях.

Но было необходимо, чтобы он сделал следующий шаг. «А что теперь?» – спросила я. Он пожал плечами и вздохнул: «Вы говорили про обещанный Богом рай. Как Вы знаете, я крещен, я христианин. Верите ли Вы, что для таких, как я, есть место в раю?» – «Место есть для всех, кто, какова бы ни была тяжесть его грехов, соглашается принять Божье милосердие. Для этого Христос отдал за нас жизнь. И Он был с нами до самого Креста, ибо цена была высока. И поскольку Он дошел до Распятия, мы можем верить. До последнего вдоха Он думал о Вас лично, обо мне лично. Он никогда не отказывался от жертвенной любви к Вам. Даже когда Вы совсем отдалились от Него».

Я говорила медленно, стараясь, чтобы каждое слово дошло до глубины, отпечаталось в его сердце. Я видела, как постепенно поднималась его голова, выпрямлялось все тело, как будто он вдохнул кислорода, как будто новое будущее открывалось перед ним. Так мы проговорили больше часа. Он объяснил мне, что представлял себе смерть, как дверь гаража, закрывающуюся за ним и оставляющую его взаперти. Так возник его страх смерти. Я продолжала говорить и видела, что он меняется. Хотя он говорил немного. Но вначале его приход был вызван только страхом, паническим ужасом перед приближающимся концом. Интуитивно я поняла, что он делается все более восприимчив к моему призыву предпринять попытку примирения и искупления.

Внезапно он поднялся, подошел к дивану и наклонился ко мне. Глаза его увлажнились, губы дрожали. Он пробормотал: «Простите. Я прошу у вас прощения».

По-немецки существуют два слова для прощения: *Verzeihung* и *Vergebung*. Второе слово много сильнее первого и говорит о тяжких грехах. Именно это слово он употребил.

Инстинктивно я сжала его лицо обеими ладонями и поцеловала его в лоб.

В эту минуту я почувствовала, что я действительно простила. Этот поцелуй был подлинным поцелуем мира. Самый подлинный и самый искренний из всех, что я давала и получала. Настоящее чувство мира, светлого мира наполнило мое сердце. В Лео явно чувствовалось внутреннее обращение.

Он сел. И снова спросил меня: «Что я теперь должен делать? Как могу я исправить содеянное мною зло?» – «Любовью, – ответила я. – Любовь – единственный ответ на зло».

Я продолжила: «Вы никогда не сможете изгладить или исправить зло, причиненное людям во время войны. Используйте же оставшиеся вам месяцы, чтобы делать добро окружающим, близким».

Он наморщил лоб: «Но как? Никто в Германии не знает о моем прошлом. Я женился, создал семью. Я известный и уважаемый в

городе врач». – «Если в этом доверитесь Богу, Он даст Вам силу и способ встретить ситуацию лицом к лицу. Вы сказали мне, что Вам осталось жить не больше шести месяцев. Вы полагаете, что у Вас есть более важные дела, чем подготовка к решающей встрече?»

Через два часа он ушел. Оставшись одна, весь вечер и большую часть ночи я находилась в глубоком потрясении. Неспособная двигаться, говорить, делать, что бы то ни было, кроме как смотреть на опустевшее кресло, где человек, бывший сорок лет назад моим палачом, открыл благодать прощения.

Его жена приходила с ним, но все время находилась в соседней комнате. Через шесть месяцев она мне позвонила, чтобы сообщить о смерти Лео. И сказать мне, что в последние минуты, когда она предложила ему позвать пастора или священника, он ответил: «Я хочу, чтобы рядом со мной была Маити».

Лео сдержал слово. Вернувшись в свой городок в Рейнской области, он сначала собрал всю семью, а на следующий вечер друзей и знакомых. Он исповедался в своем прошлом и сказал, что хочет сделать все доброе и полезное ближним, что будет в его силах. Его последние месяцы действительно стали месяцами жизни для других. Я все время молилась за него. Я не сомневаюсь, что он разделяет радость сынов Божьих. В Лео исполнилась тайна Искупления.

*Перевод с французского
Мариш Житомирской*

Протоиерей Василий Марущак

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗЛУ И ИСЦЕЛЕНИЕ: СВТ. ЛУКА ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКИЙ¹

Василий Марущак родился в семье священника в 1961 г. Окончил Московскую духовную семинарию и академию. В 1986 году защитил диссертацию «Жизнеописание архиепископа Луки Войно-Ясенецкого» с присвоением ученой степени кандидата богословия. В том же году рукоположен в сан дьякона. Клирик Симферопольской и Крымской епархии. Преподаватель Догматического богословия и Гомилетики в Таврической духовной семинарии. Автор книг и публикаций о новомучениках и исповедниках. Член Комиссии по канонизации при Синоде УПЦ МП. Лауреат Всероссийской литературной премии св. Александра Невского в 2007 году.

Двадцатый век дал миру огромное количество святых – людей, которые своим мученическим и исповедническим подвигом приобрели благодать быть особенно близкими к Богу, именоваться «друзьями Божиими». Святые – это соль земли, которая не дает разложиться загнивающему во грехах человечеству. Молитвами святых праведников стоит мир и существует вселенная. Святые умоляют Бога о милосердии и отводят от нас справедливое наказание Божие за грехи наши. Среди великого сонма святых совсем недавно на церковном небосклоне засияла новая звезда – наш земляк и соотечественник, родившийся и почивший в Крыму, святитель Божий Лука. Изучение жития того или иного святого – не праздный интерес досужего ума, а жизненно важная необходимость восприятия их опыта, приведшего их к сияющим вершинам Царства Божия, и указывающего этот путь нам. Одному

---

¹ Доклад был прочитан в монастыре Бозе (Италия) на конференции «Духовная борьба в православной традиции», 2009 г. (Прим. ред.)

из самых первых своих биографов святитель Лука сделал очень важное наставление о том, что тот, кто собирается описать его жизнь, ни в коем случае не должен отделять облик архиепископа Луки от лица хирурга Войно-Ясенецкого. В самом деле, сугубый (по-славянски: двойной, двоякий) подвиг святого Луки как хирурга и архиерея, заставляет в глубоком почтении склонить перед ним головы и врачей, и духовенство.

Как известно, Валентин Феликсович, овдовев, принял священный сан и монашество. Однако еще задолго до этого он проявил себя, как активный мирянин, сознательный член Церкви. Во время проживания в Ташкенте, несмотря на огромную занятость, как главврача Ташкентской городской больницы и практикующего хирурга, он участвовал в работе церковного братства. На заседаниях этого братства проходили очень серьезные беседы на церковные темы, разбирались трудные и важные места Священного Писания, исполнялись духовные песнопения, обсуждалась церковная ситуация в стране и в регионе. Право голоса имел каждый член братства. После одного из ярких выступлений доктора Войно-Ясенецкого, присутствовавший на собрании Ташкентский владыка Иннокентий (Пустынский) сказал ему: «Доктор, вам надо быть священником!» Восприняв эти слова, как призыв и повеление Божие к новому, неизведанному виду служения, он вступил на этот смертельно опасный путь со всем жаром верующего сердца. Это было время, когда многие, испугавшись гонений, отрекались от веры, от Христа, только чтобы сохранить свою жизнь. Но, как впоследствии вспоминал в своих мемуарах святитель Лука: «...При виде кошунственных карнавалов и издевательств над Господом нашим Иисусом Христом, мое сердце громко кричало: «Не могу молчать!» И я чувствовал, что мой долг – защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому». С этих слов начался его личный протест, противостояние тому inferнальному злу, которое широкой рекой разливалось по бес-

крайним просторам Руси. Он не посягал на какие-либо глобальные, широкомасштабные проекты борьбы со злом, а пользовался теми рычагами, теми возможностями, которые были ему доступны. Совмещая свою медицинскую деятельность с пастырским служением, отец Валентин, имея острый ум, обширную эрудицию во многих областях человеческого знания, сосредоточился на проповедническом и апологетическом служении. Он постоянно проповедовал, проводил беседы, посвященные защите веры и критике материализма. Неоднократно участвовал в публичных диспутах с безбожниками и отступниками, в которых неизменно побеждал и посрамлял оппонентов. Вскоре гонения на Церковь усилились, и большевики решили внести вирус революционной заразы в церковную среду. Вот как описывает святитель Лука эти нестроения в своих мемуарах: «Вскоре произошло восстание против Патриарха Тихона московских и петроградских священников, которое возглавил протоиерей Александр Введенский. По всей России произошло разделение духовенства на стойких и крепких духом, верных Православной Церкви и Патриарху Тихону, и на малодушных, неверных, или не разбиравшихся в бурных церковных событиях, вошедших в «живую» церковь, возглавляемую Введенским и немногими его сообщниками, имен которых уже не помню.

Отозвался раскол и у нас в Ташкентской епархии. Архиепископ Иннокентий, крайне редко сам проповедовавший, выступил со смелой, сильной проповедью о том, что в Церкви бунт и что необходимо сохранять верность Церкви Православной и Патриарху Тихону и не входить ни в какие сношения с «живоцерковным» епископом, приезда которого ожидали.

Неожиданно для всех два видных протоиерея, на которых вполне надеялись, перешли в раскол, к ним присоединились и другие, и верных осталось немного.

Преосвященный Иннокентий поспешил совершить хиротонию архимандрита Виссариона. Совместно с епископом Сергием (Лав-

ровым), недавно переведенным в Ташкент из ашхабадской ссылки, он совершил полным чином наречение во епископа архимандрита Виссариона. Но на другой же день нареченный епископ был арестован и выслан из Ташкента. Позже он примкнул к Григорианскому расколу и получил сан митрополита.

Преосвященный Иннокентий был очень испуган и тайно ночью уехал в Москву, надеясь оттуда попасть в Валаамский монастырь. Но это, конечно, ему не удалось, и лишь спустя много времени смог он пробраться в свою деревню Пустынька.

Епископ уехал. В Церкви бунт. Тогда протоиерей Михаил Андреев и я объединили всех оставшихся верными священников и церковных старост, устроили съезд оставшихся верными, предупредили об этом ГПУ, попросив разрешения и присылки наблюдателя. Мы с протоиереем Андреевым взяли на себя управление епархиальными делами и созывали в Ташкенте на епархиальное собрание священников и членов церковного совета, отвергнувших «живую» церковь. На эти собрания мы просили ГПУ прислать своих представителей, но ни разу они не приезжали. Казалось бы, все безупречно, но за это, главным образом, я получил свою первую ссылку.

В это время приехал в Ташкент очень видный архиерей – Преосвященный Андрей (фамилии его не помню). Узнав о положении дел у нас, он назначил меня настоятелем собора и объявил протоиереем.

Вскоре после этого из Ашхабада в Ташкент был переведен другой ссыльный Преосвященный Андрей Уфимский, (князь Ухтомский). Незадолго до своего ареста и ссылки в Среднюю Азию он был в Москве, и Патриарх Тихон, находившийся под домашним арестом, дал ему право избирать кандидатов для возведения в сан епископа и тайным образом рукополагать их.

Приехав в Ташкент, Преосвященный Андрей одобрил избрание меня кандидатом на посвящение во епископа собором ташкентского духовенства и тайно постриг меня в монашество в

моей спальне. Он говорил мне, что хотел дать мне имя целителя Пантелеимона, но когда побывал на Литургии, совершенной мною, и услышал мою проповедь, то нашел, что мне гораздо более подходит имя апостола-евангелиста, врача и иконописца Луки». После возведения в сан епископа владыка Лука успел отслужить только одну литургию. Через неделю на пороге его дома появились чекисты. Обыск завершился арестом. Восходя на Голгофу архиерейского служения, епископ Лука был готов пойти по многострадальному и скорбному пути исповедничества и мученичества. По нему уже шли многие – архиереи, священники, диаконы и миряне... Но за спиной у Владыки была Богом врученная ему ташкентская паства, за которую болело сердце. Поэтому на случай внезапного ареста он подготовил завещание. Уважение и любовь народа к своему Владыке были так велики, что уже на следующий день после ареста среди городского населения и в храмах распространялось перепечатанное на машинке его «Завещание». В этом небольшом по объему, но сильном по духу обращении архипастырь предостерегает верующих от соблазнов отступничества и расколов: «К твердому и неуклонному исполнению завещаю Вам: неколебимо стоять на том пути, на который я поставил Вас. Подчиняться силе, если будут отбирать от вас храмы и отдавать их в распоряжение дикого вепря, попусшением Божиим вознесшегося на горнем месте соборного храма нашего. Внешностью богослужения, творенного вепрем, не соблазняться, и поругания Богослужения, творимого вепрем, не считать Богослужением. Идти в храмы, где служат достойные иереи, вепрю не подчинившиеся. Если и всеми храмами завладеет вепрь, считать себя отлученным Богом от храмов и ввергнутым в голод слышания слова Божия.

С вепрем и его прислужниками никакого общения не иметь и не унижаться до препирательства с ними.

Против власти, поставленной нам Богом по грехам нашим, никак нимало не восставать, и во всем ей смиренно повиноваться.

Властью преемства апостольского, данного мне Господом нашим Иисусом Христом, посылаю всем чадам Туркестанской Церкви мое завещание. Отступающим от него и вступающим с вепрем в молитвенное общение угрожаю гневом и осуждением Божиим».

Пока владыка Лука томился в застенках ГПУ, в Ташкент приехал обновленческий епископ Николай (Коблов), и все церкви в городе были захвачены раскольниками. Но храмы эти были пустыми – народ помнил наказ своего святителя.

Вскоре уголовное дело по его обвинению в антисоветской деятельности завершилось постановлением о ссылке в Сибирь. По прибытии в город Енисейск владыка поселился на частной квартире, в которой часто совершал богослужения при значительном количестве прихожан. Он не боялся угроз чекистов, продолжая заботиться о церковном устройении, рукополагал диаконов и священников, руководствуясь 37-м правилом VI Вселенского Собора и Посланием Святейшего Патриарха Тихона. Его сослали в Туруханск, но и там, с его прибытием оживилась духовная жизнь. Местная община подчинялась Красноярскому живоцерковному раскольническому архиерею. Владыка Лука своей проповедью о грехе раскола и неканоничности обновленческой церкви привел к покаянию настоятеля и присоединил к законной православной церкви, возглавляемой Патриархом-исповедником Тихоном всю Туруханскую паству. Здесь владыка много проповедовал и служил. Это не осталось незамеченным местными властями, которые не преминули наказать непокорного ссыльного и отправили его в Плахино, самое крайнее человеческое поселение. По окончании срока ссылки святитель возвращался в Красноярск на санях по замерзшему Енисею. На протяжении этого длинного и трудного пути его неизменно встречали толпы народа, и он совершал богослужения и много проповедовал.

Проповедь является одной из самых важных сторон многогранного пастырского и архипастырского служения. В истории

церкви есть множество примеров, когда подлинная христианская жизнь святого являлась наилучшей проповедью. Поучения святителя Луки были не только богатыми по содержанию и глубокими по смыслу, они несли (и несут) в себе великую и несокрушимую силу духа и веры, перед которыми отступали хулители, гонители и преследователи. Владыка мужественно и твердо свидетельствовал об Истине на грани собственной жизни и смерти, и потому его проповеди об Истине звучат так потрясающе убедительно. Когда он проповедовал, люди с жадностью ловили каждое его слово, записывали, перепечатывали и распространяли. Таким образом, было собрано около одиннадцати томов его поучений, которые протоиерей А. Ветелев и Совет Московской Духовной Академии оценили, как исключительное явление в современной церковно-богословской жизни. Святейший Патриарх Алексей I в феврале 1959 года намеревался внести предложение на очередное заседание Священного Синода о присуждении архиепископу Луке степени доктора богословия. На сегодняшний день гомилетическое наследие святителя Луки остается востребованным, и только в нашей епархии издано уже более трехсот его проповедей.

С началом Великой Отечественной войны ссылка владыки была прервана, и он принял деятельное участие в лечении раненных воинов, эшелоны с которыми непрерывно шли в Красноярск с фронта. Будучи главным хирургом Красноярского эвакогоспиталя 15–15 и консультантом всех госпиталей края, он вернул в строй множество воинов, которые имели тяжелые ранения, сопровождающиеся нагноениями. Соответственно и Синод назначил его управляющим Красноярской епархией. А состояние епархии было ужасным. Когда Владыка Лука прибыл в ссылку в Красноярск в 1940 году, начальник районного НКВД заявил ему: «Во всей Сибири мы не оставили ни одной церкви». Это почти соответствовало действительности, так как к тому времени только в Новосибирске осталась незакрытой одна кладбищенская церковь. В начале марта 1943 года после усиленных хлопот

святитель добился открытия маленькой кладбищенской церкви в слободе Николаевка, предместье Красноярска. Из города до этой церкви пять-семь километров, осенью и зимой дорога трудна и опасна, так как в Николаевке было много грабителей. Поэтому ко всенощной приходило мало богомольцев, и за год Владыка служил всенощную только два раза в большие праздники и вечерние службы Страстной седмицы, а перед обычными воскресными службами вычитывал всенощную дома, в госпитале, при шуме, доносившемся из концертного зала, расположенного недалеко от дома святителя. Только в последнее время за ним стали присылать лошадь, запряженную в розвальни, а почти год он ходил в церковь пешком и так переутомлялся, что в понедельник даже не мог работать в госпитале. Начиная свое служение в Красноярске Владыка с единственным в городе священником – протоиереем Захаровым. Он оказался нерадивым пастырем, и вскоре его пришлось запретить в священнослужении и представить доклад в Синод о снятии с него сана. Через три месяца после открытия церкви Бог послал второго священника, Николая Попова, смиренного и доброго пастыря, а за два-три месяца до отъезда из Красноярска Владыка Лука назначил настоятелем церкви Петра Ушакова, с помощью которого удалось обновить состав церковного совета, председателем которого он и стал. При постоянном давлении властей на Церковь, когда уполномоченные по делам религии и НКВД ставили во главе церковных советов своих агентов, это было смелым поступком со стороны правящего архиерея. Но Владыка оставался верен своему призванию и всеми силами старался навести порядок в епархии. Запрещенный протоиерей Захаров вместе с сообщниками, которые расхищали церковные средства, усиленно добивались открытия Покровского собора, расположенного в центре города. Получив эту церковь, они надеялись пригласить туда обновленческого архиерея. Владыка сумел прекратить их раскольническую деятельность.

Из многих сел, районных центров и городов на имя архиерея поступали прошения об открытии церквей. Владыка направлял

их в соответствующие органы, но оттуда приходил один и тот же ответ: «Ходатайства посланы в Москву, и по получении ответов вам будет сообщено». Это известный бюрократический прием, позволяющий благополучно замять любое дело. И действительно, ответов на запросы епархия не получала. Мало того, в некоторых городах и районных центрах представителей общин, подававших ходатайства об открытии церквей, встречали запугиванием и угрозами.

Таким образом, вся Восточная Сибирь от Красноярска до Тихого океана не подавала никаких признаков церковной жизни. По наблюдениям архипастыря и отзывам сибирских священников народ в Сибири, особенно Восточной, был малорелигиозен. К концу 1943 года во всей епархии действовала одна-единственная крошечная церковь в Николаевке. И архиепископ Лука понимал, что если не открыть храмы в различных местах Красноярского края, то возможно полное духовное одичание народа. Стремление к Богу, несмотря ни на что, сохранялось, особенно среди пришедших украинцев, резко отличавшихся от коренных сибиряков своей религиозностью. Но духовный голод в их среде привел к тому, что богослужение и Таинства совершали миряне, даже женщины. Кроме того, много бродило по епархии всяких самозванцев, выдававших себя за священников, а то и просто мошенников, эксплуатировавших религиозность народа.

В январе 1944 года святитель Лука был назначен на Тамбовскую кафедру и одновременно – хирургом-консультантом тамбовских госпиталей. По данным Тамбовского облисполкома, на 1 сентября 1942 года в области числилось сто сорок семь незакрытых церквей, однако действующими были только церкви в Тамбове и Мичуринске. Подавляющее большинство использовалось как подсобные и складские помещения. В Покровской церкви Тамбова и продолжил свое архипастырское служение святитель Лука. 26 февраля 1944 года в этом храме Владыка произнес свою первую проповедь: «Пятнадцать лет были закрыты и связаны мои уста,

но теперь они вновь раскрылись, чтобы благовествовать вам слова Божии. Примите мои утешения, мои бедные, голодные люди. Вы голодны отсутствием проповеди слова Божия. Храмы наши разрушены, они в пепле, угле и развалинах. Вы счастливы, что имеете хоть небольшой, но все же храм. Он грязен, загажен, темен, но зато в сердцах наших горит свет Христов. Давайте сюда живописцев, художников. Пусть они пишут иконы, нам нужен ваш труд для восстановления уничтоженного, и вера засияет новым пламенем». Как писал в своих письмах Владыка, «тяжелый невроз прошел, когда возобновилось церковное служение».

В Покровском храме в Тамбове впервые прозвучали слова покаяния священнослужителей, примкнувших к обновленческому движению. Чин покаяния для тех, кто «в малодушии своим убоялся страданий за Христа и избрал путь лукавства и неправды», составленный самим архиепископом-исповедником, был достаточно строгим, но необходимым для очищения совести согрешившего.

С первых же дней управления епархией Владыка ходатайствовал об открытии в Тамбове большого двухэтажного Спасо-Преображенского собора, который вместил бы всех верующих, но местные власти всячески препятствовали этому. Впервые после революции тамбовский архипастырь излагал перед Священным Синодом план возрождения духовной жизни в епархии: религиозное просвещение интеллигенции, знакомство ее с миром духовным, церковное воспитание детей, открытие воскресных школ для взрослых. Все сохранившиеся в области храмы должны быть немедленно открыты, а в тех населенных пунктах, где храмы не сохранились или они временно заняты, требуют большого ремонта, необходимо строить новые молитвенные здания простого типа под названием «церкви-обыденки». Получив запрет от властей на созыв общепархиального собрания духовенства и мирян, он обратился к верующим с призывом: «Примемся все, сильные и слабые, бедные и богатые, ученые и неученые, за великое и

трудное дело восстановления Церкви Тамбовской и жизни ее». И действительно, общенародный духовный подъем привел к тому, что к 1 января 1946 года было открыто двадцать четыре прихода.

Прошло чуть больше двух месяцев после назначения на Тамбовскую кафедру, но эхо самоотверженной архипастырской деятельности святителя Луки докатилось и до Москвы. Уполномоченный по делам религии Г. Г. Карпов выговаривал Патриарху Сергию, что «тамбовский Владыка в хирургическом госпитале в своем кабинете повесил икону, перед исполнением операций совершает молитвы, на совещании врачей эвакогоспиталя за столом президиума находится в архиерейском облачении, в дни Пасхи 1944 года делал попытки совершать богослужения в нефункционирующих храмах, делал клеветнические выпады по отношению к обновленческому духовенству».

Святитель Лука, находясь на высоте своего архиерейского достоинства, никогда не угодничал перед властями, и это раздражало светских начальников всех рангов. Но, тем не менее, они не могли не замечать его огромного вклада в медицинскую науку и практическую хирургию. В Тамбове он был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Указ Патриарха о переводе на Крымскую кафедру святитель принял как волю Божию. Во время Великой Отечественной войны в Крыму шли особенно жестокие бои. Приехав в Симферополь в мае 1946 года, Владыка в полной мере ощутил тяжесть разрухи первых послевоенных лет. Поселился архиепископ на втором этаже двухэтажного дома на улице Госпитальной. Здесь же располагалась и его канцелярия. Со стороны главной проезжей улицы – Пролетарской – была пристроена домовая церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Совсем рядом находились Петропавловский и кафедральный Свято-Троицкий соборы.

Владыка ревностно приступает к своему служению на новом месте. Много работы по упорядочению епархиальных дел легло на плечи семидесятилетнего старца. Церкви разрушены, народ в нищете, священников не хватает, власти используют любые возможности, чтобы закрыть тот или иной храм. Но, несмотря на преклонный возраст, на болезни, которые одолевают его, архиепископ Лука отдает много сил и энергии для наведения порядка в епархии.

Местное начальство, по всей видимости, вряд ли обрадовалось приезду прославленного архиепископа-хирурга. Он не заискивал и не гнулся перед властью имущими, что выяснилось с первых же шагов Владыки на крымской земле. По приезду в Симферополь он не явился лично к уполномоченному по делам Русской Православной Церкви Я. Жданову, а прислал секретаря с сообщением о своем вступлении на кафедру. Естественно, это взбесило уполномоченного, и он потребовал личной явки архиерея. Владыка приехал, и между ними состоялся тяжелый разговор; архипастырь настаивал, в частности, на том, чтобы его называли не по имени и отчеству, а как положено: «Владыка» или «Ваше Преосвященство».

Архиепископ Лука назначал, увольнял, перемещал духовенство без согласования с уполномоченным, что считалось неслыханной дерзостью. А когда тот стал оказывать давление на архиерея и препятствовать его деятельности, Владыка написал жалобу в Москву о том, что крымский уполномоченный охотно закрывает и неохотно открывает церкви. В поселке Советском Владыка уволил церковного старосту. Тот, пользуясь поддержкой власти, продолжал чинить безобразия в церкви. Архиепископ Лука обратился в местные советские органы с просьбой удалить его, но уполномоченный прислал бумагу, где «разъяснял о невмешательстве в церковные дела советских органов». Как видно из доклада в Москву Я. Жданова, архиерей за малейшее нарушение канонических правил лишал сана, увольнял за штат, переводил с од-

ного прихода на другой, не считаясь ни с какими желаниями или оправданиями священников. А тех пастырей, которые в заключении и ссылках безвинно страдали за Христа, приближал к себе, назначал на лучшие приходы.

Уполномоченные Я. Жданов, а за ним и А. Яранский характеризуют Владыку как самолюбивого и высокомерного. Но вся жизнь святителя показывает, что не может быть самолюбивым человек, положивший все свои силы на благо служения ближнему. Служения до полного забвения себя, до самопожертвования. Не может быть высокомерным такой хирург, для которого каждый человек – это страдающее Божие создание, нуждающееся в его помощи. И не понять советским чиновникам, что не тщеславие руководило поступками архиерея, когда он требовал подобающего к себе отношения, а осознание исключительности благодатного служения, возложенного на него как на преемника святых апостолов. В письме Владыки к протопресвитеру Николаю Колчицкому видно смирение святителя. «Признаться, я смущен вашим чрезмерно высоким мнением о мне и думаю, что вы очень преувеличиваете, ставя меня чуть ли не первым среди иерархов Русской Церкви. Я сам мало с кем из них знаком, но вполне уверен, что среди них есть много гораздо более сильных, чем я, в вере, благочестии, Православии, любви, обладающих высокими нравственными достоинствами, которых мне недостает».

Сохранилась небольшая часть указов и посланий, с которыми обращался Владыка к своей пастве. В 1948 году, учитывая тяжелейшее состояние сельских приходов епархии, святитель обратился с рапортом к Патриарху Алексию I. В нем он сообщал, что храмы по воскресным и праздничным дням пустуют, народ отвык от богослужений. Кое-как сохраняется обрядоверие; о венчании, об отпевании умерших народ забыл, очень много некрещеных детей. По мнению архиепископа Луки, причина отчуждения народа от Церкви лежит в том, что верующие лишены возможности посещать богослужения, потому что местные сельские власти

в воскресные и праздничные дни принуждают исполнять колхозные работы, или устраивают «воскресники», или производят ветеринарный осмотр скота. Владыка просит Святейшего Патриарха ходатайствовать перед правительством о предоставлении верующим права свободно посещать церковь в праздничные дни. Получив от Святейшего Патриарха Алексия I благословение на месте решать эту проблему, Владыка Лука предписывает благочинным собрать конкретные данные, кто из местных властей умышленно препятствует верующим посещать церковь под разными предлогами, чтобы потом поставить вопрос перед уполномоченным.

Святитель также внимательно следил за церковным благочинием: «Приближается Великий пост, а поэтому прошу отцов благочинных напомнить всем священнослужителям вашего благочиния об обязательном применении на исповеди в дни поста правил св. Иоанна Постника и проследить за выполнением этих правил». «Некоторые священники крестят подростков, юношей, девушек и взрослых без всякого оглашения, при полном незнании крещаемыми даже самых элементарных начатков христианского учения. Вменяю в обязанность священникам научать желающих принять Таинство крещения Символу веры с объяснением его, Десяти заповедям и Заповедям блаженств и важнейшим молитвам. Без такого оглашения не крестить достигших сознательного возраста. В восприемники и восприемницы при крещении ни в коем случае не принимать неверующих и имеющих некрещеных детей»².

«Великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему; я желал бы лучше сам быть отлученным от Христа (Рим 9:2-3), чем видеть, как некоторые из вас отлучают от Христа, от веры в Него и любви к Нему слабых верою овец стада Христова своим корыстолюбием. Не есть ли священнослужение вообще, а в наше

---

² Цит. из циркулярных указов архиеп. Луки по Симферопольской и Крымской епархии; архив Белогорского благочиния.

время в особенности, тяжелый подвиг служения народу, изнывающему и мучающемуся от голода и жажды слышания слов Господних (Ам 8:11)? А многие ли священнослужители ставят своей целью такой подвиг? Не смотрят ли на служение Богу как на средство пропитания, как на ремесло требоисправления? Народ очень чутко распознает таких. Что делать с таким священником? Попробую устыдить его, затронуть лучшие стороны сердца его, переведу в другой приход с строгим предупреждением; а если и там не исправится, уволю за штат и подожду, не пошлет ли Господь на его место доброго пастыря.

Тяжкие испытания и страдания перенесла Церковь наша за время Великой революции, и, конечно, не без вины. Давно, давно накоплялся гнев народный на священников...

И с отчаянием видим мы, что многих, многих таких и революция ничему не научила. По-прежнему, и даже хуже прежнего, являют они грязное лицо наемников – не пастырей, по-прежнему из-за них уходят люди в секты на погибель себе».³

Архиепископ Лука, сам истово совершавший богослужения, требовал того же и от духовенства. Он внушал священникам, что они не имеют права сокращать богослужения, собирал съезды благочинных, чтобы обсудить положение на приходах и решить важные церковные проблемы. Владыка считал совершенно недопустимым крещение обливанием. Настоятеля Ильинского храма города Саки он запретил в служении на полгода за крещение обливанием, а также сокращение чинопоследования Таинства, за хранение запасных Святых Даров в своей квартире, расположенной в двух шагах от церкви, и за упорное ношение гражданской одежды.

Строг был Владыка к нерадивым священнослужителям. Не раз он грозно вопрошал их: «Какой ответ дам за вас Богу?» Но нуждающимся он всегда приходил на помощь, несмотря на их

---

³ Там же.

недостойство. Был в Крымской епархии заштатный иерей Григорий Алейников, который в пору своей бурной молодости десять лет находился в обновленчестве, затем в 1942 году был рукоположен в Православной Церкви, но на новом месте служения зарекомендовал себя очень плохо. Неоднократно увольняли его за штат с понижением в должности до псаломщика за небрежное исполнение священнических обязанностей. Некоторое время он был в запрете за пьянство. Но когда на старости лет оказался совершенно одиноким (детей нет, жена убита в 1942 году) и без средств к существованию, то святитель Лука, сжалившись над его убожеством, хлопотал перед Святейшим Патриархом о назначении ему пенсии.

Особенным посланием увещевал святитель священников и диаконов, чтобы не забывали об обязанности учить народ.

Прихожане кафедрального собора слышали проповеди Владыки не только в воскресные и праздничные дни, но и в будние, после Литургии. Его слово имело особенную силу и действенность, потому что перед прихожанами стоял не кабинетный ученый, пересказывающий прочитанное в богословских книгах, а убеленный сединами старец-архипастырь с богатым житейским и духовным опытом, прошедший одиннадцать лет тюрем и ссылок и имеющий не только каноническое, но и моральное право учить народ и призывать его к подвигам во имя Христа. Удивительное дело: на святителе Луке с буквальной точностью сбылись Господни слова: Если Меня гнали, будут гнать и вас, если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше (Ин 15:20).

Две тысячи лет тому назад у ног Христа сидели люди, которые с чистой душой и открытым сердцем внимали Его словам, и были среди них и те, которые, дыша злобой, внимательно вслушивались в слова проповеди, чтобы уловить в чем-то Христа, обвинить Его. Так и среди слушателей архиепископа Луки были те, кто «по долгу службы» скрупулезно фиксировал каждый «неблагонадежный» момент в его проповеди. В секретном письме секре-

таря Крымского обкома ВКП(б) Н. Соловьева от 28 октября 1948 года слышатся отголоски антихристианской злобы двухтысячелетней давности. Вот набор типичных фраз из его лексикона, за каждую из которых можно было бы навсегда исчезнуть в застенках НКВД: «Вся «религиозная» деятельность Луки носит ярко выраженный антисоветский характер... По приезде в Крым Лука развивает энергичную религиозную деятельность... В своих проповедях Лука открыто и систематически проповедует сочувствие к царскому самодержавию и ненависть к советскому строю и его руководителям... В силу особого положения Крыма, как пограничной полосы, мы считаем необходимым через соответствующие органы удалить Луку из Крыма».

По тем временам проповеди архипастыря были очень смелыми. Он открыто и безбоязненно высказывал свои мысли по актуальным вопросам: «Теперь у нас Церковь отделена от государства. Это хорошо, что государство не вмешивается в дела Церкви, но в прежнее время Церковь была в руках правительства, царя, а царь был религиозным, он строил церкви, а теперь такого правительства нет. Наше правительство атеистическое, неверующее. Осталась теперь горсточка верующих русских людей, и терпят беззакония другие... Вы скажете, правительство вам, христианам, нанесло вред. Ну что же, да, нанесло. А вспомните древние времена, когда ручьями лилась кровь христиан за нашу веру. Этим только и укрепляется христианская вера. Это все от Бога». Утешая страдающий от безбожников верующий народ, Владыка в своей проповеди 9 ноября 1947 года предсказывал в будущем облегчение скорбей: «Если вы спросите меня, когда же прекратятся эти лишения и будет хорошая жизнь, то я скажу вам, что прошедшие тридцать лет – это ничтожный срок. Пройдет еще много десятков лет, прежде чем жизнь наша будет вполне нормальной».

Какое огромное мужество нужно было иметь, какую твердую веру и несомненную надежду на помощь Божию, чтобы говорить людям истину в окружающем потоке лжи, безверия и цинизма!

В своем послании в июне 1955 года Владыка призывал священнослужителей епархии постоянно возвещать слово Божие: «Если священник главным делом жизни своей поставил насыщение ума и сердца своего учением Христовым, то от избытка сердца заговорят уста. И не обязательно проповедь должна быть витиеватой. Дух Святой, живущий в сердце священника, как в Своем храме, Сам проповедует его смиренными устами».

В послевоенное время, когда Церковь испытывала острую нехватку священнослужителей, появилось много людей, выдававших себя за священников. Иногда это были священники, запрещенные в служении законной архиерейской властью, а иногда просто аферисты. Владыка Лука дал распоряжение, чтобы о таких подозрительных лицах сообщали ему. Он разослал по приходам синодики, в которых были перечислены имена умерших священников, служивших в Крымской епархии.

Сохранились официальные документы в связи со скандалом в Свято-Никольском храме города Белогорска. 16 ноября 1959 года был подписан Указ № 66. Подпись «Архиепископ Лука» сделана неразборчиво, рукой совершенно слепого человека. Но твердостью духа и мужеством дышат строки Указа: «За присвоение себе архиерейского права – увольнение священника, за проведение соборования без участия настоятеля церкви, за закрытие на замок Свято-Николаевского собора города Белогорска и удержание ключей от него бывшего церковного старосту Марка Софроновича Вишневского и Андрея Аркадьевича Галашкина запрещаю в причастии Святых Тайн Христовых на пять лет каждого и навсегда лишаю права быть избираемыми в церковный совет... Настоящий Указ мой должен быть оглашен с амвона в три праздничных дня после Литургии...». Это было в конце пятидесятых годов, когда старосты при поддержке властей и уполномоченных начинали руководить всеми делами прихода, считая себя князьками и истинными хозяевами в церкви, всячески игнорируя распоряжения настоятеля и священников. Эта тенденция будет официально закреплена в

Уставе 1961 года. Но сам процесс ломки веками установившейся приходской жизни начался гораздо раньше.

Суров Высокопреосвященнейший Владыка к строптивым овцам своего стада. Но, видя раскаяние согрешивших, уменьшает время отлучения от Причастия. Не прошло и месяца, как святитель милостиво принял искреннее раскаяние припавших к его стопам грешников и уменьшил епитимию.

Святитель Лука очень внимательно относился к нуждам клириков епархии. Так, на съезде благочинных он поднимал вопрос о достойной оплате труда диаконов, псаломщиков и регентов. Регулярно рассылал по приходам анкеты, в которых просил указать, какое жилье имеют члены клира, сколько за него платят и нужно ли ставить вопрос об улучшении жилищных условий. Он также интересовался, не претерпел ли кто из священнослужителей ущемлений со стороны финансовых органов при обложении подоходным налогом.

Необходимо отметить, что взаимоотношения с властями, особенно с уполномоченным по церковным делам, были очень тяжелыми для Владыки. Разными путями хотели они закрыть как можно больше церквей. В ход шли любые выдуманные причины. То в храме отыскивалась маленькая трещина, которая на бумаге вырастала до невероятных размеров, то возводилась клевета на священника, чтобы его изгнать из прихода, а храм закрыть. В таких случаях святитель всячески защищал священников.

В середине 50-х годов Никитой Хрущевым был объявлен очередной поход против Церкви, последовал новый виток антирелигиозной пропаганды. После выхода в свет печально известного Постановления ЦК КПСС и выступления Хрущева святитель Лука обратился с проповедью к растерянной и напуганной пастве. «Не бойся, малое стадо» – так называется его проповедь, произнесенная в праздник Покрова Пресвятой Богородицы в 1954 году. «Везде и повсюду, несмотря на успех пропаганды атеизма, сохранилось малое стадо Христово, сохраняется оно и поныне. Вы, вы, все вы,

слушающие меня, — это малое стадо. И знайте и верьте, что малое стадо Христово непобедимо, с ним ничего нельзя поделаться, оно ничего не боится, потому что знает и всегда хранит великие слова Христовы: Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (Мф 16:18). Так что же, если даже врата ада не одолеют Церкви Его, то чего нам смущаться, чего тревожиться, чего скорбеть?! Незачем, незачем! Малое стадо Христово, подлинное стадо Христово неуязвимо ни для какой пропаганды».

Время земной жизни святителя Луки неумолимо близилось к закату. Его душа, очищенная огнем страданий и гонений за имя Христово, готовилась к переходу в блаженную вечность, войдя в которую, и присоединившись к лику святых, он продолжил свое служение Церкви уже в новом качестве. Истинность Своей проповеди Господь наш Иисус Христос подтверждал чудесами. Правоту своей позиции, своего способа противостояния злу святитель Лука и доныне подтверждает чудесами. Его профессиональная деятельность была на грани чуда, и об этом свидетельствовали его пациенты. Однажды к нему на прием пришла худая, изможденная женщина с перевязанным горлом, Александра Васильевна Борисова. В 1948 году ее мужа, офицера, направили служить на Дальний Восток. Там она простудилась, сильно заболело горло. В военном госпитале, несмотря на активное лечение, состояние больной не улучшалось. Болезнь прогрессировала: высокая температура, страшная боль в горле. Глотать невозможно, в течение долгого времени она пила только воду. Консилиум врачей сообщил, что помочь уже ничем не может, и предложил больной вернуться на родину, в Крым. Можно понять отчаяние молодой женщины, матери двоих детей. Родители, люди верующие, повели ее к Владыке Луке. Тот доброжелательно принял больную, осмотрел горло и сказал, что если бы она не обратилась к нему, то исход был бы плачевным. Владыка помолился, перекрестил больную и сказал: «Теперь ты будешь здорова. Сними с горла повязки, понемногу ешь все, больше кислую и соленую пищу.

А перед едой и после еды полощи горло раствором – на стакан воды чайная ложка соли и две-три капли йода». Больная вышла от святителя, почувствовав бодрость и легкость в теле, и на второй день забыла, что у нее болело горло. Через месяц она поехала на Дальний Восток к мужу, и там все были удивлены ее быстрым выздоровлением. Сама Александра Васильевна считает, что с ней произошло чудо – святитель Лука исцелил ее.

Однажды к Владыке пришла женщина со своим двенадцатилетним сыном. На шее у него была огромная опухоль, которая свисала на грудь. Врачи настаивали на операции, но святитель, осмотрев его, улыбнулся и сказал: «Никаких операций. Через три дня зайдете ко мне». Через три дня благодарная мать привела под благословение к архиерею полностью выздоровевшего сына.

И, конечно, после смерти святителя потрясающие чудеса происходили в разных уголках земли. Приведу хотя бы некоторые из них. В Днепропетровской области у одной женщины заболела дочь, и она в простоте верующего сердца взмолилась: «Господи отпусти мне с неба Твоих угодников великомученика Пантелеимона и святителя Луку, чтобы они помогли нам». Началась операция, мать сидела во внутреннем дворе больницы, и вдруг увидела, что стена здания стала прозрачной, как бы стеклянной, и стало видно операционный зал, женщину-хирурга, которая проводила операцию. С одной стороны стола стоял великомученик Пантелеимон с зажженной свечой, а с другой – святитель Лука, который подавал инструменты хирургу. Когда после окончания операции мать подошла к врачу, чтобы узнать о результатах, та с удивлением произнесла: «Как только я подумаю, что мне нужен какой-то инструмент, так он уже оказывается у меня в руках».

В Афинском госпитале одна женщина увидела седобородого солидного старца, который выходил из лифта. На нем кроме медицинского халата была надета и архиерейская одежда. Между ними состоялся разговор:

– Почему Вы одеты в архиерейские одежды? Здесь ведь не храм, а больница!

- А я не только врач, но еще и архиерей.
- А где вы оперируете?
- Куда пригласят, там я и провожу операции.
- Как Ваше имя?
- Архиепископ Лука.
- Где Вы живете?

– В монастыре Сагмата (монастырь в Греции, недалеко от Фив, в котором находится частица мощей святителя, и настоятель которого написал книгу о святом Луке).

Можно бесконечно долго рассказывать о явлениях и благодатной помощи святителя и чудотворца Луки, исцелении неизлечимых болезней, в том числе и раковых. Мы бережно собираем все эти несомненные свидетельства о славе нашего небесного покровителя.

Прошло время... Стерлись в памяти народа имена гонителей и преследователей веры. Вряд ли кто сейчас вспомнит их, хотя одно упоминание о них приводило в свое время в страх и трепет целые народы... А слава о нестигаемых страстотерпцах, богатырях духа, смиренных и мужественных Христовых непобедимых воинах, которые до конца стояли за Истину, будет простираться через века, и храниться, как драгоценное сокровище в Церкви Божией.

БИБЛЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ДОБРО И ЗЛО

«НЕ ПРОТИВЬСЯ ЗЛОМУ»

Нагорная проповедь Христа изобилует выражениями, которые непросто бывает понять, а еще сложнее – применить в собственной жизни. Например, трудно встретить таких христиан, которые то-ропятся вырвать себе глаз, увидевший нечто соблазнительное – пожалуй, если применять это буквально, мы бы давно все ходили безглазыми. И есть в этой самой Проповеди одно требование, вроде бы не настолько радикальное, но всё же очень и очень трудное для нас: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф 5:38-42).

Кстати, еще Ориген настаивал, что призыв подставлять другую щеку надо понимать иносказательно, ссылаясь на то, что бьют-то обычно правой рукой, и стало быть, по левой щеке. Допустим, про пощечину – это иносказательно. А как про рубашку? Как про поприще? Как про просящего (к нам ведь постоянно обращаются с просьбами)? И как, самое главное, быть с этим удивительным призывом «не противься злому»? Может быть, его и понимать надо несколько иначе: «не противьтесь злу», ведь греческое выражение допускает и такое толкование (в дательном падеже там не видно, мужской или средний род прилагательного употреблен)? Наверное, окончательный ответ на этот вопрос в этом мире мы и не получим. Но можем попробовать хотя бы его поискать.

Прежде всего, следует посмотреть на контекст этой заповеди. Мы видим, что Нагорная проповедь обращена к отдельным людям, и эта заповедь тоже стоит в ряду заповедей, говорящих

о межличностных отношениях. В свое время Л. Н. Толстой придавал ей универсальный характер, утверждая, например, что в случае нападения на твою страну воевать с захватчиками не надо, они со временем сами поймут, как плохо они поступают, и уйдут. Как показал весь опыт XX века, это совершенно неверно: ниоткуда не уходят захватчики добровольно. Но ведь Нагорная проповедь ничего подобного и не требует, как не призывает оставлять безнаказанными преступников, бьющих людей по щекам или отнимающих у них одежду. Общество обязано противостоять насилию, будь то насилие внешнее (война) или внутреннее (преступность), но каждый отдельный человек призывается в этой проповеди к отказу от отстаивания своих прав и от мести за их нарушение. Это совсем не одно и то же!

Но все равно остается вопрос: что имеется здесь в виду под «злым» или «злом», и что – под противлением ему? Что касается слова «зло», то можно только удивиться, как мало о нем говорится в Библии. Бытовая, повседневная религиозность обычно бывает заиклена на зле во всех его проявлениях: нечистая сила, грехи и пороки занимают в ней самое главное место, и суть даже всех положительных сторон такой религии сводится к тому, чтобы минимизировать воздействие вселенского зла на человека. Так это может выглядеть абсолютно во всех традициях без различий: многочисленные табу, обереги от демонов, списки грехов... Но ничего этого нет в Библии, хотя она много говорит о грехах и приводит списки запретных поступков (особенно много их в Ветхом Завете). Но само зло в ней далеко не занимает центрального места. Раскрыв библейский текст, можно только удивляться, как мало там сказано о зле.

Когда Бог творит этот мир, то постоянным рефреном звучат слова: «И увидел Бог, что это хорошо» (Быт 1:10 и др.). Но откуда же тогда взялось зло на этом свете? Хотя мы знаем ответ, но не из книги Бытия: никакой истории о падших ангелах в ней нет. Змей искуситель появляется там, где начинается история человека. Он предлагает Еве вкусить плодов с дерева познания добра и зла – всё

выглядит так, словно никакого зла и не было бы в жизни человека, если бы Ева змея не послушалась. И так оно на самом деле и есть: добро и зло есть такая же пара, как день и ночь или море и суша, то есть не всегда существовали оба этих понятия. Было время, когда мир бы «хорош весьма», целиком и полностью, и в нем не было никакого зла, оно проникло в мир из-за сделанного человеком выбора. Что было до этого выбора, откуда взялся тот самый змей, в общем-то, не так уж и важно для человека, ведь Библия говорит не о мире ангелов, а о мире людей.

Это один из важнейших библейских уроков, которые люди склонны забывать: не существует никакого изначального и все-сильного зла, от которого мы могли бы оградить себя при помощи обрядов, молитв и амулетов. Зло есть понятие относительное, оно возникает там, где человек отказывается от добра, как тьма в ясный полдень возникает только там, куда перекрыт доступ свету. И дальше, в той же самой книге Бытия, мы всюду видим, что о зле можно говорить лишь в связи с поведением человека: «помышление сердца человеческого – зло от юности его» (Быт 8:21). Собственно, потому оказался необходим и Закон. «Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло» (Втор 30:15) – то есть Закон упорядочивает понятия добра и зла так же, как ход небесных светил упорядочивает смену дня и ночи.

Кстати, и Закон постоянно подчеркивает этот межличностный характер зла: тот или иной грех есть «мерзость пред Господом» (напр., Втор 23:18). То есть грех есть, прежде всего, вред, причиненный отношениям между Богом и человеком, или между людьми.

Но слово «зло», конечно, может употребляться и в других значениях. Самая удивительная цитата – Исаия 45:7: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это». Синодальный перевод еще смягчает, а в оригинале там сказано не «произвожу бедствия», а буквально «творю зло» (אָרֻב עָר), причем употреблен тот же самый глагол, что и в истории о сотворении мира. По одной этой цитате можно было бы подумать, что добро и зло в равной мере сотворены Господом. Но параллель

«образую свет и творю тьму», которая явно отсылает нас к истории о сотворении мира, все объясняет: Господь, конечно же, не творил тьмы так, как он сотворил свет. Тьма есть отсутствие света, и Господь как Владыка этого мира может сделать так, что тот или иной человек окажется во тьме. И «зло» в данном случае – это действительно бедствие, которое приключается с человеком. Это, казалось бы, совсем другое значение этого слова, но на самом деле оно очень похоже на первое, на зло, которое человек творит по отношению к Богу или к другому человеку. Только здесь злом называется уже скорее реакция на изначальное зло, то повреждение, которое возникло в отношениях между Богом и людьми и которое имеет самые печальные для людей последствия.

Очень интересна в этом отношении книга пророка Ионы. Она, пожалуй, заслуживает того, чтобы назвать ее ветхозаветным трактатом о зле, только вместо скучных определений в ней даны живые и яркие рассказы. Слово *זָלָה*, зло, употреблено в ней 9 раз (1:2, 1:7, 1:8, 3:7, 3:8, 3:10, 4:1, 4:2, 4:6), но ни один перевод не может сохранить тут последовательности. Судите сами: жители города Ниневии творят *злодеяния* перед Богом, и за это Бог решает их покарать *бедствиями*. Возвестить их городу должен пророк Иона, но он бежит от своей миссии, и тогда корабль, на котором он плывет, попадает в *злую* бурю. Он все же проповедует ниневитянам, и тогда они раскаиваются в своих *злодеяниях*, и Господь отменяет *бедствие*. Иону же охватывает *злость* по этому поводу: как это они останутся безнаказанными? Тогда Господь ставит его самого в трудное положение: *злой зной* мучает его, и нет никакой защиты. Господь дает Ионе урок милосердия, а нам всем показывает, что такое на самом деле зло, откуда оно возникает, к чему приводит, и как можно от него избавиться. И когда мы размышляем о евангельской заповеди, то пример Ионы, пожалуй, будет очень кстати: он ведь именно что боролся со злом, стремился его наказать, говорил с ним на одном языке... Господь взял и принял это зло на Себя, простил этих людей, а Иона не сразу готов был с этим согласиться.

Но что такое «противиться» в данном случае? Греческий глагол ἀντιστήναι означает противоборство, противостояние, часто военного или судебного характера. Судебный контекст задан стихами 25-26 той же главы: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь все до последнего кодранта». Вот, собственно, и первый ответ на этот вопрос: не судись со злодеем, а то еще неизвестно, выйдешь ли ты сам с этого суда оправданным.

В Новом Завете этот глагол встречается еще несколько раз, в основном, в значении активного противодействия: «А Елима волхв ... противился им, стараясь отвратить проконсула от веры» (Деян 13:8). То есть не просто возражал, но предпринимал некие контрмеры, боролся за свою идею. Потерпел поражение, как мы видим.

Очень интересную параллель можно найти в Послании Римлянам 13:2, где этот глагол использован целых три раза: «Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение». Подобные высказывания Павла не раз вызывали в истории вопросы: это что же, надо безропотно исполнять любые повеления властей? А если они расходятся с ясно выраженной в заповедях волей Божьей? Что же тогда христианские мученики отказывались принести жертву идолам по первому требованию законных властей? Но не противиться и не противостоять еще не значит во всем соглашаться. Мученики отказались выполнять требования своих правителей, но они не поднимали восстаний, не пытались эти власти свергнуть. Иными словами, они не боролись со злом методами зла, не старались победить дракона, чтобы самому стать драконом. К сожалению, далеко не всегда так это выглядело в истории Церкви.

В Послании Иакова 4:7 мы читаем слова, которые как будто противоречат евангельской заповеди: «Итак, покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас». Даже глагол там

употреблен тот же самый, ἀντιστήναι. Что же, Иаков советует нечто противоположное тому, чему учил Иисус? Ведь диавол и есть самое высшее проявление зла, так что противостоять ему и значит противостоять злу в наивысшей степени.

На самом деле, никакого здесь нет противоречия. Противодействовать можно именно что диаволу, тому самому змею, который искушал Еву – злему волевому началу, сознающему себя и навязывающему себя человеку. Вся христианская аскетика – попытка на практике исполнить это наставление Иакова, противодействовать искушению. Но в Библии слово «зло», как мы уже выяснили, обозначает нечто из области межличностных отношений: это разрушение завета между Богом и людьми и все беды, которые из этого проистекают. Это не абсолютное зло, шепчущее тебе на ухо, а та беда, которая приходит к тебе от других людей или твоих собственных поступков.

Следовательно, мы можем предположить, что призыв Христа не противиться злему означает никак не капитуляцию перед диаволом, но отказ от «борьбы со злом», в ходе которой сторона добра так легко прибегает к чужому оружию и, в конце концов, становится неотличима от другой стороны. Это отказ от вполне законного сопротивления насилию, проявленному в отношении лично тебя, и примеры с отданной рубашкой, пройденными двумя поприщами и подставленной другой щекой тут совершенно не случайны. Исполнить это действительно очень трудно, и далеко не всегда вообще понятно, как исполнять, но здесь мы видим не столько практическую инструкцию на все случаи жизни, сколько идеал человеческих отношений в Царствии Небесном (ведь вся Нагорная проповедь и говорит о том, что такое это Царствие и как в нем жить).

Да, в этом мире Царствие присутствует порой лишь как горчичное зерно, но Христос доказал не словами, а примером, что исполнение слов о непротавлении злему вполне возможно. Лучшее толкование на эту заповедь – Голгофа.

Май, 2009 г.

Священник Филипп Парфенов

НЕПРОТИВЛЕНИЕ ИЛИ СОПРОТИВЛЕНИЕ?

Посильные соображения

Филипп Парфенов родился 03.01.1967 в Москве. С 1984 по 1991 гг. учился в МГУ (биофак). 1992–1996 гг. – учеба в Православном Свято-Тихоновском Богословском Институте (Москва). Священник с 1997 г.; начал служить далеко от Москвы, в Чите (Забайкалье), будучи рукоположенным еп. Читинским и Забайкальским Иннокентием (ныне архиепископ Корсунский). С 2002 по 2004 гг. – клирик Корсунской епархии (Трехсвятительский храм, Париж). В январе 2005 возвратился в Москву по семейным обстоятельствам. Сейчас за штатом.

В пятой главе Евангелия от Матфея мы читаем:

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб.

А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;

и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду;

и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего.

А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,

да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?

И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

Что к многочисленным комментариям за прошедшие 2000 лет можно добавить лично от себя? Каждая сторона, акцентирующая внимание либо на непротivлении, либо на сопротивлении злу силой, по-своему права. Первая – с точки зрения духа и свободы, ну и самого приведенного выше евангельского текста, вторая – с точки зрения причинности, то есть насколько возможно и всегда ли уместно применять этот призыв в мире, где господствуют причинно-следственные связи, где многое детерминировано.

Настоящая любовь беспричинна – она просто есть, не «за что», не «вследствие», а просто так, есть и все... Я могу не любить врага своего, потому что он причинил мне или моим близким зло, неприятность, страдание, унижение, дискомфорт. И в этом я прав с точки зрения мира, где царит предопределенность и причинно-следственная связь. И наоборот, я могу во Христе, пусть изредка и спонтанно, не по своей природе, принадлежащей этому же детерминированному миру («земля еси и в землю отидеши»), но по некоторому озарению свыше, полюбить того же врага своего вопреки тому, что он мне причинил все вышеперечисленное. Как к этому и призывает Евангелие: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф 5:44). Такая любовь освобождает и выводит из бесконечного причинно-следственного порочного круга, где мерой воздается за меру, оком за око и зубом за зуб. И сам человек здесь может придти от

низшего вида свободы, «свободы “ОТ”», к высшей ее форме, «свободе “ДЛЯ”» или «свободе “В”». С точки зрения обыкновенной житейской логики такая любовь невозможна. Но – «невозможное человекам возможно Богу». «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас» (Мф 17:20), – притом, что такая любовь творит чудеса куда позначительнее простого переставления гор, а горы в данном случае – скорее окамененные человеческие сердца-глыбы. Наоборот, всякий раз, когда мы уповаем исключительно на свои природные силы, свою логику, никакого преобразования ни внутри нас, ни вокруг нас не происходит – в лучшем случае господствуют законы, принципы, кантовские «категорические императивы», где не остается месту живой вере и любви.

Но всегда ли возможно реализовать эту внутреннюю свободу там, где причинно-следственные связи навязывают нам свои правила игры? Всегда ли уместно отказываться от собственной природной силы или логики? Конечно, нет. В лучшем случае, здесь мы вступаем в область полной неопределенности, непредсказуемости и общей нерешаемости данной проблемы. Решение может наступить неожиданно, спонтанно, по вдохновению свыше, и оно всегда рискованное (в данном случае риск, в частности, подставления второй щеки, – воистину «благородное дело», но только когда это касается твоей собственной жизни, а не кого-то из ближних). А в худшем, может и не наступить, и тогда оно будет осуществляться средствами этого причинно-следственного «мира сего».

Приведу конкретный пример. Однажды на православном форуме участница спросила как раз по поводу подставления щеки: «Люди добрые, вот как объяснить сии слова детям, живущим в приюте?» Я ответил: «А никак не объяснишь, дорогая Надежда!

Я неоднократно думал об этом, и пришел к такому выводу. И не нужно объяснять! Не время. В этом мире детей и подрост-

ков, как и в армейском и уголовном, евангельские заповеди обычно не работают. Они могут сработать лишь как исключение, по личному вдохновению свыше, и это дело не личных собственных усилий, а благодати – в каждом конкретном уникальном случае.

Напротив, чаще всего в этой среде уважают силу».¹

Как по этому же поводу писал Иван Ильин: «Именно там, где зверь укрощен и диавол в душе подавлен, – просыпается способность, и склонность, и объективная общественная возможность воспитывать души словом разума и делом уступчивой любви: но где этого нет, там слово падает на бесплодный камень и расточенная доброта попирается свирепыми животными (Мф 7:6)... Там по-прежнему необходима гроза, посылающая страх и страдание».²

Или еще: «Человек злодействует не только потому, что он злодей, а еще потому, что он приучен к этому безвольным самоуничтожением окружающих. Рабовладение развращает не только раба, но и рабовладельца; разнузданный человек разнуздан не только самим собою, но и общественною средою, позволившею ему разнуздать себя; деспот невозможен, если нет пресмыкающихся; «все позволено» только там, где люди друг другу все позволили».³

В общем, как по поговорке «с волками жить – по волчьи выть», то есть, – «бытие определяет сознание». Для того, чтобы евангельские заповеди начали работать, необходим уже определенный уровень развития хотя бы некоторых людей. Волки или псы на этот уровень взойти не могут, как и свиньи, перед которыми метать бисер не советует опять же Христос (Мф 7:6). Другой вопрос: кого считать этими волками (псами) и свиньями, и кто будет считать? Наши оценки могут быть или весьма приблизительными, или

---

¹ <http://www.cirota.ru/forum/view.php?subj=78478&fullview=1&order=>

² Иван Ильин, «О сопротивлении злу силою», гл. 18.

³ Там же, гл. 5.

просто неверными. И тогда вместе с сорняками-плевелами неизбежно будут вырываться хорошие ростки пшеницы (Мф 13:29-30), тогда, в самом деле, есть риск воцарения «кошмара злого добра», о котором предупреждал Николай Бердяев, полемизируя с Иваном Ильиным по поводу его книги «О сопротивлении злу силой»: «Все построение И. Ильина обнаруживает неспособность любить личность. Но любовь всегда есть утверждение лика любимого, утверждение его в Боге и в вечности, утверждение его, несмотря на нечистоту, греховность, замутненность этого лика. Нужно любить не только Бога в человеке, но и человека в Боге. Всеобъемлющая любовь должна была бы увидеть в Боге и лик самого последнего из людей, самого падшего, самого грешного. Это и есть христианская любовь, к которой мы так мало способны. Полюбите нас черненькими, а беленькими всякий полюбит. Легче всего любить отвлеченное совершенство и добро. Это ничего не стоит, не требует никакого подвига. Любовь к ближнему, к которой призывал Христос, не есть любовь к отвлеченному совершенству и добру, но к единичному человеку с индивидуально неповторимым именем».⁴

А полемика эта между двумя знаменитыми русскими философами по данному вопросу весьма поучительна. И в том, что каждый из них был по-своему прав, что лишь в очередной раз показывает нерешаемость объективно этого вопроса, как и в том, что оба оппонента плохо вникали в рассуждения друг друга, доходя до весьма резких взаимных оценок. Ильин делал акцент на принуждении и физическом пресечении как крайнюю меру борьбы с насилующим злом, когда «внутренние меры оказываются несостоятельными и недостаточными».⁵ Он видел роль государственной власти как ограничивающую силы зла и потому духовно оправданную: «Вести государственную борьбу со злодеями — есть дело необходимое и духовно верное, но пути и средства этой

---

⁴ Николай Бердяев. «Кошмар злого добра». В книге: И. А. Ильин: pro et contra. СПб, 2004. С. 668.

⁵ «О сопротивлении...», гл. 13.

борьбы могут быть и бывают вынужденно-неправедные. И вот только лучшие люди способны вынести эту неправедность, не заражаясь ею, найти и соблюсти в ней должную меру, помнить о ее неправедности и о ее духовной опасности и найти для нее личные и общественные противоядия. Счастливы в сравнении с государственными правителями – монахи, ученые, художники и созерцатели: им дано творить чистое дело чистыми руками. Но не суд и не осуждение должны они нести политику и воину, а благодарность к ним, молитву за них, умудрение и очищение: ибо они должны понимать, что их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела»⁶.

Бердяев же справедливо указывал, что ради достижения добра и общественного блага нельзя смешивать Царство Божие и царство кесаря, недопустимо оправдывать смертную казнь преступников с христианской точки зрения, называя ее «отрицающей» или «отрицательной любовью» к врагам Отечества (в терминах Ильина).⁷

Поэтому чаще всего, конечно, заповедь о любви к врагам, да даже просто к идейным оппонентам, запредельна и недостижима для нас (а еще у нас любят, к тому же, рассуждать, что своих, мол, врагов прощать и любить мы призваны, а вот врагов веры, отече-

---

⁶ Там же, гл. 21.

⁷ «О сопротивлении...», гл. 16; Н. Бердяев, «Кошмар злого добра». С. 670.

Ильин, в частности, пишет: «Все эти видоизменения любви, вызываемые встречей между подлинною духовностью и подлинным злом, сводятся к тому, что любящее «да» скудеет в своих функциях, урезывается в своей полноте и по мере ухудшения предмета все более приближается к благо-желающему «нет»; отрицающая любовь постепенно как бы преобразуется в отрицательную любовь и находит свое завершение в земном устранении отрицаемого злодея. Но и во время этого устранения и после него духовная любовь не превращается в злобу и не становится злом: человеку дано молиться и за казнимого злодея, и за казненного злодея, и Церковь знает эту молитву».

ства, Церкви и т.п. (нужное вставить) мы можем ненавидеть, с чем полностью был согласен тот же Ильин); можно даже сказать, что она «трансцендентна» этому миру. И однако Бог терпит бесконечно Своих врагов, то есть всех нас: «Ты врага суща мя зело возлюбил еси» (Воскресный канон Октоиха, гл. 8). И нам предлагает поступать так же... Ну, или, по крайней мере, поступать так, как бы мы хотели, чтобы поступили с нами, когда мы оказываемся в положении врагов по отношению к кому бы то ни было!

Священник Антоний Лакирев

ИСАЙЯ ВАВИЛОНСКИЙ **(Ис 40:1–66:24)**

Введение

6-й век до Р.Х. – удивительное время в истории человечества; мало можно найти периодов, когда в столь короткий промежуток времени по всему лицу земли одновременно происходили бы столь знаменательные события и при этом жили бы столь многие пророки и мыслители, навсегда оставившие след в человеческой цивилизации. Разве только 1-й век по Р.Х. и рубеж 19–20 веков... Однако, если учесть скорость распространения информации (вернее было бы сказать – медленность ее распространения), «осевое время» все же можно назвать самым поразительным. Для библейской истории этот период был не менее знаменательным, чем для всего человечества в целом. Попробуем вкратце, совсем схематично перечислить лишь самое существенное, что произошло и, конечно, тех, кто жил в этот странный век.

* * *

В начале столетия несколько крошечных деревушек латинов, разбросанных на семи холмах в нижнем течении Тибра, соединяются в один, пока еще маленький и слабый, город, которому суждено великое будущее; имя этому городу – Рим. Его цари – Тарквиний Древний, Сервий Туллий и Тарквиний Гордый превращают Рим в сплоченную нацию, а в конце столетия царская власть сменяется *res publica*, общественным правлением, которое впоследствии станет образцом и основой едва ли не всей политической культуры человечества. Именно Тарквинии породили тот

практический протест против тирании, от которого берет начало наше представление о политической и социальной справедливости. Политический вывод, который сделали римляне из своего опыта 6-го века: «Мы больше не потерпим над собой царей» – не скоро удастся реализовать на практике, но слово – сказано, и дело началось.

А на Востоке волна за волной набегают друг на друга народы, которые управляются железной рукой царей, ценящих порядок и единообразие. В начале столетия вавилоняне под водительством страшного Навуходоносора строят на обломках ассирийской империи свою сверхдержаву. Как и ассирийцы, вавилоняне проводят массовые депортации, разрывая связь народов с их землями и богами. Даже дряхлеющий, но все еще грандиозный Египет, уже тогда казавшийся загадочным всем, кто краем уха слышал о нем, пал жертвой вавилонской экспансии... Рвущиеся к Египту вавилонские армии едва ли даже заметили крошечную Иудею, оказавшуюся у них на пути. Если бы не бунт, который подняли в тылу вавилонян жители Иерусалима, незачем было бы и задерживаться. Но бунт был, и город, по обычаю вавилонян, оказался разрушен вместе с его легендарным Храмом Единого Бога. Да что с того... все равно все должны чтить вавилонского Сина, бога Луны... А под боком у жестоких вавилонских царей уже взростают юноши, которым суждено смести их с лица земли: Алиатт и легендарный Крез, покорив почти все греческие колонии, создают в Малой Азии сказочно богатую Лидию, а в соседней Мидии тем временем взбунтовавшиеся против мидийского царя персы создают державу Ахменидов, которая будет владычествовать востоком до самого Александра Македонского.

И Кир II, царь персов, завоевал весь восток Средиземноморья, в который раз бросив его народы и культуры в плавильный котел новой мировой державы. Отпущенные на свободу из вавилонского плена народы возвращаются каждый на свою землю, чтобы на развалинах вновь создавать свою жизнь. Только сатрапов ставят персы во главе национальных провинций, да и те нередко проис-

ходят из туземцев. Вот как, к примеру, сатрапы Иудеи, где вновь восстанавливается разрушенный иерусалимский Храм. Надо сказать, что этническая административная единица, центром которой был храм национального божества, была типична для империи Ахменидов, и многие народы переживали во второй половине 6-го века нечто подобное восстановлению Храма; уникальность иерусалимской общины в чем-то совсем другом.

Все можно построить заново, но мир уже не будет прежним, где все стоит на своих местах. И даже фараоны, неприступные божественные фараоны – сначала Априй, а потом Амасис, всеми силами противившиеся персам, вынуждены пожертвовать традиционной египетской замкнутостью и войти в союз с греками, которым ведь тоже надо дать место в истории этого дивного века. Именно греки остановят движение персов на запад, но это дело будущего, пятого века. А пока Спарта собирает Пелопоннесский союз, а ионийские тираны лавируют между единоплеменниками с материка, египтянами и персами, чтобы выжить. А греки с запада бегут на материк, изгоняемые карфагенянами, которым тоже суждено великое будущее... Тем временем в Афинах Солон пытается укрепить нацию и борется против внутреннего насилия; а вслед за ним Писистрат устанавливает в Афинах тиранию – но тирания запомнится главным образом тем, что кто-то неизвестный записал в это время на пергаменте или папирусе гомеровские поэмы... а к концу века Писистратиды изгнаны и Клисфен устанавливает в Афинах демократию – в те самые дни, когда в Риме правят первые консулы... Сколько еще будет соперничества и борьбы, сколько «новых вещей»... И как много личностей, людей, имеющих собственное неповторимое лицо, появляются на смену полубезликим правителям народов!

Но ведь персы двигались не только на запад; на востоке они столкнулись с первыми государствами Индии и здесь, в долине Инда и к северу от него располагались самые дальние восточные сатрапии персидской империи. Здесь и еще дальше на восток, в Китае, тоже возвышаются и растут державы, становятся крупнее

царства, углубляется и расцветает культура... И сюда устремляются купцы и послы, и рождаются легенды о богатствах крайнего востока и величии его мудрецов.

* * *

По совести сказать, мудрецы-то и составляют главное богатство века и его главную тайну. Где взяли они свою мудрость, и почему так схожи вопросы, которыми они задавались, и откуда черпали они такие, в сущности, похожие ответы на них? Быть может, именно тот, о чьих словах мы будем говорить дальше, и дал ответ на эти вопросы, сказав великие и таинственные слова: «Глас вопиющего». Каждый по-своему слышал этот глас, каждый по-своему интерпретировал его, но невозможно отделаться от ощущения, что мысль всех мудрецов этого века, бьющихся над загадкой бытия человека перед лицом Вечности, отражает нечто единое, что роднит их всех друг с другом. Как будто сама Вечность приоткрывает человечеству свою тайну, и по всему лицу земли поднимаются мудрецы – те, кто сумел что-то расслышать... Вот они идут один за другим, гении, стоявшие у истоков культуры.

Вот Семь эллинских мудрецов размышляют о пути, которого следует держаться человеку, и один из них, Питтак, говорит: «Что возмущает тебя в ближнем – того не делай сам». А вот божественный Пифагор, объездив восток вплоть до самого Вавилона (если не еще дальше!), говорит о бессмертной душе, обитающей в теле как в доме и переселяющейся в новый дом после смерти; он видит мир как гармоничную структуру, в которой все созвучно, как в числах и музыке, и познание которой может дать душе очищение, катарсис. Вот Гераклит, младший современник Пифагора, говорит о том, что человеческие души уходят из мира в иную, высшую жизнь, и что человеческие законы «питаются единым, божественным» законом, который он обозначает таинственным понятием логоса. Гераклит осуждает жертвоприношения и почи-

тание идолов; за постоянно меняющимся миром он видит Единое, из которого исходит и куда возвращается все. И вот Ксенофан говорит о Едином Боге, «несравнимом со смертными ни по образу, ни по мыслям», который «без усилия властвует над всем своей мыслью». А еще в дни их юности, в первой половине века, Анаксимандр говорит о невоспринимаемом беспредельном, в котором все берет свое начало. А рядом с ними живут и творят Эзоп и Эсхил...

На противоположном краю земли полулегендарный «старик-младенец», великий Лао-Цзы возвещает дао покоя и бесстрастия; он ищет мистического проникновения в сущее на путях «внутреннего делания», «искусства сердца-ума». Поиск совершенства и освобождения от мира ведет его к бессмертию в единении с Дао-Небом... Мистический опыт и аскетическое делание могут, по мнению Лао-Цзы (точнее, конечно, по приписываемому ему трактату «Дао-дэ-цзин») привести жизнь человека в гармонию с небесным Дао, с тем, чем живет мироздание. А где-то неподалеку все в тот же век Конфуций учит этике, отражающей высшую мудрость неба. Дао Конфуция – в человечности и справедливости, мужестве и вежливости, братской любви и достоинстве человека. Здесь тоже мудрый человек своей нравственной жизнью противостоит силам хаоса, в первую очередь – в социальной жизни. Небесный порядок, своего рода ритм дыхания беспредельного, может стать содержанием жизни, если человек «встроится» в этот ритм, попадет с ним в духовный и нравственный резонанс...

А тем временем за Гималаями оформляется ведическая религия и философия; именно 6-м веком до Р.Х. датируются многие ее тексты. Здесь расцветает практика «совершеннейшего жертвоприношения», – приношения сомы, опьяняющего напитка наркотического свойства (по мнению ученых, это было нечто вроде браги, настоящей на мухоморах...). Но не менее эффективны и изобретенные в Индии иные, не-наркотические способы преодоления личностных ограничений, вроде аскетических и дыхательных техник йогов. Впрочем, с точки зрения последующих столе-

тий все это, скорее, фон грандиозной личности одного из самых поразительных людей этого столетия, принца Сиддхартхи Гаутамы. Учение Гаутамы Будды слишком значительно, чтобы оценивать его или пытаться изложить вкратце¹. Провозглашенные Буддой Благородные истины весьма радикальны в контексте его времени: всякое существование принципиально является страданием, но есть путь, ведущий к его прекращению и есть состояние, в котором страдания нет. На первый взгляд это мало похоже на то, о чем думают современники Будды, да и само буддийское спасение, своего рода внеличностное бытие – вовсе не то, чего стремятся достичь мыслители Греции, Ближнего Востока или Китая. Но восьмеричный путь, который по учению Будды ведет к нирване, пролегает там же, где ищут смысл и жизнь его современники: благое видение и благая решимость, благая речь и правильное поведение, отказ от насилия и благой образ жизни... Будда не связывает присущее бытию страдание с грехопадением, с повреждением человеческой природы, но если охарактеризовать восьмеричный путь привычным библейским языком, то следует говорить именно о прекращении греха. Как и другие его современники, Будда полагает заключительные этапы пути к нирване в области мистического созерцания беспредельного (впрочем, это в данном случае сторонний термин). Так или иначе, именно Вечное и беспредельное – цель, стремиться к которой Будда призывает своих учеников и последователей; Вечное, приблизиться к которому возможно лишь освобождаясь от греха.

И среди этих гигантов духа живет маленький народ, которому доверено самое главное откровение эпохи: Единое и беспредельное грехов, Небесное Дао китайцев, Атман упанишад и «освобождение» Будды – Личность, с Кем возможны отношения от сердца к сердцу. Не «Оно», таинственное и непостижимое, а «Ты», кто

---

¹ Не так-то и просто найти ясное и непредвзятое изложение буддизма; мы можем адресовать читателя к чрезвычайно поучительной книге Е. А. Торчинова «Религии мира: опыт запредельного» (СПб, 2005), на которую мы и опираемся в этом изложении.

сотворил с нами великое и чудное, славное и ужасное... И этому народу хорошо знакомо правило «не делай другому того, чего не хочешь себе»; за отказ от его исполнения и постигла этот народ вавилонская катастрофа – по крайней мере, именно так объясняли ее пророки первой половины века.

* * *

В середине и второй половине 6-го века до Р.Х. в Вавилоне, а затем и в Иерусалиме, жил и действовал неизвестный по имени пророк; быть может, он принадлежал к целому пророческому движению, наследовавшему традиции Исайи Иерусалимского. Вскоре после того, как его пророчества были записаны, их стали объединять с книгой Исайи Иерусалимского в единый свиток; в результате слова обоих пророков оказались объединены под общим заглавием «книга пророка Исайи». Под этим названием эта книга, как единое целое, включая и речения безымянного вавилонского провидца, вошла в состав Священного Писания.

Объединение текстов Исайи Иерусалимского и вавилонского пророка в единую книгу может объясняться, впрочем, и не принадлежностью последнего к школе Исайи. Книга Исайи Иерусалимского завершается пророчеством о грядущем вавилонском плене; книга вавилонского пророка посвящена освобождению народа из плена. Нельзя исключить, что древние редакторы объединили эти тексты по тематическим, а не по генеалогическим соображениям. Наконец, правдоподобным выглядит и предположение, что направленные против Вавилона высказывания пророка могли быть для него небезопасными; этим может объясняться анонимность его текстов. Так или иначе, это не меняет нашего отношения к книге пророка Исайи как к целостному боговдохновенному тексту, одному из центральных в Священном Писании Ветхого завета.

Для различения двух частей книги и их авторов принято именовать автора второй половины книги Исaiей Вавилонским или

Второисайей (нельзя исключить, что вавилонский пророк мог и в самом деле быть тезкой Исайи Иерусалимского). Исследователи Библии выделяют, кроме того, последние главы Ис и предполагают существование еще одного, третьего автора, именуемого ими Тритоисайей. Вполне возможно, что у этой гипотезы есть реальные основания; тем не менее, для чтения и понимания книги гораздо важнее различить авторов и время написания первой и второй половин. Различие двух авторов второй части (Второисайи и Тритоисайи) отчасти сглаживается сходством контекста их служения.

Религиозно-историческим фоном проповеди Второисайи послужили масштабные события, связанные с крушением Вавилонской державы под ударами персов. Царство Набопаласара и его потомков, раздираемое внутренними противоречиями, оказалось неспособно противостоять персидскому завоеванию. Около 556 г. до Р.Х., при Набониде, в Вавилонии была сделана попытка ввести обязательный для всех, включая и переселенцев, культ лунного бога. Отказ от участия в этом культе расценивался, в лучшем случае, как проявление нелояльности, а то и как государственная измена. Иудеи, для которых поклонение чужому богу было равносильно отказу от своей веры и, одновременно, от своей национально-религиозной идентичности, подверглись при Набониде наиболее серьезным преследованиям. Впрочем, религиозная политика Набонида была направлена не столько против иудеев, сколько против вавилонского жречества. Так или иначе, от этой политики разительно отличалась относительная религиозная и национальная терпимость персов, сулившая перемену участи народов, выселенных вавилонянами из их родных пределов. Поэтому когда около 550 г. до Р.Х. персидский царь Кир начал свои завоевания, переселенцы (а к ним относились не только иудеи, но и многие другие ближневосточные народы) восприняли войско Кира как освободителей, и это ускорило распад Вавилонского царства.

Духовная жизнь иудеев эпохи Плена, сосредоточенная преимущественно в Вавилонии, складывалась вокруг двух главных ориентиров. С одной стороны, согласно проповеди пророков конца 7-го – начала 6-го вв., необходимо было принять Плен как заслуженный результат дополненной иудейской истории; страдания лишенных родины переселенцев рассматривались как своеобразная очистительная жертва. Принять Плен как волю Всемогущего, очистить жизнь и неукоснительно следовать Закону (насколько это возможно) – вот что должно было стать плодами покаяния, принести которые призывала иудеев родившаяся в условиях Плена синагога. С другой стороны, все большее значение приобретала надежда на непреложность обетований Божьих, надежда на избавление из Плена. Горький хлеб изгнания и слезы угнетенных, лишенных в Вавилоне почти всех гражданских прав, укрепляли чаяние утешения от Бога.

Таков духовный контекст конца эпохи Плена, когда прозвучали первые проповеди Второисайи. Служение пророка продолжалось, вероятно, не один год; заключительные главы, скорее всего, были записаны уже после возвращения, в Иерусалиме – и, быть может, третьим Исaией.

Ис 40:1-31

Нередко среди постигающих человека бедствий в его сердце рождается ощущение того, что сроки отмерены, и невзгоды не будут продолжаться вечно. Эта необъяснимая надежда придает людям мужества; не менее важно, что испытания тогда начинают казаться осмысленными. Мы называем это «светом в конце тоннеля». Часто мы приписываем подобное переживание судьбе или собственному оптимизму. Исaия Вавилонский в начале своих речений тоже говорит о надежде – но для него у этой надежды нет иного источника, кроме Самого Бога.

Плен не будет бесконечным, Бог вспомнит Свой народ и выйдет, чтобы возвратить ему свободу. «Господь Бог грянет с силой и мышца Его со властью», – эти слова живо напоминают то,

что Бог сказал Моисею перед избавлением народа из египетского плена. «Как пастырь Он будет пасти стадо Свое», – совсем недавно, не более четверти века назад, уже в Вавилонии, говорил об этом пророк Иезекииль. Но для Иезекииля и его слушателей то, что Бог Сам будет пастырем Своего народа, было обетованием отдаленного будущего; времена и сроки избавления оставались скрытыми от изгнанников, из которых почти никто не дожил до него. Исайя же говорит о том, что уже происходит, что уже близко, «при дверях».

Призыв Божий к пророку Исайя выразил одним-единственным словом: «Голос говорит: возвещай!». Пророк отвечает на это сетованием на участь своего народа: «Что мне возвещать?» Он сравнивает народ с травой, засыхающей от дуновения ветра. И в ответ на это Господь дает пророку увидеть грядущее явление Своей славы и милосердия. Исайя призван возвестить, что время, когда Бог станет Добрым Пастырем Своего народа, наступает.

Воодушевленный этим обещанием, Исайя произносит начальные слова главы: «Утешайте, утешайте народ Мой!» Время испытаний, время борьбы и очищения закончилось, наступил день, когда Бог идет избавить людей. Вся библейская история наполнена этим обетованием и его исполнением, она становится своеобразной хроникой приближения Бога. Каждое следующее событие, опирается на предыдущее, как на прообраз. Исход из Египта был первым; избавление Иерусалима от ассирийцев и возвращение пленников из Вавилона продолжают этот ряд спасительных действий Божьих, предвещающий избавление полное и совершенное. Исайя Вавилонский вполне понимает это, и большая часть его слов посвящена именно будущему окончательному спасению.

Зримый образ приближающегося утешения предлагает Исайя в знаменитых 3–5 стихах этой главы. Когда фарисеи потребовали у Иоанна Крестителя отчета о его служении, Предтеча сослался именно на эти слова Исайи и назвал себя гласом вопиющего в пустыне. В устах Предтечи эти слова стали указанием на явление славы Божьей в Господе Иисусе Христе. Исайя Вавилонский, ско-

рее, напоминает слушателям и читателям о том, как в недавнем видении пророка Иезекииля слава Господня покидала Храм и Иерусалим. Ныне, говорит Исайя, «всякая плоть» увидит возвращение этой славы. «Всякая плоть» – не только страдающий Израиль, но и все человечество увидят это явление славы Божьей. Эти слова, в свою очередь, напоминают нам еще два важных текста, свидетельствующих о приходе Христа. Иов говорит о своей встрече с Богом: «своими глазами я Бога узрю»; евангелист Иоанн в прологе своего евангелия говорит: «И Слово стало плотью... Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил». Исайя говорит о явлении славы Божьей, которую люди увидят не только духом, не только в доступном избранным мужам пророческом видении, но «всякая плоть» увидит Его славу собственными глазами.

Слова пророка непреложны, потому что «уста Господни изрекли это», – никакие земные, человеческие причины не обуславливают чуда Божественного милосердия. Потрясенный этим, Исайя Вавилонский во второй половине главы воспекает гимн величию Творца. Сила и единственность Бога таковы, что никто и ничто не может сравниться с Ним, нет никого, кто мог бы быть подобен Богу. Гимн Ис 40:12–26 наполнен нескрываемым сарказмом по отношению к язычеству; в словах пророка ясно узнается Вавилон и его религиозная жизнь. В сопоставлении с Творцом мира идолопоклонство вавилонян выглядит нелепым, оно лишь оттеняет подлинное величие Всемогущего. Вот, сколь велик Тот, Кто вспомнил о нас и идет избавить нас – говорит пророк.

Верность и сила Божьи могут стать для Израиля источником мужества, позволяющим выстоять в трагическом испытании. Заключительные слова главы напрямую связаны с первыми: Бог всемогущ и милость его неотменима – отсюда берут начало надежда и утешение, возвещаемые пророком.

В плену сердца многих израильтян одолело отчаяние: «Дело мое забыто у Бога моего» – так говорили или думали те, кто внутренне сдался вавилонянам. Это мрачное ощущение на практике

вело к тому, что поколение, родившееся в плену, стало устраивать жизнь в Вавилонии, забыв о возвращении «на историческую родину». В принципе в этом нет ничего плохого, если бы речь шла не о людях, избранных Богом для того, чтобы быть Его народом. Забвение Иерусалима и отчаяние в замысле Божьем, желание быть «как все народы» равносильно отказу от Самого Бога. Об этом говорит Исайя в последних стихах 40-й главы. Поразительно в этих словах то, что пророк не столько обличает, сколько утешает и укрепляет. Об отказе израильтян от своего призвания пророк упоминает вскользь, как о чем-то маловажном. Малодушие – тяжкий грех, но призыв Божий звучит, чтобы в первую очередь дать выход из него.

Заключительные слова 40-й главы говорят о вере, которая становится опытом; упование на Бога находит подтверждение в реальных событиях и поэтому дает верующим силу жить и следовать воле Творца. Выражением этой веры является верность заключенному на Синае Завету. Именно благодаря своей верности Израиль на опыте познает верность Самого Бога – Избавителя.

Ис 41:1-29

Итак, по словам Исайи Вавилонского, по сравнению с идолами, занимающими воображение язычников, Единый Бог Израилев – настоящий Бог, и Его воля, в отличие от вымышленных божеств, – действующая в мире реальная сила. Но слова Исайи о том, что именно Единый Бог сотворил небо и землю и все воинство их, вполне могли быть оспорены язычниками. Любой язычник может сказать, что именно его боги создали мир. Идеи вечного существования материи, а тем более представления о мире, возникающем и развивающемся без организующего разумного начала, всегда были глубоко чужды людям; их популярность в 19 и 20 веке скорее казус, нежели плод естественного развития человеческой мысли. Между тем любая религия так или иначе объясняет происхождение тварного мира: это одна из сущностных черт религии как таковой. Поэтому вавилоняне, поклонявшиеся своим богам,

равно как и сторонники введенного Набонидом культа лунного бога Сина, могли счесть утверждения Исайи и других иудейских апологетов и мыслителей о Едином Боге, сотворившем небо и землю, голословными.

Для веры Израиля принципиально важно было не только богословское утверждение о том, что именно Господь, открывшийся Аврааму и Моисею, – Творец неба и земли, но и то, что Он – Бог, реально вмешивающийся в человеческую историю. Первая заповедь Ветхого завета гласит: «Я – Господь Бог твой, Который вывел тебя рукою крепкою из Египта, из дома рабства». Бог предлагает идентифицировать Себя не с определенными космогоническими представлениями, а с конкретными историческими событиями, убедительность которых очевидна. Для библейского монотеизма, как ветхозаветного, так и христианского, космогонические представления о сотворении мира, при всей их важности, все же занимают подчиненное положение – в отличие от гностических и многих языческих религиозных систем. Поэтому хвалебный гимн, который Исайя воспевает Творцу и Избавителю, продолжается в 41-й главе возвещением нового действия Бога в истории. «Поднимите глаза ваши на высоту небес и посмотрите, кто сотворил их? – продолжается словами, – кто воздвиг от востока мужа правды...предал ему народы?...» Грамматическое сходство этих фраз отражает сущностное единство того, что говорится о Боге как о Творце и как об Избавителе, действующем в истории.

Речь идет о царе Кире, чьи победоносные войска уже приближаются к Вавилонии. Для угнетенных иудеев его приход – не просто долгожданное избавление, но знамение того, что Бог остается верен заключенному завету. Исайя формулирует слово Господне о победах Кира в апокалиптических терминах. Всякое действие Божие апокалиптично, потому что это – вмешательство в человеческую жизнь чего-то большего, это – проявление в сегодняшней жизни того полновластия Божьего, которое в полной мере наступит в конце времен. Это представление о грядущем веке и его проявлениях в современности роднит Исайю Вавилонского

с его Иерусалимским тезкой и предшественником и является одним из признаков принадлежности Второисайи к духовным наследникам Исайи Иреусалимского.

Итак, Господь открывает Исае, что приход Кира – не случайность, не результат действия «объективных» исторических сил и обстоятельств, но исполнение воли Всемогушего. «Я – Тот, Кто от начала вызывает роды», – говорит Господь. Конечно, в первую очередь речь идет о Кире, о его рождении, о том, что от начала его жизни он был избран и предназначен Богом для свершения определенной миссии. Подобный взгляд на личность человека и его роль в замыслах Творца свойственен и многим другим библейским авторам; мы найдем его и в рассказе о рождении Моисея и в начале книги пророка Иеремии, и во многих других местах Библии. Но в книге Исайи эти слова имеют особое звучание: они связывают пророчество Исайи Вавилонского с пророчеством о рождении таинственного Потомка Давида, Отрасти от корня Иессеева, произнесенным Исайей Иерусалимским во второй половине 8-го века до Р.Х., в дни царя Ахаза. В этой перспективе становится ясно, что Исайя видит в царе Кире прообраз грядущего Царя, Которому предстоит спасти все народы. Господь, от начала вызывающий роды и приводящий людей в этот мир, говорит не только о рождении Кира, но и о том главном рождении, Рождестве, которому суждено обновить мир и принести в него апокалиптическую полноту. Все, что происходит в мире, исходит от Бога и Его победа в конце времен неизбежна; эту идею 4-го стиха буквально процитирует шестью веками позже евангелист Иоанн Богослов в Апокалипсисе.

Подвластные Вавилону народы Ближнего Востока сплотились перед лицом исходящей от персидского войска опасности; в нескольких словах 5–7 стихов Исайя изображает «укрепление обороноспособности» Вавилонии. Но разве можно противиться тому, чья победа угодна Всемогушему? «А ты, Израиль, раб мой...» – говорит далее Господь. Эти слова возвращают читателя в недавнюю, предпленную эпоху, когда пророк Иеремия говорил о не-

обходимости покориться царю вавилонскому потому, что он – орудие гнева Божьего. Итак, избранный народ вновь призван опираться не на политические и военные силы, но на одного только Бога. «Не бойся, Я с тобою... не бойся, Я помогаю тебе», – этот евангельский призыв Бога к людям логически продолжает слова о вмешательстве Божьем в события эпохи. Лязг оружия и грохот марширующих колонн во все времена пугают народы, ибо всегда несут смерть и разорение всем, особенно самым слабым и беззащитным. Потомки Иакова, видимо, в самом деле, вследствие своей малочисленности ощущали себя в контексте войны червем, беззащитным перед грозным могуществом силы. Что могла принести им, поработанному и презираемому, смена власти? Каждый следующий властелин отличается от предыдущего лишь своей ненасытностью... «Не бойся, червь Иаков... Я помогаю тебе», – говорит Господь. Незримое присутствие Всемогущего – вот что должно стать единственной надеждой Израиля.

Но что реально стоит за этим призывом? Следует ли пленным израильтянам выйти на поля сражений, как в эпоху «браней Господних»? Или необходимо вновь, как во времена Иеремии, покориться силе? Нет, Господь говорит здесь новое слово, которое станет ключевым в записанном Исайей Вавилонским откровении: «Искупитель твой – Святой Израилев». До Исайи лишь один раз Иеремия произнес это слово, возвещая, что плен и рассеяние не будут вечными и Вавилонская держава, в конце концов, рухнет. В отличие от Иеремии, призывающего надеяться, Исайя зовет израильтян стать свидетелями исполнения обетования. Никто, кроме Исайи, не использует так часто это слово: Искупитель. Только один раз произносит его Иеремия, и один раз – безымянный гений послепленной эпохи, автор книги Иова.

Речь идет о выкупе из рабства, явлении, достаточно широко распространенном в обществах, где рабство существовало. На Руси был известен сбор денег на выкуп соплеменников из татарского и турецкого рабства. Законы Моисея предусматривали выкуп тех, кто попал в рабство, в том числе и к иноплеменникам, за

долги или в результате военных действий. В подобных случаях искупление, выкуп раба, по закону становилось обязанностью ближайших родственников. Эта практика зафиксирована как до, так и после плена. Но когда весь Израиль оказался в рабстве, и не было никого свободного и богатого, чтобы выкупить братьев своих, Сам Господь, как ближайший родственник Своего народа, обещает искупить его. Сама невероятность этого избавления должна свидетельствовать о его божественном происхождении.

И вновь апокалиптическая картина расцветающей пустыни становится образом, иконой чего-то невероятного, нового и живого, чем будет радость израильтян о Боге посреди страха и насилия, царящих в мире язычников. И снова Господь говорит о «деле израильтян», якобы забытом у Бога. В смятении и страхе, охвативших Вавилонию с приближением Кира, Господь призывает увидеть ничтожность идолопоклонства. «Ветер и пустота истуканы их», – формулирует в последнем стихе главы Исайя; это выражение синонимично идиоме «суета и погоня за ветром», используемой Екклезиастом.

Ис 42:1-25

42-я глава открывается одним из самых известных и важных текстов Исайи Вавилонского; традиционно этот текст называют первым мессианским гимном (всего в книгу включено четыре таких гимна, в 42-й, 49-й, 50-й и 52–53 главах). Содержание этого пророчества о Мессии логически связано с тем, что Исайя говорил в предыдущей главе, так что общепринятое выделение его из контекста следует признать отчасти искусственным. В конце 41-й главы Господь говорил через Исайю о нелепости и бессмысленности язычества, о том, что идолы, которым поклоняется языческий мир, – не более чем произведения человеческих рук. Что же следует из этого для язычников и для Израиля? Или поставим вопрос иначе: что Бог предполагает делать с этим идолопоклонством? Это не праздный вопрос, потому что в описываемую эпоху, как и ныне, язычество в той или иной форме было присуще большин-

ству обитателей Земли. Прежде, в эпоху завоевания Ханаана столкновение Израйля и язычников несло последним гибель и разорение; израильяне (а после, часто и христиане) воспринимали это как неминуемую расплату за то, что язычники не почитают Единого истинного Бога. Однако и язычники могут стать орудием Божиим – ведь именно орудием гнева Божьего называет Библия и ассирийцев, и вавилонян. О царе Кире же только что Исайя говорил как об орудии избавления, избранном и воздвигнутом Самим Богом. Таким образом, невозможно утверждать, что язычники безразличны Богу и Он не действует в их мире, оставляя их на произвол судьбы. Итак, что же противопоставляет Бог мраку язычества и безверия, что предлагает Он «сидящим во тьме и сени смертной» вместо истуканов?

«Вот, – говорит Господь, – вот Отрок Мой, которого Я держу за руку». Первые девять стихов 42-й можно отнести к распространенному в Библии (точнее говоря – в Ветхом завете) жанру пророчества-констатации, когда Господь через пророка говорит о грядущих событиях как об уже свершившихся, как они видятся Самому Богу. Речь идет о некоем Отроке, Служителе Господнем, Который станет светом для язычников и новым заветом для народа.

Пророчество допускает как минимум три толкования. Во-первых, сам по себе речевой оборот в связи с тем, что говорилось в предыдущей главе о царе Кире, позволяет отнести к нему (по крайней мере как к прообразу) и этот текст. Однако Отрок Господень в 42-й главе приносит в мир новый закон Господень и заключает новый (пока еще с маленькой буквы) завет с Израилем. Кроме того, о нем Господь говорит удивительные слова: «Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит»; Отрок Господень действует не так, как цари земли, «не воинством и не силой», как скажет полувеком позже пророк Захария. Этого, конечно, никоим образом нельзя отнести к Киру, завоевавшему Восток именно воинством и силой. Во-вторых, иногда в Библии (в том числе и у Исаяи Вавилонского, даже и в этой самой главе) выражение Отрок или раб Господень означает весь Израиль. Имен-

но так понимали этот текст 70 толковников, создавших греческий перевод LXX или Септуагинту. Септуагинта (а вслед за ней и славянский перевод), пользуясь, надо полагать, александрийской, а не протомасоретской версией текста, передает первый стих так: «Иаков – чадо Мое, приму его; Израиль – избранный Мой, к кому благоволит душа Моя...» Именно это понимание стало основным в иудейских толкования пророчеств Исайи Вавилонского. Однако в первых стихах главы говорится о том, что этот Служитель Господень будет заветом и избавлением избранного народа – едва ли можно думать, что это и есть сам народ. Кроме того, по отношению к Израиллю слова о кротости, о ненасильственном образе действий могут пониматься только как призыв, откликнуться на который в реальной истории сумеют лишь немногие. Главное же возражение против толкования Семидесяти заключается в том, что все библейские пророчества, как бы самодостаточны ни были используемые ими прообразы, все относятся к личности Мессии, и нет оснований думать, что Исайя Вавилонский отходит здесь от этой традиции.

Наконец, третье возможное толкование, принятое в первую очередь у христиан, относит слова Ис 42:1–9 к Мессии. Само выражение «Отрок Господень» влечет читателя к этому, потому что его использование в библейском контексте более узко и определено, чем лексическое значение слов. «Эвед Яхве», Раб Господа – этими словами обозначаются в Ветхом завете в первую очередь духовные, а отчасти также и политические лидеры народа Божьего. Впервые так назван в Пятикнижии Моисей, а позже, в книге Иисуса Навина, выражение «Моисей, раб Божий», становится, в сущности, техническим термином для обозначения того, кем является Моисей для народа. Позднее так же обозначается наследовавший ему Иисус Навин и другие пророки, особенно Самуил. В том самом пророчестве, на котором основывается в Библии все ожидание Мессии, возвещая через пророка Нафана царю Давиду о том, что потомок Давида построит дом имени Божьему и будет Богу Сыном, Господь называет Давида – царя и пророка – «Раб

Мой, Давид». В оригинале здесь используется то же самое слово «эвед», которым назван Отрок Господень у Исайи. Еще далее, при освящении первого Храма, этим же термином именуется Соломон – не как царь и владыка Израиля освящает он Храм, но как «эвед», раб Божий, скорее духовный, чем политический глава народа. Поэтому молясь, Соломон говорит Богу: «Услышь моление раба Твоего и народа Твоего Израиля, когда они будут молиться на месте сем...» (3 Цар 8:30). Точно так же рабами Божьими называются многие пророки; наконец, это выражение у пророка Иезекииля меньше чем за полвека до Исайи Вавилонского обозначает Мессию, Христа. Пророк Аггей называет так Зоровавеля, князя из дома Давидова, возглавившего в описываемую эпоху возвращавшихся из плена израильтян. Таким образом, выражение «раб Божий», переведенное в Синодальном тексте словом «Отрок», является в библейских текстах термином, своего рода титулом, обозначавшим духовного и политического главу Израиля.

Следовательно, в начале 42-й главы речь идет именно о Мессии, Служителе Господа. Именно о нем Моисей, раб Божий, говорил: «Пророка, как меня, воздвигнет вам Господь». И именно Мессия, как новый Моисей, заключит, по словам Исайи, завет для народа. Пророчество Исайи изображает Мессию по контрасту с тем, что было описано в предыдущей главе. В отличие от истуканов, на которых уповают язычники, к Нему «благоволит душа» Господа Бога и Дух Божий почивает на Нем. В отличие от неправды и беззакония, свойственного языческим тираниям, Христос «будет производить суд по истине»; речь идет о той самой Истине, о которой Он скажет Своим ученикам: «Если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин 8:31,32). Однако Мессия не похож и на царя Кира, огнем и мечом водворяющего на Востоке новый имперский порядок, пусть даже и более либеральный, чем вавилонский. Даже сейчас, через десятки веков после своего произнесения, не могут не поражать слова «не возвысит голоса Своего... трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит».

Столь полный отказ от насилия – разве совместимо это с тем, что Мессии предстоит установить Царство на земле, среди нас, подчиняющихся только грубой необходимости и жаждущих власти нас собой? Кто, кроме Бога, может поверить в то, что найдутся люди, которые пойдут за таким вождем? Кто, кроме Бога, может попытаться через бесконечно кроткого Служителя утвердить истину в нашем жестоком мире? Именно эта кротость в сочетании с силой Духа Божьего будет больше всего восхищать и возмущать свидетелей исполнения этого пророчества в Иисусе Христе.

Господь говорит через Исайю о необыкновенной близости Мессии и Самого Бога: «Я... буду держать Тебя за правую руку и хранить Тебя». Конечно, можно понимать эти выражения иносказательно, как символ защиты и благословения Божьего – ведь невозможно, в самом деле, представить себе Непостижимого Бога, держащего за руку земного человека. Но в устах пророков высказывания подобного рода являются также способом выразить недоступное им откровение о Воплощении, о том, что Христос будет единосущным Сыном Всемогущего. И вот Мессия, близость Которого с Богом превосходит всякое разумение, будет поставлен в завет для народа. Смысл сказанного не ограничивается тем, что Мессия заключит с домом Израиля новый завет, о котором уже говорили Иеремия и Иезекииль, подобно тому, как через Моисея был заключен завет на горе Синай. Сам Мессия станет этим заветом, содержанием которого будет не ряд повелений и обещаний, но Он Сам. И Он же, Сам Мессия, станет светом для всех народов; весь мир, в том числе лежащий за пределами Ближнего Востока, будет уповать на Его закон или, по переводу Семидесяти, на имя Его. Нельзя не обратить внимание на то, что это обетование о распространении веры в Единого Бога по всему миру исполнилось именно в Церкви, основанной Господом Иисусом Христом – это еще один аргумент в пользу того, что именно к Нему следует отнести и все пророчество в целом.

В новой хвалебной песне, которая продолжает пророчество о Служителе Господнем, Его приход изображается как мощное яв-

ление силы Божьей, обновляющей и животворящей мир. Когда все народы увидят Его, Отрока, призванного Богом, мир засияет новыми красками, и люди, ослепленные идолопоклонством, пойдут новыми путями, неведомыми языческому миру. Все это обещает сделать Господь, и в конце этого гимна Он говорит: «и не оставлю их». Это единственная надежда людей, надежда на то, что Бог не оставит нас, доколе не утвердит Свое царство. В благодарственной молитве, составленной Иоанном Златоустом, мы вспоминаем это и подобные пророчества, прославляя Бога за то, что «не отступил, вся творя, пока не возвел нас на небо».

В заключительной части главы пророк говорит о слепоте и духовной немощи избранного народа, называя его, как и Мессию в начале главы, рабом Божьим. Судьба народа трагична, потому что он не понял и не заметил многое из того, что открывал ему Господь. В сущности, Исайя говорит здесь об отвержении Бога Израилем, о разрушении Синайского завета, как говорили до него Иеремия и Иезекииль. Но для Исайи, помимо всего прочего, весьма важна связь Израиля в целом и Мессии. Едва ли он использует дважды на протяжении одной главы слова «раб Божий» для обозначения Мессии и всего народа просто от недостатка слов. Может быть, пророчества в целом дwoятся, и невозможно в точности различить того, что говорится о Христе и об Израиле, потому что они повторяют путь друг друга. Эта неразличимость, в первую очередь, связана с нераздельностью Мессии и Израиля. Так будущий, новый Израиль будет назван апостолом Павлом телом Мессии, а Сам Христос будет назван им новым Адамом, в котором соединяется все человечество. Исайя, как мы увидим далее, предчувствует отвержение Мессии его собственным народом, и все же снова и снова говорит об этом единстве судеб.

Мы часто рассматриваем отношения Христа и Израиля в контексте первого века по Р.Х., и ограничиваемся только констатацией отвержения Христа религиозными вождями народа. Последовавшие за этим двадцать веков, наполненных бесчисленными преследованиями и погромами против израильтян христиане при-

выкли считать расплатой за слова, которые выкрикивала толпа перед дворцом Пилата: «Кровь Его на нас и на детях наших». Но именно так и заключил Моисей завет с вышедшими из Египта – окроплением кровью жертвенного Агнца. В 21-м веке, после Холокоста, ограничиться простым богословием «отвержения и расплаты» уже нельзя. Единство того, что говорит Исайя о Христе и Его народе, приобрело в наше время новое звучание. Не приняв жертву Христа, Израиль, вольно или невольно, сам идет этим путем невинной жертвы – но теперь, вслед за Христом, ему сопутствуют миллионы мучеников из всех народов. Неизменное по сути, пророчество Исайи говорит теперь не только о судьбах вавилонских пленников, но о всем человечестве на многие столетия. И в центре всей последовавшей за этим пророчеством истории – поразительная личность Христа, Служителя Господнего.

Ис 43:1-28 1

Время очищения, когда Израиль избавлялся от греха, как избавляется от примеси переплавляемое серебро, окончилось, и Господь говорит через Исайю о смысле того, что произошло и будет происходить. Как и Иезекииль, которому и принадлежит образ переплавки драгоценного металла, Исайя призывает увидеть за разрушением Иерусалима и Пленом, как и за освобождением, властную руку Божию. Когда мера беззаконий Израиля переполнилась, десница Всемогущего подвергла его очистительному страданию, но не отступила. Бог гневается и Бог спасает, Он разрушает и Он созидает – но не отступает, не бросает того, кого Он избрал. Невозможно забыть завет и быть «как все народы», как говорил за несколько десятилетий до Исайи Иезекииль, потому что Бог, заключивший этот завет, вечен и не меняется. Теперь, когда время избавления наступило, Исайя возвещает, что точно так же, как катастрофа наступила потому, что Бог не бросил грешный Израиль на произвол судьбы, так и спасение дается Богом потому, что Он не забыл Свой народ.

Начальные стихи 43-й главы содержат поразительный манифест спасительной любви Божьей; отнесенный в первую очередь к избранному народу, он не в меньшей степени обращен ко всему человечеству, призванному стать новым Израилем в Новом завете. Господь говорит, что Он возлюбил народ – в этом и заключается избрание. Все остальное, – и призыв не бояться, и обещание искупления, и наречение имени Божьего, и грядущее восстановление – все вытекает из этой ничем не заслуженной любви.

В этих словах обращают на себя внимание несколько исключительно важных деталей. В первую очередь, бросаются в глаза слова о том, что Израиль дорог и многоценен в глазах Всемогущего. Само по себе это слово – и важное, и обнадеживающее; но в контексте эпохи для слушателей/читателей Второисаии едва ли не важнее были смущающие современного человека слова: «В выкуп за тебя Я отдал Египет... ты дорог в очах Моих... отдам людей за тебя». Современный читатель найдет это и неpolitкорректным, и вообще неправильным; с какой стати другие должны стать взяткой за выкуп Израиля? Разве не говорит Господь в других случаях, что Ему принадлежат все народы и все они дороги Ему? Скорее всего, дело в том, что пленные иудеи нередко полагали, что Бог предпочел им другие народы, более сильные и культурные, более успешные и многочисленные. В самом деле, разве то, что Египет или Эфиопия, да даже и сама Вавилония процветают в то время, когда иудеи едва могут выжить среди этих монстров, не говорит о явных предпочтениях Всемогущего? Одно дело, что говорили пророки, и другое – что иудеи видят собственными глазами...

Не будем забывать, что для библейской культуры характерно представление о том, что Бог единственное действующее Лицо истории; в межзаветный период будут осознаны трудности такого богословия истории и проблемы свободы человека и эсхатологической перспективы встанут, что называется, во весь рост. Ко времени написания книги Иова (ориентировочно, рубеж 5–4 вв. до Р.Х.) масштаб проблемы будет осознан в полной мере; но и во времена Плена не могла не возникнуть мысль о том, что раз Бог

отдал Израиль в руки язычников, и Иеремия возвестил, что этому нужно покориться, – значит, Он предпочел Израилю этих самых язычников. Так брошенная женщина думает о том, что ушедший муж предпочел более молодую...

Читая эту главу дальше, мы увидим, что вся она – о верности и неверности, верности Бога и неверности Израиля. Господь говорит в 1–8 стихах, что Израиль для Него остается самым дорогим, никакие иные народы не будут предпочтены им; более того, всех их отдал бы Господь ради свободы Его возлюбленного народа. Применяя ту же (вполне, кстати сказать, библейскую) брачную аналогию, можно сказать: да всех этих дур с осиной талией скопом отдал бы за тебя... Почему это выражено в столь категоричной форме, почему было не сказать просто, что израильтяне напрасно не доверяют Богу? Тайна сия велика есть; скорее всего, мы никогда не узнаем, чей темперамент – Автора или автора – стоит за этими весьма эмоциональными строками; суть дела от этого, однако же, не меняется.

Далее в 9–10 и, отчасти, следующих стихах, мы видим неожиданную и важную картину: Бог призывает народы на суд: «Пусть представят свидетелей от себя и оправдаются, чтобы можно было услышать и сказать: «Правда!»». Когда современный человек слышит о Суде, особенно о Страшном Суде, он представляет себе нечто иное, скорее напоминающее египетский миф или легенду о пире Валтасара. Вот богиня справедливости Маат взвешивает на весах сердце фараона, чтобы определить, добрые или злые дела перевесят (сколько раз запечатлен этот момент в росписях и рельефах египетских гробниц!). Рядом стоят зверообразные обвинители, а сам фараон верещит: я не убивал, я не делал зла, я хороший – именно это и написано от лица умершего на стенах гробницы... А вот на пиру Валтасара огненный перст выводит на стене приговор: «Мина, шекель, упарсин» – «Ты взвешен на весах и найден слишком легким». Все, что мы представляем себе в связи с судом и посмертным воздаянием, воздушными мытарствами и чистилищем, мерой беззакония и пр., берет начало именно в этом

египетском представлении о суде. Потому-то и трудно бывает понять то, что говорит о суде и оправдании Библия (в том числе и Новый Завет), что библейский суд – совсем о другом. Взвешивание вины и отмеривание наказания не входят в функцию библейского суда, потому что расплата за грех все равно смерть и задача Судьи не в том, чтобы определить одним ссылкой, а другим 10 лет без права переписки. Да и вообще не Бог судится здесь с человеком: о невозможности подобного суда с болью вопиет Иов (Иов 9). Нет, библейское представление о суде заключается в том, что в поворотный момент (моменты?) истории само течение жизни рассудит, кто прав: уповающие на Бога и Слово Его, или язычники. Израиль будет оправдан, как говорят пророки – но не потому, что израильтяне «белые и пушистые» и могут быть нравственным образцом для подражания (нет, конечно!), а потому что Бог Израиля – настоящий, а все боги народов – идола. И те, кто ходит Его путями – правы; в частности, нечто подобное имеет в виду ап. Павел во 2-й главе Рим. Итак, суд Божий, о котором говорит Бог через Исайю Вавилонского, напоминает не столько ситуацию, когда господин «захотел сосчитаться с рабами своими» (Мф 18:23 слл), сколько римский состязательный процесс, где Судии предстоит рассудить, которая из двух сторон права в споре: язычники, уповающие на идолов, или Израиль, уповающий на Бога. Быть оправданным на этом суде означает, таким образом, признание чаяний Израиля правильными.

Но, читая слова Господа о том, что Израильтяне станут свидетелями Бога, невозможно отделаться от мысли о совсем другом суде: «В продолжение сорока дней глашатай ходил перед Ним, крича: «Он должен быть побит камнями, потому что занимался колдовством, соблазнял Израиль и увлек его на восстание; кто имеет сказать что-либо в Его оправдание, пусть придет и свидетельствует». Но не нашлось никого, чтобы Его оправдать, и Его повесили в канун Пасхи»². То, что сконцентрировано в злобном и

---

² Талмуд, трактат Санхедрин.

весьма лицемерном процессе против Иисуса из Назарета, в сущности, все время происходит в отношениях Бога с людьми. Нужны свидетели – те, кто своей жизнью, событиями своей биографии и своей верой засвидетельствуют, что Бог истинен и слово Его верно; таким свидетелем и призван стать избранный народ: «А Мои свидетели, говорит Господь, вы и раб Мой». Не в качестве духовной элиты человечества существует народ Божий, он не малый остаток угодных Богу среди мерзости язычников – этот народ избран для того, чтобы засвидетельствовать перед всеми народами силу спасающей любви Всемогущего. В этом весь смысл его существования: возвещать славу Божью. Ап. Петр в первом Соборном послании, распространяет это и на новозаветный народ Божий, называя его людьми, взятыми в удел, чтобы возвещать совершенства Творца. Ис 43:10 дает нам, кроме того, основание различать то, что Исайя говорит о Служителе Божьем, Христе, и народе, который также иногда называется этим именем. «Вы и раб Мой, – говорит Господь, – будете Мне свидетелями». Значит, когда в пророчестве говорится о рабе Божьем, все же имеется в виду не столько Израиль, сколько именно Мессия. Невозможно не обратить внимание на то, что Христос по пророчеству Исайи будет свидетелем Божьим, а не политическим или религиозным деятелем, как представляли себе многие иудеи. Сам Христос именно так говорит о смысле Своего служения: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин 18:37). В предыдущей главе уже говорилось о Христе, что Он будет действовать не силой, как Кир, но кротостью установит новый закон для всего человечества. Здесь мы слышим это с еще большей определенностью; свидетельство, в отличие от принуждения или даже доказательства, оставляет своим адресатам свободу принять или не принять его, поверить или не поверить. Так, через свидетельство Христа и Израиля, Бог отдает Себя на суд язычникам, чтобы они имели возможность обратиться от поклонения истуканам к истине.

«Я, Я Господь, и нет Спасителя, кроме Меня», – а как именно могут засвидетельствовать это те люди, к которым обращается Бог

через Исаяю? Ведь не слова же, в самом деле, они призваны говорить: исповедание, конечно, очень важная вещь, но свидетельство не должно оказаться голословным! Встать и выйти, и вернуться в Иерусалим, – вот свидетельство, которого ожидает Бог, Который вновь, в который раз, избавляет Свой народ.

Заключительная часть главы посвящена еще одной весьма важной вещи, основополагающей для библейской сотериологии, христианской в особенности. Речь идет о побудительных мотивах спасительного действия Бога. Почему и для чего Он делает все то чудное и страшное, о чем Он возвестил? Что им движет? Сама структура Ис 43:22-28 дает намек на воззрения, бытовавшие среди израильтян, хотя у нас и нет основания судить об их массовости. Народ ничем не заслужил спасения; нет за ним никаких, даже мнимых, человеческих заслуг; напротив, он только «грехами твоими затруднял Меня». Нужно сказать, что эдакое пелагианское мышление встречается куда чаще, чем хотелось бы; психологи увидели бы за этим стремление людей к «позитивной самооценке». Но на самом деле единственное по-настоящему, по праву «наше» – наши грехи, но разве пойдешь с ними пред Лице Всемогущего? Ради Себя Самого Я спасаю тебя – вот что говорит Господь. Не потому что мы такие, не потому, что человек что-то сделал или не сделал – в конце концов, «мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать» (Лк 17:10) – но потому, что Бог такой. Потому-то и новая, в дар полученная погибшим Израилем жизнь в соответствии с правдой Божьей должна стать свидетельством о спасении, которое уже произошло... И конечно, слова «Я, Я Сам изглаживаю преступления твои ради Себя Самого и грехов твоих не помяну» (Ис 43:25) – основание для надежды, ликования и благодарения.

Ис 44:1-20

В первых стихах 44 главы снова пророк употребляет слово «эвед УНВН», переведенное здесь как «раб Мой», а выше – как «Отрок Мой». Но здесь пророк более определенно говорит о смысле

этого рабства или служения: «Раб Мой... которого Я избрал», «Раб Мой... возлюбленный». Судя по самому словоупотреблению Второисайи, а особенно по тому, как во второй половине главы снова Господь предъявляет свое суверенное право на избранный народ, говоря: «Я образовал Тебя: раб Мой ты», источником этого рабства является не насилие, попирающее свободу поработанных людей жить своей жизнью, а самое происхождение народа; отказаться от рабства Богу означает отказаться от самой жизни. Как ни крути, для современных читателей, особенно для тех, кто пережил опыт внутренней и внешней несвободы, это трудная вещь. Ты пришел в этот мир на определенных условиях, отказ от которых означает отказ от жизни... Человек сотворен так, что он нуждается в органическом питании, хотя бы растительном: если в порыве сочувствия к невинным цветочкам он попытается питаться черноземом, воздухом или путем фотосинтеза – он проживет недолго. Можно ли считать это несвободой? Можно ли считать несвободой то, что стоит за словами «Я образовал Тебя: раб Мой ты»? Повторяю, многие современные читатели скорее ответят утвердительно; сейчас это не так бросается в глаза, а вот в конце 80-х годов, накануне падения советской власти, слово «раб Божий» было одним из главных камней преткновения для советского читателя Библии. Трудно сказать, впрочем, была ли тому причиной усталость от советской несвободы, или вдолбленная с детства литература чернышевско-добролюбовского сорта; так или иначе, всегда находилось немало людей, которых ничем не смущают слова «раб Божий», – и еще неизвестно, какая позиция лучше. Во всяком случае, интенция Второисайи – донести до слушателей, что быть избранным, а не захваченным, возлюбленным, а не презренным рабом настоящего Бога, сотворившего нас, не то же самое, что быть рабами египтян, вавилонян или персов. И дело здесь не столько в том, что Бог – единственный, повиновение Кому не противно природе человека, сколько в том, что Бог Израилев – настоящий.

Именно об этом идет речь в прозаической вставке в 9–20 стихах: «Делающие идолов все ничтожны». Помимо обычного для

пророков сарказма по отношению к идолам, Второисайя еще и продолжает «гнуть свою линию»: кто кем сотворен, тот того и раб. Следовательно, идола, сделанные людьми из остатков дров, никак не могут быть объектом поклонения и почитания – ведь это они, по логике Второисайи, должны быть рабами сотворивших их ремесленников. Интересно, что согласно этим стихам право собственности творца на сотворенное (на современном языке, быть может, следовало бы говорить об авторском праве творца и Творца?), похоже, с точки зрения пророка, распространяется на то, что сотворено из ничего, на своего рода интеллектуальную собственность. А кусок дерева, сколь искусно бы ни вытесывал его человек, остается куском дерева.

Последний, 20-й стих этого фрагмента содержит исключительно значимую мысль о том, что идолопоклонник не может освободить души своей, не может спасти свою жизнь от обмана или, – возможный вариант перевода, – не может усомниться, не обманут ли он. Вот где настоящее, унижительное и безвыходное рабство: когда человек не может избавиться от лжи идолопоклонства, вот, что должно быть противопоставлено статусу рабов Бога – последние свободны, потому что они могут усомниться! Более того, слушатели и читатели Второисайи пробовали это в предпленные времена, хотя ни к чему хорошему это и не привело. Это радикальное отличие свободы в доверии Богу и беспросветного рабства идолопоклонства делает сам термин «рабы Божьи», в сущности, риторической фигурой – до чего обычно не дочитывается «свободолюбивый» читатель.

Господь призывает Израиль помнить «это», на забывать – помнить, что только один Бог – настоящий, и именно Он образовал Свой народ. Собственно говоря, речь идет о рациональности: полагаться можно только на настоящего, на реального Бога, который и очистит искупленный Им народ. Не сообразное цели поведение язычников именно неразумно, коль скоро истина Божья засвидетельствована – а она засвидетельствована! Раз уж Бог взялся за дело и вывел из небытия царя Кира, который освобождает наро-

ды Востока, то Он доведет это дело до конца, до восстановления Иерусалима и храма. Обо всем этом – о той части дела спасения, которая уже происходит, и о том, чему еще предстоит быть и торжествует пророк в заключительных стихах главы.

Ис 45:1-25

Победа Кира над Вавилоном, несомненно, воспринималась народами Древнего Востока как событие, имеющее прямое отношение к религии. Не то, чтобы персы стремились к распространению своей религии, скорее, как раз наоборот, им была свойственная редкая в древности терпимость в этой сфере. Но вот вавилоняне (собственно, Набонид, Валтасар и их приспешники), вполне в духе древневосточных традиций, принялись устанавливать в Вавилонии единообразный культ своего лунного бога Сина; надо полагать, они видели в этом способ сделать подданных «людьми одного языка»³. Строго говоря, именно это переполнило чашу терпения вавилонской знати и побудило кого-то открыть Киру ворота города. И Кир победил, а Син, по крайней мере, в глазах современников, был низвержен. И победа Кира воспринималась как свидетельство его превосходства, религиозного в том числе.

В 45-й главе Господь через пророка говорит одновременно и о внешней стороне событий, и о внутреннем их смысле, и поэтому текст кажется не вполне последовательным. С внешней точки зрения дело выглядит так: Кир побеждает («Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы»), и вместе с Вавилоном ему достается все достояние рухнувшей империи («отдам тебе хранимые во тьме сокровища», «труды Египтян и торговля Ефиоплян, и Савейцы, люди рослые, к тебе перейдут»); впечатление от победы и трепет перед новым завоевателем приобретут почти религиозный характер («и будут умолять тебя, говоря: у тебя только Бог и нет иного Бога»). Такова логика происходящего в глазах язычников.

---

³ Ср. Быт 11:1 слл.

Но на самом деле... На самом деле победу Киру дает Бог, это Он отдает ему народы, и противиться этому попросту бессмысленно. Уж если Бог силен сотворить небо и землю (45:7), тем более в Его руке и события человеческой истории. Никуда не денутся ни народы, ни даже сам Кир: «Горе тому, кто препирается с Создателем своим». Предначертанное Богом будет исполнено, и главное здесь то, что Кир отпустит пленных. Однако все это происходит не потому, что Кир как-то особенно замечателен и не потому, что религиозные упования Кира истинны; Бог почтил его, хотя Кир не знал Его (45:5). В этом действии Бог преследует, судя по всему, две связанные между собой цели: засвидетельствовать Израилю, что он будет спасен спасением вечным и призвать язычников к обращению.

Правда Бога давно открыта Израилю и свидетельство, которое избранный народ приносит и своей верой, и всеми перипетиями своей судьбы, явлено всем. И поскольку именно Господь через пророков заранее возвестил о том, чему надлежит произойти, язычникам по здравом рассуждении следует обратиться к Нему.

Такова схема, сжатый смысл 45-й главы. Но совершенно невозможно ею ограничиться; несколько имплицитно подразумеваемых и эксплицитно сформулированных вещей обращают на себя внимание.

Во-первых, пророк (а скорее, все же, Господь) подразумевает, что без пророчества язычники не могут интерпретировать победу Кира иначе, чем как знак его превосходства: это интерпретация ошибочная, но в падшем мире «естественная». И надо заметить, что так было не только в те времена. Ныне тоже мощь и победоносность воспринимаются людьми как знак «благословения свыше» и тоже на самом деле используются Творцом, что называется, втемную для реализации Его, а не наших целей. Бог во всей этой войне, как, по-видимому, и в других случаях, не выставляет Себя напоказ; именно в этом смысле Исайя называет Его Эль Сотар, Бог прячущийся, Бог сокровенный (45:15); тем же самым словом

он скажет чуть ниже о Христе: «Я не прятал лица своего от поруганий и осмеяния»...

Во-вторых, Господь ожидает от язычников именно здравого рассуждения, не меньше – но и не больше. Возможно ли это в реальности – не такой простой вопрос; однако дальше Бог говорит через пророка, что задача избранного народа – быть свидетелями Богу, чтобы обращение язычников стало возможно. Израиль, в сущности, для того и нужен, чтобы засвидетельствовать истину Бога. В данном случае об использовании втемную нет и речи, потому что все сказано Богом заранее. Израиль может и не захотеть быть «светом во откровение язычникам» (в конечном счете, это и происходит) – но воля Божья об обращении язычников высказана ясно. Пророк и дальше с большим сарказмом будет говорить о безумии идолопоклонства, о бессмысленности упования на идолов. Но все это говорится не потому, что Бог и Его верные злорадствуют над невежеством и дикостью язычников и не для того, чтобы еще больше унижить их. Бог добивается того, чтобы свидетельство о Нем стало внятно хотя бы кому-нибудь из язычников, чтобы хотя бы кто-то из них обратился. Когда Господь Иисус говорит: «Нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих» (Мф 18:14), – эти слова опираются на ясное пророческое откровение, и если Его современники предпочитают видеть язычников угнетенными, как некогда они угнетали израильтян – не Бог несет за это ответственность.

В-третьих, пророк, в сущности, ненамеренно, говорит поразительные слова о замысле Божьем: «Он, Бог, образовавший небо и землю и создавший ее; не напрасно сотворил ее; Он образовал ее для жительства»; вариант перевода: «Чтобы она не пустела, а была населена». Задачей Бога является жизнь – и никогда не что-то иное! Это откровение, далеко не уникальное в Библии, на практике не так легко принять. Люди часто полагают, что у Бога две задачи: благословлять праведников и карать нечестивых (в отношении языческих богов это было бы верно – если бы они, не дай

Бог, существовали). А Второисайя, как и его старший современник Иезекииль, знает, что Бог не хочет смерти грешника, Бог сотворил мир для жизни...

Ис 46:1-13

Продолжая инвективу против язычества (быть может, составленную из произнесенных в разных обстоятельствах пророчеств), пророк противопоставляет идолов, которых людям приходится транспортировать на выючных животных, и истинного Бога, который Сам несет Свой народ, поддерживает и охраняет его – удивительно яркий образ! И вновь, как и в предыдущей главе, Бог обращается к язычникам с призывом к рациональности и, если так можно выразиться, человеческой состоятельности. Настоящего Бога, которому нет подобия и который сотворил небо и землю, невозможно сравнивать с идолом, изготовленным из «презренного металла» (пророк не употребляет этого выражения, но слова о золоте, которое высыпают из кошелька, подразумевают нечто подобное). И вот, вновь говоря о несоответствии природы идола и упования на него, Господь призывает: «Вспомните это и покажите себя мужами». Речь идет о мужестве, которое требуется израильтянам, забывшим о своем Боге (впрочем, и язычникам тоже), чтобы признать свою неправоту, отвергнуть упование на идолов и обратиться к Богу. Здесь, безусловно, есть чему удивиться: современный человек скорее склонен считать мужским качеством упорство вплоть до упертости (иногда и это тоже не вредно!) – а Бог говорит о мудрости и трезвости, о способности переосмыслить себя и свою жизнь, о мужестве исправлять свои ошибки.

Далее, в заключительных словах этой главы, Господь говорит: «Я приблизил правду Мою, она не далеко». Возможно, это аллюзия на слова Второзакония (почти за век до этого провозглашенного царем Иосией гражданским и религиозным законом Израиля) «Ибо заповедь сия... не недоступна для тебя и не далека; она не на небе, чтобы можно было говорить: «кто вззошел бы для нас на небо и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы испол-

нили бы ее?»... но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его»⁴. Но в оригинале речь идет о праведности Бога: «Я приблизил праведность Мою, она не ускользнет от тебя», – так можно было бы передать эту фразу. Это именно праведность, то, о чем в Бытии, например, говорится: «Авраам поверил Богу и Бог вменил ему это в праведность» (в Септуагинте, понятное дело, говорится о δικαιοσύνη). Не столько правда, выраженная в объективном законе Божьем, сколько праведность, присущая Самому Всемогущему! Пророк, если так можно выразиться, видит следующую картину: к погрязшему в язычестве Вавилону (и миру в целом) приблизилась праведность Бога – иными словами, приблизился Он Сам. И поэтому-то падают, превращаются в ничтожество, идолы: «Яко тает воск от лица огня». Для верных Израиля это пламя Божьей праведности, попадающее идолов, оказывается и очистительным и спасительным. Таким образом, Исае Бог говорит нечто новое по сравнению с Второзаконием: «И спасение Мое не замедлит». В контексте пророчества об избавлении из плена это означает, что Бог не только сделал правду Свою доступной для понимания (и, следовательно, для исполнения), но и Сам приходит спасти народ Свой, подобно тому, как Он сказал Моисею: «Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его... Я знаю скорби его и иду избавить его...»⁵.

Ис 47:1-15

Спасительное для Израиля действие Бога приводит Вавилон не только к религиозной катастрофе – последнее, в конце концов, еще полбеды (в самом деле, если бессмысленность чего бы то ни было, идолопоклонства, к примеру, обнаруживается, то это скорее хорошо, чем плохо). Но катастрофа постигла Вавилон как страну, его жителей и культуру, его государство и народ. Прахом и пеплом оказалось величие, столь гордо попиравшее древневосточные на-

⁴ Втор 30:11-14.

⁵ Исх 3:7,8.

роды, и потому навеки участь «дщери Вавилона» стало символом исторической катастрофы: достаточно вспомнить 18-ю главу Апокалипсиса. «Сиди молча и уйди в темноту», – говорит Господь; бедствие, пришедшее на Вавилон, неотвратимо и закономерно. Но все же нельзя не обратить внимания на то, что в грозных словах об уничтожении Вавилона нет злорадства, столь свойственного людям, наблюдающим справедливое возмездие другим. Гибель Вавилонии, наверное, и неизбежна и справедлива, но на самом деле гибнет не абстрактное понятие «Вавилония», гибнут живые люди и реальная культура. Бог, надо полагать, едва ли сочувствует вавилонскому идолопоклонству и имперскому превозношению – но это Он сказал: «Не хочу смерти грешника, но чтобы обратился и был жив», – эти слова прозвучали в проповеди Иезекииля совсем незадолго до Второисайи, лет, может быть, за двадцать-тридцать. Второисайя мог слышать Иезекииля, мог знать его...

Печаль, с которой Второисайя говорит об уничтожении дщери Вавилона важна и поучительна. Почти каждому (а то и вовсе каждому) поколению христиан приходится наблюдать, как идолопоклонство разъедает человеческий мир, и рушащиеся культуры и империи тянут за собой своих адептов и подданных. Но в нашем отношении к этому нет места для злорадства, как, впрочем, нет и возможности спасти то, что построено на безумии. Дщерь Вавилона потерпела поражение на суде у Бога, Бог оправдал не ее, а Израиль, – но участь постыженной, оставшейся в стыде, в прямом смысле слова печальна, и не только для нее самой. Суд над Вавилоном праведен, но эта правда, поскольку она ведет к человеческой катастрофе, горька. В сущности, именно об этом – самые важные слова главы, в 6-м стихе.

Когда возгорелся гнев Господень на Израиля, и народ Божий оказался в вавилонском плену, люди восприняли это как знак того, что за грехи Израиля Бог отвернулся от него, и угнетатели казались орудием гнева Божьего. Ровно так же и Кир описывается в начале книги Второисайи как орудие возмездия за грехи Вавилона... В этом контексте, за что, собственно, можно упрекнуть

Вавилонскую державу? Свою задачу наказать Израиль за его грехи она исполнила... если только ее задача в самом деле была такова. В «плаче о дочери Вавилона», Господь говорит о вине Вавилона нечто довольно неожиданное: «Я предал их [израильтян] в руки твои, а ты не оказала им милосердия!» По человечески трудно, практически невозможно представить себе, чтобы вавилоняне, разрушив Иерусалим и угнав народ Божий в плен, оказали израильтянам милосердие как людям, вызвавшим гнев Всемогущего. Мы жалеть-то таких людей едва ли умеем, а уж тем более милловать. Но именно отсутствие милосердия (которое мы назвали бы, наверное, элементарной человечностью, хотя она далеко не элементарна) является отступлением Вавилона от воли Творца – и именно за это Вавилон и гибнет.

Нельзя сказать, чтобы сказанное было уникально именно для Второисаи: за два столетия до него первый пророк-писатель, Амос, упрекает окрестные народы именно в бесчеловечности. Почти одновременно (или чуть позже) Второисаи пророк Захария говорит от лица Господня об угнетателях Израиля: «Когда я мало прогневался, они усилили зло»⁶. Нравственные требования, которые Бог предъявляет человечеству, едины, потому что только в их исполнении – жизнь. И именно отклонение от этого нравственно-го императива влечет к гибели людей и все, что ими построено.

Помимо прочего, обвинение «дщери Вавилона» в том, что она не оказала израильтянам милосердия (это слово можно перевести еще как «благоутробие») важно для понимания того, как связана человеческая история с замыслами Бога. В самом деле, люди постоянно задают вопрос о том, почему столь жестоким оказывается вразумление, которое совершает над ними Господь. Почему в согрешившем Израиле гибнут все без разбора, нечестивые и праведники? Почему Византия гибнет под ударами турок вся, вместе с культурой и подвижниками? Почему Россия рухнула целиком, как цивилизация, и все лучшее в ней оказалось в лагерях? Почему

---

⁶ Зах 1:15.

Бог карает так жестоко, почему гибель в результате греха – это так больно? Чаще всего мы просто отказываемся верить в благость Божью, а то и в Его существование, лишь бы не искать ответа на этот вопрос. В лучшем случае мы ищем этого ответа в рассуждениях о том, что грех имеет наказание в себе самом... А на самом деле все, быть может, куда проще: некоторые люди, согрешившие пред Богом, лишаются наследия своего – но другие люди по замыслу Творца должны были бы оказать им милосердие, «милость к падшим», потому что так заповедано всем нам. И то, что никакой «милости к падшим» вавилоняне, к примеру, оказать не хотят, не означает, что грех израильтян можно оставить без внимания. Но и вавилоняне гибнут из-за своего немилосердия. И так будет тянуться до тех пор, пока не найдется некто, кто в себе остановит эту цепь насилия и угнетения, кто, по выражению Иезекииля, «стал бы предо Мною в проломе за сию землю»⁷. А когда такой человек нашелся – мы Его убили, но Он не ответил нам тем же.

Так или иначе, пророк свидетельствует о том, что не было воли Божьей в том, чтобы вавилоняне мучили и угнетали Израиль, и ответственность за это угнетение падает на «дщерь Вавилона».

Ис 48:1-22

Не раз и не два, надо полагать, возвещал Исайя Вавилонский пленному Израилю грядущее избавление; тексты его проповедей, расположенные в книге в известном порядке, отчасти повторяют друг друга. Мы вряд ли узнаем когда-нибудь, является ли этот порядок хронологическим или каким-то иным: редакторы, составлявшие текст в единую книгу, не оставили нам свидетельства об этом. Еще один призыв к возвращению, еще одно возвещение воли Бога об избавлении Израиля, помещенное в 48-й главе, отличается тем, что меньше говорит о Кире и куда больше о том, как Бог ведет избранный народ. Вернее даже, пророк настаивает на том, что именно Бог, а не что иное и не кто иной является Пастырем

---

⁷ Иез 22:30.

Израиля, ведущим его по пути. Казалось бы, а разве могло быть иначе?

В том-то все и дело, что современники пророка ощущали себя брошенными в водоворот истории, где завоеватели один за другим сокрушают друг друга, а «червь Иаков» оказался игрушкой слепых сил, направляющих этот водоворот. Кто его знает, откуда взялись все эти Набопаласары, Навуходоносоры, Набониды, – теперь вот этот Кир, от которого тоже можно ждать чего угодно. В самом ли деле есть за всеми историческими перипетиями направляющая десница Всемогущего? А может, это какие-нибудь вавилонские идолы разгневались на Набонида? Или, как, скорее всего, подумал бы современный человек, «противоречия» исторического развития, неустойчивость социальной среды, да мало ли что еще...

Это достаточно важный и серьезный вопрос: если за историческими событиями стоит воля Творца о спасении людей, если Его правда определяет путь, по которому нам «дóлжно идти», то следование этому пути или уклонение от него представляет собой область ответственности человека перед Богом и перед собой. Если же все происходит как-то «само собой», в результате случайного стечения объективных обстоятельств, то мы ответственны только за то, чтобы выжить. В последнем случае у исторических катастроф не может быть нравственных причин, значит, на нас не лежит никакая ответственность, – правда, тогда не приходится говорить и о спасении.

Вот поэтому так тесно связаны повторяющиеся в каждой проповеди Второисайи слова Бога о том, что Он избавляет Израиля и о том, что это Его воля стоит и за пленом, и за появлением Кира, освободителя. В начале 48-й главы Господь говорит о том, что плен был неизбежным результатом грехов Израиля, ведь если бы они остались без последствий, «каким бы это было поруганием имени Моего» (в синодальном переводе «каково было бы нареkanie на имя Мое»). Все было сказано заранее, задолго до свершения, именно и специально для того, чтобы не оставить места для

кривотолков, чтобы нельзя было приписать ход событий чему-нибудь, кроме воли Божьей. И коль скоро исполнилось все сказанное заранее, то исполнится и то, что Бог возвещает сегодня, и – следовательно, – нужно возвращаться, выходить из Вавилона.

Кроме того, в тексте 48-й главы есть еще одна логическая структура, на которую нельзя не обратить внимания. Эта проповедь начинается довольно жестким, если не сказать саркастическим обращением к избранному народу. Пророк называет Израиль «клянущимися именем Господа и исповедающими Бога Израилева, хотя не по истине и не по правде». Семикратно как заклятие призывающие имя Господне, поминающие Бога Израилева, неистинно и неправедно – так можно было бы передать смысл этой фразы. Люди, которые считают себя верующими, поминают имя Бога как магическое заклинание, не для того, чтобы обратиться к Нему, но чтобы заколдовать себя. Они (впрочем, следует, конечно, отнестись это и к нам не в меньшей степени) поминают Бога, буквально – вспоминают о Нем, не стоя перед Ним в правде. Это, понятное дело, грех – да вот беда, возможно ли для нас что-то иное? В конце концов, в христианской молитве «яко несть человек, иже жив будет и не согрешит» есть глубокая правда, и верующие верят, как могут. Немного позже об этом с болью будет писать автор книги Иова... Удивительным образом Бог говорит не о нарушении 4-й заповеди, а совсем о другом. Пусть израильтяне, поминающие завет и имя Божие, недостойны ни того, ни другого – Бог не обличает этот и без того очевидный факт, а предлагает выход. В самом деле, для того, чтобы поминание Бога стало не пустым, Господь предлагает израильтянам выход: исход из Вавилона. Вот дело веры, которое придает смысл словам и наполняет завет реальным содержанием. Если уж поминаете Бога и называете себя народом завета – вот, следуйте за Богом куда Он (а не предсказанный Им Кир) поведет вас.

Ис 49:1-26

Второй «мессианский гимн» в начале 49-й главы представляет собой прямую речь Мессии, которую Он обращает ко всем народам. Надо полагать, помещенным в книгу словам предшествовало некоторое введение, нечто вроде обычного пророческого «Так говорит Господь», – иначе трудно представить себе ситуацию, в которой звучит проповедь Второисайи. Обращаясь к пленным израильтянам, пророк, должно быть, восклицал: «Вот, подобно тому, как Он послал Кира освободить нас, так Господь посылает Машиаха, и когда Он придет, вы услышите голос Его и Он скажет: «Слушайте Меня, острова...». Здесь уже не остается места для путаницы, где Мессия, а где Израиль, потому что смысл прихода Мессии – «чтобы обратиться к Нему [к Богу] Иакова и чтобы Израиль собрался к Нему».

Второисайя вкладывает в уста Мессии замечательные слова о том, что Господь призвал Его от утробы матери, от чрева образовал Его в раба Себе (здесь снова используется выражение «звед Яхве», о котором уже шла речь выше (см. раздел о 42-й главе)), и это не только общепринятое среди пророков указание на восходящий к Богу авторитет пророческого служения. Скорее, речь идет о том, что приход Мессии является частью (центральной частью) замысла Божьего об избранном народе. Но и более того («мало того», как выражается Второисайя) – через Мессию Бог простирает спасение до концов земли. В предновозаветные времена иудейские учителя (по крайней мере, некоторые...) полагали, что Мессия входит в предвечный замысел Бога обо всем творении; как и Тора, Мессия существует от века, до сотворения мира. Сначала явлена Тора, а потом – мир, в котором ей предначертано быть законом бытия; сначала явлен Мессия, а потом – мир, в котором Ему предстоит быть «светом народов». В этом гимне Второисайи – одно из библейских оснований такого взгляда, равно как и веры христиан в Предвечного Сына Божьего. Кроме того, весьма важен глобальный характер служения Мессии; свет Его – не только для Израиля, но и для «народов». В библейском языке, где противо-

поставляются не одни народы другим, а Израиль – народам, это означает свет Божий для всех народов.

Но в том, что Второисайя говорит о приходе Мессии и Его служении, обнаруживается нечто трудное для понимания, если вообще постижимое. Речь идет о поражении Мессии, во всяком случае, о поражении с человеческой точки зрения. Пророк говорит, что Мессия – избранник Божий, в котором прославится Бог; стоящее здесь слово *מָשִׁיחַ*, *ра'аг*, пожалуй, следовало бы перевести как «просияю» (собственно, именно этот оттенок и подчеркивает *דִּבְּרֵי מִשְׁחָא*, «прославлюсь» в Септуагинте). Речь идет о том, что в служении Мессии открыта, явлена, сияет миру слава Божья, что свет Самого Всемогущего светит сквозь Мессию; нечто подобное имеет в виду евхаристическая молитва свт. Василия Великого, когда говорит о Христе «в Себе показуяй Тя, Отца». И вот, именно Мессия (а контекст не позволяет приписать эти слова никому другому) говорит: «Напрасно Я трудился, ни на что и вотще истощал силу Мою», – слова, по лексике и смыслу близкие к трагическому *havel havalim*, «суета сует» Екклезиаста. Мессия, конечно же, приходит для восстановления колен Иаковлевых и становится, сверх того, светом народов; но с некоторой точки зрения, Он терпит поражение, и силы Его расточаются вотще. А мы думали... (подобное выражение мы обнаружим у Второисаии ниже, в 53-й главе) – мы думали, что станем свидетелями триумфа. Но все, оказывается, гораздо сложнее...

И снова в словах пророка появляется двойственность; он говорит об унижении и расточении Израиля, но мысль его развивается параллельно тому, что было только что сказано о Мессии; оба они – Израиль и его Мессия – презираемые всеми, поносимые народами. И если Мессия, в глазах человеческих трудившийся напрасно, «почтен в очах Господа», то и Израиль не забыт у Бога: Мессия станет заветом народа для того, чтобы восстановить землю обетования. С 8-го стиха и до конца главы Второисайя увлеченно описывает грядущее избавление и восстановление народа, в результате которого всякая плоть узнает, что Господь – Спаситель

Израиля. Вот только исполнение этого пророчества – какое-то не такое... Не было триумфального освобождения, не было того, что Захария немного позже назовет «и ухватятся десять человек за полу иудея и скажут: мы пойдем с тобою, потому что мы знаем, что с вами Бог»⁸. За исключением краткого периода маккавейских войн, Израиль уже никогда не будет в полном смысле слова свободен, до самой Катастрофы! Лишь отчасти исполняются в истории избранного народа обетования, данные через Второисайю. С человеческой точки зрения эта надежда на свободу и политическую самостоятельность – тоже *havel*, тщета, как названо выше дело Мессии; строго говоря, следует назвать ту реальность, в которой исполняется пророчество, духовной и/или эсхатологической. Поэтому, собственно, христиане и относят это (и иные подобные) пророчества к Церкви Мессии, которая, в самом деле, вбирает в себя верящих Богу Израилеву из всех народов – и к последним временам, когда, запечатлевая «полное число язычников», обратится и Израиль... Таким образом, и вся глава в целом – о Христе, свете народов.

Кроме всего сказанного, 49-я глава содержит удивительные слова, которые говорит Господь в 15-м стихе. Даже если женщина забудет грудное дитя свое – по крайней мере, для тех времен это представлялось совершенно невозможным, – то Бог все равно не забудет народ Свой. Завет, который Бог заключил с домом Израиля, неотменим; что бы ни было, Бог не забудет Свой народ, потому что Он начертал его на ладонях... Для древнего читателя, надо полагать, эти слова напоминали о договорах, высеченных на скалах, о стеле Хаммурапи и двенадцати римских медных таблицах. Современный читатель, если сможет, скорее вспомнит бесконечные очереди, где номера писались ручкой на ладонях, чтобы не потеряться. Так или иначе, речь идет о том, что высечено на деснице Божьей – и не может быть стерто! Нравится нам это, или нет, – но это так. Для христиан здесь есть важная причина для размышле-

---

⁸ Зах 8:23.

ний; мы привыкли думать, что сказав: «Оставляется вам дом ваш пуст», – Бог забыл Израиль, и вместо него избрал Себе новый народ – Церковь. В богословии это называется теорией замещения, – она стала популярной, практически общепринятой с глубокой древности, и господствовала в христианской мысли вплоть до самого Холокоста. И вот, получается, что Израиль может отвергнуть Мессию – и евангелисты тому свидетели. Но может ли Бог из-за этого отвержения забыть Израиль? И если может, то как можно доверять другим Его обещаниям? Нет, обетование, начертанное на дланях Всемогущего, не может отмениться и быть забыто ни по каким причинам, даже по причине неверности Израиля – так полагал ссылавшийся здесь на Второисайю рабби Саул из Тарса, более известный христианам как апостол Павел. Мы слишком спокойно веками смотрели на евреев как на отвергнутый Богом народ, чтобы суметь понять это, – но если бы теория замещения была верна, грош была бы цена и нашему упованию. Конечно, у всего, что происходит в истории, есть свои причины, и эта аберрация в христианском отношении к народу Божьему имеет свои объяснения; кроме того, бессмысленно пытаться изменить прошлое. Единственное, что нужно здесь понять до глубины души, до печенок: Бог никогда не забывает и не бросает Своих чад, пусть недостойных, грешных и отвергающих Его. Никогда. И мы, из всех народов вступающие в Новый Завет Бога, уповаем именно на эту Его верность.

Ис 50:1-11.

В начале 50-й главы продолжается речь о верности Бога и неверности народа. «Где разводное письмо вашей матери?» – гневно вопрошает Господь. Где документ, который свидетельствовал бы, что Бог забыл, отпустил или прогнал Израиль? Его нет, и, следовательно, не Бог виноват в том, что произошло с Израилем. «Кому из Моих заимодавцев Я продал Вас?» – по-иному формулирует пророк тот же вопрос. Какие могут быть у Бога заимодавцы? Никто не мог ничего дать Ему взаймы, да и не нужно Богу ничего

и ни у кого занимать. Значит, следует вывод из этих риторических, в сущности, вопросов, – Бог не отрекался от завета. А если одна из двух сторон союза неповинна в его разрыве, следовательно, ответственность ложится на другую сторону.

Для Второисаии важно, судя по всему, не столько то, что израильтяне сами разрушили завет с Богом; в конце концов, об этом Господь говорил еще через Иеремию на три четверти века раньше⁹. Собственно, центральным откровением всей его книги является тот факт, что, даже в обстоятельствах разрушенного народом завета, Бог не отрекся и не забыл, Он не согласился на погибель Израиля, сколь бы заслуженной она ни была. Поразительно, что упрек, который Бог обращает к Израилю в первых стихах 50-й главы, не в том, что люди согрешили; они и понесли наказание за это. Господь упрекает в том, что среди неверности и вызванных ею бедствий никто не надеялся на Него, в том, что израильтяне отчаялись в Нем... Переводы Библии, начиная с Септуагинты и вплоть до современных, передают текст высоким литературным стилем, используя в полтора-два раза больше слов, чем оригинал¹⁰; это, надо полагать, облегчает понимание, да и высокий стиль больше соответствует материалу. Однако при этом не передается ни живой характер речи, ни ее интонация. Так говорит Господь: «Где это разводное письмо, которым Я прогнал вашу мать? Или какому кредитору продал? Вот, за зло проданы, за бунт изгнана мать! Почему прихожу – никого, зову – нет ответа? Что, руки Мои коротки спасти? Что, силы нет избавить?» – так можно было бы слово в слово передать первые фразы главы (набранных курсивом слов в тексте нет).

Следующие стихи, в которых пророк говорит от лица Мессии, являются ответом на вопрос: «Почему прихожу – никого, зову – нет ответа?». Пророк возвещает, что есть Некто, кто каждое утро

---

⁹ См., напр., Иер 31:32.

¹⁰ Например, в евр. тексте Ис 50:1 – 22 слова; в Септуагинте – 32, в Вульгате и русском Синодальном переводе – по 34, а в King James Version – целых 47!

обращает слух к Богу, кто отвечает Ему – один за весь избранный народ. Служение Мессии в этом контексте заключается в том, чтобы слушать Бога: «Господь Бог дал язык умудренный, чтобы словом укреплять изможденных; пробуждает утром, на рассвете будит слух, чтобы вслушиваться в учение. Господь Бог отверз слух мой, не воспротивлюсь, не отступлю назад. Спину Я дал биящим, щеки – хлещущим; лица не прятал от позора и плевков. Господь Бог помогает Мне, потому не стыжусь, держу лицо каменным, знаю, что не постыжусь». Дело не столько в том, что Второисайя видит отвержение Мессии (стандартное христианское толкование в этом, собственно, и заключается), сколько в том, что Мессия один из всего народа «вслушивается» в слово Отца посреди поругания и побоев, вызванных грехами всего Израиля (об этом Второисайя еще будет говорить тремя главами ниже).

Так Мессия являет пример, образец внимания к Богу, которое одно только и приносит избавление, и для того, чтобы снискать это избавление, примеру Мессии нужно последовать. «Кто ходит во мраке... да уповает на имя Господа».

Ис 51:1–52:2

Песнь избавления, составляющая 51-ю и начало 52-й глав, построена на призыве к упованию на Бога и к слушанию Его голоса, – так же, как и предыдущая глава. Господь напоминает об Аврааме, который навеки будет образцом доверия: спасение и восстановление Израиля являются исполнением обетования, данного именно Аврааму. Обращает на себя внимание, что в речи, которую пророк произносит от лица Господа, он использует те же самые обороты, которыми в предыдущих главах (напр., Ис 42) он говорил об Отроке Господа, Мессии.

Возможно, мы имеем дело с повтором одних и тех же характерных выражений в проповедях, произнесенных пророком в разное время и в разных контекстах; однако этот феномен свойственен не только Второисае – многие другие пророки (например, Иезекииль) также повторяют одно и то же от лица Самого Бога и от лица

Мессии. Это слишком характерно для пророческой письменности, чтобы можно было удовлетвориться простым объяснением, что пророки много раз говорили примерно одно и то же, от лица Бога или от лица Мессии – как придется. Скорее это следовало бы считать целенаправленным гомилетическим приемом, за которым стоит ощущение, что через Мессию, некоторым таинственным для пророков образом, говорит и действует Сам Незримый, и закон Бога и закон Мессии – одно и то же.

Пророки не говорят прямо о Богочеловечестве Мессии; едва ли вообще в их задачу входит говорить что бы то ни было о позднейшей догматике, халкидонской в частности. Тем не менее, налицо подчеркнутое единство слов Самого Бога и Мессии. В самом ли деле пророк осознанно предполагает между Ними иную, более глубокую связь, чем в отношениях Бога с любым из людей? Может быть и нет; может быть, пророки исходят из довольно очевидной идеи, что Сам Бог будет действовать через Мессию. Тем не менее, именно здесь источник представлений иудейских учителей о том, что в Мессии, как в Торе, в Имени и Премудрости Бога, как в Духе Его, присутствует и действует Сам Непостижимый Единый Бог (отчасти именно эти представления, впрочем, и помешали им признать Мессией Иисуса на Кресте). И здесь же, надо полагать, библейские корни веры христиан в единосущие Отца и Сына и в Богочеловечество Христа, халкидонской веры, сформулированной почти через тысячу лет после Второисайи.

Вторая часть главы посвящена описанию избавления, когда спасенные люди возвратятся на Сион, когда освобожден будет пленный, когда чаша ярости Господней будет взята из руки Израиля и отдана его мучителям. В этот день Иерусалим облечется в одежды своего величия и будет жить в святости и правде – уже не будет входить в него необрезанный и нечистый. Коротко говоря, мир будет восстановлен во всей своей красоте и свободе (первый Исайя, Иерусалимский, говорил в связи с этим о льве, который возляжет рядом с ягненком). Во-первых, важно, что для этого Бог вложит в уста Сиона Свое слово и скажет: «Ты Мой на-

род». А во-вторых, «краткое содержание» этой песни Второисайя формулирует в Ис 51:3: «Сделает пустыню Эдемом и степь – садом Господа». Часть древних и современных переводов (вслед за Вульгатой) предпочитает здесь слово «Эдем»; другие – (вслед за Септуагинтой) слово «παράδεισος», рай. Последнее – персидское слово, используемое древнегреческими авторами (от Ксенофонта до Плутарха) в значении «прекрасного парка», «заповедника превосходной природы» и т.п. Но пророк говорит о том, во что превращается этот мир в результате спасительного действия Божьего – а не о заоблачных высях и небесных красотах. Не спасаемый народ «изымается» в горний мир, где избранные прогуливаются среди цветущих деревьев, а этот мир превращается в Эдем, когда слово Бога входит в уста людей. Эсхатологическое видение всей главы заключается, таким образом, в том, что Царство Бога устанавливается в истории Израиля.

«Народ, у которого в сердце закон Мой», – сильное утверждение; однако для пророка, который более чем трезво видит себя и свой народ, оно не является «художественным» преувеличением. От лица Господа Второисайя призывает этот народ не бояться поношения, подобно тому, как Мессия не закрывает лица от поругания. Чаша страданий народа Божьего перейдет к его мучителям, и поношения их превратятся в ничто – если народ, как его Мессия, вложит в уста слова Господа. И Господь Сам будет его Утешителем.

Это слово – Утешитель, *παῖς* (и производные от этого корня) – весьма часто встречается в библейском тексте и переводится несколькими разными словами. В одних случаях, как, например, в Ос 11:8: «Повернулось во Мне сердце Мое, возгорелась вся жалость Моя!» Или в Пс 134:14: «Ибо Господь будет судить народ Свой и над рабами Своими умилосердится», – речь идет о том, что Бог жалеет людей, милует их, сожалеет о бедствии (Иоил 2:13) и раскаивается в том, что навел его на народ (Пс 106:45). Этот же корень использует Второисайя в словах «Утешайте, утешайте народ Мой» (Ис 40:1, см. выше). То же самое слово, впрочем, встречаем

мы и в Числ 23:19: «Ибо не человек Он, чтобы Ему изменяться». И в 1 Цар 15:29: «Не раскается Верный Израилев; ибо не человек Он, чтобы раскаяться Ему».

Это фундаментальная вещь, которую Библия говорит о Боге: будучи Сам неизменным и поступая безошибочно, Бог, тем не менее, жалеет людей и сострадает нам. Даже в бедствии, по правде пришедшем на род человеческий («Ибо правдою и судом истинным вся навел еси на нас», — как выражается свт. Василий Великий), сердце Бога на нашей стороне. Бог может сжалиться и делает это.

С богословской точки зрения здесь есть некоторая трудность, выявившаяся вскоре после Халкидонского собора в т.н. теопасхитских спорах. С одной стороны, Слово Божье постоянно говорит о сострадании Бога к нам (греч. *συμπάθεια*); с другой стороны, богословы, говоря о том, что Богу чужды человеческие страсти, пользуются термином бесстрастие (греч. *ἀπάθεια*). И то, и другое справедливо: Бог не подвержен страстям и Бог сострадателен; тем не менее, термины (в русском языке так же, как и в греческом), вступают в известное противоречие друг с другом. В связи с этим, в частности, скифские монахи-теопасхиты, опираясь на халкидонскую веру в нераздельность божественной и человеческой природы Иисуса Христа, подчеркивали, что во Христе Бог пострадал на Кресте. Их противники, опираясь на халкидонскую же веру в неслиянность двух природ, отказывались согласиться с этим (и отказывались от теопасхитской формулировки «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, распныйся за ны, помилуй нас»). Трудно сказать, в том ли дело, что противники теопасхитов спроецировали на Единого Бога качества, приписываемые философскому божеству в эллинской мысли, или в том, что страдающие люди часто ищут не утешителя, который пожалеет, а слияния с абсолютом, который сам не подвержен страданию — на мой субъективный взгляд, первое более вероятно. На практике христиане просто путают бесстрастие с равнодушием; так вот чуждый страстей Бог Библии отнюдь не равнодушен.

Ис 52:3–10

Прозаический отрывок в Ис 53:3–6 может рассматриваться и как заключение предшествующей песни избавления, и как введение к следующей части книги – гимну о страдающем Отроке Господа. Пророк вспоминает о двух моментах истории Израиля, когда народ Божий был поставлен на грань уничтожения – в Египте перед Исходом и в конце 8-го века во время ассирийского завоевания. «А это еще что такое?», – задает пророк от лица Господа риторический вопрос о происходящем в Вавилонском плену. Опять народ Божий стал жертвой неистовства завоевателей, и опять – как в Египте и как при Сеннахерибе – узнает народ, что Бог рядом; верность Бога Своему народу становится для пророка своего рода характеристикой Всемогущего: Он – Тот, кто приходит на помощь, Бог спасения нашего.

Бог откликается на страдания Своего народа, и радость об этом затмевает все ужасы плена. Это радостная весть, весть о спасении – тем же самым словом назовет свое служение Иисус из Назарета. Но при всем том спасение, о котором ликует пророк, которому будут слагать гимны следующие поколения, которое стало прообразом спасительного действия Бога в Новом Завете, не отменяет того страдания, которое выпало на долю израильтян в плену. Незадолго до Второисаии об этом размышлял пророк Иезекииль. Он ясно видел, что плен был вызван грехами народа, но совершали эти грехи одни, а в плен пошли совсем другие люди; спасение будет дано в будущем, но тем, кто погиб во время вавилонского завоевания, от этого не легче. Это несправедливо, неправильно. И Господь во-первых говорит Иезекиилю, что перед Ним каждый отвечает сам за себя, и, во-вторых, Он открывает пророку величественную картину воскресения мертвых, когда новая жизнь будет дана тем самым людям, иссохшие кости которых видит Иезекииль.

Второисаия видит то же самое с другой точки зрения. Да, Бог возвещает радостную весть о спасении, о том, что Он рядом и приходит избавить народ. Избавление грядет – но страдание от этого

не перестает быть страданием. Холокост кончился – но он был! Запечатанный гроб опустел – но Гефсимания была! Последующее избавление, последующее утешение, последующая радость – могут ли они отменить предшествующее страдание, могут ли они скомпенсировать его? Можно ли вообще говорить об этом в терминах компенсации, особенно если люди своим страданием приобретают жизнь для других, а не для себя? Есть известное (хотя и не вполне точно переведенное в Синодальном переводе) высказывание ап. Павла в 2 Кор 4:17 («кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу»), но апостол, говоря *κατερύσσεται ἡμῖν*, вызывает нам вечную славу, во-первых, опирается именно на совершившееся искупительное страдание Господа Иисуса, во-вторых, имеет в виду присутствие вечной и все превосходящей жизни Бога в самом средоточии человеческого страдания (вполне теопасхитская идея) и, в-третьих, не обязательно точно подбирает греческий глагол... Так или иначе, на практике попытка сказать страдающему человеку: «Потерпи, зато потом произведется вечная слава», – воспринимается как чудовищное лицемерие, да в сущности, таковым и является – об этом ясно и подробно говорит автор книги Иова. Даже себя самого в настоящем страдании «утешить» подобным образом невозможно, что уж говорить о мучениях миллионов, свидетелями которых мы стали в 20-м веке... И вот Второисайя, призывая народ Божий выходить из Вавилона, пытается осмыслить то страдание, которое было перенесено Израилем, и которое не может просто улутучиться, сделаться как не-бывшее.

Ис 52:11–53:12

Пророк говорит об Отроке, Рабе Господа, – но не о том, которому покорятся страны и на которого будут уповать острова. Скорее, речь идет о Том, Кто всегда присутствует в страдающем народе Божьем. Христиане относят этот текст главным образом к Мессии Израиля, иудеи – к Израилю как к таковому; на самом деле Отрок Господа, о котором изумляются многие, неотделим

от народа и от всего человечества; именно это делает несовпадение между христианским и иудейским прочтением этого текста неустранимым.

Для того, чтобы вслушаться в слова пророка, попробуем передать Ис 52:9–53:12 ближе к оригиналу (как и в других случаях, большинство переводов использует в полтора-два раза больше слов, чем оригинал):

⁹Ликуйте, радуйтесь вместе, развалины Иерусалима, ибо пожелел Яхве народ, искупил Иерусалим! ¹⁰Явил Яхве Свою руку святую на глазах всех народов; увидели все концы земли избавление Господне. ¹¹Идите, идите, уходите оттуда; нечистого не касайтесь, выходите из среды их, очиститесь, носящие орудия Яхве, ¹²ибо не второпях побежите, не удерете: пойдет ведь, пойдет впереди Яхве, и позади – Бог Израилев.

¹³Вот, преуснеет раб [Мой], возвысится, вознесется, возвысится высоко! ¹⁴Как поражались оттого многие: так обездображен человеческий вид [его], облик сына Адама! ¹⁵Так удивятся народы многие; оттого закроют цари рты, ибо о чем не говорили им – увидят, о чем не слышали – поймут.

¹Кто принял сказанное? Рука Яхве тут кому открылась?

²Взошел росток пред Ним, корень из земли сухой; нет вида, нет величия, смотрим – нет вида привлекательного. ³Презренный, отвергнутый людьми, муж скорбей, познавший боль, прячут лицо [от него], презирают, не ценят.

⁴Однако нашу боль он понес, скорбь нашу взял; мы думали – изъязвлен, наказан Богом, унижен – ⁵[а] он изранен по грехам нашим, разбит беззаконием нашим, наказание для примирения нашего на нем, ранами [его] исцелены.

⁶Все как овцы блуждали мы, по дорогам разбрелись; Яхве покарал его за беззакония всех. ⁷Угнетен он, унижен – не открыл рта, агнцем на заклание ведется, овцой перед стрижем связан, не открывает рта.

⁸От уз и суда взят; его участь кто поймет? Ибо отсечен от земли живых, за грехи народа уязвлен. ⁹Ему давали со злодеями гроб, но [Он] с богатым в смерти, ибо не совершал насилия, не лгал устами.

¹⁰Яхве захотел поразить, уязвить [его]; когда принесет жертву душа [его], увидит посеянное долговечным, желание Яхве в руке [его] исполнится. ¹¹На труд души своей воззрит удовлетворенно, мудростью оправдает праведный раб Мой многих, беззакония их понесет. ¹²Посему доля [его] велика, с великими разделит добычу, потому что отдал смерти душу, к бунтовщикам причтен, – он грехи многих понес, за преступников вступился.

Призывая пленников выйти из Вавилона, пророк говорит о том, что они не просто сбегут оттуда, как бегут заключенные из темницы, но выйдут не второпях, выйдут торжественно, как победители, потому что Бог снова, как встарь, выведет народ Свой из рабства. «Возвысится раб Мой», – говорит Господь, и это возвышение будет неожиданным и удивительным именно потому, что рабы Бога пребывали перед этим в унижении. Глядя на раба Божьего (Израиль), многие дивились, до какой степени унижения, ничтожности и угнетенности могут дойти люди. И здесь, думается, важно, что пророк говорит о сынах Адама, потому что речь идет не только о судьбе Израиля как этноса. Обезображенный, лишенный образа Божьего вид – знак полного, абсолютного поражения; в терминах суда Божьего можно сказать, что ничтожный раб, чей вид столь безобразен, потерпел поражение на этом суде: избравшие иные (не-израильские) пути «выглядят» лучше. Но цари земные – люди, несомненно, успешные и благополучные относительно прочих – вдруг увидят в этом ничтожном рабе нечто такое, что не могло прийти в голову: оказывается, унижение и страдания не обязательно означают поражение, оказывается, они не являются признаком того, что Бог оставил такого человека. Вот краткий смысл пророчества, а далее, начиная с Ис 53:1, та же мысль разворачивается вновь, более подробно.

Это невероятно, это не могло прийти в голову людям, кто мог увидеть в этом унижении и страдании руку Всемогущего? Разве только «карающую десницу», но речь-то как раз не об этом... Традиционное христианское понимание этого текста предполагает, что речь идет о Мессии, Отроке Яхве, но, может быть, пророк говорит о некоем собирательном образе, о страдающем человеке как таковом – на самом деле не так это и важно. А важно то, что говорится в Ис 53:4: «Нашу боль он взял». Страдающий и униженный Отрок Яхве, как бы ни толковать о Его лице, берет на себя чужое страдание, чужую боль. Имплицитно предполагается, что в большинстве случаев люди страдают за свои грехи, в результате своих беззаконий; этот взгляд характерен и для многих книг Ветхого Завета, и для тех религий, которые вообще рассматривают жизнь в категориях греха и ответственности за него. Строго говоря, при всей очевидной обоснованности такой позиции, дело все же далеко не всегда обстоит именно так.

Отрок Яхве, как и герой книги Иова, как и тот гипотетический праведник, о котором вопрошает пророк Аввакум, сам не совершал греха: «Не совершал насилия, не лгал устами». Прimitивный взгляд ожидает, что такой человек должен быть в буквальном смысле безуспешен, и редко, разве только в художественной литературе невысокого полета, можно найти подобные примеры. В жизни человеку праведному (насколько возможно праведному, как уточняет автор книги Иова) достается едва ли не больше, чем беззаконному. Можно было бы порассуждать о загробном воздаянии, но это радикально не библейский подход. Второисайя видит в этом руку Яхве, желание Яхве, которое исполняется в руке Отрока Его. И это желание заключается в том, что «наказание для примирения нашего» было на нем, в том, что «ранами его мы исцелились».

Во-первых, пророк полагает, что такое возможно и именно страдание за других совершается в Отроке Господнем. Меньше чем за полстолетия до Второисаи Иезекииль говорил о том, что каждый отвечает перед Богом за себя, и никто своим страданием

не может искупить чужих грехов. Даже великий праведник может искупить только одного человека: самого себя. Именно в этом контексте Иезекииль говорит о том, что грехи многих может искупить только Мессия, который встанет «в проломе стены». Между прочим, современный читатель Евангелия с недоумением слышит слова Господа Иисуса о Его крови, которая «за вас и за многих изливается...», — мы думаем «за многих», значит «не за всех, за некоторых». Библейская точка зрения иная: не за себя одного, больше чем за одного себя — значит речь идет о Мессии, который искупает всех. Второисайя, как и Иезекииль, не может не обратить на это внимание: праведный Отрок Господа берет на себя ответственность за чужие грехи. И это выражается в том, что Он «изъязвлен за беззакония наши».

Во-вторых, не так прост и смысл слов «наказание для примирения нашего». Как будто Бог наказание, предназначавшееся нам, возлагает на плечи другого; мало того, что это несправедливо, это еще и кажется нам довольно бессмысленным. Ведь современный читатель полагает себя абсолютно, экзистенциально отдельным от других людей (для Библии это чаще всего совсем не так). Если один совершил преступление, а другой за него наказан, — изменит ли это что-нибудь в преступнике? Особенно если на окончательном суде он все равно сам предстанет перед Судией... Слово Божие, однако, предполагает, что если человек приходит на окончательный Суд вместе с Отроком Господа, под Его защитой и покровительством, то тогда он и может быть оправдан; для этого необходимо быть действительно вместе с Отроком Господа, не на словах, а всей жизнью следовать за Ним. Вот почему пророк использует слово *misag*, которое передается, к примеру, в Синодальном переводе не только как наказание, но и как «вразумление, наставление» (в этом значении оно используется в Притчах и у Иеремии, в книге Ездры и Пс 49:17). Поскольку слово *shalom* тоже имеет довольно широкий спектр значений, все выражение в целом оказывается весьма многозначным. Наказание для примирения нашего; вразумление для примирения нашего; наставление,

примиряющее нас с Богом; вразумление, ведущее к миру... «Он придет и возвестит нам все», – говорит Христу самарянка; «Он научит нас путям Своим», – возвещает пророк Михей (весьма возможно, что Христос в ответе самарянке неявно ссылается именно на Мих 4:2)... И, быть может, именно это место имеет в виду Христос, когда говорит Иерусалиму: «О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему!» (Лк 19:42).

«Ранами Его мы исцелились», – значит, Отрок Господа ведет за собой по пути примирения с Богом, и это происходит благодаря тому, что Он, праведник, разделяет с нами превратности нашего пути и, зная Бога, соединяет нас с Ним. Неявным образом об этом многократно пишут апостолы; особенно обращают на себя внимание слова ап. Павла о том, что Господь Иисус «сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искуплением» (1 Кор 1:30) и его же слова в 2 Кор 5:20–21, где Павел от имени Христова просит своих корреспондентов примириться с Богом («вразумление для примирения нашего»), потому что в Нем, праведном, мы находим оправдание. Потому, коротко говоря, ап. Павел и говорит так часто об оправдании во Христе, что для него оправдание не столько признание кого-либо «пригодным для рая», а участие в скорбях Отрока Господня.

Наконец, в этой главе мы видим еще и удивительный пример пророческого прозрения: непостижимым образом пророк упоминает детали, которые для его текста имеют сугубо второстепенный характер, но которые представляется практически невозможным знать заранее. Здесь это слова: «Ему давали со злодеями гроб, но [Он] с богатым в смерти» (Ис 53:9). Откуда Второисайя за полтысячи лет знал, что у Иосифа Аримафейского окажется новый гроб рядом с Голгофой, и Иисус будет погребен там, а не с разбойниками, как должно бы было случиться? Пожалуй, только слова Второзахарии о тридцати серебряниках и земле горшечника можно поставить рядом с этим удивительным прозрением: они столь же необъяснимы. То есть, на самом деле, если принять, что оба пророка неким образом (скажем «духом», хотя это не слишком ясная

формулировка) видят не просто замысел Божий, так сказать, богословскую идею, а именно реализацию этого замысла (желания Яхве) в Иисусе из Назарета, то все становится на свои места. При этом вопрос о том, насколько пророки сами осознавали то, что им открывалось, остается без ответа, но все же, откровенно говоря, я просто не вижу иного объяснения... Даже относительно убедительное понимание того, что, почему и для чего говорят пророки, – необходимое для читателя понимание – не может до конца объяснить тайну того, что же они видят.

Ис 54:1-17

Заключительная часть слов Второисайи о страдающем Отроке Господа – пространный гимн, составляющий 54-ю и 55-ю главы книги. Уже не раз говорил пророк о том, что Бог верен, что Он не бросает Свой народ никогда и ни по какой причине; впрочем, радость и изумление о том, как прекрасна будет жизнь народа, когда исполнится «желание Яхве», не становятся меньше от повторения. Кроме того, необходимо учесть также и тот простой факт, что древние составители (я полагаю, их следовало бы именовать боговдохновенными редакторами) не руководствовались стремлением создать краткий и систематический компендиум богословских идей. Пусть основная мысль гимна Ис 54–55 и была высказана раньше, но детали столь драгоценны, что просто отложить этот текст как повтор ни у кого рука бы не поднялась... Детали же и впрямь поразительны.

«Ибо твой Творец есть супруг Твой...», – дерзает Второисайя говорить об отношениях Бога и Израиля. Это один из самых сильных и ярких образов, которые библейские авторы используют для объяснения того, что такое завет и каково отношение Бога к Своему народу. Вообще говоря, брак – довольно непрочная вещь, и любящая эпоха знает сотни и тысячи примеров того, как он распадается или существует чисто внешне. Более того, идеал единственного брака, строго говоря, формируется в библейской культуре только в слепоглухую эпоху. Но как бы то ни было, во все времена люди

знают, что возможно благословленное Богом сущностное единство двоих, связанных чем-то более глубоким, чем даже то «чувство», которое мы привыкли называть любовью. Это единство, когда из двоих в самом деле составляется одно существо, когда невидимая нить, связывающая супругов, ощущается, что называется, «спиной» и простирается по ту сторону смерти. В таком союзе оба его участника всегда переживают свою совместность, всегда помнят о существовании другого и о том, что каждый по-одиночке – только добровольная часть чего-то большего. И никогда не пренебрегают этим. Что бы ни происходило, как бы далеко они ни были друг от друга, даже в трагической размолвке, эти двое избрали стать частью другого. Тысячи лет назад этот идеал был едва ли не так же романтичен и редок, как ныне, но все же именно он – высокая норма человеческой жизни, а все остальное – не более чем предмет профессионального любопытства психологов, социологов и психиатров.

И Библия изредка приводит примеры, чаще всего оставляя за кадром содержание этой единой жизни двоих... Авраам и Сарра. Иаков и Ревекка. Товит и Анна. Вооз и Руфь. Захария и Елизавета. Иоаким и Анна. На самом деле, ряд, конечно, простирается от Авраама и Сарры к Марии и Иосифу... Но Второисайя, конечно, не имеет в виду родословие Мессии, он говорит о другом. Связь между избранным народом и Богом так же абсолютна и нерасторжима, как связь между супругами в браке, который мы привыкли называть слишком простым словом «счастливый».

Еще один важный аспект есть в этом пророческом образе: как в браке каждый из супругов не перестает быть самим собой, не смешивается с другим и остается физически свободным, так и в союзе Бога с Израилем единство Всемогущего Бога и немощного во всех смыслах народа не означает смешения природ или утраты свободы. Коротко говоря, есть в этом образе нечто, удивительно напоминающее халкидонский догмат о соединении «неслитном, неизменном, нераздельном и неразлучном». Это и есть «завет мира», союз, в котором возможно усыновление Отцу. Быть может,

это одна из самых серьезных причин того, почему Церковь Христова не может отвергнуть Ветхого Завета и забыть о нем.

Наконец, не стоит забывать и о том, что слова пророка меняют и представление библейской культуры о браке: завет, заключенный Богом с людьми, в свою очередь становится прообразом и идеалом того союза, которого «человек да не разлучает». Отличительная черта того и другого – способность давать жизнь.

Ис 55:1–13.

Гимн об избавлении, совершаемом Богом через Слово, которое приносит Израилю Отрок Яхве, завершается в 55-й главе величественной картиной грядущего, и едва ли возможно различить в нем то, что относится к ближайшему будущему от того, что можно назвать греческим словом *ἔσχατον*, конец и цель истории. Это вообще чрезвычайно характерно для библейской эсхатологии; именно этим оказывается затруднено понимание пророчеств.

Пленники из покоренных народов, которых вавилоняне расселяли в Междуречье, не имели права владеть землей; во всяком случае, если они не входили в храмовые общины. Поэтому пленные иудеи были лишены возможности сами выращивать продукты питания. Им оставалось либо становится батраками и питаться чужим хлебом, либо заниматься торговлей. Именно тогда впервые возникают транснациональные торговые компании, влияние которых простирается далеко за пределы Вавилонии, долговые расписки, безналичный оборот средств... Но возможности выращивать свой хлеб на своей земле пленники были лишены.

И вот Господь через пророка возвещает пленникам возможность найти пищу не за плату, не за серебро, – больше того, найти ее не в результате тяжелого труда, но получить от Бога в дар на земле Израйля. Главное в этих словах, конечно, не в подрыве экономической системы, а в том, что дар Божий превышает все, что можно себе представить, даже экономическую справедливость. Что ни говори, есть в этих словах отзвук чего-то коммунистического (особенно для российского читателя); вся разница в том, что

в Библии речь идет о даре Божьем, который никем иным просто не может быть дан – и никаким серебром не может быть оплачен. Довольно очевидно также, что никогда – ни сразу по возвращении из плена, ни когда-нибудь еще до конца истории этот яркий образ не был, да и не мог быть реализован (а уж как, казалось бы, мечтали об этом люди). Однако нужно заметить, что пророки после Плена (и автор Ис 58, и Захария) обличают жестокость и угнетение в жизни вернувшихся из Плена в землю обетованную. По крайней мере, для них эти слова Второисайи не были просто красивым лозунгом, но не были они и описанием чего-то заоблачного, заведомо нереализуемого. По-видимому, они считают плоды земли, в изобилии даруемые Богом, даром, который дается всем.

Второисайя, впрочем, никоим образом не является религиозным коммунистом; как и автор книги Екклезиаста столетие с небольшим спустя¹¹, он называет хлеб тем, что не насыщает. Преображение мира, установление Царства Всемогущего вовсе не заключаются в том, чтобы «покупать без серебра». Подлинное благо, которое следует вкусить изгнанникам – «Послушайте Меня внимательно... и дам вам завет вечный». Этот вечный завет, подлинная святыня Давида, как передает эти слова Септуагинта, предлагается всем народам; войти в этот завет и для израильтян, и для язычников возможно одним путем: искать Господа и оставить беззаконие. Замысел Божий, таким образом, превосходит человеческие ожидания, но это не означает его утопичности. «Мои мысли – не ваши мысли», – говорит Господь. И в контексте пророчества, и вне его, эти слова остаются фундаментальным богословским утверждением, о котором верующим следует всегда помнить. И не в том дело, что Бог и Его пути непостижимы – в конце концов, для того Он и говорит с нами, чтобы мы могли постичь Его пути и избрать именно их. Речь идет о том, что Слово, которое Бог посылает на землю через Отрока, Служителя Господня, с человеческой точки зрения – просто слово, но оно не возвращается

---

¹¹ Ср. Еккл 6:7 «Все труды человека - для рта его, а душа его не насыщается».

тщетным. «Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово» – и поэтому избавление непременно совершится, и обещанное обновление станет несокрушимым свидетельством Бога.

Ис 56:1-12

Последние главы книги (Ис 56-66) нередко приписывают иному автору, которого сторонники этой позиции называют Тритоисайей; предполагается, что этот пророк служил Богу уже в Иерусалиме, после того, как первые караваны вернулись из Вавилонии. В пользу этого взгляда говорит несколько иной характер и тематика проповедей, предполагающие не вавилонский, а именно палестинский контекст. В самом деле, и обличительные слова, и страстное желание исполнения замыслов Всемогущего, выглядят более уместными в период после 538 г. до Р.Х., когда вернувшиеся из плена пытались обустроить жизнь в разоренном Иерусалиме. Однако обращает на себя внимание и фундаментальное сходство тем, строя мысли, а порой и речевых оборотов второй и третьей частей книги (Ис 40-55 и Ис 56-66 соответственно). Это и обличение язычества, и универсалистская надежда на обращение народов, и темы страдания праведника и служения Искупителя Израиля, и многое другое. Поэтому читатель вправе предполагать, что слеполенный контекст накладывается здесь на духовный опыт того же Исайи Вавилонского, а не другого человека. Если все же у заключительных глав и был свой отдельный автор, то его образ мыслей оказывается удивительно близок к Исайе Вавилонскому – этот факт тоже требует объяснения, которое может, впрочем, оказаться таким же искусственным, как и гипотеза Тритоисаи. Как бы там ни было, боговдохновенный характер текстов Ис 55-66 не подлежит сомнению, сколь бы ни была таинственной стоящая за ними фигура...

Для заключительной части книги Исайи характерны несколько фундаментальных идей, которые так или иначе отражаются во всех ее фрагментах. Одна из них – универсальный характер завета, который Бог заново заключает со Своим народом. Коль скоро

пророк неоднократно говорит об этом, надо полагать, что это не было вполне очевидно для всех его современников. Вскоре после возвращения из плена израильтяне склоняются к созерцанию своей исключительности, к осознанию эксклюзивности заключенного с ними завета. Второисайя же, напротив, говорит о его инклюзивности: завет включает в себя тех, кто, с точки зрения Торы, не может принадлежать к народу завета. Иноплеменник, коль скоро он по плоти не может наследовать обетования, евнух, который не может передать его потомству (что рассматривалось как обязанность потомков Авраама)... Господь обещает всем им, хранящим завет, наследие в доме Своем, который назовется домом молитвы для всех народов. Именно эти слова вспомнит Господь Иисус Христос, когда будет изгонять торгующих из Храма, и это вызовет у фарисеев и книжников возмущение едва ли не больше, чем сам факт «беспорядков».

То, что Господь обещает собирать «еще и других» в дополнение к собранным из народа Божьего, означает, что целью заключения завета, да и всего спасительного вмешательства Бога в историю, является не только отдельный народ, но все люди. И, кроме того, отсюда следует, что все люди равны, по крайней мере в том, что все они нужны Богу. Но пророк произносит свое слово не ради этого, довольно очевидного, вывода. Последние стихи главы обличают пастырей бессмысленных (ничего не понимающих), которые озабочены только сиюминутными и вполне низменными предметами: именно они должны были бы исполнять поставленную Богом универсалистскую задачу, приводить к завету ближних и дальних, кого только можно. Но пастыри Израиля отнюдь не соответствовали этой высокой миссии; незадолго до Второисаии Господь с болью и гневом говорил об этом через пророка Иезекииля: «Горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих!» (Иез 34:1 слл), и слова Ис 56:9–12 являются прямой отсылкой к этому тексту. Еще до плена пастыри Израиля превратились в нечто, вполне аналогичное языческим жрецам, отправляющим культ и решающим за счет этого свои материальные проблемы.

Насколько это уместно в язычестве – не так важно; в завете с Богом это неуместно. «Пастыри бессмысленные» Синодального перевода – довольно удачное расширение смысла «пастырей не-смыслящих» оригинала, потому что так ли уж они нужны, если они – такие?

В универсалистских текстах пророков вообще и Второисайи в особенности, есть один существенный аспект, касающийся призвания верных, призвания участников завета и их дальнейшей, после спасения, судьбы... Романтические сказки, в которых принц ценой невероятных усилий в ходе невероятных приключений добывает/избавляет/завоевывает/охмуряет (нужное подчеркнуть) соответствующую принцессу, заканчиваются свадьбой – а потом «они жили долго и счастливо». Так положено в сказках, и люди часто не только образ своих мыслей, но свою биографию безуспешно пытаются построить в соответствии с этим канонem. А в жизни, как известно, после свадьбы все только начинается, хотя и не так романтично. Отношение верующих к спасению очевидным образом строится все на том же романтическом каноне: главное – добраться до ворот Царства, где билетером рисуется ап. Петр (все-таки редкостно нелепая картинка!), а что будет там, внутри Царства – никто толком не задумывается. Обычно мы используем маловразумительное персидское (sic!) слово «парадиз» для обозначения прекрасных садов, где избранники прогуливаются под сенью струй, изнывая от скуки к концу третьего-четвертого миллиарда лет вечности. Вечный отпуск на Канарах... Пламенные слова пророков о земле, текущей молоком и медом, вызывали подобные образы в умах верующих и две с половиной тысячи лет назад.

Между тем именно универсалистские фрагменты пророческих писаний ярче всего говорят о призвании народа завета (в Ис 56, как и в Иез 34 – в первую очередь пастырей Израиля, а в Ис 43–44 и весь избранный народ) послужить тому, чтобы засвидетельствовать милость Божью остальному миру. Господь Иисус и Его ученики (по крайней мере, нескольких первых поколений) склон-

ны думать, что дело не столько в поучениях, сколько в заботе о людях. Именно поэтому и возникает то, что теперь называют социальной миссией Церкви. Пророческий универсализм, таким образом, не сводится к отказу от национальной исключительности народа Завета, но говорит также нечто важное о природе и смысле Царства.

Ис 57:1–21

Реальная жизнь тех, к кому обращается Второисайя, очень далека не только от свидетельства, но даже от самой элементарной человечности. Под каждым развесистым деревом израильтяне поклоняются идолам; в 57-й главе пророк вскользь, без лишних подробностей, обозначает множество языческих ритуалов, один глупее другого; дело доходит даже до принесения в жертву собственных детей. Вероятнее всего, речь идет о тех, кто оставался в Палестине при вавилонском владычестве, хотя невозможно с уверенностью утверждать, что в подобном не участвовали и вернувшиеся из плена. В одном ряду с разнообразными проявлениями идолопоклонства (ст. 5–8) пророк упоминает также и об униженных просьбах о царских милостях, с которыми жители этой земли обращались к земным владыкам, не утомляясь и не отчаиваясь вследствие отказов.

Почему надежда на царей настолько сильнее надежды на Бога? «Не оттого ли, что Я молчал, и притом долго, ты перестала бояться Меня», – вопрошает пророк от лица Господа. В сущности, это риторический вопрос, положительный ответ на который почти очевиден. Да, именно из-за долготерпения Божьего люди перестают помнить о Нем; но молчащий Бог не перестает быть единственным настоящим Богом! Эта проблема поколение за поколением проявляется в духовной жизни людей; быть может, именно долготерпение – тот нравственный выбор, который делает Бог в отношении человечества вообще, и который нам неимоверно трудно принять. То есть, когда речь идет о последствиях наших собственных грехов, нас вполне устраивает, что Бог терпит долго,

– трудно согласиться с тем, что Он так относится и к другим людям тоже. Но особенно трудно в контексте завета то, что придется исполнять этот завет не по причине ясной и недвусмысленной причинно-следственной связи греха и наказания (эта связь-то и становится из-за долготерпения Божьего неочевидной), а по каким-то иным мотивам: верности, любви, мудрости, доверия... А этого всего нам так не хватает! Далее Господь говорит именно о верности и доверии: «Надеющиеся на Меня наследуют землю», – в первую очередь речь идет о вавилонских пленниках, которые не совершили в язычество, несмотря на все тяготы плена, и которые вернутся на землю Израиля, чтобы вновь заселить ее. Именно такой образ действий, возможно, имеет в виду Господь Иисус, когда говорит о кротких, наследующих землю.

Судя по стилю и содержанию, фрагмент Ис 56:9 – Ис 57:13 составляет единое целое: проповедь, обличающую отступничество народа Божьего, коренящееся в том, что эти люди – всего только люди. Но в середине этого текста (собственно, в начале 57-й главы) присутствуют горькие слова об участи праведника в этом глубоко поврежденном мире. Праведник, человек милостивый (в Синодальном переводе, вслед за LXX, – благочестивый) исчезает, гибнет, и никому нет дела до этого. Никому даже в голову не приходит, что это не несправедливость (вроде, праведнику полагается жить, а беззаконнику – гибнуть); напротив, мир так ужасен, что смерть оказывается избавлением для праведника. Куда проще увести нормального человека из террариума в нормальное место, чем переделывать террариум, особенно если его обитатели никак не хотят этого. За этими словами стоит довольно пессимистическая оценка нашей жизни, но в контексте книги гораздо важнее тот единственный Праведник, которого Господь не восхищает от зла, но возлагает на Него наши немощи и беззакония.

57-я глава заканчивается очевидным парафразом тех мыслей, которые открывали всю книгу Второисайи: «Ровняйте путь, убивайте преграду с пути народа Моего». Снова речь идет о том, что Господь сменит на милость гнев, вызванный беззакониями лю-

дей и исцелит их, и будет водить их по путям Своим вместо тех мрачных путей, которые выбирает человеческое сердце. Но кроме этого Господь говорит о Себе нечто весьма важное, что само по себе может считаться фундаментальным богословским утверждением: «Я живу на высоте небес и во святилище – и также с сокрушенными и смиренными духом». LXX переводит «смиренные духом» как ὀλιγοψύχοις, буквально – обделенные душой; параллель с «нищими духом» напрашивается сама собой. Помимо заповедей Блаженства также бросается в глаза параллель с еще одним новозаветным текстом, песнью Богородицы (Magnificat). Конечно, Второисайя пишет на иврите, Иисус говорит на арамейском, а евангелисты передают Его слова по-гречески, но с поправкой на разницу языков гипотеза о том, что Иисус цитирует Ис 57 выглядит вполне правдоподобной. А ведь после Блаженств Христос говорит ученикам об их свидетельстве, в центре которого – прощение и любовь к примирению. Коротко говоря, мы видим в Ис 57 текст, который мог быть известен слушателям Господа Иисуса, и мог послужить им ключом к пониманию Его слов.

Ис 58:1–14

Когда израильтяне возвращались из плена, они должны были заново обустроить жизнь на Святой земле; вавилонское владычество буквально не оставило там камня на камне. Страна была едва заселена, да и то главным образом переселенцами-язычниками. Ни экономики, ни государственных институтов, ни социальной структуры – ничего, на что можно было бы опереться. Даже те из иудеев, кто уцелел и остался жить в Палестине (скорее всего, их было не так много), забыли о своей вере и смешались с тем сбродом, который вавилоняне нагнали туда. Лидеры «возвращенцев» по-разному представляли себе обустройство; одни старались наладить оборону и построить стены, другие пытались организовать управление вновь возникшей персидской сатрапией, третьи говорили. Говорили, по большей части, о возрождении, о необходимости заново построить Храм и возродить веру отцов.

Особенно увлекались этой темой левиты, хотя они были отнюдь не одиноки – просто для них это было вопросом их самоидентичности, их племенным призванием. И, как это обычно бывает, под видом возрождения в жизнь входило многое, чего прежде и не знавали, ведь невозможно сделать вид, что прожитого не было, и все вернуть. В конце концов, именно в религиозной сфере в плену появилось много нового, что нашло впоследствии отражение в возобновленном Завете и в упорядоченных текстах Торы, которые книжники систематизировали в Вавилоне. До плена-то и Торы никакой не было, а было устное предание, зафиксированное в нескольких весьма несхожих вариантах на Севере и Юге...

Богочитание вернувшихся из плена израильтян во многом было сформировано именно вавилонской жизнью; среди его форм заметное место занимали суббота и пост. Последний поначалу рассматривали как частичную, временную замену невозможному без Храма жертвоприношению. Однако с течением времени новое поколение, родившееся в плену, привыкло воспринимать пост как неотъемлемый компонент литургической жизни – вплоть до того, что по возвращении из плена всерьез стоял вопрос о продолжении постов, связанных с разрушением Иеусалима и с самим пленом. Младший современник Второисайи, пророк Захария (первый, автор Зах 1–8) в четвертый год царя Дария (ок. 525 г. до Р.Х.) отвечает на вопрос о том, следует ли «плакать в пятый месяц и поститься» – и содержание ответа, который дает Господь через Захарию, очень сходно с тем, что говорит Второисайя в Ис 58.

Израильтяне обижались на Бога за то, что их благочестивое усердие, выраженное в аскетических подвигах, остается безрезультатным; оставим в стороне вопрос о каком вообще результате может идти речь. Жизнь в Палестине оставалась трудной, множество политических и экономических тягот выпадало на долю вернувшихся из плена. Вдобавок, как мы знаем, правители соседних областей интриговали при персидском дворе против жителей Палестины, ведь нищета и хаос делали эту страну своего рода «оффшорной зоной», где соседи могли прятать следы своих небла-

говидных проделок. И вот израильтяне «ищут путей» Господних, «желают приближения к Богу», а жизнь остается прежней. «Почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь?» – в сущности, это извечный вопрос, неизбежно присущий любой форме благочестия. Народ Ветхого Завета в большинстве своем полагал, что их благочестивое исполнение обычаев угодно и, более того, потребно Богу; потому-то кажущееся отсутствие благословения в их практической жизни воспринималось как изрядная несправедливость. Не следует думать, что ветхозаветные иудеи чем-то отличаются здесь от всех остальных; подобное отношение свойственно многим – христианам в том числе – особенно в трудные времена; впрочем трудными свои времена считают все и всегда. Так язычники выменивают жертву на урожай, пост на победу над врагами и молитвенное усердие – на счастье в личной жизни. Вот только Господь не идет на такие отношения...

Второисайя говорит о посте в самом возвышенном смысле, он называет его «днем, угодным Господу». Согласно представлениям его времени, свойственным чтущим Единого Бога, иудеям и христианам, по меньшей мере, до поздней античности, содержание поста не столько в том, чтобы есть одно и не есть другое, сколько в «томлении души». Пост – это время скорби, когда вообще не едят, ведь еда связана с жертвой и праздником, это дар Божий. А во дни поста не едят ничего, это дни скорби и угнетения души. То, что пророк называет постом, это особое время в отношениях с Богом; диета здесь ни при чем.

Но гораздо важнее, что говорит об угодном Ему poste сам Господь: «Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды...» Пост, сколь бы ни был он благочестив и правилен, отвратителен для Бога, если ему предаются люди злые, жестокие и дерзкие. В отношениях с Богом, таким образом, нравственный смысл поступков человека несопоставимо важнее всего остального. Даже «угнетение души» в скорби пред Богом должно выражаться в том, чтобы облегчить участь тех, кто живет рядом с тобой – и лишь при этом условии имеет смысл все остальное. Христианам, для

которых этот текст актуален ровно так же, как две с половиной тысячи лет назад, следовало бы читать его перед началом Великого Поста...

Весьма важно, что Господь через пророка говорит далее, что именно милосердие к ближнему делает для человека возможным встречу с Непостижимым. «Раздели с голодным хлеб твой»... – «И слава Господня будет сопровождать тебя», – слава Господня, которая есть видимое присутствие Бога. Второисайя, как и вся библейская культура, чужд рассуждений о трансцендентности Бога – она считается сама собой разумеющейся; далек он и от попыток осмыслить присутствие Отсутствующего (а что еще означает трансцендентность?) в терминах эманаций и энергий, свойственных позднейшим иудейским и христианским мыслителям. Бог превыше небес; но есть опыт Его непостижимого и парадоксального присутствия, который и называется славой Божьей, *kabod YHWH*. Собственно, когда в иудейских и христианских молитвах говорится о славе Божьей, это лишь во-вторых является восхвалением, – напротив, это констатация такого парадоксального присутствия и мольба о нем. А то, что Бог нам нравится, должно выражаться не столько в соответствующих словах (тоже, впрочем, необходимых), сколько в милосердии к ближнему.

Наконец, нельзя не обратить внимание, что Бог, с одной стороны, не отвергает совсем той логики отношений, которая понятна израильтянам. Да, если ты будешь исполнять то, что угодно Богу – а Ему угодно твое милосердие – то ты обрешь Его благословение. Но, с другой стороны, последнее выражается не в обезличенных «дарах благодати», вроде урожая или политической стабильности, а в личных отношениях: «Тогда... Господь услышит», «тогда... будет Господь вождем твоим», «тогда... будешь иметь радость в Господе».

Ис 59:1–21

Разделение проповеди Второисаии, посвященной путям обретения благоволения Божьего, на 58-ю и 59-ю главы, вполне случай-

но и отвечает скорее техническим задачам членения библейского текста, чем их содержательному различию. Выше пророк уже упоминал «огорчение» израильтян из-за того, что «мы постимся, а Ты не видишь». Это же отношение стоит и за представлением, что настали времена, когда Бог отвернулся от людей, забыл их усердие и не будет больше помогать им; рука Господня, говорили израильтяне, стала слишком коротка, чтобы спасать. LXX, передающая эти слова менее буквально, говорит: «В руке Господней не стало силы для спасения». Строго говоря, идея порядком богохульная, но пророк говорит не об этом. Нет, не укоротилась рука Господа, не перестал Он слышать – но то, как Бог слышит и отвечает людям, непосредственно определяется тем, что люди из себя представляют с нравственной точки зрения. «Беззакония ваши отделили вас от Бога»...

Идея ритуального осквернения, делающего невозможной (или смертельно опасной) встречу человека с Богом, была общепринятой на древнем Востоке; в той или иной степени она заимствована и библейской культурой. Пророк не спорит с этой идеей самой по себе; он настаивает на том, что если что-то и может послужить препятствием, делающим общение с Богом невозможным, то это человеческие злоба, лживость, жестокость и жадность.

Если в обществе, нравственный облик которого зависит от нас самих, нет места правде, если «истина преткнулась на площади и честность не может войти» – тогда невозможны отношения с Богом, невозможен диалог. И тогда невозможно участие Бога в делах людей, – потому что «дела их были злы». «И Господь увидел это, – говорит далее пророк, – и противно было очам Его, что нет суда». Как изменилась бы наша жизнь, если бы мы по-настоящему услышали эти слова! Ведь мы как раз и хотим именно этого участия Бога в нашей жизни – по крайней мере, теоретически... И речь ведь не идет о каких-то заоблачных воспарениях, доступных тем, кого особым образом посещает «благодать» Незримого: напротив, все дело в нашей согласии жить среди лжи и насилия, в нашей готовности участвовать в этом.

Но и не об этом говорит Второисайя. В конце концов, то, что Бог ждет от нас человечности и милосердия, уже было десятки раз сказано и до него; вот только мало что изменилось от этого. Были и бедствия от недостатка милости, и плен был из-за того, что народ Божий путал почитание истинного Бога с каким-то язычески образом благочестия... И все равно нет человека, который жил бы по правде. «И видел Господь, что нет человека... нет заступника» – эти слова уже звучали в Иез 22:30; возможно, сама мысль о праведнике, который встанет пред Богом за эту землю, была широко распространена в эпоху плена. Второисайя говорит о решении этой проблемы, которое нашел Господь: Он Сам облачается в доспехи правды и спасения, Он Сам становится искупителем и заступником народа, который тогда обратится от нечестия (именно эти слова, надо полагать, вспоминает ап. Павел в Еф 6:14-17). И тогда Дух и слова Божьи уже не отступят от народа – таков грядущий завет, который заключит Бог через грядущего Искупителя. Вот тогда и исчезнет разделение между нами и Богом, которое стало результатом нашей злобы и лжи.

Ис 60:1–22

Правда Божья, о которой Второисайя говорил в предыдущей главе, Дух и слова Божьи, которые будут утверждены в избранном народе, даются не только для одного этого народа. Этот свет, в котором люди могут увидеть реальность, исходит от славы Господа, иными словами – от Его присутствия. Окружающие народы, которые постоянно ополчались против Израиля, пребывают во мраке – но наступит день, когда и они обратятся к свету. Пророк слагает торжественный гимн в честь этого обращения народов: «И придут народы к свету твоему». Все, грабившие Иерусалим, принесут ему золото и ладан; разрушавшие его стены, будут вновь отстраивать их, а сыновья угнетателей придут к нему с покорностью – все это ради славы Всемогущего. Чуть позже младший современник Второисаии, пророк Захария (первый) скажет об этом: «Возьмуться

десять человек... за полу Иудея и будут говорить: мы пойдем с тобою, ибо мы слышали, что с вами Бог»¹².

В этой величественной поэме обращают на себя внимание некоторые параллели с Новым Заветом. Во-первых, в Евангелии от Иоанна сохранены для нас слова Христа о Себе как о Свете, приходящем в мир, а Лука свидетельствует о словах Симона Богоприимца о Христе: «Свет во откровение народам». Непосредственные ученики Господа Иисуса очевидным образом считают, что в Нем исполнилось это пророчество, и в этом контексте осмысливают свою вселенскую миссию. Размышления ап. Павла о дикой и культурной маслинах тоже связаны с этой глобальностью откровения, данного через Израиль всем народам. Последующие поколения христиан предпочли, однако, этого пророчества не исполнять — сами израильтяне, впрочем, тоже никак не были согласны увидеть в Иисусе «свет во откровение языков».

Во-вторых, 60-я глава завершается удивительными словами о том, что солнце не будет дневным светом Иерусалима, а луна — ночным, потому что Сам Господь будет ему вечным светом. Ап. Иоанн Богослов почти дословно цитирует это место в Откр 21:22–24. Как и в целом ряде других случаев, это убедительно опровергает представление об Откровении Иоанна как о произведении поздней, не-апостольской эллинизированной мысли.

Кроме того, весьма важно, что сам пророк упорно «гнет свою линию»: будет свет Господа на Иерусалиме, будет обращение народов, но все это связано с обетованием Бога о том, что «весь народ твой будет праведным». Исполнение пророчества, таким образом, зависит от нравственного состояния людей — то, что зависит от Бога, Он делает, а людям дана свобода выбора.

Наконец, заметим еще одну деталь: существует идущее от раннесредневековых отцов предание (зафиксированное, в частности, в богослужебных текстах Постной Триоди) о том, что Крест Господа Иисуса был из трех разных пород дерева: кипариса, певга

---

¹² Зах 8:23.

и кедра. Трудно сказать, в самом ли деле это было так: дерево в Палестине не такой уж распространенный материал, и орудие казни и впрямь могли соорудить из того разнородного материала, который был под рукой у легионеров... а может быть, это только поэзия. Пророк явно не имеет в виду ничего подобного, но Крест действительно – явление славы Божьей...

Ис 61:1–11

Зимой, в самом начале 28-го года, в день субботний, назаретская синагога была переполнена: накануне в город пришел сын плотника Иосифа. Жители Назарета любили эту семью и даже отчасти гордились ее присутствием. Еще бы, вся Галилея, да и вся Палестина считали Назарет глухой дырой; как в современной русской речи синонимом глухой дыры является название «Урюпинск» (в чем нисколько не повинен сам этот городок в Волгоградской губернии), так в Палестине того времени поговаривали «из Назарета может ли быть что путное», нескандално обижая этим жителей городка. А Иосиф, едва ли не единственный на всю округу давидит, предпочел именно Назарет и поселился там с семьей после своего возвращения из Египта.

Правда, с его сыном в последнее время происходили странные вещи, одна другой удивительнее... Года полтора назад он ушел куда-то на юг (поговаривали, что к пророку Иоанну из пустыни); несколько жителей Назарета, рассчитывавших на его помощь в предстоящих летом постройках очень огорчились: где теперь искать приличного плотника? А потом Иисус, сын Иосифа, снова появился в Галилее... Да лучше бы не появлялся: за ним теперь ходили толпы каких-то людей, в основном, самого простецкого звания, он что-то там проповедовал и даже, говорили, кого-то исцелял. Одним словом, ослабил Назарет на всю округу. Назаретяне все думали, когда же он явится в родной город, чтобы своими глазами увидеть его и послушать, а он, как будто специально, ходил по округе и не заглядывал домой. И вот, наконец, пришел. Всем было интересно, что же он скажет или сделает в синагоге – он ведь

всегда ходил туда раньше, не то что его родня и соседи... Опять же, мало кто умел читать Писание так, как он; да что там – никто не умел. Ну, вот все и собрались, даже те, кто обычно оставался в субботу дома.

Иисус сел в первых рядах; когда настало время чтения, архисинагог (что за странная манера появилась называть его на греческий лад!) посмотрел на собравшихся в поисках того, кто станет читать и говорить сегодня. Обычно-то, после ухода Иисуса, это делали местные, запинаясь и коверкая слова (то есть читали местные, а поучение приходилось говорить начальнику синагоги). Только два или три раза случайно проходившие через Назарет раввины обращались к народу с поучениями, по большей части, слишком мудреными. Ну, а сегодня, конечно, Иисус поднялся на возвышение, и каган подал ему свиток. Помолившись, Иисус развернул его и сразу стал читать то, что открылось: «Дух Господень на Мне, ибо Он помазал Меня благовествовать нищим...» А потом, отдав свиток, сел на табурет и приготовился говорить; теперь он больше походил не на жителя Назарета, а на захожего раввина – разве что смотрел не презрительно, а как-то... вобщем, по-другому как-то смотрел. А потом заговорил: «Ныне исполнилось пророчество это, слышанное вами...»

Эта сцена не может не вспомниться христианину, когда он читает начало 61-й главы: «Дух Господень на Мне...», – тем более, что речь идет о помазании Духом, и помазанный, следовательно, должен именоваться Помазанником, Машиахом, – Христом. Господь Иисус явным образом прилагает эти слова к Себе Самому, да еще и не один раз. Когда Он передает сидящему в тюрьме Иоанну: «Слепые прозревают, хромые ходят...» – Он почти наверняка имеет в виду все то же пророчество. Таким образом, справедливость и уместность такого толкования, равно как и его привычность для израильтян первого века по Р.Х., не подлежат сомнению.

И все же едва ли Второисайя, обращаясь к своим современникам, произносит для них пророчество, которому суждено исполниться через пять с лишним столетий. Такова природа пророческого

служения, так «работает» историческое прообразование: пророк говорит о своем служении то, что в гораздо большей степени окажется справедливым для Мессии. При этом служение пророка, а порой и его судьба, становятся прообразами Христа.

Итак, пророк говорит о том, что не по собственной инициативе, не по праву, но помазанием Духа он благовествует пленным израильтянам освобождение из плена, возвещает сетующим на Сионе, что им дается радость о том спасении, которое во дни их и для них совершает Господь. И традиция христианского толкования прообразов, в первую очередь, важна потому, что позволяет увидеть с помощью прообраза смысл и содержание того, что в полной мере реализуется в служении Господа Иисуса. Наше спасение, совершенное на Кресте, подобно открытию темницы для узников, принятию нищих, утешению сокрушенных сердцем... И, подобно возвращающимся из плена, спасенным следует стать сильными правдою. А еще дальше, продолжая поэтически развивать свою мысль, Второисайя говорит о спасенных – спасенных израильтянах, а через них и о спасенных Новым Заветом из всех народов – а вы будете именоваться священниками Господа.

Выше пророк красочно и подробно говорил о том, что все народы приступят к Богу Израилеву и будут отстраивать Иерусалим, утучнять его и служить ему. В известной степени и проповедь 61-й главы повторяет то, что было сказано и раньше, и снова следует допустить, что пророк действительно повторял свои мысли и слова неоднократно, варьируя их в разных обстоятельствах и подчеркивая различные аспекты смысла. Здесь для него в центре внимания авторитет помазания, стоящий за его словами, праведность спасенных и то, что они призваны стать служителями Бога и священниками Его.

Впрочем, нельзя исключить, что весь текст 60-й, 61-й и 62-й глав представляет собой единое целое, пространную проповедь, посвященную единой теме: превращению Израиля из народа презренных изгнанников, не сумевших сохранить ничего, в народ свидетелей, к вере которого обращаются все остальные.

Ис 62:1–12

Гимн избавлению, который начинается в 60-й, с поэтическим вариациями, продолжается до конца 62-й главы. Очевидно желание пророка убедить слушателей совершить, наконец, тот поступок, который один только и может стать ответом на радостную весть о спасении. Поступок этот – встать и выйти из Вавилона, заселить Иерусалим и начать строить жизнь в нем на основании правды Божьей.

Вообще говоря, препятствия этому многообразны: с одной стороны, многие совсем неплохо устроились в Вавилонии и рассчитывают не упустить своего при лояльном к иудеям персидском владычестве; с другой стороны, жить по правде Божьей совсем не так просто, особенно если эта правда мешает собственному благополучию (ведь не брать проценты и прощать долги – добродетельно, но невыгодно). С третьей стороны, хорошо Богу обещать, что народ его станет священниками Господа, а куда уж нам со своей немощью стоять перед Ним...

«Равняйте, равняйте дорогу, убирайте камни, поднимите знамя для народов!» – снова и снова повторяет Второисайя. Именно этот настойчивый призыв делает всю книгу (точнее говоря, весь текст Ис 40–66) единым целым, кто бы ни был в реальности ее автором или авторами.

Ис 63:1–6

Странный, пугающий текст первых шести стихов 63-й главы («Кто это идет от Едома...») представляет собой, скорее всего, вставку между пространными гимнами Ис 60–62 и 63:7 слл: и стилистически, и содержательно он заметно отличается от обоих гимнов. Стилистически он построен в форме диалога между Богом и пророком, причем это не запись реального диалога (что достаточно часто встречается в пророческих книгах), а именно стилистический, литературный прием; тексты же, расположенные и выше, и ниже, представляют собой, в отличие от Ис 63:1–6, довольно типичные по форме гимны. С точки зрения содержания

этот краткий фрагмент говорит о трагедии истории, в которой совершается отмщение Божье. Пророк говорит все о том же, казалось бы, вмешательстве Бога в историю, в данном случае – в историю Ближнего Востока 6-го века до Р.Х., но называет это время временем мщения, временем воздаяния. Пророк видит Бога подобным виноградарю, во время сбора плодов топчущему виноград в точиле. Автор первой половины книги, пророк Исайя Иерусалимский, называл виноградником Господа Саваофа дом Израиля – теперь пределы его расширяются до всего человечества. И вот время, когда плоды созрели, когда собирается урожай... С одной стороны, пророк говорит о некоем «подведении итогов» истории, жизни и деятельности народов. С другой стороны, приготовление вина и топтание винограда в точиле – необратимый процесс; когда он совершается, дальше уже невозможна никакая «работа над ошибками». Эта необратимость жизни, невозможность ничего изменить и исправить, для пророка связана с вмешательством Бога. Именно поэтому так трагично описание «топчущего в точиле»; нужно заметить, что столетием позже нравственный смысл этой необратимости пытается осмыслить автор книги Иова (Иов 14:1 слл). И необратимость налагает исключительную ответственность на всех.

«Из народов никого не было со Мною», – весьма важные слова; ветхозаветные мыслители нередко полагали, что народу Божьему предназначено участвовать в этом «подведении итогов» на стороне Бога, что избранные Божьи «сядут судить народы» и будут в последней битве вместе с небесными воинствами сражаться за честь Всемогущего. Подобные идеи (которые можно обнаружить, к примеру, в Иез 38) были распространены довольно широко; еще в новозаветные времена ими одушевлялись часть зилотов, кумраниты и некоторые фарисеи. Но нет: «Из народов никого не было со Мною», – и избранный народ оказывается в этом точиле наряду со всеми остальными. И все же для слушателей Второисайи, несомненно, отмщение было связано именно с тем, что все эти народы сделали народу Божьему. Сам избранный народ при этом – образ

и пример страдальца, быть может, и виновного перед Богом, но не перед всеми этими народами.

И еще один важный, с богословской точки зрения, аспект этого текста заключается в самом символе. Сок винограда и кровь... Текст Ис 63:1–6 свидетельствует, что этот символ для участников Тайной Вечери должен был восприниматься, хотя бы отчасти, как присущий самой библейской традиции. Непостижимо и неожиданно скорее то, символом Чьей крови стало это вино.

Ис 63:7–64:12

В центре этого гимна – исключительно важная мысль, вся богословская нетривиальность которой едва ли могла быть осознана во времена пророка; даже и много позже, в христианской истории, она по-прежнему поразительна. Второисайя называет Бога Отцом Израиля и насколько возможно подробно разъясняет, что он имеет в виду. Он говорит о том, уже для него древнем, спасительном действии Божьем, когда Господь вывел Израиль из Египта и вел его через Моисея. Но не в Моисее, собственно, дело: обращаясь к Богу с молитвой, пророк исповедует веру в то, что Сам Господь Духом Своим избавлял, направлял и созидал Свой народ. Для представлений об истории пророков вообще, и Второисаи в частности, весьма характерно, что водительство Духа Божьего заключается не только в защите и благословении, но и в том, что Бог противостоит людям, когда они возмущаются против Него. Именно это делает народ Божий в полном смысле слова «овцами паствы Его»: Бог не просто ждет от избранных Своих, удастся ли им своими поступками «угодить», угадают ли они, что правильно, или нет. Пророк видит тонкое, но глубокое различие между пастырством Бога и подсчетом «забитых и пропущенных мячей», и этим определяется его уверенность в том, что Бог не только Высший Судия – хотя и это тоже, – но именно Отец Израиля. Кроме того, конечно, отцовство Бога означает, что единственная причина существования Израиля – то, что Бог хочет этого.

И поэтому пророк взывает: «Для чего, Господи, Ты попустил нам совратиться с путей Твоих?» В этих словах подразумевается, что без Бога мы не можем оказаться на правильном пути. Для современного человечества это весьма неприятная мысль, потому что мы именно надеемся найти путь правды сами, правильным устройением обстоятельств жизни или ее техническим усовершенствованием. Но, говорит пророк в Ис 64:5, если Бог отворачивается от нас, мы все падаем, и вся праведность наша – как грязное белье...

Отсюда вытекают поразительные, быть может, самые прекрасные человеческие слова в Библии и в истории вообще: «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!» Пусть горы тают, как воск, пусть пламя присутствия Божьего, в самом деле, как огонь пожигающий¹³ – но без Бога остаются только неправда, пустота и гибель. Возможно, пророк думает об очень конкретной вещи, о том, что воинственные устремления «народов» губительны для Израиля, лишенного помощи Божьей; но между пугающим пламенем присутствия Бога, ревнителя правды, и превратностями человеческой истории без Бога, нележкой и опасной, но в каком-то смысле куда более спокойной, пророк выбирает Бога. Еще короче: без Бога удобно, с Богом страшно. Бог ведет к жизни, но не соглашается на неправду и смерть; без Него живи, как хочешь, но недолго и бессмысленно. Пророк не просто выбирает, он со всей силой жаждет Присутствия. «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!»...

Небеса, о которых идет речь – довольно абстрактное понятие, за которым стоит переживание абсолютной инаковости Бога, Его трансцендентности этому миру. И это сущностное, по природе, разделение Творца и творения – нестерпимо. Пророк вспоминает спасение, которое уже совершил Господь в прошлом, и для него отсюда следует одна-единственная мольба: только бы Господь не отступился, не оставил нас идти своей дорогой, не замолчал. «И не отступил еси, вся творя, дондеже нас на небо возвел еси и Цар-

---

¹³ Втор 4:24.

ство Твое даровал еси будущее...» – в евхаристическом каноне свт. Иоанна Златоуста – благодарность именно за это.

Ис 65:1–25

От лица Господня пророк обличает народ, пренебрегающий Откровением, и начинается его речь словами о том, что причиной этого Откровения, началом и исходным пунктом его является воля Самого Бога. Не то, чтобы люди искали Лица Божьего и вопрошали Его о судах правды – ничего этого и в помине не было; Бог «открылся не вопрошавшим» о Нем. Первенство призыва Божьего ведет к тому, что за людьми остается выбор: откликнуться и исполнить его, или отвергнуть. И, как у всякого выбора, у него есть свои последствия, нравится нам это или нет. Но в предыдущей главе уже было сказано, что без Бога, без Его спасительного вмешательства, люди не могут выбирать добро и правду. Поэтому здесь, в 65-й главе, важно не столько то, что благословение или проклятие являются последствиями человеческого выбора, сколько Божье обещание «не всех погубить». Бог говорит, что Он намерен обращаться с людьми бережно, как с кистью созревшего винограда – как не похоже это на то, что мы о Нем думаем! Людям чаще всего кажется, что Бог в Своей справедливости склонен скорее действовать по принципу «лес рубят – щепки летят», но это клевета на Бога. «Когда в виноградной кисти находится сок... говорят: «Не повреди ее», – и это необходимо помнить, когда мы думаем о судах Божьих.

Поэтому-то апокалиптическая картина «нового неба и новой земли», о которой говорится в заключительной части главы, во все не оказывается мрачной и грубой, как мы чаще всего представляем себе апокалипсис. Напротив, финал истории, результат окончательного торжества Бога в истории, то, что мы называем апокалипсисом, определяется бережностью Бога по отношению к Своему творению. Вот почему, цитируя Исайю Иерусалимского, Второисайя вспоминает о пасущихся вместе волке и ягненке.

В этом описании нового неба и новой земли, кроме того, обращает на себя внимание удивительное обетование: «Они еще будут говорить, и Я уже услышу». Это значит, что дистанция между Богом и людьми сократится, так что голос человеческий не долго будет идти к слуху Творца. За этим образом стоит многое в библейской традиции – от молитвы Соломона при освящении Храма («на этом месте услышь молящегося») до картины нового Иерусалима, где Бог посреди него. Но более всего это обещание является, конечно, ответом на мольбу пророка о пришествии Господа, содержащуюся в предыдущей главе. И есть еще одна важная черта в описании нового неба и новой земли. Если раньше часто говорилось о страшном и губительном вмешательстве Бога, и у этого страха были основания, то теперь «вы будете радоваться во веки о том, что Я творю».

Ис 66:1–24

Последняя глава книги Второисаии (и книги в целом) вновь посвящена утешению, обетованию радости Иерусалиму и всем, любящим его. Но снова и снова пророк упорно и последовательно повторяет, что дело не в Храме, о восстановлении которого уже появляются мысли у возвращающихся из плена. Небо – престол Божий, и земля – подножие ног Его; какой храм может вместить Его? На какой горе можно поклоняться Богу, если горы, как воск, тают от Его сошествия? Не на определенное место или, тем более, здание, призывает Господь, избирая его местом Своего присутствия. «Вот на кого Я призрю, – говорит Он, – на смиренного и сокрушенного духом, на трепещущего пред словом Моим». Впрочем, когда мы читаем в Евангелии о нищих духом и плачущих, следует отнести слова Господа Иисуса Христа именно к Ис 66:1–2 как к контексту. Заповеди Блаженства вообще представляют собой ряд неявных цитат из Ветхого Завета, и Господь Иисус Своим словом утверждает их абсолютный авторитет. Кроме того, с этим текстом следует, по-видимому, сопоставить и Его слова в

Ин 4:23 о поклонении в духе и истине: речь в них идет о смирении и повиновении слову Божьему.

Потому и говорит дальше Второисайя, что приносящие положенные дары и жертвы в Храме (которому еще предстоит восставление) немногим лучше идолопоклонника: не это угодно Богу. Он призывает на того, кто слушает и исполняет Его слово и не делает «злого в очах Его».

Все сие непременно сбудется: разве может быть, чтобы Бог, приготовив нечто, не совершил этого? Поэтому уже сейчас, когда пророк произносит свое слово, можно и должно радоваться и веселиться, ведь воля Божья о спасении открыта, и это достаточный залог избавления.

При всем том Второисайя подводит итог своему пророчеству как слову о «суде над всякою плотью», суде, которого мы привыкли бояться: никто не устоит на нем перед правдой Божьей. Это так, но нам дается возможность уповать на Бога и исполнять слово Его – и тогда суд станет для нас местом оправдания.

В последних стихах главы и книги в целом Господь дает через Второисайю еще одно поразительное обещание, нигде более не высказанное с такой ясностью. В последние дни, сотворяя новое небо и новую землю, Он призовет все народы и явит им славу Свою – это-то как раз говорит Господь через многих пророков. Но более того: «Из них буду брать также в священники и левиты». Во-первых, это означает включение всех людей в новый Иерусалим, новый избранный народ, расширение избрания до пределов всего человечества. А во-вторых, само существование и структура вселенского народа Божьего будут определяться не земными причинами (как левитское священство определялось наследственностью), а одним только призванием и избранием Божьим. Это и есть «Бог будет все во всем», и так, говорит Господь, отныне будет всегда.

ПАМЯТИ ОЛИВЬЕ КЛЕМАНА

* * *

15 января 2009 года в Париже, после продолжительной болезни, в возрасте 87 лет скончался Оливье Клеман – выдающийся французский православный богослов и историк.

Оливье Клеман родился в 1921 году на юге Франции в атеистической семье. В детстве он не был крещен и не получил никакого религиозного воспитания.

В годы Второй мировой войны Оливье Клеман участвовал во французском Сопротивлении. После войны он стал углубленно изучать труды Кьеркегора, Ньюмена, Шестова. Впоследствии наступил период увлечения индуизмом и буддизмом, однако через несколько лет он оказался на распутье между Индией, где все священо и поглощено океаном божественности, а, с другой стороны, ощущением уникальности человеческой личности.

От этого противоречия его освободили книги Владимира Лосского о Троице и человеке как образе Ее. В то же время он открыл для себя Достоевского и Бердяева. Все эти свидетели привели его ко Христу.

Но прошли годы, прежде чем у него произошла настоящая Встреча. По словам Оливье Клемана, в его жизни было мгновение, в которое он пережил обращение: «Я молился перед иконой – это был медный складень, покрытый эмалью, представлявший Деисусный чин, который я купил у парижского антиквара. И Христос пришел за мной, но говорить об этом невозможно...»

В тридцатилетнем возрасте он принимает крещение в православной Церкви, начинает изучать святоотеческое наследие под

руководством Вл. Лосского, позднее становится профессором сравнительного и нравственного богословия в православном Свято-Сергиевском Институте в Париже, где преподает в течение 35 лет.

Оливье Клеман был почетным доктором Лувенского университета (Бельгия), факультета православного богословия в Бухаресте (Румыния), университета Святейшего сердца в Коннектикуте (США), преподавал во многих других богословских учебных заведениях.

Наследие Оливье Клемана составляет около трех десятков книг и многих сотен статей. К сожалению, лишь немногие из его книг переведены на русский язык. В их числе: *Беседы с патриархом Афинагором*,; *Истоки. Богословие отцов Древней Церкви*,; *Тэзе. Земля доверия и надежды*,; *Отблески света. Православное богословие красоты*,; *Рим. Взгляд со стороны. Православное восприятие идеи первенства римского епископа*.

Помимо академической деятельности Клеман уделял огромное внимание свидетельству о православии на Западе, экуменическим контактам. Будучи в 1967–97 годах консультантом Комитета православных епископов Франции, он являлся членом смешанной комиссии по православно-католическому богословскому диалогу, участвовал в двухсторонних встречах с протестантами.

Клеман был одним из вдохновителей создания в начале 60-х годов прошлого века Православного братства в Западной Европе и принимал активное участие в конгрессах этого братства, проходивших раз в три года, начиная с 1971.

За долгие годы своей жизни Клеману довелось близко общаться со многими выдающимися деятелями Церкви – это и Вселенский патриарх Афинагор I, и папа Римский Иоанн Павел II, и румынский священник и богослов Думитру Станилоэ, и архимандрит Софроний (Сахаров).

В 1998 году по просьбе папы Иоанна Павла II он пишет текст молитвенных размышлений для Крестного Пути – службы Великой Пятницы, которая каждый год совершается в римском Колизее.

В связи с кончиной Оливье Клемана Ассамблея православных епископов Франции выступила с заявлением, в котором, в частности, отмечается, что Оливье Клеман был активным свидетелем, носителем Христова мира среди православных, среди всех христиан и за пределами христианского мира. Почившему был свойственен «филокалический (добротолубивый)» взгляд на мир: он был поистине «влюблен в Божественную красоту, которую старался найти и разгадать в мире и в каждой человеческой личности».

Литургия и отпевание Оливье Клемана были совершены в церкви Свято-Сергиевского православного института в Париже 20 января 2009 года.

Мы публикуем два поминальных слова, произнесенных после отпевания:

профессора Андреа Риккарди, по инициативе которого, тогда еще студента-лицеиста, в Риме в 1968 году была основана община святого Эгидия, члены которой полагают в центре своей жизни молитву, возвешение Евангельской вести, служение милосердию и стремление к межрелигиозному диалогу;

брата Алоиса, настоятеля общины Тэзе, созданной более шестидесяти лет тому назад, для служения примирению всех христиан, в маленькой бургундской деревушке Тэзе братом Роже Шютцем, мученическая кончина которого произошла в августе 2005 года.

Мы помещаем также напечатанное 17 января 2009 года в итальянской газете «Аввенире» слово на смерть Оливье Клемана брата Энцо Бьянки – настоятеля Спасо-Преображенского монастыря в Бозе (Италия).

С этими тремя общинами Оливье Клеман был тесно связан.

В литургию входит скорбь об усопшем, благодарение, безмолвие. Мои слова ничего не могут добавить к этому. Я хочу лишь склониться перед жизнью Оливье Клемана, перед Церковью, его вскормившей, перед его женой Моникой, которая без усталости сопровождала его до того порога, откуда мы идем уже одни, перед его семьей, друзьями, перед его верой и культурой.

Оливье Клеман не был человеком значительным, если под этим понимать какой-то вид власти: его жизнь была простой, скромной, иногда как бы проходящей в стороне. Пройдя через горнило поисков, он познал силу преображения. Он понял, что путь, по которому следует сердце, ставит нас в центр жизни скорее, чем любая власть. Его властью стала власть слова, власть написанного, власть дружбы. Этой властью он сумел помочь многим в гораздо большей степени, чем об этом известно. Я хочу засвидетельствовать ее присутствие в его глубокой дружбе со мной, с общиной Св. Эгидия, для которой он написал свою последнюю книгу¹. Мы могли бы рассказать, о чем, впрочем, уже писали, в какой мере сила его дружбы и его слова поддерживала столько людей, открывала новые горизонты, устанавливала связи между людьми. Однако не это сейчас важно.

Каждая жизнь уникальна: жизнь Оливье Клемана впитала в себя дух великих учителей русской эмиграции, но он воспринял его как человек Запада, как француз. Так он стал человеком, способным дышать двумя легкими, осознавая при этом различия и не принимая пассивно холод дистанции, взаимное незнание и раздоры. В этом смысле он – еще до создания своего огромного литературного наследия – был человеком единства, не впадая при этом

---

¹ Petite boussole spirituelle pour notre temps (Малый духовный компас нашего времени), Desclée de Brouwer, 2008. Эта книга была написана как ответ на вопрос одного из членов общины Св. Эгидия: что значит быть христианином сегодня?

в дешевое примиренчество. Он познал ценность единства и мира, как познали ее те, кто пережил драму войны; он был истинным европейцем, взгляд которого никогда не ограничивался рамками только собственной страны, он был предельно универсален.

Он не переставал надеяться, что мир станет лучше, оставаясь при этом смиренным реалистом в отношении к будущему. Во времена волнений 1968 года во Франции он стал учеником патриарха Афинагора, великого старца, укорененного в традиции, хорошо понимая, что без традиции не может быть и новизны. И потому Оливье Клеман стал говорить о восстании Духа². Эта тема была осязательна и в последних его беседах, когда, став уже почти отшельником, он проявлял живой интерес к новостям, к болевым проблемам мира, страдающего от отсутствия надежды. И понятно, каким тяжелым грузом было осознание пессимизма для человека, который не мог двигаться, но не переставал надеяться.

Я хочу выразить ему благодарность за дар его направляющей дружбы, проникновенной и горячей, я благодарю Бога, благодарю семью Оливье Клемана и церковную общину, которая была для него матерью и спутницей. Сейчас время – не подведения итогов, но предстояния перед зиянием смерти, которая заставляет нас искать знаки и обещания воскресения в его жизни. В то время, как эта жизнь, исполненная достоинства, шла к концу, во время посещений последних лет, когда ему было уже нелегко говорить, в ситуации вообще объективно очень трудной, я ощущал некую красоту, притягивающую меня: красоту человека, который очень любил жизнь, но смотрел на смерть как на переход. Это была красота старого христианина, который становился ребенком в руках Божиих.

*Перевод с итальянского
Наталии Костомаровой*

---

² В 1979 году в Париже вышла книга Оливье Клемана: *La Révolte de l'Esprit* (Восстание Духа).

Брат Алоис

Оливье Клеман был для нас, братьев Тэзе, близким другом. Его слова, когда он приезжал к нам, его книги не только помогали нам любить православие, но и питали нашу веру и нашу внутреннюю жизнь.

В молодости он проделал путь от агностицизма к христианской вере. Это обострило в нем способность различать глубинные ожидания, сокрытые под коростой все возрастающей западной секуляризации. В своей богословской мысли он сочетал требования современного мира с верностью древним истокам христианской веры, что всегда способствует наиболее плодотворным поискам. Кроме того, его глубокая укорененность в великой церковной традиции, ее изучение и преподавание в течение многих десятилетий постоянно питали его призвание к «наведению мостов». Оливье Клеман стал одним из свидетелей общения, возникшего между Востоком и Западом, и его свидетельство будет сохранять свою ценность и в будущем.

Когда я думаю о нем, первое, что приходит мне на память — одна из наших встреч в Тэзе, в тени деревьев, рядом с нашим домом. Брат Роже попросил его побеседовать с нами. Было жаркое лето, мы сидели вокруг него, издалека доносились голоса нашей молодежи, собравшейся на холме, а он говорил нам об истоках христианства, об Отцах Церкви, о монашеской жизни. Его жена, излучающая радость и доброту, сидела рядом с ним.

Я не забуду той радости, которая озарила брата Роже, когда Оливье Клеман привел слова святого VII века Исаака Сирина: «Бог может только любить». Брат Роже сразу же захотел, чтобы эти слова стали частью песнопений Тэзе, тех медитативных песнопений, в которых многократно повторяются одни и те же слова. И по сей день эти слова Исаака Сирина продолжают вдохновлять нас.¹

---

¹ Последняя книга брата Роже, вышедшая в мае 2005 года на русском языке, так и называется: Бог может только любить.

Прошло много лет, Оливье Клеман был тяжело болен и вот однажды мы с несколькими братьями посетили его в Париже. Мы сидели у его постели. Вдали, за окном мерцала Эйфелева башня, Но он со своей кровати мог видеть только колокольню ближайшей церкви и говорил, что этого ему вполне достаточно. К тому времени прошел уже год, как брата Роже не было в живых. Оливье Клеман сказал нам, что, по его мнению, брат Роже своей постоянной сосредоточенностью на любви Божией завершил долгую эпоху, на протяжении которой в различных христианских конфессиях господствовал страх перед карающим Богом. Брат Роже и Оливье Клеман были такими разными, но при этом понимали друг друга почти без слов.

Я хотел бы затронуть еще одну тему, где их мысли пересекались. Когда Оливье Клеман говорил о Тэзе, он любил повторять, как замечательно, что мы призываем молодежь к углублению их внутренней жизни и молитвы и, одновременно, к человеческой солидарности. Он считал это очень важным, ибо, как сказал он однажды, «ничто не является таким ответственным, как молитва». Брату Роже была настолько близка эта мысль, что он сделал эти слова названием главы одной из своих книг.

Я часто вспоминаю нашу последнюю встречу с Оливье Клеманом. Это было одиннадцать месяцев тому назад, 15 февраля 2008 года. Он был болен уже два с половиной года. Небольшая комната, где он лежал, была все такой же, много книг, иконы, фотографии внуков. Парализованный, он не мог двигаться, но не утерять чувства юмора; «Я как мешок на пароходной пристани, меня то загружают, то выгружают». Он был с нами очень сердечен и несколько раз повторил, что очень хотел бы еще раз побывать в Тэзе. От него веяло спокойствием: «У православных сейчас много недоразумений и трудностей, но все разрешится, все плохое уйдет, самое важное – совместная молитва. Взаимная ненависть уже не вернется. Нас соединит молитва».

Его смерть стала для нас, братьев Тэзе, глубоким сердечным переживанием. Мы всегда чувствовали, что он любил и понимал

нас. В 1997 году он опубликовал одну из самых глубоких и проникновенных книг, написанных о Тэзе. В ней он запечатлел свое видение нашей общины как предвосхищение неразделенной Церкви, Церкви, неделимой в сердце Божиим.

Благодатью Божией мы соединены с теми, кто любил Оливье Клемана и кто был озарен его жизнью и его мыслью.

*Перевод с французского
Наталии Костомаровой*

Энцо Бьянки

**ОЛИВЬЕ КЛЕМАН:
«Я ХОЧУ ДО КОНЦА ИСПОВЕДОВАТЬ
СВОЮ ЛЮБОВЬ...»**

«Аввенире», 17 января 2009 г.

«Патриарх Афинагор научил меня не бояться ни кого-то другого, ни смерти. К чему бояться? Иисус Христос здесь, рядом с нами, и Он ожидает нас в день Воскресения!» Мне дороги эти слова Оливье Клемана, которые он любил повторять со все возрастающей убежденностью, когда я или братья из нашей общины приходили в его парижский дом, окруженный любовной заботой его жены Моники: в этих комнатах и в их лицах проступало глубокое ощущение мира, распространявшееся вместе со слабым светом лампадки, стоящей перед иконой в молитвенном уголке. Еще месяц тому назад одному из наших братьев, приехавшему к нему, чтобы лично передать поздравления от всех нас с наступающим праздником Рождества Христова, он повторил то, что было самой существенной частью всей его жизни и мысли: «Я хочу до самого конца исповедовать свою любовь к людям – ибо она есть знак любви, которую Христос испытывает к нам – и уповаю на приобщение к Троической любви». Он перешел от смерти к Жизни в то время литургического года, когда память о Боге, ставшем Человеком, переходит в горячую молитву о том, чтобы христиане смогли восстановить такое видимое единство, которое делает их подлинными свидетелями единого Господа Иисуса¹. Как не увидеть в этом знамение, запечатлевшее жизнь человека, столь наполненную жадой стать отблеском света Воскресения?

Дружба, связывавшая меня с Оливье Клеманом, зародилась в конце шестидесятых годов, когда я переводил на итальянский

---

¹ Речь идет о Неделе молитв о христианском единстве (18–25 января), в которой вот уже на протяжении 100 лет участвуют католики, православные и протестанты во всем мире.

его *Беседы с Афинагором*. Я имел честь быть лично знакомым с Константинопольским патриархом и был поражен духовной мудростью, с которой Клеман сумел передать его мысль и харизму. Оливье Клеман, родившийся и выросший в атеистической среде, воистину обрел в сокровищах древней Церкви, усвоенных православием, внутренний свет, более интенсивный, чем полуденный свет любимого им Средиземноморья. Это был свет Воскресения, который Клеман умел постигать и превращать в надежду даже в самых трудных обстоятельствах, даже для людей, которые пребывали во мраке, героев «записок из подполья», призванных стать подтверждением величия и достоинства любого человеческого существа.

Встречаясь с ним как с другом и докладчиком на православных симпозиумах, организуемых в нашем монастыре в Бозе, публикуя его различные труды, я все в большей степени воспринимал его как истинного «духовидца», если прибегнуть к слову, относимому им к духовным людям, то есть человека, способного смотреть в прозревать глубину вещей и событий, обострять собственный взгляд, подчиняя его взгляду Христа, рассматривать повседневную реальность и других людей в их включенности в изумительный замысел Божией любви.

Нам будет не хватать его страсти к единству христиан, его богословской проницательности, его стремления к диалогу, его сочувствия к страждущим. Но нет, все это останется с нами как семена Слова, которые он бесстрашно сеял, заботливо взращивал и умело орошал: это семена, которые вырастит сам Господь по ту сторону смерти.

*Перевод с итальянского
Наталии Костомаровой*

Священник Владимир Зелинский

БЕСЕДА С ОЛИВЬЕ КЛЕМАНОМ

Словно Вы живы

Mon cher Maître,

Никогда не знал, как мне следует обращаться к Вам. Друзья, даже и помоложе меня, легко называли Вас Оливье. Но на Руси, привыкшей к формулам почтительности, Вашему имени как-то неловко было быть одному, и оно, казалось, хотело уцепиться за отчество, вытесненное на Западе. Совершенно невысказано и даже как-то предательски по отношению к нашей 20-летней дружбе было именовать с официальным холодком: Monsieur Clément. Поэтому и пришлось остановиться на этом чуть неуклюжем Maître, что значит Учитель, но также и Адвокат, Знаток, Мастер, словом, мэтр, что по-русски звучит со старинной, отчасти даже картинной важностью. Однако все эти смыслы поселились, не тесня друг друга, в моем обращении, чуть нелепом, но, в общем, точном; Вы были для меня именно учителем, адвокатом веры, моей и Вашей, прекрасным знатоком ее, мастером, если смело выразиться, ее исповедания. В последние годы я не раз предлагал Вам составить книгу бесед, Вы были согласны, но всякий раз не находилось нужного времени. Мои наезды в Париж становились все более редкими, потом Ваша болезнь и медленно-медленно приближающаяся кончина. За эти годы вышли две книги о Вас, их авторы – молодые журналисты, пишущие о религии; одна в Канаде – Франка Дамура, которая называется «Провожатый»¹, другая во Франции – книга бесед с Вами Жана-Клода Нойе: «Мемуары надежды»². Мое

---

¹ Frank Damour, Olivier Clément, Un Passeur, Quebec, Canada, 2003

² Olivier Clément, *Mémoires d'espérance*, Entretiens avec Jean-Claude Noyer, Paris, 2003

намерение так и не осуществилось, Но оно осталось во мне как некий долг перед Вами и перед самим собой, а долг не исполненный обладает особой тяжестью, которая склонна возрастать. Поэтому позвольте сейчас, когда Вас уже нет на земле, попробовать поговорить с Вами, поговорить так, словно Вы еще живы и Ваш голос звучит, как он звучит во мне сегодня, несколько месяцев спустя после того, как Вас отпели в храме Сергиевского Подворья.

Как почти во всякой беседе, в ней нет заранее установленного плана. Здесь мелькнут отрывки из Ваших книг, обрывки наших разговоров, как состоявшихся, так и тех, которые могли бы быть, — словно они были сказаны.

Я

Вы всегда говорили, что Ваша встреча с Восточной Церковью произошла благодаря русским религиозным мыслителям и богословам. Многие из них говорили: мы не в изгнании, мы в послании. Среди тех, кто услышал это послание, можно ли назвать среди первых замечательного православного богослова Оливье Клемана?

ОН

Не будем преувеличивать значения моей личности, как и моих трудов. Прежде всего, главным плодом посланничества русских изгнанников было создание православных общин на Западе, которые, оставаясь русскими по традиции, сумели перешагнуть этнические границы и «пробить окно» в Европу. Точнее, открыть Европу для Восточной Церкви. Это была подлинная встреча, поворот, обращение друг к другу. И плодом ее, безусловно промыслительным, стало рождение европейского православия, русского по всем его корневикам, всем чувствилищам, но сумевшего неразрывно соединиться со складом западной души, с иной исторической памятью, которая, обогащая нас, может в то же время и связывать.

Я

Но разве Вы не впитали эту память? Ведь Ваше обращение произошло под «русским» влиянием.

ОН

Это лишь отчасти верно. Конечно, огромным событием в моей жизни была встреча с Владимиром Лосским. Прочитав несколько раз его книгу «Мистическое богословие Восточной Церкви», я решил затем прочитать и всех Отцов, на которых он ссылается. Это стало много большим, чем школа богословия. Это был иной мир, столь непохожий на мое представление о христианстве.

Я

«Иное солнце», как называется Ваша духовная автобиография.

ОН

Не то, которое заходит на Западе, но солнце, которое поднимается с Востока. Хотя это одно и то же солнце. До этого я запоем читал Достоевского и Бердяева, еще неверующим я приобрел икону, но не знал, что когда-нибудь буду связан с православной Церковью. Стать христианином означало для меня быть католиком или протестантом. Впоследствии, узнав о православных русских в Париже, я стал наблюдать за ними с какой-то почтительной завистью: с одной стороны, у них была полнота молитвенной и сакраментальной жизни, неповрежденное догматическое наследие, с другой – в их среде мне было буквально трудно дышать. Дело было не в банальном конфликте догматизма и вольномыслия, но в атмосфере всеобщей нетерпимости, подозрительности, какой-то глухой, напряженной агрессивности, которая выплескивалась по отношению к тому миру, в котором мы жили. Я не знал языка, но ощущал, что их православие было отмечено травмой, которую они пережили. Я сочувствовал им, однако моя история была иной.

За ней не стояло ни обид, ни плача о погибшей России, который легко перерождался в идеологию, ни жгучей ненависти к ее новым хозяевам, ни ностальгии об исчезнувшей монархии. Не могло быть, говорил мне внутренний голос, чтобы «иное солнце» всегда было окутано этим душным, тяжелым непроницаемым облаком. Владимир Лосский стал моим первым провожатым к подлинному православию. Он привел меня к Отцам.

Я

Мы читаем Лосского русскими глазами в переводе светлой памяти Веры Александровны Рещиковой, которую я хорошо знал. А каким он предстал глазам француза?

ОН

Француза Средиземноморья, не забывайте, а это не совсем то, что парижанин или бретонец. Звездное небо над головой, почти всегда чистое, вместе с цветущими каштанами, виноградниками, солнцем, бегущим по волнам – все это было моей первой религией и моей вселенной. В отрочестве я заболел мировой скорбью. Вы знаете, красота творения – не только язык Божий, но и вызов, чем-то тревожащий нас, и он требует ответа. И когда ответить нечем, нас может охватить отчаяние. На пороге юности я даже думал о самоубийстве оттого, что красота мира, как мне казалось, была только покрывалом, за которым зияла пустота, сквозило ледяное ничто. Но вместе с тем она окликала меня, просвечивала через лица, в особенности, лица детей. Потом, уже взрослым, став христианином, я унес все это с собою в православие, точнее сказать, в Церковь. Добротолюбие – книга и добротолюбие – филокалия, как премудрость творения для меня неотделимы друг от друга. Но мы начали говорить о Лосском...

Я

Не был ли он одним из тех, кто помог Вам примирить эти видения?

ОН

Одна из его книг называется «Боговидение». Это слово было синонимом веры, которую я обрел. До того, как стать убеждением, боговидение было для меня интуицией, порывом, новым зрением... Помню, как однажды когда мы с Лосским гуляли по берегам Невы, откуда он был родом, он рассказал мне о своем детстве. На уроках закона Божия, он поставил в тупик своего преподавателя вопросом: может ли Бог создать такой тяжелый камень, который Он Сам не сможет поднять? Сегодня я знаю ответ: этот камень человек. Лосский был борцом за бескомпромиссное православие, которое могло показаться даже жестким, был одним из создателей Братства св. Фотия – название говорит само за себя – и вместе с тем почитателем св. Франциска Ассизского, автором большой книги о Майстере Экхарте, которую мне удалось опубликовать лишь через много лет после его кончины. В метро он читал Библию или Шекспира... Помню, как в 1956 году в самолете, на котором мы улетали в Россию, он сказал мне с улыбкой: «Вы знаете, церковная среда там бывает несколько давящей. И потому я захватил с собою вот это», – и показал мне томик Аполлинера Alcools...

Я

...что можно перевести как «возлияния»... Это напоминает мне недавно опубликованные «Дневники» о.Александра Шмемана, где он пишет, что в свободное от богословия, ректорства, преподавания время, он буквально убегал в чтение дневников французских писателей, часто далеких, уж не говорю от православия, но и от всякой веры вообще. Эти дневники были для него той жизнью, в которой по-своему «звучал» Христос, хотя Его имя и не произ-

носились. О. Александр, которого Вы должны были знать, был одним из тех, кто нес в себе эту боль разделения между христианством профессионалов (коим он был сам, и высокого класса), тех, кого итальянцы называют *addetti ai lavori*, имеющих допуск, если перевести на советский язык, и христианством, которое пронизывает собой всякую жизнь... Лосский, как Вы знаете, был главным обличителем о. Сергия Булгакова и его софиологии, которую я лично воспринимаю как попытку переложить стихийное удивление перед Премудростью, разлитой в мире, на язык людей с допуском к догматике, но, тем, как и можно было ожидать, его не приняли. При этом оба они отвергали Бердяева, о котором Вы написали большую книгу, пронизанную сочувствием к его мысли; однако все трое были Вашими учителями в богословии или, скажем, в науке жизни...

ОН

Я никогда не вмешивался в этот «спор славян между собою». В нынешние же времена особенно. Возраст помогает по-иному взглянуть на многие вещи. Мне выпало встретить великого старца патриарха Афинагора. Он помог мне освободиться от страха перед другим, чужим, непохожим, инаковым. Он говорил, что отказался мыслить о себе и своей вере вопреки кому-то, верить против. Постоянно носить внутри себя врага, притаившегося в засаде: чужестранца, еретика, еврея. О всяком, кого ты встречаешь, независимо от исповедания, можно мыслить с любовью, любовью, ревнующей об истине, но и не ищущей только своего, учащей видеть брата твоего в свете его воскресения, независимо от его мнений. Эту способность я почувствовал потом и в Иоанне Павле II.

Я

«Наши перегородки до неба не достигают»? Я не сторонник этого изречения и не берусь говорить о небе, но уверен, что вероисповедальные границы меньше всего должны напоминать колю-

чую проволоку под током, разделяющую людей. Ничто из того, что нами говорится, пишется, укладывается в формулы, не может исчерпать глубину человека, исчерпать его загадку и полноту.

ОН

При всех трудностях, возникающих у западного человека, выбирающего православие, у меня было и одно преимущество — быть свободным от внутриправославных браней. Я мог заимствовать у каждого то, что открывало для меня Христа, было отмечено Его присутствием. Я понимал, что для многих русских их Бог оставался там, в России. Он не захотел пересечь границу, отделяющую ее от остального мира. Россия же, оставшаяся в их памяти, по мере удаления от нее во времени все более приближалась к порогу Царства Небесного. И здесь в изгнании они чувствовали себя привратниками, ревностно, порой яростно охраняющими этот порог против реальных, но чаще мнимых врагов, которые угрожающе кишели повсюду. Во Франции давно, может быть, со времен Жанны д'Арк, исчезло это мистическое восприятие родины как страны, граничащей с Богом, по выражению Рильке. В Средние Века пределы той страны доходили чуть ли не до самого Гроба Господня. Для меня эта граница пролегла через видимые вещи, сама форма которых, как я вижу сегодня, была открытостью к трансцендентному. Бог приходил ко мне неузнанным в моей тоске и смятении, но прежде всего в удивлении перед тем, что было сотворено вокруг меня. Я любил землю всей любовью, на которую был способен, беспамятной, почти экстатической любовью. Помню, как я растягивался на берегу моря, и земля несла меня на своем крыле. За морем, за его безмерностью, за светом, заливавшим все вокруг, за прудами, начинавшимися за нашим пляжем, за дюнами, за тростниками (тогда я еще не знал фразы Паскаля о человеке как мыслящем тростнике), за темной лазурью, скрывавшейся за соснами, за виноградниками, покрытыми, как у Пастернака, «жаркою охрою», за листьями миндаля, за хмелем

нарциссов, казавшихся цветущей слоновой костью, мне чудился первый день земли, обнаженная плоть света, вспыхнувшего в первый день творения, света тайны, которую тогда, не зная о ней, я носил в себе.

Я

Но эта земля была Вашей Францией.

ОН

Эта земля была моей вселенной. Францией была родня из моей деревни, в которой жили мои предки, бывшие, насколько я знаю, виноградарями. Францией была их честность, их трудолюбие, их суровость, их веселость, их крестьянская молчаливость, их чувство социальной правды, которое толкнуло их к социализму. Это был социализм конца 19 века на французский манер, в нем не было и следов утопии, расpalенной мечтательности или кровавой возбужденности, было лишь требование справедливости. Справедливость была их богом. Я родился в семье, которая до меня уже два поколения назад утратила веру, где имя Божие произносилось лишь в спорах. Там даже не крестили детей, это было наследие республики, и у нас это не было редкостью, как в Италии. Францию люди моего поколения по-настоящему ощутили тогда, когда они ее потеряли.

Я

Вы имеете в виду поражение в войне и немецкую оккупацию?

ОН

Поражение стало для нас шоком, настоящим шоком стыда. У многих, кстати, он окончательно не прошел до сих пор. Наверное, не было француза, который не испытал бы его. Поэтому у нас в Сопротивлении участвовали люди, не имеющие к тому никакого

призвания, как, например, я, ибо патриотизм не был моей главной страстью. Потому что для меня самым ужасным было преднамеренное пролитие крови. Помню, наш разговор в маки; мы смотрели из кустов на проходивший патруль в немецкой форме, это были новобранцы, почему-то из Средней Азии. Мой товариш сказал: «Мы можем запросто перебить этих монголов, все организовано. – Можем, -ответил я, но тогда немцы перебьют всю деревню. – Для того-то мы это и сделаем». С тех пор я, если и рисковал жизнью, то только для спасения жизней других.

Я

Повлияло ли Ваше участие в Сопротивлении на ваше открытие христианства?

ОН

Тогда я читал Ньюмана, Шестова, Киркегора. Еще до чтения всяких книг, до встреч с людьми, которые могли бы повлиять на меня, две другие встречи подвели меня к открытию Смысла, в котором соединялись Разум и Любовь. После красоты второй встречей была смерть. Близким я повторял свои детские настойчивые вопросы о том, что же нас ждет там, за гробом. «Ничего» был ответ отца, деда, моих тетушек. Пустота. Смерть – зеркало, в которое мы без конца вглядываемся. Когда видишь одну пустоту, кажется, она заманивает тебя как в омут. Отсюда – искушение самоубийством: если все равно неизбежно, не лучше ли рассчитаться со всем, как можно скорее? Наша цивилизация, по-моему, первая в истории, которая решила начисто забыть о смерти. Но, постаравшись забыть о ней, она невольно обнажила ее сущность.

(Наш воображаемый разговор происходит незадолго до его кончины)

ОН

Когда я был ребенком, у нас никого не оставляли умирать в больнице. Никто не молился, не читал Евангелия, но оставалась эта атмосфера бдения у постели умирающего, воздух «последнего целования»... Когда много лет спустя я был в Румынии, меня поразило, что многие крестьяне заранее готовят для себя гроб, который стоит в их домах. К смерти готовились как к бракосочетанию. Меня водили на кладбище, показывали могилу: «вот здесь буду лежать я». И этот покой их лиц, аромат кладбищенских акаций, пение кукушки, а неподалеку служба в монастыре, все было едино в этом ощущении победы над смертью, доверия к жизни... На христианском Востоке монах живым входит в умирание для мира, чтобы воскреснуть в нем. Но, пожалуй, главным была встреча с тайной человеческого лица. Всякое лицо есть прорыв трансцендентности. Я спрашивал себя: как комок плоти мог передать собой тайну, из какого света сложилось то, что мы называем личностью...

Я

Но личность, любая, состоит не только из света... Часто она прикрыта маской, и мы не видим ничего, кроме нее, и принимаем ее за лицо. Подлинное лицо, когда мы видим его, поражает нас. Но как часто при повседневном общении мы скрываемся за личинами.

ОН

Но Христос видит лицо, Он узнает его под маской, глядит в него даже через сгущение тьмы. Его взгляд пробуждает в нас личность. И этот тонкий свет, который незримо исходит от человеческого лица, есть, в сущности, свет Христов. И когда мы вглядываемся в человека, уходим в его взгляд, мы общаемся с его Первообразом, Словом, его сотворившим.

Я

Видеть в человеке его икону, в сущности, было доступно немногим. И я предполагаю, что в основе Вашего открытия христианства, Вашей встречи с Богом изначально был именно этот дар. И потому Вы могли открыть веру без всякого знания о ней, потому что *ее светлая тайна* уже жила в Вас. Вы вошли в православие вратами *Непостижимого*, а *вслед за тем* – *через открытие праведности его святых и вероучительной правды*. Впрочем, каждый из этих путей ведет к другому. Символ веры – в границах того, что мы можем сказать о Боге – определяет Христа как родившегося «Света от Света». Слово «свет» отражает глубинный опыт, свидетельствует о восприятии его, общении с ним. Это общение происходит благодаря лицу. Лицо, подлинное лицо, которое становится иконой – это пространство встречи Бога и грешника.

ОН

Свет Христов не может быть всеобщим, «абстрактным». Он всегда личностен и подается каждому лично. Он пробуждает и «зажигает» нашу личность.

Я

Во Христе богоявление света совпадает с самим Его существованием. «Доколе Я в мире, Я – Свет миру». Писание говорит: Бог обитает в неприступном свете, Бог есть Свет, и нет в Нем никакой тьмы. И потому сама вера во Христа, если это не слова, а жизнь и молитва, приобщает нас той же световой сущности Бога, призывающего нас, по слову ап. Петра, в «чудный Свой свет».

ОН

Да, Писание ведет нас к откровению света, в котором проясняется то, что изначально скрыто в человеке. Потому что во Христе всякий человек, даже плененный тьмой, способен вырваться

из-под ее власти, чтобы вернуться к дарованному ему свету. К образу Божию, который вложен в него. Человек принимает Христа как дар, но обретает Его с усилием, и потому жизнь его веры может стать постоянным богоявлением.

Я

Ваш путь ко Христу был долг. Его лик открывается людям, которые никогда не знали его раньше, иногда внезапно, как луч света, который падает на вас, а иногда он словно созревает, мучительно, медленно, как будто поднимаясь из неразличимой глубины. Это созревание принимает облик различных препятствий или искушений, которые приходится преодолевать. Я знаю, они были и у Вас.

ОН

Первым и главным моим препятствием было духовное притяжение Индии, от которого я долго не мог освободиться. Меня никогда не привлекал буддизм с его культом пустоты и улыбкой Будды, обращенной внутрь себя. И, вместе с тем, я стремился сбросить с себя оковы западной, скорее, даже чисто французской, ментальности, хотя в ее средиземноморских корнях она в чем-то перекликалась с архаическим символизмом, присущим Дальнему Востоку. Еще до того, как это стало теперь модой, я направился в Катманду. Индия, полная желания и какого-то сакрального эроса, погруженная в великую немоту, в отрицание, в котором дышало всеприсутствие божественности, космической, женственной, чувственной, эта Индия долго не отпускала меня. Мир наполнен божествами. Какими? В них стирались я и ты в некой безличной Самости, во взаимосвязанности атмана и брахмана. Но что это было за Божество? Это было подобно пузырю, поднимавшемуся из ничего; люди, миры, боги, сам Бог – все это было пузырями, возвращавшимися на миллиарды лет в ту бездну, из которой они вышли...

Я

В своих книгах Вы поминаете иногда о «святой Индии», но слова на бумаге не позволяют различить, где под кавычками скрывается самоирония, а где ностальгия. Вас привели к ней какие-то учителя?

ОН

Учителя, приходящие на Запад под видом волхвов с Востока, скорее разочаровали меня. Они полностью вписались в западную коммерцию духовностью, стали производителями экзотического товара на экспорт для обеспеченных и душевно неустроенных потребителей. Теперешний успех всякого рода «восточных религий» я объясняю бегством Запада от самого себя. Здесь человек наших дней может быть столь чужд самому себе как в добре, так и в зле. Ему нужно найти самого себя, и путем для этого может стать аскеза.

Я

Вы имеете в виду аскезу, как она практиковалась древними монахами?

ОН

Та аскеза была создана в древних культурах, с иным ритмом жизни, тишины, неторопливости, жесткости по отношению к себе и другим, когда человеческое древо было иной, более крепкой, устойчивой природы. Тогда надо было его лишь немного подрезать. Но современный человек напоминает скорее тщедушное дерево, которое, прежде чем обрезать, нужно пересадить на плодородную почву, подставить свету и ветру. Я возвращаюсь к совету Алеши Карамзина, обращенному к брату Ивану: любить жизнь той любовью, которая открывает ее глубину. Ибо в центре ее – Христос.

Я

Таков был Ваш путь. От опыта вопрошания пустоты до ощущения космических энергий, разлитых в мироздании, до открытия Его лика....

ОН

Открытие Христа – это не какое-то однократное событие. Это жизнь, жизнь как обращение. Если мы живем верой, то вера и есть это открытие, которое пролегает через все наше существование. В тридцать лет, когда я крестился, это событие веры было несколько иным, чем сейчас, когда Он встречает меня на пороге смерти, и я знаю, чувствую, что Он ждет меня за ее порогом. Мы открываем Его в основе нашего существования, принимая его как любовь, согласно чудесной формуле Вячеслава Иванова: *Amor ergo sum*, Я любим, следовательно, существую. Когда меня не будет на земле, я войду в любовь, которая вызвала меня к жизни, и не найду дверь ее запертой. Человек сотворен по образу Христову, и он может найти Его в своем я, и во всем, что Христом создано, ибо *все чрез Него начало быть...*

Я

Тогда чем же объяснить эту множественность религий?

ОН

Не нужно ничего объяснять. Отвечу вам фразой митрополита Гор Ливанских Георгия Ходра: «Нужно пробудить Христа, Который дремлет в религиях».

Я

Мне несколько раз приходилось встречать митрополита Георгия на конференциях в Киеве. В очень преклонном возрасте люди, причастные опыту Боговидения, достигают какой-то светлой

прозрачности. Я читал его книги, но более всего меня поразила его мягкая улыбка, когда он рассказывал, что в последнюю израильско-ливанскую войну его дом был стерт с лица земли, как только он из него по чистой случайности вышел.

ОН

Конечно, и его слова нельзя превращать в какую-то догму. Но мы имеем право на дерзание. Как и на доверие. Я доверяю Духу Святому, говорящему нам отовсюду, где мы способны услышать Его, и являющему нам Христа. Я не могу представить себе, что Христос может быть кому-то или чему-то чужд. Признаюсь, что иногда читаю тексты великих суфиев и молюсь вместе с ними. В мире гораздо больше откровений Христовых, которые я бы назвал подготовительными, чем мы можем себе представить. Я не говорю об одном лишь Ветхом Завете. Все мироздание несет в себе сотворившее его Слово, которое созревает в нем. Когда Бог явит Себя во всем творении, мы обнаружим или, может быть, вспомним о великом множестве его «икономий», ибо Христос, повторяю, – в глубине всякой реальности, но где Он и как присутствует в ней – мы не можем пока объяснить. Мы можем лишь попытаться научиться различать Его слова, обращенные к нам и доносимые голосом Святого Духа.

Я

Который «веет, где хочет», и ты слышишь голос Его». Но как это веяние совместить с неподвижностью Предания?

ОН

У русских христианских мыслителей я открыл свидетельство о Предании, столь же истинное, сколь и творческое. Оно было верно истокам, коренящимся в Писании и патристике, и вместе с тем способно к тому, чтобы в свете Пятидесятницы разгадать современный мир, который нас окружает, изгнать из него злых

духов, войти в него, чтобы преодолеть и превзойти. Мне открылась возможность согласия между евангельским духом и мягкой плавностью обряда. Но Предание Русской Церкви я не отделяю от Предания византийского, сирийского... Первой, так сказать, фактической встречей с православием была для меня поездка в Сопотчаны, в Сербию. Предание есть язык нашего исповедания. Оно придает ему форму, смысл, память, священную память, которая образует нас самих. Но и священная память не должна каменеть. Из православных катехизисов мы многое узнаем о христологии, но почти ничего – об Иисусе из Назарета. Живой Иисус словно уходит за стену Его определений. Но быть христианином, на мой взгляд, значит не отделять ни Христа от Иисуса, ни Предание от Духа Святого. Однако ни Иисус, ни Христос, ни Троица, ни Дух Святой не принадлежат лишь одним христианам или историческим Церквам. Здесь есть ряд антиномий, которые следует принимать. Я не отказываюсь видеть проявление Божественного начала во всем, ибо все являемое свет есть, как говорит апостол Павел.

Я

Такое видение, вероятно, стало основой Вашего экуменизма. Знаете ли Вы, что экуменизм в России сейчас почти бранное слово? Чтобы уничтожить чью-либо репутацию как православного, его ругают экуменистом.

ОН

Tiens. (Труднопереводимое восклицание, которое можно передать как: «смотри-ка», «вишь ты». Так, улыбаясь, он встречает известия, которые ему не совсем по душе). Я наслышан об этом. И это меня не удивляет. Россия вышла из ледника и еще долго будет оттаивать. Не думайте, что за двадцать лет организм такой огромной страны, как ваша, может измениться. Вы не представляете себе, какой нетерпимой была Римская Церковь всего лишь полвека назад. Это теперь, в эпоху после Второго Ватиканского

Собора, она расточает улыбки всем церквям и конфессиям, а раньше лишь за простое участие в молитве с протестантами, да и с православными тоже, вы рисковали отлучением. Этот комплекс страха перед другим, боязнь заглянуть в другого, чтобы невзначай не узнать там Христа, всегда прикрывается борьбой за чистоту риз. Рано или поздно это изживет себя.

Я

Но разве нетерпимость к искажениям истины – *anathema sit!* – не входит органически в то наше наследие, которое и составляет суть православия?

ОН

Вслед за многими святыми и просто отцами я повторяю: православие – это Христос. И потому оно бесконечно больше своих конфессиональных границ. У России есть вселенскость, которой, наверное, нет ни у какой другой страны, есть глубина, которой я не встречал нигде и ни у кого, есть красота, граничащая с откровением Божиим, в котором распаивается что-то предельное, изумительное, и, вместе с тем, ее мучат демоны какой-то навязчивой исключительности (которая, разрастаясь, порой вырождается в этнический или обрядовый нарциссизм), ксенофобии, специфического комплекса неполноценности-превосходства, и все это выливается в религию, где безмерность спорит с воинствующей узостью... Французы иногда могут ненавидеть Францию (вспомните Селина и столько других), но у них нет того мучительного чувства беспочвенности, которое, бывает, относит вас к противоположному берегу, к этой разгоряченной романтике крови и почвы на русский манер... И все же какой бы она ни была, я уже не могу представить своей жизни без России, ставшей уже как бы частью меня. Святой Серафим, святой Силуан, Достоевский, Солженицын, ваши новомученики, Флоренский, Булгаков, Бердяев, Лосский, Евдокимов, о. Александр Мень – какими бы разными они

ни были – это часть моей внутренней биографии. Скажу больше, Россия, именно она, стала для меня путем к открытию вселенской тайны человека.

Я

Я думаю, что в основе вселенскости, которую называют экуменизмом, должно лежать новое осмысление человеческой природы Христа. Иисус был наиболее суров с теми, кто был близок Ему по вере («Порождения ехиднины» – фарисеям; «прочь, сатана» – Петру, камню Церкви), и как мягок, уступчив, диалогичен с «еретиками» – женщиной у колодца, сиропфиникиянкой, римским сотником. Если Христос пребывает в центре нашей жизни, почему мы должны проклинать тех, кто думает о Нем иначе? Хуже, чем проклинать, ибо в проклятии еще остаются высохшие семена любви, доставшиеся бесу гнева – отворачиваться, равнодушно и принципиально не желать знать. Говорю не об иных исповеданиях, но о людях.

ОН

Если бы ты знала дар Божий... – обращается Иисус к самарянке. Если бы мы знали дары Божии, которые можно найти у других. В диалоге религий или конфессий мы должны начинать не с формул, а с тех даров, которые заложены в личности каждого. Ибо все эти дары – от Христа. Он присутствует в них. «Кто меня отлучит от любви Божией?» – восклицает апостол Павел. Только любовь узнает человека даже за его масками.

Я

Нынешнее ужесточение, даже ожесточение, которое переживает православие во многих странах, не только в России, по-своему неизбежно. Конечно, оно выдает явную растерянность перед лицом глобализации, пришедшей вместе с вызовом и невероятной

тяжестью или легкостью свободы, которая свалилась на плечи Церкви. Отсюда возник эстетически-идеологический проект «православной цивилизации», с ее утопией сакрального общества и религиозностью 19, иногда даже 17 века, проецируемой в будущее. Нечто подобное уже было однажды в начале послевоенной церковной оттепели, допущенной Сталиным. Кстати, и сталинское общество тяготело к своей лже-сакральности, из которой и по сей день не так просто вырваться. Она околдовывает черной или серой магией, засасывает в себя. И потому никакие разоблачения не грозят его главному жрецу, ибо человеческие гекатомбы любой высоты – составная часть его жреческой дьяволиады. Впрочем, преобладает другое: отворачиваясь от недавней и неусвоенной истории, мы почти инстинктивно рвемся в нашу «святую даль», в эту взлелеянную ностальгией сакральность – истовый монархизм, морализм, обрядоверие, топчашие всякое проявление духовной жизни, если оно возникает за возведенными нами стенами.

ОН

Я воспринимаю Церковь как таинство, как впрочем, и все Священное Писание, которое универсально и открыто бесконечному разнообразию восприятий. Мы совершаем его, облачаем таинство в обряд, исповедуем, участвуем в нем, и в то же время сама божественная его основа его остается скрытой. Никакая вера не может вместить ее. Образы Церкви, как тайны таинства можно найти и за пределами видимых ее выражений. Мы, православные, получили бесценное наследие веры, так почему бы нам не быть и великодушными, узнавая, угадывая следы того же богатства и у других?.. Если по мере сил и возможностей мы должны искать видимого единства с другими христианами, ни в чем не поступаясь своей верой, это вовсе не значит, что нам нужно создавать из множества религий одну, удобную для всех, чего так боятся многие православные. Не нужно никакой всеобщей религии, это было бы действительно каким-то вавилонским смешением вер. Но угады-

вать, узнавать лик нашего Господа за всяким «добрым», сущностно добрым проявлением его в мире – нам не возбраняется.

Я

Вы говорите об «анонимных христианах»?

ОН

Конечно, нет. Пусть не обидится на меня Карл Ранер, но на последней, на христовой глубине, нет «анонимных христиан», есть либо святость, либо сумасшествие. Я думаю, что идея «анонимности», хоть за ней и стоит верная интуиция, восходящая еще к св. Иустину Философу, есть своего рода мирный договор, предложенный враждебному секулярному миру: будьте теми, кем хотите быть, но мы будем считать вас своими. Но откровение Христа каждому человеку – знаю по опыту – превосходит всякого человека, и оно есть призыв к святости.

Я

Но если мы встречаем святость за стенами...

ОН

Подлинная святость свободна от всяких стен. Возьмите «Добротолубие», книгу об Иисусовой молитве, об аскетике, о хранении сердца, которую можно представить как сокровенную душу православия. И вместе с тем она далека от какого-либо конфессионализма. Макарий Коринфский, который подбирал тексты, и Никодим Святогорец, который их обработал и составил из них книгу, представляя св. Григория Паламу, оставили в стороне его наиболее полемические тексты против латинян. Тот же Никодим перевел и адаптировал для греков несколько католических трактатов. А метод исихии, священнобезмолвия, изложенный в Добротолубии, потому настолько близок к бенедиктинскому *пах*,

что православная Церковь несет в себе свидетельство о Церкви нераздельной, в которой коренятся все христианские конфессии, прорастают разные традиции. вплоть до Индии и Китая, – не ради смешения, но ради общения во Христе, – где человек Запада не теряет своей личности, но по-настоящему ее обретает. Как говорили св.Силуан Афонский, о.Думитру Станилоэ, о. Лев Жилле (Монах Восточной Церкви), церковность «Добротолюбия» охватывает все человечество и все мироздание.

Я

Но разве Добротолюбие не учит строгой аскезе, доступной для немногих?

ОН

Аскеза существует вовсе не для умерщвления нас и не ради какого-то мазохизма, как многие думают. Ориген говорил, что нам нужно не подавлять естественную деятельность нашей души, но очищать ее. Смысл аскезы в том, чтобы умерщвлять смерть, которая таится в нас, и оживлять жизнь. Ибо смерть, по сути, главная из человеческих страстей. Аскеза преобразует наше смертное тело в тело литургическое, освобождает нас от «мира сего» как марева гипнозов и иллюзий, чтобы открыть перед нами мир Божий, мир в Боге, в таинстве Его творения. Так, например, пост в широком смысле – это добровольное ограничение наших потребностей, чтобы свести «делание» к его изначальному порыву к Богу и Его творению. Пост изгоняет две главные страсти, которые живут в нас: сребролюбие и гордыню. Пост помогает нам обнаружить бесконечную глубину тварных существ, которые окружают нас. То же можно сказать и о целомудрии и о бдении, т.е. хранении сердца.

Я

Суть страстей, о которых говорится в Добротолюбии, это обогащение нашего я, служение ему против Бога, вместо Бога, иными словами, это форма идолослужения, которое может быть сколь угодно разнообразным. За каждым «кустом», выросшим из слов, дел и особенно помышлений, может прятаться грех, впрочем, не очень и стараясь, чтобы его не заметили. Но вот что примечательно: грех манипулирует нашим разумом, который дан для познания, в том числе и богопознания. Насколько грех присущ самому нашему мышлению? И вопрос, ему параллельный: насколько Бог вообще доступен мысли? Мне кажется, католическое решение, что разум, мол, естественным путем может познать Бога, проходит мимо «тайны беззакония», которая действует и в разуме. Что бы Вы сказали об этом?

ОН

Я опять вернусь к Добротолюбию, в котором доминируют идеи Евагрия. Евагрий опирается на *войс*, на разумение в его духовном измерении. При этом оно пронизано интуицией Макария Великого, который считает, что основным органом познания является сердце. Точнее: сердце составляет «сущность» познания, а «нус» представляет собой его энергию. Этот аристотелевский словарь не должен скрыть от нас победу библейского понимания человека над греческим интеллектуализмом. В сердце, которое освещает луч Солнца-Правды, рациональность и жар души, разум и влечение преобразуются, открываясь бесконечному.

Я

Значит, сердце в себе надо еще открыть...

ОН

Да, открыть переменой ума, метанойей. В этом удивительное свойство восточного видения человека: оно ведет нас к восприятию божественной глубины в нем. Человека нельзя объяснить на уровне человека. Слово этос, которое мы унижаем тем, что переводим в этику, означает обычай, привычку, пребывание. Гераклит сказал: Пребывание (бывание) человека – Бог.

Я

Об этом не раз говорил и апостол Павел: *Разве вы не знаете, что Христос в вас, упование славы?* Но то, что мы видим в повседневной жизни – в других и прежде всего, в себе – от славы далеко. Это замороженное, захмелевшее от себя самого я подобно раковой опухоли, разросшейся между мной и небом.

ОН

«Человек – идолопоклонник самого себя», – сказано у св. Андрея Критского.

Способность к поклонению, заложенную в его природе, он обращает на свое я. Тем самым он отворачивается от Источника жизни, чтобы вернуться в ничто, из которого был создан. Он становится рабом смерти, смерти не в смысле конца, которым завершается всякая человеческая жизнь (этот конец можно считать знаком милосердия Божия), но в смысле опыта смерти. Мы накапливаем его в себе, и порой именно он обращает нас к поиску вечности. Вспомните возглас разбойника на кресте: «Мы достойное по делам нашим приняли».

Я

Мне думается, что абберрация памяти, постигшая нашу эпоху, которую я, в отличие от многих моих единоверцев, никак не склонен считать наихудшей в истории человечества, это радикальное

забвение именно этих слов. Иным путем, потеря благоразумия перед лицом смерти и наказания. Бегство от смерти не только в повседневном существовании, но и во внутреннем опыте. Евангельское благоразумие пробуждается в крестном опыте: *Помяни меня, Господи...*

ОН

Силой животворящего Креста человек обретает способность преобразить всякое пребывание в смерти в бытие Воскресения. Христианское существование через метанойю обращено к пасхе как событию внутреннего человека, его сердца. «Сердце человека создано столь большим, – говорит Николай Кавасила, – чтобы вместить Самого Бога». Перед Богом и в Боге он открывает самого себя. Откровение означает любовь, являющую красоту Христа. В этой красоте – секрет всех человеческих лиц, великолепие всего, что сотворено.

Я

Вместе с Павлом Евдокимовым Вас можно назвать богословом красоты, потому что воспринимаемая нами красота творения означает беседу с Богом.

ОН

Богословие красоты содержится уже в Библии и в самом учении о Троице. Красота остается последним прибежищем христианства, которое вырождается в болтливый морализм, как на Западе, или жесткое законничество, как на Востоке. Но все начинается с лица, с умения увидеть его. Почти в каждой из своих книг я говорю о том, что открыл в опыте: христианство – это религия лиц, причем не всех лиц, взятых вместе, а каждого в отдельности. Лицо есть отпечаток любви Божией, Христос учит нас читать его. Сегодня именно эта вера переживает кризис. Именно поэтому лицо стирается в современной цивилизации, вспомните о живо-

писи ушедшего 20 века. Коль скоро всякая великая культура, в том числе и искусство, происходит из культа, наша сосредоточенность на самовыражении, на угадывании самого себя в мгновении и преходящести своих впечатлений, становится культивируемой реальностью, торжеством субъективности, которая не хочет знать никого, кроме себя самой, и вместе с тем отчаянно вызывает к общению. «Следует заменить выдохшуюся психологию человека лирической галлюцинацией материи», – как говорил Маринетти.

Я

...которая перерождается в галлюцинацию нашего я. Меня всегда беспокоил вопрос: как отделить красоту-откровение, отблеск правды, стоявшей за вещами, от красоты-подделки, в которой художник окружает себя зеркалами своей самости и низводит в это зазеркалье все мироздание. В наше время это разделение становится особенно видимым, я сказал бы, ранящим. Разделение между тем, что изначально было «хорошо весьма», и тем, что у Иоанна Богослова именуется «мир сей».

ОН

От красоты твоей возгордилось сердце твое, от тщеславия своего ты погубил мудрость твою, – говорит пророк Иезекииль. Человек ищет овладеть всем, к чему прикасается его рука или взгляд. И все же – подумайте – из всех созданных вещей Христос окликает его. «Видимые вещи углублены через невидимые», – говорит Максим Исповедник.

Я

И Владимир Соловьев и Пастернак с его «образом мира в Слове явленного...» Только Слово следует научиться писать буквами и мощью Иоанна в его Прологе...

ОН

Да и Владимир Соловьев, и Рильке, и столько других. Но обратите внимание, образ мира в Слове не скрывается где-то за вещами, за «незримым очами», как у Соловьева, но лишь в самих вещах, как божественный луч, наполняющий собою все созданное. Человек призван к тому, чтобы отразить этот луч, этот Логос, придать ему образ и смысл, явить славу его. Патриарх Афинагор говорил мне: «Когда приходит февраль, я жду, что зацветет миндальное дерево во дворе патриархата, я спускаюсь, чтобы присоединиться к этому славословию, к песне прославления, которое поет миндальное дерево». Так и мир должен через человека стать образом образа.

Я

В мире, однако, мы видим нечто иное: агрессивная секуляризация и обезбоживание, с одной стороны, с другой – продолжающаяся сакрализация утопий. Испуганный, почти истерический эсхатологизм и активное вытеснение «памяти смертной» до последнего предела, предельная рационализация жизни на Западе (что мы видим в биологии, в манипуляциях жизнью) и подъем архаических религий, усталое бегство в буддизм, в ислам, в самые диковинные секты, «дикорастущий» культ тела, культ эроса и древний культ звезд... Входит в моду реинкарнация, которая, как Вы говорите, предстает как увлекательный туризм для особо важных персон. И одновременно с этим все растущий этический вызов историческим Церквам, виновным в тысячелетнем подавлении человека, обороняющимся, как всегда, плоским морализмом, но остающимися, в сущности, безмятежными, безмерно упоенными собой... Все это принято называть постхристианством.

ОН

Нет никакого постхристианства, и не будет. Я бы назвал скорее это ино-христианством. То, о чем вы говорите, это клубок новых и старых оболещений или «прелестей», как называют их на аскетическом языке. То, что нам необходимо более всего – это вновь обрести Церковь, открыть ее заново как место обитания Слова, которое говорит о полноте бытия, Слова, которое являет славу Божию. Славу, которая есть истина. Истина-слава нуждается в том, чтобы ее открывали, наполняли ею все бытие... «Иже везде сый и вся исполняй», – как мы молимся, обращаясь к Святому Духу, Который несет в себе материнское начало (на арамейском – языке Иисуса – Он женского рода). Суть христианства – в том, что оно все время открывает себя заново, оставаясь неколебимо верным древним корням, разоблачая мороки мира и продавливая видимую коросту даже и в самих Церквях. Бог возвещает о Себе там, где мы ищем Его – но и в ином, неожиданном-негаданном. И это всегда Бог любви; вчера, сегодня, завтра Тот же. Он «изображается» повсюду, кроме зла и греха, как в Своем – Церкви с ее таинствами и преданиями, так и в других верованиях, в безмерности мироздания, в премудрости, вспыхивающей и гаснущей вокруг нас. *Вся Премудростию сотворил еси!* – сотворил для жизни, преображения, космической пасхи.

Я

Оливье, Вы прожили счастливую жизнь. Но теперь Вы уже много месяцев прикованы к постели, скованы болью и неподвижностью, лишены возможности творить. Рядом с Вами – любящая семья, перед Вами – квадрат неба за окном. Но в Париже – не так, как на Вашем Юге – небо редко бывает солнечным...

ОН

C'est la fin. Это конец. Ну, что ж... «Се бо прииде Крестом радость всему миру...» И милосердие, безмерное милосердие... Благодарность.

Брешия, июнь 2009 г.

**ПАМЯТИ
НАТАЛЬИ ЛЕОНИДОВНЫ ТРАУБЕРГ**

1928-2009

*Н. Л. Трауберг, 2005 г.
Фото Георгия Колосова*

Наталья Леонидовна Трауберг родилась 5 июля 1928 года в Ленинграде. В 1949 году окончила романо-германское отделение филфака Ленинградского университета. С 1953 года жила в Москве, в 60-х и 80-х переезжала в Вильнюс, где стала терциарием доминиканского ордена – сестрой Иоанной.

Переводчица с испанского, португальского, английского, французского, итальянского. Перевела более трехсот произведений с этих языков, любимые авторы, опубликованные в советское время: переведенные с испанского – Мигель Делибес, Камило Хосе Села, Ана Мария Матуте; с португальского – Эса де Кейрош; с французского – Жан-Батист-Анри Лакордер, Эжен Ионеско (публиковался в самиздате); с итальянского – Луиджи Пиранделло; с английского – Гилберт Кийт Честертон, Грэм Грин, Сирил Норткот Паркинсон. В 60-х начала переводить для самиздата Гилберта Кийта Честертона, позже – Клайва Стейплза Льюиса, после перестройки эти переводы стали издаваться, а она смогла переводить и издавать любимых авторов – Пэлама Гренвила Вудхауза, Пола Гэллико, Дороти Сейерс, Питера Крифта, Жака Маритена, Томаса Мертон, Чарльза Гарольда Додда, о. Саймона Тагуэлла, а также книги для детей Френсис Бернетт, Джорджа Макдональда, Сесилии Джемисон, Элинор Портер, Джин Уэбстер.

Автор предисловий к переведенным ею и другими переводчиками произведениям, а также – статей для Философской, Литературной и Католической энциклопедий, автор публикаций в журналах «Знамя», «Неприкосновенный запас», «Согласие», «Истина и жизнь», «Христианос», «Дружба народов», «Континент», «Сенанс», «Фома», «Новый мир» и др.

Сборники статей, эссе и мемуарной прозы Н. Л. Трауберг: «Невидимая кошка» (М.: СПб: Летний сад, 2006, 2009) и «Сама жизнь» (СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008).

Кандидат филологических наук, с 1975 года состояла в Союзе писателей СССР.

Член правления Российского библейского общества, Честертонского института (Великобритания), редакционного совета журнала «Иностранная литература».

Преподавала в Общедоступном православном университете, основанном протоиереем Александром Менем, в католическом Колледже католической теологии св. Фомы Аквинского, в Библейско-богословском Институте имени святого апостола Андрея, вела радиопередачи на религиозно-общественном канале «София».

Скончалась в Центральном московском хосписе, после тяжелой болезни 1 апреля 2009 года.

Его Преподобию

священнику Владимиру Лапшину,

настоятелю храма Успения на Успенском Вражке

Узнав о кончине Натальи Леонидовны Трауберг, соболезную ее чадам и внукам и всем, кто знал и любил почившую. Воздаю должное ее многолетним трудам переводчика, просветителя, христианского публициста. Сегодня, когда почившая предстала пред Божиими очами, молимся, да введет ее Господь в Небесные селения. Вечная и блаженная ей память.

+ Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.

Отпевание Натальи Трауберг состоялось 4-го апреля 2009 г. в московском храме Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке по окончании Божественной литургии. Чин отпевания совершал настоятель храма, священник Владимир Лапшин, окорм-

лявший Наталью Леонидовну в течение многих лет, вплоть до самой ее кончины.

* * *

«Наталья Леонидовна... Все в ее жизни, казалось бы, не подходило под слово «величие», но на самом деле это было именно так.

Но самое главное – самое главное в ней, это было умение принимать на себя чужую боль. Умение принимать на себя чужое страдание, умение нести вместе со Христом, вместе со всеми святыми эту боль и страдание...

Ведь сколько раз! Сколько раз, даже когда я приезжал к ней, чтобы исповедовать и утешать ее, – в результате я уезжал – и утешенным, и наставленным, и поддержанным – и как бы заново рожденным.

Конечно, это – дар Божий! Конечно, это – от Бога. Но от человека ведь тоже зависит умение преломить этот дар, использовать этот дар именно для служения Богу. Очень часто бывает так, что у нас и нет этих даров только потому, что мы не готовы – очень часто мы не готовы служить этими дарами другому, ближнему, думая только о себе.

Сегодня мы отпевали ее как инокиню... Она – подлинная инокиня во всех смыслах этого слова. И главное, в том смысле, в каком изначально звучало для людей слово «инок» – то есть, быть иным для мира сего, быть «не от мира сего».

Родные мои, не будем отчаиваться, не будем плакать. Сейчас будем прощаться с Натальей Леонидовной, с инокиней Иоанной. Но самое главное – будем знать и помнить, что она – с нами, что она – всегда с нами. Как здесь она принимала нашу боль, наши проблемы, чтобы пронести их – так и там она предстоит и молиться за нас. Так что можете смело к ней обращаться за помощью...»

(Из Слова отца Владимира после отпевания)

ПРОСТО НАТАЛЬЯ ЛЕОНИДОВНА

Писать о новопреставленной инокине Иоанне – Наталье Леонидовне Трауберг – очень трудно, почти невозможно. Сочинить некие мемуары? Наверняка сочинят те, кто ее знал намного лучше меня, и это будет хорошо и правильно, но она же сама говорила про мемуары: «Берут какой-то срез и устраивают человеку маленький страшненький суд. Но ведь мы не знаем, как его видит Бог – единственный, у Кого правильное зрение».

Нет, мы, конечно, скажем о ней только самое-самое доброе. Да ведь и про это она уже говорила, например, вспоминая Б. Л. Пастернака: «Грузины бы ему позавидовали: все мужчины были у него гении, а женщина – не просто “красота спасёт мир”, а вот конкретно эта тётя. Мы пытались, из скромности, не принимать его слова всерьёз, но было трудно». Ну как после такого можно написать про нее нечто хвалебное? Это все одно, что хвалить любимых ее героев Вудхауза или Честертона: всё тут же обратится в самоиронию, в прививку от пафоса и восторженности.

Может быть, рассказать о том, скольким людям она помогла, скольких научила и ободрила? О высоких стандартах, установленных ею в искусстве перевода, о книгах, статьях, лекциях и радиопередачах, к которым прислушивалось столько людей? Но она же сама определила: «Мое духовное водительство сводилось к жалости и молитве». Не похожа она была на гуру.

Создать ли ее биографию? Такие уже есть, прежде всего автобиографическая книга «Сама жизнь», в которой, как в самой жизни, всё перепутано, нет ни точных адресов, ни выверенных дат. Это как-то ни к чему, ведь главное – не в датах.

Смысл этих дат, кстати, можно разгадывать, как шараду: она отошла первого апреля, в «день дураков», и одновременно в двухсотлетний юбилей Н. В. Гоголя, и одновременно – в тот вечер,

когда совершается в наших храмах самая трудная и покаянная великопостная служба, «Мариино стояние». А отпевали ее в годовщину основания общества П. Г. Вудхауза, одновременно – на праздник похвалы Пресвятой Богородице. Вот как можно это всё соединить? А у нее как-то получилось. У нее вообще получалось сочетать в своей жизни много вещей, которые кажутся нам несочетимыми.

Мы же все – заядлые спорщики. Сначала определяемся: ты за тех, а я за этих (а еще точнее, ты против этих, а я против тех), а потом начинаем бой, обычно бессмысленный и беспощадный, за своё понимание истины. «Как желает мирской человек? К другому – истина, а ко мне – милость, притом побольше. А наоборот?» – говорила об этом она.

А главное, она так жила, «наоборот», и поэтому у нее что-то действительно получилось. Вот о чем я, пожалуй, напишу: об этом умении сочетать внешне несочетаемое, словно бы балансируя на проволоке. «Царский средний путь», может кто-нибудь сказать, но для Натальи Леонидовны это слишком громко, она сама рассуждала так: «Вместе со сведеньем “есть Бог” я получила странную систему ценностей, где суровы – к себе, милостивы к другим, “нежного слабей жестокий”, и тому подобное. Здесь речь идет не о том, хорошо ли я этому следовала, – конечно, плохо; но я знала, что так говорит Бог».

Ее родина – Петербург и Москва, две извечных соперницы-столицы. Родилась, выросла, училась в Ленинграде, но переехала в Москву, там прожила основную часть жизни, и уже ушедшее поколение богемы отлично помнило московскую красавицу и умницу Наташу. Но еще ее земная родина – это Литва, ее «град Китеж», куда она буквально бежала от богемной столичной суеты и от официальной мерзости развитого социализма. «Картинкой к честертоновской книге» называла она свою Литву – самую антисоветскую республику СССР. Она вышла замуж за литовца-католика, и не только по форме, но и по сути «набралась католических привычек», как сама это определяла.

И, тем не менее, жизнь в католицизме, напряженная работа по переводу трудов католика Г. К. Честертона стали своего рода мостиком, по которому состоялось ее возвращение к православной вере, еще в детстве привитой ей бабушкой и нянечкой, женщиной из простонародья. Наталья Леонидовна была неизменной прихожанкой нашего храма Успения в Газетном переулке практически с самого начала его восстановления. Я не знаю, и не хочу знать, как оформлялся официально этот переход, я даже не знаю, был ли вообще какой-то формальный переход в католицизм и обратно: она просто вернулась домой, к себе, но не утратила ничего из того, чему научилась и что приобрела в иных краях.

Когда рассуждают о «просто христианстве», как называл это Честертон, то слишком часто подразумевают принципиальную неразборчивость и всеядность, но в ее случае это было не так: это был поиск самой-самой сути, которую можно найти в разных традициях и у разных людей. «Со всеми считайся, а туфельки ставь ровно» – этот совет некогда был дан перед конфирмацией дочери Натальи Леонидовны о. Станиславом Добровольским, и выражение это стало своего рода девизом на щите. Ну да, очень много народу расскажет нам о тонкостях догматики, аскетики, канонического права – а вот это маленькая такая добавка, но очень важная, без нее слишком легко из всех этих тонкостей получаются толстые дубинки.

Итак, из Литвы она вернулась в Москву. На столетний юбилей Честертона собрались «шесть взрослых людей, девочка и кот, чтобы отметить 100 лет со дня рождения Честертон. Мы ели ветчину и сыр, пили пиво и создавали Честертонское общество». Шестеро взрослых – это С. Аверинцев, братья В. и Л. Муравьевы, Ю. Шрейдер и А. Янулайтис, и сама Наталья Леонидовна (девочкой была ее дочь Мария). (Честертонское общество в тот же самый день было основано и в Англии, но тогда этого никто не знал). Провозглашены были главные принципы общества – «христианство и свобода», а бессменным его председателем назначили кота со звучным именем Инносент Коттон Грей, чтобы избежать

натужной серьезности, надо полагать. С котами у Натальи Леонидовны вообще всегда было полное взаимопонимание, но речь сейчас не об этом. Что может сделать некое неофициальное общество в глухую советскую пору? Какое там христианство, какая такая свобода? Не листовки же расклеивать, не на баррикады идти...

Может быть, главное, что делали эти люди – они выстраивали параллельную реальность. Не боролись с советской властью, но игнорировали ее, насколько получалось, учились жить, так, как будто ее не было. И может быть, это была не последняя причина, по которой власти этой однажды не стало. И еще сдается мне, что именно этого нам сейчас и не хватает: умения жить иначе, без парткомов и месткомов, которые мы сами себе все время изображаем и очень печалимся, когда их нет.

Западничество, всё это западничество... Не спорю. Но одновременно – и почвеничество, потому что так возделывалась почва русской культуры, именно в нее бросались семена, именно на ней появлялись всходы. Наталья Леонидовна – это человек с очень русским характером, и трудилась она именно для русского, а не литовского или английского читателя. Если при этом ей удалось научиться знаменитой английской иронии или литовской серьезности, то это ведь и для нас тоже, чтобы и мы могли научиться. Я вообще не очень представляю, как бы она жила сейчас где-нибудь, кроме России, и она, поездив в последние годы по миру, тоже, кажется, не очень представляла.

Стержень ее жизни – «просто христианство», но отнюдь не голая богословская схема, не проповедническая напористость. «Тихость», а не «важность», как учили бабушка с няней. Это стремление воплотить свою веру в переполненной суетой повседневности, держаться ее в бурном потоке истории, найти ее среди сокровищ мировой культуры и познакомить со всем этим каждого, кто захочет такого знакомства. Ее профессия – перевод, а точнее, ретрансляция тех западных проявлений христианской культуры, с которыми действительно было важно познакомиться русскому обществу конца XX века.

Наталья Леонидовна в Международном Благотворительном Фонде им. Александра Меня. Рига, январь 1997 г.

Еще в Литве Наталья Леонидовна поставила себе целью переводить в год по 25 эссе или по одному трактату Честертона на русский, и тогда никто не мог предположить, что эти переводы будут полностью изданы, что так будет, по сути, создана целая школа по переводу английской христианской литературы XX века. Перевод есть высокое искусство – но еще и ремесло, и порой тяжелое ремесло. Она как будто совсем не умела отказываться, и когда ей давали «на редактуру» сляпанный наспех перевод, который можно было разве что полностью переписать – безропотно переписывала за скромный редакторский гонорар, но не могла ни халтуру выпустить, ни отказаться от взятого на себя труда. Так до самого конца коллеги и не могли научить ее говорить «нет». Но, собственно, не об этом ли в Евангелии: кто принудит тебя пройти одно поприще, пройди с ним два?

А еще она – писательница. Но вышло это далеко не сразу, и сама она объясняла это так: «я тридцать лет не писала, чтобы не попасть в мир каких-то сверхценностей. Я выросла среди тех,

Наталья Леонидовна
Фото Виктории Ивлевой

кто жил искусством, и поняла, что для них это сверхценность». Собственно, писательство у Натальи Леонидовны странное, это какой-то сплошной поток заметок, ассоциаций, примечаний. Она не говорит о главном, потому что о главном громко говорить просто неприлично (это бабушка и няня объяснили в раннем детстве), но можно тихонечко подвести человека к этому главному, и пусть он выбирает дальше для себя сам. «Прозой только для своих» называли порой ее книги, и это действительно было так, она не столько писала, сколько записывала (или даже за ней записывали, точно не знаю) свои воспоминания и разговоры, и эта интонация беседы сохранялась и на книжной странице. Для своих, да, но стать своим было невероятно просто – достаточно было подойти и прислушаться. Для нее, мучительно переживавшей всякую пошлость и вульгарность, не было большей вульгарности, чем рассуждения о «людях не нашего круга».

Либерализм или консерватизм, наш излюбленный спор? Она не употребляла таких слов, боялась их, для нее весь либерализм

был – «со всеми считайся», а весь консерватизм – «туфельки ставь ровно». И главное, то и другое обязательно сразу, а не по отдельности. Ее уважение к свободе другого было почти безграничным, и даже там, где человек бывал заведомо неправ, она никогда не настаивала на своем. Зато своими собственными взглядами («мракобесными», по ее определению), не поступалась. Она приходила в ужас от нынешнего разгула политкорректности, с ностальгией оглядывалась на те времена, когда черное не боялись называть черным, а за белое не боялись умереть. Но ведь тогда «христиане жгли христиан – это чудовищно. Бог терпел, терпел – ну сколько можно! И гуманисты отменили казни за убеждения. Эпоха просвещения – как облучение при опухоли: иммунитет снижается, мы слабеем, но хотя бы опухоль исчезает».

Ни в какие рамки не вписывается Наталья Леонидовна, ни одна партия не может записать ее в свои ряды. И при этом для всех она – своя. На отпевании было множество людей, как на Пасху, разных людей, настолько разных, что в прочих обстоятельствах шансы на встречу у них практически равны нулю. Но все они с огромной благодарностью, любовью и... тихой молитвенной радостью стояли у ее гроба. Радостью, потому что благополучно завершился очень длинный и тяжелый труд инокини Иоанны, и ни у кого не было сомнения в его итоге. Еще в Честертоновском обществе у них было выработано некое понятие, его условно называли «алеф». Она определяла его так: «сочетается в алефе многое: радость, несерьезность, легкость, истинность, свобода, а противостоит он фальши, тяжести, важности...» Легким, светлым и радостным было ее лицо на отпевании.

Уходила Наталья Леонидовна долго и тяжело. Это были операции, и больницы, и многократное пребывание в хосписе, куда кладут уже неизлечимых. Вышло так, что в последний раз она легла в хоспис на Спортивной ровно в тот день, когда там скончалась моя мама. А когда за месяц до того мама появилась в этом месте, прямо скажем, не очень радостном – нам с ней рассказали, что Наталья Леонидовна в шутку называет хоспис своим «домом

творчества». Когда она ложится туда, у нее нет никаких житейских забот, и можно свободно писать и переводить...

И всем нам порой достаточно было просто посмотреть на нее, чтобы заново ощутить смысл, вкус и радость жизни. Сама жизнь – лучше о ней и не скажешь.

ДАР И КРЕСТ

Юдин Алексей Викторович (род. в 1963 г. в Москве) — историк и журналист, доцент Центра изучения религий Российского Государственного Гуманитарного Университета, ответственный секретарь Редакционного совета Российской католической энциклопедии. Автор нескольких монографий и многочисленных публикаций в российской и зарубежной прессе, посвященных, преимущественно, истории Католической церкви в России, актуальным аспектам православно-католического диалога и проблемам религии в современном мире. В 2001-2007 гг. — член Папского совета по делам мирян (Ватикан).

Наталья Леонидовна Трауберг — тот удивительный человек, образ которого действительно обладает магнетическими свойствами. В этот образ можно было бесконечно (насколько позволяют приличия при общении) всматриваться при жизни, но столь же завораживающими оказываются ее портреты и фотографии сейчас, когда уже телесно она разлучена с нами. Хотя, надо признать, что сама она чаще всего грациозно фыркала, когда ей показывали ее собственные изображения, и произносила что-то в духе: «Ну, вот, опять какая-то черепаха получилась».

Что это было? Редкая красота и особая милость в лице, и та Милость которая, как особый дар наполняла всю ее душу. Вполне соглашусь со знавшим ее многие и многие годы Н. В. Котрелевым, что все, что в ней было — дар, и нет практически тех ее свойств, которым можно было бы научиться. Сама же она учила этим дарам «всех желающих» (часто употребляемые ею слова), но учила вовсе не по-учительски. Стремления «пасти народы» в ней не было ни на йоту. Свою принадлежность к Ордену Проповедников она претворяла в особых формах свидетельства, а свою соб-

ственную доминиканскую миссию исполняла безукоризненно, но не наставнически и не обременительно. «Сладость и свет» – этот вудхаузовский рецепт райской жизни по праву может быть сочтен ее девизом.

Не хочется идеализировать, тем более впадать в пленительное идолопоклонство. Дары – это крест, и тяжесть этого креста Н. Л. ощущала всю свою жизнь. Стоили они ей очень многого – душевных мук, терзаний, страхов и, наконец, телесного здоровья. Здесь вполне уместно припомнить строки Владислава Ходасевича, именно в силу их поэтической точности, а не для украшения: «Так вот и душа незримо / Жжет и разъедает тело». Тело ее было разъедено болезнями до предела, и сама она часто мило шутила, что после всех перенесенных операций в своем плотском естестве вполне оправдывает полученный ею «ангельский», т.е. монашеский чин. Кстати, юмор у нее был отменный, очень чистый и точный, наверное, английский.

Дары Н. Л. прежде всего говорят о неземной реальности райского блаженства, о реальности благой евангельской вести. «Трудно по-настоящему прочитать Евангелие, и не сойти с ума» – один из ее парадоксов. Трудно, практически невозможно жить всерьез по Евангелию. Ей это было понятно очень хорошо. Но именно всерьез по Евангелию она и прожила свою жизнь. Причем с самого детства.

Дары Н. Л., неся «сладость и свет», неизбежно соприкасались с тьмой. Тьмой, угнетавшей советского человека в прошлой политической реальности, тьмой душевной тупости и бытовой наглости, искажающей образ человека во все времена, и, наконец, с тьмой собственно религиозных подмен и извращений, особо нестерпимой в последнее время. От всего этого она действительно страдала, но, страдая, прежде всего, жалела. Жалела конкретных людей, даже тех, кого «нормальному» человеку и жалеть-то как-то странно. «Бедный, бедный такой-то». Имя могло быть самым непредсказуемым. В ее душе был тот уникальный «харизмометр», которым она очень точно распознавала действительное положение

того или иного человека (вне зависимости от его земного ранга), исходя при этом из той точки отсчета, которую можно увидеть только *sub specie aeternitatis*¹.

Жалела она, не слащаво, иногда даже сурово (но очень мило-стиво), многих, кого знала в жизни. А знала она удивительно многих. Порой, шалости ради, можно было в разговоре с ней как бы случайно подпустить чье-то, не относящееся к делу, или вовсе ничего не значащее на первый взгляд, имя. Практически тут же происходила «тонкая настройка». И перед тобой разворачивалась очень личная, глубоко пережитая и прочувствованная история взаимоотношений Н. Л. с этим «случайным» человеком. «Случайных» для нее практически не было, а объем пережитой ею жизни в конкретных людских судьбах просто поражает. Желающие убедиться в этом могут взять в руки ее последнюю прижизненную книгу «Сама жизнь».

Об этой книге уместен особый разговор, но сейчас ограничусь лишь одним предупреждением. Оно таково: для адекватного восприятия ее необходимо слышать ту особую интонацию, которая была в живительной речи Н. Л. Для тех, кто помнит живой образ Н. Л., это не составит особого труда. Для тех, кто не знал ее, все равно стоит это сделать, разыскав хотя бы сохранившиеся записи ее голоса. На помощь может прийти интернет, хотя бы сайт радиостанции «Эхо Москвы», где в архиве программы «Непрошедшее время»² оставлены записи двух последних передач с Н. Л., запечатлевших для нас ее уходящий голос. В этом голосе главное – особая музыка, тихая и чарующая, в которой сплавлены воедино интонация и смысл, и переданы различные оттенки смысла.

Дары Н. Л. в конечном итоге определяли собой всю ее интеллектуальную работу. Похоже, что все, что она делала как переводчик и филолог, было подчинено одному большому замыслу. Противостояние тьме, распознавание зла, порабащающего человека, требовало не столько обличений, сколько противоядия. Таким

¹ «С точки зрения вечности» (пер. с латыни).

² <http://www.echo.msk.ru/programs/time/>

противоядием становились открытые ею для русского читателя «параллельные» миры – мир Честертона, мир Льюиса, мир Вудхауза. Эти миры восстанавливали подлинные смыслы, животворили фантазию и главное – несли дыхание Истины, отчего действительно становилось легче и свободнее дышать, а впрочем, становится легче и свободнее дышать и сейчас, как прежде. Миры эти могут быть не связаны между собой, но именно в жизни Н. Л. они выстроились в своей особой логике и последовательности. Она сама их прекрасно различала и объясняла очень важные и тонкие различия между ними.

Творцам этих миров она отдала по сути свое пресловутое творческое «я» – свою фантазию, свой тонкий дар переводчика, свою необычайно насыщенную внутреннюю жизнь. Наконец, свою собственную жизнь, ее земное время. Благодаря этой жертве они обрели полнокровную «русскую» жизнь: Честертон, Льюис, Вудхауз не чужды нам, поскольку говорят с нами голосом Н. Л. Трауберг.

И, наконец, последнее. Последний дар Н. Л., *last but not least*³. То, о чем обязательно надо сказать, но сказать труднее всего. О молитве. Молилась Н. Л. просто, так, как ее в детстве научила няня. Уже позднее у нее возникло определение, описывающее это состояние: «стоять у станка». «Я у станка», значит, я молюсь. Это жизненно важная операция, она реальна в своей простоте, но очень тяжела, как и всякая работа Господня. Порой в таких состояниях Н. Л. без всяких преувеличений являла собой образ, схожий с неопалимой купиной.

Вот то главное, что хотелось бы сказать сейчас. Потом, возможно, придут другие мысли, поскольку жизнь с Н. Л. Трауберг продолжается. Книга ее жизни всегда была открытой книгой, и в ней, я уверен, будут появляться все новые и новые страницы.

Май 2009 г.

---

³ «Хотя и последний, но не менее важный» (пер. с англ).

Иеромонах Евгений Гейнрихс о.р.

СЛОВО НЕ ИЗРЕЧЕННОЕ

Пресс-секретарь католической архиепархии Божией Матери в Москве. Член Совета священников и Коллегии консультантов при архиепископе Паоло Пеци. Был настоятелем прихода храма св. Екатерины в С.-Петербурге (1992–2002).

Случилось так, что по досадной – хотя и не совсем непредсказуемой – причине, которую здесь называть не стоит, я не смог поделиться своими соображениями с собравшимися на вечер, посвященный памяти Натальи Леонидовны Трауберг. Поскольку то, о чём я собирался сказать, никто из выступавших тогда, к сожалению, не упомянул, считаю необходимым сделать это теперь. Итак..

В течение тридцати, без малого, лет дом Натальи Леонидовны часто и подолгу служил мне гостеприимным пристанищем в моей страннической и бесприютной жизни.

Ещё в большей, пожалуй, степени приютил меня в эти годы мир её мысли. Вот уж где я чувствовал себя неизменно уютно, радостно и вольготно. Тридцать лет – срок совсем немалый, и невозможно оценить то, чем я теперь, по его истечении, обязан этому – удивительно ясному, одухотворённому и вместе с тем непередаваемо изысканному – уму. Несомненно, правы те, кто видит в её уходе потерю – невозполнимую.

Нет нужды в том, чтобы повторять уже сказанное другими. Всё это в большинстве своём справедливо. Хочу отметить лишь то, что в общении с Натальей Леонидовной было особенно ценным для меня.

Итак, во-первых. Стремительно утрачиваемая нашими современниками способность ужасаться злу в осознании его ледящей душу реальности.

Разговоры о зле, как таковом, неизменно вызывали у Натальи Леонидовны неподдельный ужас. Именно – ужас. До дурноты. До физической боли.

Эта способность отзываться на зло страданием очень отличает её от тех, кто самозабвенно борется со злом, посредством нарциссически-упоительного злобствования и злорадства. Посредством глумливого злословия – в тот же ряд. Кто-то из именующих себя христианами служит этому искусству вполне профессионально.

При Наталье же Леонидовне невозможно было упоминать даже те слова, которые европейская культура устойчиво связывает с «исподним миром». Имена, если это имена человеческие, под это табу не попадали, поскольку не дано нам знать конечного судов Божиих, а надежда всё-таки обязывает не предполагать заведомо худшего исхода. «Бог не маленький!».

Может показаться весёлой словесной забавой то, с какой последовательностью Н. Л. избегала произносить эти слова, заменяя их – менее однозначными. Например: «Ну, скажем, очень крупная мышь». Забава, конечно, забавой, но за ней открывалось очень чёткое и выверенное мировосприятие. Брезгливая неприимиримость ко злу в любой его форме. Отказ, в какой либо форме, воспринять его в свой мир.

Например, в форме лжи. Какой бы то ни было. Даже – самой «невинной».

К сожалению, уже совсем мало кто из нас помнит имя «отца лжи». Ещё меньшее число из нас оценивает ложь (повторюсь – любую) как самый прямой и непосредственный способ действия «во образ врага Божия (т.е. – того же отца лжи)».

Наталья Леонидовна не забывала – уверен – об этом никогда. Это памятование и обеспечивало её в немало степени непоколебимой нравственной основой бытия.

Ещё благоговела она перед образом Божиим – тем единственным, что позволяет человеку именоваться человеком. Существом богосοοбразным!

Правда, будучи человеком – очень большого и наблюдательно-го ума, не склонна она была путать Божий образ с налипшей на него (часто – до неразличимости извне) маской притворства, лжи, глупости, наглости... То-сё.

Всё же в её присутствии возможно было только «рассуждать» о человеческой слабости, но никогда – «осуждать», т.е. припечатывать подобием приговора.

Согласитесь, что если к этому отнестись серьезно, то выполнение такого условия, задача – уж не из самых-самых простых.

В какой-то мере и её отношение к внешнему порядку (своеобразно порой понимаемому) говорило немало о той смысловой паре, что может быть различима за ним – «космос-хаос». В этой связи вспоминается очень точное словосочетание, принадлежащее Тимуру Юрьевичу Кибирову, нежная дружба-симпатия с которым связывала Н. Л. в последние месяцы-годы её долгой жизни: «метафизика влажной уборки». Точнее и не скажешь – во всяком случае, если иметь в виду более – житейскую интуицию, чем научную точность.

Думается мне, что сильно грешат против истины те, что, следуя не слишком верной традиции надгробной фальшивости, говорят об её «ангельском характере». Наталья Леонидовна ангелом не была – Господь создал её человеком и наделил удивительно большим, ясным и наблюдательным умом. А к тому ещё – способностью облекать эти наблюдения в точнейшую словесную форму, характеризующую к тому же необычайно твёрдым вкусом. Трудно жить с таким даром в мире десятилетиями культивируемой вполне сознательно серости!

Невольно обидев кого-то, она очень страдала. Нанести обиду сознательно была, пожалуй, вовсе неспособна.

Случилось так, что в последний мучительный год её земного бытия, бывая по служебным делам в Москве даже чаще, чем ежемесячно, я неизменно встречался с Натальей Леонидовной, понимая, что времени остаётся всё меньше. В последний раз, когда я

застал её в сознании, она сказала мне: «Советник, знаете – Вы похожи сейчас на какого-то дирижера». «Кого же из?» – спросил я. «Не знаю!» Конечно, не стоило бы приводить этого пустяшного обмена словами, если бы не та улыбка, которую она дарила мне при этом. Дружба, приязнь, полное приятие, тепло, грусть неизбежного скорого расставания... И это – последнее, в завершение почти тридцати лет дружбы.

А потом – тонкое, благородное, очень красивое, как из слоновой кости резанное и куда-то вовнутрь обращенное лицо в чёрной раме апостольника...

И ещё. Многим знакомы эти маленькие, во множестве окружавшие её, бумажки, испещренные крохотным бисером зелёных буковок – молитвы. Свои и чужие.

Под чтение одной из таких молитв её душа и разлучилась с страдавшей плотью, устремляясь навстречу Тому и тем, кого она любила, не разлучаясь, верю, и с нами – теми, кто до своей поры-времени остался по эту сторону порога Вечности.

Вечная ти память, сестра наша Наталия, и вечный покой.

Май 2009 г.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ НАТАЛЬИ ТРАУБЕРГ 11 МАЯ 2009 Г.

Я хотела бы вспомнить нашу первую встречу, наше знакомство с Натальей Леонидовной, которую я всегда, и вовсе не из фамильярности, звала и зову Наташей. Так она представилась при этой встрече, так оно и осталось на все последующие годы.

Это было году в 1964-ом, не раньше. Я только что переехала в новую однокомнатную квартиру в кооперативном доме на Николоямской улице, которая тогда называлась Ульяновской. Ни у меня, ни у других жильцов моего восьмого этажа не было тогда телефона, приходилось бегать к общему аппарату, установленному на лестничной площадке. В один прекрасный летний день раздался звонок – я стремглав бросилась вниз по лестнице и схватила трубку. Незнакомый голос представился: «Это говорит Наташа Трауберг». Это имя было мне знакомо: от киношников я не раз слышала об ее отце (и, конечно, смотрела его фильмы), а от филологов – о ней самой как о прекрасной переводчице с английского и с испанского.

Наташа рассказала мне странную историю. В те дни она проводила немало времени в Библиотеке Иностранной Литературы, которая тогда еще не переехала в новое здание и помещалась в старом, на улице Разина (значит, шел 1964 год). По тогдашним библиотечным правилам читатели, получая книгу, должны были расписаться на формулярах. Наташа обратила внимание на странную закономерность: ей часто попадались книги, на формулярах которых стояла одна-единственная подпись – Н. Демурова.

Сначала это был Честертон. Я хорошо помню эту книгу: это были “Tales of the Long Bow” (по-русски она называется, кажется, «Охотничьи рассказы»). Очень характерный, чисто честертоновский сборник, где в каждом из рассказов сюжет строился на обыгрывании английской пословицы или идиомы: образное выражение реализовывалось, т.е. трактовалось буквально и вполне

реалистично. Скажем, в одном из рассказов герой клянется: 'I will eat my hat on it!' – и, действительно, чтобы сдержать свое слово, съедает, в конце концов, свою шляпу, – правда, шляпа эта, оказывается, сделана из капусты! А в другом рассказе о персонаже говорят: 'He will never set the Thames on fire' (нечто аналогичное есть и по-русски: «Он порох не выдумает!»). Но честертоновскому персонажу удастся придумать хитроумный ход – и вправду поджечь Темзу! На этой-то книге, рассказала мне Наташа, и стояло на формуляре только мое имя. Потом то же самое случилось с Вудхаузом, с К. С. Льюисом, и, кажется, еще с кем-то... (Я называю этих трех авторов, потому что впоследствии Наташа опубликовала превосходные переводы их книг, сделав, как теперь говорят, их «фактом русской литературы»). Перечислив эти имена, Наташа сказала, что она поняла, что нам надо познакомиться. Естественно, я тут же пригласила ее в гости.

Она пришла через несколько дней. Снова ярко светило солнце, помню, что в руках у нее была бутылка болгарского вина – тогда продавали большие оплетенные бутылки «Гамзы», очень популярные. В холодильнике нашлась какая-то скромная еда, и мы провели совершенно упоительный день, говоря о книгах и о многом другом.

Красоту Наташи я оценила позже. Тогда я воспринимала ее, как само собой разумеющуюся, – в молодости это часто бывает. Но вот ее обращение со словом произвело на меня сильное впечатление. Она говорила очень просто, так, будто мы с ней давно знакомы. И в то же время это был язык, который не так-то часто случалось услышать в те годы. Такой язык мы слышали у эмигрантов первой волны, вернувшихся в Россию. Некоторые из них по возвращении были сосланы или попали в лагеря, другие избежали этой страшной судьбы. Все они, и петербуржцы, и москвичи, и уроженцы других городов сохранили старый, замечательный русский язык. У Наташи он звучал очень естественно, просто и как-то удивительно к месту; частенько звучала еще и улыбка.

Позже, когда я читала Наташины переводы, я всегда узнавала ее интонацию, ее голос. Вероятно, потому, что она переводила авторов, которых любила.

После этой первой встречи мы довольно часто встречались, пока она не уехала в Литву. Встречались мы и в Вильнюсе, когда я приезжала туда погостить у друзей. Как-то летом она пригласила нас на Куршскую косу, где она жила с детьми в небольшой рыбацкой деревеньке. Отправились большой компанией – Алик Штромас, Ирэна Вейсайте, Томас Венцлова, я, еще кто-то... Гуляли вдоль моря по косе, спорили, читали стихи, коптили угрей, а потом ели их с печеной на костре картошкой. Наташа была в центре всего.

Спустя какое-то время была у меня с ней «заочная» встреча, которая запала мне в память. В 1967 году я подписала с болгарским издательством договор о переводе двух сказок Льюиса Кэрролла об Алисе. Эта книга должна была выйти в Болгарии по-русски, но русского редактора у них не было. Издательство потребовало, чтобы на эту роль был найден известный русский переводчик. Это было неременным условием, и сделать это надо было срочно. Задача не из простых, тем более что дело происходило летом и все уже давно разъехались на отдых. Я была в полной растерянности. Тут мне пришло в голову: может быть, Наташа...? Она была в Вильнюсе, но все же я позвонила ей – и она тут же согласилась.

Я рассказываю об этом потому, что это очень характерно для ее отношения к людям, к работе: без долгих слов она приходила на помощь. Все происходило в фантастическом темпе – надо было уложиться в срок. Я переводила главу, печатала на своей старенькой машинке и посылала ей. Она читала, порой делала карандашом пометки на полях, и отсылала назад. Почта в те дни работала на удивление четко. На третий – много, четвертый – день авиписьмо доходило до адресата!

Надо сказать, что Наташа отнеслась с большим вниманием и тактом к тому, что я задумала осуществить в этом переводе. Она

не предлагала свое прочтение. Она с готовностью и радостью приняла и одобрила мой замысел – стратегию коллеги, придуманную для перевода этих двух сказок, считавшихся непереводаемыми. Мне даже не пришлось ничего ей объяснять. Она с полуслова все поняла и приняла. Конечно, порой она что-то предлагала, конечно, иногда, когда я писала на полях варианты, она выбирала тот, который ей нравился больше, но в основном, как я теперь понимаю, она видела свою задачу в том, чтобы поддержать, подбодрить. И я запомнила это как щедрый жест понимания и дружества.

В заключение хочу сказать несколько слов о той отдаче, которую имела духовно-просветительская деятельность Наташи. О самой этой работе, – в печати, на радио, в устных выступлениях на конференциях, семинарах и пр. – работе, в которую вкладывалось столько души, самоотверженности и труда, – уже говорили и будут говорить другие выступающие, я же расскажу об одном эпизоде, который пришел мне на память.

Одно время ко мне ходила девушка из Казахстана, которой надо было подработать. Однажды она пришла с братом, приехавшим навестить ее на несколько дней. Я предложила ему посмотреть книги на полках, пока он ждал сестру. Не помню кто – то ли он, то ли я, – вынули небольшую книжку в бумажном переплете: это была книга К. С. Льюиса «О страдании». Юноша заинтересовался, и я предложила ему посмотреть ее, пока мы накроем на стол. Может быть, она покажется ему трудной, может быть, надо будет что-то объяснить... Он погрузился в книгу, и я увидела, что для него она очень важна, хотя, конечно, он был мало подготовлен к такому чтению. Я предложила ему взять эту книгу с собой в Казахстан, что он и сделал. Потом его сестра мне рассказывала, что эта книга не сходит у него со стола. Думаю, Наташа была бы очень рада, если б узнала об этом.

Нина Демурова

* * *

Я работаю в музее¹ и по долгу службы бываю у своих коллег в одном отдаленном музее. Я знала, что у одной из сотрудниц последние несколько лет тяжело болел отец мужа. Он умер 30-го марта (а Наталья Леонидовна – 1 апреля). Это был инвалид войны, 1925-го года рождения. Сообщая мне о его кончине, коллега сказала: «Мы похоронили дедушку. Он был очень старенький!» Она говорила о нем, как о хорошем человеке, полнокровная жизнь которого закончилась довольно давно. И я подумала: как удивительно! Ведь, собственно говоря, он – сверстник Натали. Это те самые солдаты, вернувшиеся с фронта в ленинградский университет, куда Натали поступила в 1944-ом году. И как удивительна Натали: уж точно, она – человек на все времена. Она решала духовные задачи сменявшихся эпох, никогда не теряя при этом глубины духа и высоты ума, решала для себя и помогала другим. Эта ее способность была поразительной.

Когда-то Анна Андреевна Ахматова написала о своей подруге-балерине: «Ты в Россию пришла ниоткуда, О мое белокурое чудо, Коломбина десятых годов!». Поколение 1900–1910–х годов радикально решало культурные задачи, стоявшие перед ними. При этом почти все участники культурных свершений, пришли из плодотворной тогда России, хотя и считали что «пришли ниоткуда».

На долю Натали выпала казавшаяся нескончаемой цепь ужасающих превращений социализма. Но с самого рождения она сохраняла реальную связь со старой Россией. Хрупкие биографические стебли, тянувшиеся из старой России и из христианской культуры (няня, бабушка), Натали развила в себе самым удивительным образом. Она была тем человеком, который в советскую эпоху, когда жизни не было, в сосущей и страшной пустоте, создавала и поддерживала подлинную жизнь. Она собирала ее про-

---

¹ Музей-усадьба Ф. И. Тютчева в Мураново. (Прим. ред.)

явления отовсюду: из биографических связей со старой Россией, с современной католической Литвой, а также из уникальной суммы знаний.

Натали долгое время оставалась в Москве среди тех немногих людей, которые обладали суммой знаний, жизненно необходимой для окружающих. Когда она вернулась из Литвы, присоединив к своей безграничной университетской и переводческой эрудиции еще и знание католического богословия, то в Москве, наверное, только Сергей Сергеевич Аверинцев мог быть ее равноправным и равносущным собеседником. Свои знания она отдавала всем, и отдавала широко.

Натали жила в квартире своего отца, Леонида Захаровича Трауберга, на Страстном бульваре. Напротив, в Большом Гнездиновском переулке, жила Татьяна Даниловна Эрастова с семьей детьми. И вот там, среди бесчисленных детей, приходящих и уходящих гостей, многодетных мам (которые своей многодетностью противостояли советским устоям жизни), среди примкнувших к ним маргиналов, Натали, приехавшая из Вильнюса, устроила курс изучения богословия святого Фомы Аквината. Для публики, менее всего напоминавшей аудиторию университетского типа, это был пир ума. Это не было пустой умозрительной игрой, а было тем, что шло прямо в кровь, потому что тогда, в пустоте советской жизни, надо было самому найти почву, на которой можно было бы стоять, самому создать воздух, которым можно было бы дышать. Натали делала и то и другое, в любом кругу, не жалея времени и сил, не останавливаясь из-за серьезности, а иногда и трагичности своих внутренних поисков.

Я увидела Наталью Леонидовну впервые в 1968 году, 1 мая, у отца Александра Меня, куда она приехала вместе с Пиамой Павловной Гайдено и ее мужем Юрием Николаевичем Давыдовым. Она была прекрасна и я подумала: «Неужели такое на свете бывает?» Это был печальный ангел. Всю жизнь она оставалась такой. Она блистала неземной красотой вплоть до последней встречи с нею в хосписе этой весной.

Натали – человек на все времена. Она всегда сохраняла серьезность духовного поиска и жажду предстояния перед Богом. То, что в последние годы она оказалась старше всего ее окружения, давало ей одно преимущество: у нее был исторический опыт преодоления сатанинских испытаний и искушений XX века. Она могла решать каждую новую историческую задачу, включая ум, чувства и сердце так, чтобы оставаться христианином в любую эпоху.

Светлана Долгополова

СОДЕРЖАНИЕ

Пути добра и зла	5
------------------------	---

ПАМЯТИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II

Биография	9
-----------------	---

Протоиерей АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

Слово на панихиде по патриарху Алексию II – 05.12.2008	23
---	----

ЗЛО В МИРЕ

ГРИГОРИЙ ГУТНЕР

Два облика зла: отчуждение и тотальность	33
--	----

ВЛАДИМИР ФРЕНКЕЛЬ

Бог и зло в современном мире	48
------------------------------------	----

Протоиерей АЛЕКСАНДР МЕНЬ

Тайна зла	60
-----------------	----

Брат ФРАНСУА из Тэзе

Единство жизни и смерти брата Роже (Пер. с французского)	68
---	----

ОЛЬГА БУХИНА

Смертию смерть поправ: смерть в детской книжке	73
--	----

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Священник ВЛАДИМИР ЛАПШИН

Проповедь в Великую Пятницу 17.04.2009	85
--	----

Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ**ПАМЯТИ ВИФЛЕЕМСКИХ МЛАДЕНЦЕВ**

Проповедь 11 января 2002 г. 88

Проповедь 13 января 2002 г. 90

Священник ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ

Следование за Христом.

(Беседа на встрече с приходом 05.10.1998) 94

Протоиерей АЛЕКСАНДР ШМЕМАН**ПАСХАЛЬНЫЕ ПРОПОВЕДИ**

Пасхальная радость после Крестных страданий 104

Ныне вся исполнишися света – небо и земля 107

Пасха – чудо явления реальности Духа 110

Пасхальный зов к Любви 113

Архиепископ Пражский СЕРГИЙ (КОРОЛЕВ)

Жажда добра 116

Значение и сила слова 117

Небесный свет 120

Борьба с грехом 122

Подвиг общения 126

Поиски счастья 132

ДУХОВНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ЗЛУ.**XX ВЕК****МАРИЯ ВЕЛИКАНОВА**

«Я верю в Бога и верю в человека» –

Путь Этти Хиллесум (1914–1943) 141

ЭТТИ ХИЛЛЕСУМ

Фрагменты из дневника (Пер. с французского) 147

Письма из Вестерборка (Пер. с французского) 176

МАИТИ ГИРТАННЕР

- Фрагменты из книги «И у палачей есть душа»
(Пер. с французского).....193

Протодьякон ВАСИЛИЙ МАРУЩАК

- Противостояние злу и исцеление:
святитель Лука (Войно-Ясенецкий) 201

БИБЛЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ДОБРО И ЗЛО**АНДРЕЙ ДЕСНИЦКИЙ**

- Не противься злему 225

Священник ФИЛИПП ПАРФЕНОВ

- Непротивление или сопротивление?.....231

Священник АНТОНИЙ ЛАКИРЕВ

- Исайя Вавилонский 238

ПАМЯТИ ОЛИВЬЕ КЛЕМАНА

- Биография.....321

АНДРЕА РИККАРДИ

- Слово на отпевании (Пер. с итальянского)..... 324

Брат АЛОИС из Тэзе

- Слово на отпевании (Пер. с французского) 326

ЭНЦО БЬЯНКИ

- Оливье Клеман: «Я хочу до конца исповедовать свою
любовь...» (Пер. с итальянского) 329

Священник ВЛАДИМИР ЗЕЛИНСКИЙ

Беседа с Оливье Клеманом 331

ПАМЯТИ НАТАЛЬИ ТРАУБЕРГ

Биография 361

АНДРЕЙ ДЕСНИЦКИЙ

Просто Наталья Леонидовна 364

АЛЕКСЕЙ ЮДИН

Дар и крест 372

Иеромонах ЕВГЕНИЙ ГЕЙНРИХС

Слово не изреченное 376

НИНА ДЕМУРОВА

Выступление на вечере памяти 380

СВЕТЛАНА ДОЛГОПОЛОВА

Выступление на вечере памяти 384

SOMMAIRE

Les voies du bien et du mal.....	5
----------------------------------	---

IN MEMORIAM PATRIARCHE ALEXIS II DE MOSCOU

Biographie.....	9
-----------------	---

Archiprêtre **ALEXANDRE BORISSOV**

Homélie lors de la pannikhide en mémoire du patriarche Alexis II le 5 décembre 2008	23
--	----

LE MAL DANS LE MONDE

GRIGORI GUTNER

Deux visages du mal : l'étrangéification et la totalité.....	33
--	----

VLADIMIR FRENKEL

Dieu et le mal dans le monde d'aujourd'hui	48
--	----

Archiprêtre **ALEXANDRE MEN**

Le mystère du mal	60
-------------------------	----

Frère **FRANCOIS** de Taizé

L'unité de la vie et de la mort du frère Roger (traduit du français).....	68
--	----

OLGA BOUKHINA

Par la mort Il a vaincu la mort: la mort dans un livre d'enfant.....	73
---	----

PAROLE DE PASTEUR

Prêtre **VLADIMIR LAPCHINE**

Sermon pour le Vendredi Saint 17.04.2009 85

Prêtre **GEORGES TCHISTIAKOV**

En mémoire des saints innocents de Bethléem. Homélie 88

Prêtre **GEORGES TCHISTIAKOV**

Suivre le Christ (Entretien lors d'une rencontre paroissiale
le 5 octobre 1998) 94

Archiprêtre **ALEXANDRE SCHMEMAN**

HOMELIES

La joie pascale qui succède à la Passion 104

Aujourd'hui tout est inondé de lumière :

le ciel, la terre et l'enfer 107

Pâques – miracle de la manifestation de la réalité de l'Esprit 110

Pâques : l'appel de l'Amour 113

Archevêque de Prague **SERGE (KOROLIOV)**

La soif du bien 116

Le sens et la force du plomb 117

La lumière céleste 120

La lutte contre le péché 122

L'exploit de communiquer 126

A la recherche du bonheur 132

L'ESPRIT EN LUTTE CONTRE LE MAL AU XXe SIECLE

MARIA VELIKANOVA

«Je crois en Dieu et je crois en l'homme» –

Le parcours d'Etty Hillesum (1914-1943) 141

ETTY HILLESUM

Pages de son journal intime (traduit du français)	147
Lettres de Westerbork (traduit du français)	176

MAÏTI GIRTANNER

extraits de son livre :

Même les bourreaux ont une âme (traduit du français)	193
--	-----

Protodiacre VASSILI MAROUGHTCHAK

Lutte contre le mal et guérison :

Saint archevêque Luc (Wojno-Jasieniecki)	201
--	-----

UN REGARD BIBLIQUE SUR LE BIEN ET LE MAL**ANDREI DESNITSKY**

Ne t'oppose pas à l'homme méchant	225
---	-----

Prêtre PHILIPPE PARFIONOV

Non-résistance ou résistance?	231
-------------------------------------	-----

Prêtre ANTOINE LAKIREV

Isaïe de Babylone	238
-------------------------	-----

A LA MEMOIRE D'OLIVIER CLEMENT

Biographie	321
------------------	-----

ANDREA RICCARDI

Allocution après l'office des funérailles

(traduit de l'italien)	324
------------------------------	-----

Frère ALOIS de Taizé

Allocution après l'office des funérailles

(traduit du français)	326
-----------------------------	-----

ENZO BIANCHI

- Olivier Clément: «Je veux jusqu'à la fin confesser mon amour...»
(traduit de l'italien)..... 329

Prêtre VLADIMIR ZIELINSKY

- Entretien avec Olivier Clément.....331

A LA MEMOIRE DE NATALIA TRAUBERG

- Biographie.....361

ANDREI DESNITSKY

- Natalia Léonidovna, tout simplement..... 364

ALEXEI YODINE

- Le don et la croix..... 372

Prêtre EUGENI HEINRICHS

- Paroles non prononcées.....376

NINA DEMUROVA

- Intervention lors d'une soirée à la mémoire
de Natalia Trauberg 380

SVETLANA DOLGPOLOVA

- Intervention lors d'une soirée à la mémoire
de Natalia Trauberg 384

CONTENT

The ways of good and evil.....	5
--------------------------------	---

IN MEMORIAM HIS HOLINESS PATRIARCH ALEXY II

Biography.....	9
----------------	---

Archpriest **ALEKSANDER BORISOV**

A Sermon on the Funeral service for Patriarch Alexy II on the 05.12.2008.....	23
--	----

EVIL IN THE WORLD

GRIGORY GUTNER

Two Images of Evil: Alienation and Totality.....	33
--	----

VLADIMIR FRENKEL

God and Evil in the Modern World	48
--	----

Archpriest **ALEKSANDER MEN**

The Mystery of Evil.....	60
--------------------------	----

Brother **FRANÇOIS** from Taizé

The Unity of Life and Death of Brother Roger (Trans. from French).....	68
---	----

OLGA BUKHINA

Trampling down Death by Death: Death in a Book for Children	73
--	----

PASTOR'S WORD

Priest **VLADIMIR LAPSHIN**

A Sermon on the Great Friday 17.04.2009 85

Priest **GEORGY CHISTYAKOV**

Remembering the Infants of Bethlehem. Sermons..... 88

Priest **GEORGY CHISTYAKOV**

About Following Chris

(A talk at the Parish meeting on the 05.10.1998) 94

Archpriest **ALEKSANDER SHMEMAN**

SERMONS

The Joy of Easter after the Sufferings of the Cross..... 104

All is Now Filled by Light, the Earth and the Heaven Alike 107

Easter as a Miraculous Manifestation of the Spiritual Reality ... 110

The Easter Call of Love 113

Archbishop of Prague **SERGIY (KOROLEV)**

The Thirst for the Good..... 116

The Meaning and the Power of the Word 117

The Heavenly Light 120

Fighting the Sin..... 122

Communication as an Exploit..... 126

The Quest for Happiness 132

REJECTING THE EVIL WITH THE SPIRIT. XXTH CENTURY

MARIA VELIKANOVA

«I Believe in God and I Believe in Man» –

The Way of Etty Hillesum (1914–1943)..... 141

ETTY HILLESUM

Fragments from the Diary (Trans. from French).....	147
Letters from Westerbrok (Trans. from French)	176

MAÏTI GIRTANNER

Fragments from «Hangmen Have Souls as Well» (Trans. from French).....	193
--	-----

Protodeacon VASILY MARUSCHAK

Resisting Evil and Healing: Archbishop Luka (Voino-Yasenetsky)	201
---	-----

EVIL AND GOOD AS SEEN IN THE BIBLE**ANDREI DESNITSKY**

Resist not Evil	225
-----------------------	-----

Priest FILIPP PARFENOV

Resistance or Non-Resistance?	231
-------------------------------------	-----

Priest ANTONY LAKIREV

Isaiah of Babylon	238
-------------------------	-----

IN MEMORIAM OLIVIER CLÉMENT

Biography.....	321
----------------	-----

ANDREA RICCARDI

A Sermon on the Funeral Service (Trans. from Italian).....	324
--	-----

Brother **ALOIS** from Taizé

A Sermon on the Funeral Service (Trans. from French)	326
--	-----

ENZO BIANCHI

- Olivier Clément: «I Want to Profess my Love till the Very End...»
(Trans. from Italian).....329

Priest **VLADIMIR ZELINSKY**

- A Talk with Olivier Clément 331

IN MEMORIAM NATALIA TRAUBERG

- Biography.....361

ANDREI DESNITSKY

- Simply Natalia Leonidovna 364

ALEKSEI YUDIN

- Gift and Cross..... 372

Priest **EVGENY GEINRIKHS**

- Ineffable Word 376

NINA DEMUROVA

- A Speech at the Memorial Evening..... 380

SVETLANA DOLGOPOLOVA

- A Speech at the Memorial Evening..... 384

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Меня (Рига, Латвия)
изданы (1991–2009)**

Альманах «Христианос» – выпуски I – XVIII

Книги:

Протоиерей Александр Мень

«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» – Комментарий протоиерея Александра Меня

«Крестный Путь» Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса

«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»

(«Reliģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге

«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»

(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге

«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин

«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге

«Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского об унынии

Наталия Большакова

«Христианство осуществимо на земле»
(История создания и жизнь монастыря
Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От (Франция))

Священник Владимир Лапшин

«Послания к Коринфянам»
«Послания к Галатам» – Беседы

Священник Владимир Лапшин

«Послания к Фессалоникийцам»
«Послания к Римлянам» – Беседы

Наталия Большакова

«Жизнь и служение епископа
Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Адрес редакции:

Alexander Men' International Charity Society
121 Kr. Valdemara Str., apt. 1
Riga LV 1013
LATVIA

Phone: +371 29147350

E-mail: vasilij@mailbox.riga.lv